Александра Бракен - Серебро в костях

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Оригинальное название: Silver in the Bone
Автор: Александра Бракен / Alexandra Bracken
Серии: Серебро в костях #1 / Silver in the Bone #1
Перевод: nasya29
Редактор: Евгения Волкова

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Аннотация

Мгновенный бестселлер по версии New York Times! От автора, получившего признание критиков за роман «Лора», перед вами захватывающая современная фэнтези-история, вдохновленная кельтскими мифами. Это история о девочке-подростке, которая ищет свою судьбу в проклятых руинах Авалона, движимая любовью, местью и чистым адреналином!

«Наполненный магией, опасностью, романтикой и разбитыми сердцами», — Ли Бардуго, автор бестселлера «Тень и кость».

Тэмсин Ларк родилась без малейшего намека на магические способности, что делает её совсем неравной соперницей могущественным колдуньям и Опустошителям, населяющим магический мир Бостона. Но когда исчезает единственный человек, которого она всегда считала своей семьей, ей не остается ничего другого, кроме как присоединиться к беспощадной гонке за зачарованными реликвиями, чтобы выжить самой и спасти своего брата Кабелла.

Спустя десять лет Тэмсин узнает, что её опекун, возможно, нашёл легендарное кольцо, связанное с именем короля Артура, незадолго до своего исчезновения. Встреча с её давним соперником Эмрисом возрождает надежду, что это кольцо может освободить Кабелла от проклятия, которое угрожает им обоим. Но они не единственные, кто жаждет завладеть этой могущественной реликвией.

По мере распространения слухов, жадные Опустошители начинают кружить вокруг, и многие готовы пойти на убийство, чтобы заполучить кольцо. Хотя Эмрис — последний человек, с которым Тэмсин хотела бы сотрудничать, ей нужна вся возможная помощь, чтобы обойти своих конкурентов в гонке за кольцом. Вместе они погружаются в мир тёмной магии, разоблачая смертельную тайну, способную пробудить призраков прошлого и разрушить последнюю надежду Тэмсин на спасение брата….

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Оглавление

СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД 6
Часть первая — Двойка мечей 14
Глава 1 14
Глава 2 21
Глава 3 28
Глава 4 34
Глава 5 39
Глава 6 46
Глава 7 53
Глава 8 60
Глава 9 68
Глава 10 71
Глава 11 79
Глава 12 83
Глава 13 87
Часть вторая — Пустошь 92
Глава 14 92
Глава 15 101
Глава 16 107
Глава 17 113
Глава 18 119
Глава 19 124
Глава 20 132
Глава 21 136
Глава 22 140
Глава 23 146
Глава 24 159
Глава 25 164
Глава 26 173
Глава 27 179
Глава 28 184
Глава 29 191
Глава 30 197
Глава 31 201
Глава 32 208
Глава 33 212
Глава 34 221
Глава 35 227

Глава 36 231
Часть третья — Кровь и кости 236
Глава 37 236
Глава 38 239
Глава 39 242
Глава 40 248
Глава 41 253
Глава 42 260
Глава 43 263
Глава 44 267
Глава 45 271
Глава 46 273
Глава 47 278
Глава 48 283
Глава 49 290

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Ланкашир, Англия

Первое, чему учишься в ремесле Опустошителя, — никогда не доверяй своим глазам.

Нэш, конечно, имел свой способ выразить это: «Любая магия — это наполовину иллюзия. Другая половина, к сожалению, — это кровавый ужас.»

И всё же в тот момент мне не было страшно. Я была в ярости, как кошка, готовая напасть.

Они снова меня бросили.

Я упёрлась руками в дверной косяк садовой хижины, приблизившись к зачарованному проходу так близко, как только могла, не переступая порог. Опустошители называли эти тёмные туннели «Жилами», потому что они мгновенно переносили тебя из одного места в другое. В данном случае — в хранилище давно умершей колдуньи, где находились её самые ценные сокровища.

Я взглянула на разбитый экран старого телефона Нэша. С тех пор, когда я увидела, как они исчезли в Жиле, прошло сорок восемь минут. Я не смогла догнать их, и если они слышали мои крики, то просто проигнорировали.

Экран телефона мигнул и погас, окончательно разрядившись.

— Эй! — крикнула я, вертя в руках ключ, оставленный в замке — костяной палец колдуньи, обмакнутый в её кровь. — Я не вернусь в лагерь, так что лучше скажите, когда будет безопасно войти! Слышите меня?

Ответом был лишь порыв снежного ветра из прохода. Прекрасно. Колдунья Эдда решила спрятать свои реликвии в месте, которое было холоднее обычной погоды Англии даже зимой.

Тревога закипала внутри меня, заставляя сердце сжиматься, но я знала, что Нэша никогда не пугала опасность. И он скоро поймёт, что меня никто не остановит, уж точно не мой проклятый опекун.

— Кабелл? — Я крикнула громче. Холод обострил слова, оставив белые следы в воздухе. Я вздрогнула, чувствуя, как по телу пробежала дрожь. — Всё ли в порядке? Я всё равно войду, хотите вы этого или нет!

Разумеется, Нэш взял с собой Кабелла. Он полезен ему. Но если меня не было рядом, некому следить, чтобы мой брат не попал в беду, или хуже того — не пострадал.

Солнце пряталось за серебристыми облаками. Позади, на пустующую каменную хижину, как страж, смотрела пустынная равнина. Воздух был тревожно тих — это всегда заставляло меня напрячься. Я задержала дыхание, прислушиваясь. Ни гула машин, ни шума пролетающих самолётов, ни даже пения птиц. Казалось, все, кроме нас, знали, что не стоит приближаться к этому проклятому месту. Лишь Нэш был достаточно глуп и жаден, чтобы рискнуть.

Но через миг снежный вихрь донес до меня голос Кабелла.

— Тэмсин? — Его голос звучал взволнованно. — Осторожней, когда будешь заходить!

Я нырнула в дезориентирующую темноту Жилы. Всё, что было снаружи, не могло сравниться с пронизывающим холодом, который обхватил меня, как нож, режущий кожу, не давая вдохнуть.

Два шага — и круглый проход на другом конце Жилы начал проявляться в темноте. Три — и передо мной вспыхнула стена призрачного света. Голубого, почти как…

Я посмотрела вниз на куски льда, разбросанные у входа, на закрученные символы проклятий, вырезанные на них. Повернувшись, начала искать Кабелла, но чья-то рука схватила меня, останавливая на полпути.

— Я сказал тебе оставаться в лагере. — Лицо Нэша было в тени под фонарём, закреплённым на его голове, но я чувствовала, как гнев исходит от него, словно тепло от кожи. — Нам придётся обсудить это, Тэмсин.

— И что ты собираешься сделать? Запретить мне выходить? — выпалила я, наслаждаясь своей победой.

— Возможно, запретить, ты, малявка, — ответил он. — Никогда не делай ничего, не зная цену.

Свет от его фонаря скользнул по мне, затем устремился вверх. Я последовала за ним взглядом.

Сотни ледяных сосулек свисали с потолка, каждая из них была увенчана острым, как бритва, стальным наконечником, готовым в любой момент обрушиться вниз. Стены, пол, потолок — всё вокруг было изо льда.

Даже в полумраке я заметила Кабелла в его поношенной жёлтой куртке. Облегчение охватило меня, когда я подошла к нему, присев, чтобы помочь собрать неиспользованные кристаллы. Он использовал эти камни, чтобы впитывать магию проклятий, окружающих двери. Когда проклятия нейтрализовались, Нэш принимался разрубать их сигилы топором.

Все Опустошители могли делать что-то подобное, но только с инструментами, купленными у колдуний.

Однако Кабелл стал особенным, даже среди тех, кто обладал необычными способностями. Он был первым Опустошителем за последние столетия — тем, кто мог перенаправлять магию проклятия с одного объекта на другой, освобождая наш путь от заклинаний.

Единственное проклятие, которое Кабелл не мог снять, это его собственное.

— Какое проклятие это было, Тэмсин? — спросил Нэш, указывая стальным носком ботинка на кусок льда, покрытый символами. Увидев мой взгляд, он добавил: — Ты же говорила, что хочешь учиться.

Сигилы были символами, которые колдуньи использовали, чтобы формировать магию и привязывать её к месту или предмету. Нэш придумал дурацкие названия для всех меток проклятий.

— Тень призрака, — ответила я, закатив глаза. — Дух последовал бы за нами в хранилище, преследуя нас и терзая наши тела.

— А это что? — продолжил Нэш, подталкивая другой кусок вырезанного камня ко мне.

— Белые глаза. Тот, кто переступил бы порог, ослеп и блуждал бы по хранилищу, пока не замёрз насмерть.

— Скорее всего, его бы пронзило чем-нибудь до того, как он замёрз, — весело вставил Кабелл, указывая на другой символ. Его бледная кожа порозовела от холода или волнения, и он не замечал ледяных крошек в своих чёрных волосах.

— Верное замечание, — сказал Нэш, и мой брат засиял от гордости.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Стены вокруг нас выдыхали холодный воздух. Нечеловеческая песнь колыхалась сквозь лёд, потрескивая и звеня, как старая ветвь, управляемая ветром. Единственный путь вперёд — узкий проход направо.

Я дрожала, потирая плечи.

— Может, найдём уже твой дурацкий кинжал и уйдём?

Кабелл вытащил из сумки свежие кристаллы для новых проклятий, выстроившихся вдоль коридора. Я следила за каждым его движением, но рука Нэша поймала меня за плечо, когда я попыталась пойти за ним.

— Ты не забыла кое-что? — спросил Нэш с намёком.

Я сердито сдула прядь светлых волос с лица.

— Мне это не нужно.

— А мне не нужны капризы от малявки, но вот мы здесь, — отозвался Нэш, порывшись в моей сумке и доставая свёрток из пурпурного шёлка. Он развернул его и протянул мне Руку Славы.

У меня не было Ясновидения — что Кабелл и Нэш напоминали мне при каждом удобном случае. В отличие от них, я не обладала собственной магией. Рука Славы могла открыть любую дверь, даже запертую магией, но её важнейшая функция, по крайней мере для меня, заключалась в том, чтобы выявлять магию, скрытую от человеческих глаз.

Я ненавидела её. Ненавидела своё отличие — проблему, которую Нэшу приходилось решать.

— Ого, что-то он сегодня не в духе, да? — спросил Нэш, зажигая тёмные фитили каждого из пальцев руки.

— Твоя очередь его мыть, — ответила я. Последнее, чего я хотела, — это ещё один вечер, проведённый за тем, чтобы очищать отрубленную левую руку печально известного убийцы XVIII века, повешенного за то, что уничтожил четыре семьи.

— Просыпайся, Игнасиус, — приказала я. Нэш прикрепил его к канделябру, но держать его от этого легче не стало.

Я повернула Руку Славы ладонью к себе. Ярко-синий глаз, вложенный в её восковую кожу, открылся — и сузился, выражая разочарование.

— Да, — сказала я ему. — Я всё ещё жива.

Глаз закатился.

— Взаимно, ты дерзкий кусок засоленной плоти, — пробормотала я, поправляя застывшие пальцы, пока они не щёлкнули и вернулись на место.

— Добрый день, красавчик, — с чувственной улыбкой протянул Нэш. — Знаешь, Тэмси, немного доброты сделает мир куда приятней.

Я исподлобья посмотрела на него.

— Ты сама хотела пойти, — напомнил он. — В следующий раз подумай о цене, ладно?

Запах горелых волос наполнил мои ноздри. Я переложила Игнатиуса в левую руку, и мир вокруг задрожал, когда его свет пролился по поверхности льда, окутывая всё неземным сиянием. Я резко вдохнула.

Сигилы проклятий были повсюду — на полу, на стенах, на потолке — все они перемешивались и вихрились друг с другом.

Кабелл стоял на коленях у входа на тропу. Капли пота блестели на его лбу, когда он медленно выкладывал кристаллы, перенаправляя в них проклятия.

— Кабеллу нужен перерыв, — сказала я Нэшу.

— Он справится, — ответил тот.

Кабелл кивнул, расправляя плечи:

— Я в порядке. Могу продолжать.

Капля горящей плоти обожгла мой палец. Я зашипела на Игнатиуса, встретив его узкий, злобный взгляд.

— Нет, — твёрдо сказала я. Я не собиралась ставить его рядом с Кабеллом, как он того желал. Во-первых, потому что я не обязана подчиняться командам отрубленной руки, а во-вторых, этого объяснения уже достаточно.

Просто чтобы позлить дерзкую руку, я протянула Игнатиуса к стене справа, всё ближе поднося его раскрытый глаз к застывшей поверхности. И я была недостаточно добродетельна, чтобы испытать чувство вины за то, как его суставы содрогнулись от холода.

Тепло его пламени пробилось сквозь толстый слой инея на стене, и по мере того, как каждая капля воды стекала вниз, передо мной начал вырисовываться тёмный силуэт.

Из моих уст вырвался сдавленный крик. Пятка моего ботинка заскользила по льду, и прежде, чем я поняла, что происходит, я начала падать.

Нэш резко метнулся вперёд, издав хриплый возглас, и схватил меня за руку железной хваткой. Ледяная стена коснулась моей головы.

Моё сердце бешено колотилось, лёгкие судорожно искали следующий вдох, когда Нэш помог мне выпрямиться. Кабелл тут же подбежал ко мне, ухватился за мои плечи, проверяя, не ранена ли я. Я поняла, что он тоже увидел то, что и я, по тому, как его уже и так бледное лицо стало совершенно белым. Пальцы его сжались в ужасе.

Во льду был человек, обезображенный смертью. Под давлением льда его челюсть разорвалась, открывшись неестественно широко, как в последнем безмолвном крике. Пучок белых волос обрамлял обожжённые холодом щёки. Его позвоночник был искривлён в жутких изгибах.

— Ах, Вудроу, я как раз думал, куда он пропал, — вздохнул Нэш, сделав шаг вперёд, чтобы изучить тело. — Бедняга.

Кабелл схватил меня за запястье, разворачивая свет Игнатиуса обратно в сторону тоннеля. Тёмные тени покрывали сверкающий лёд, словно синяки. Мрачная галерея тел.

Я сбилась со счёта на тринадцатом.

Мой брат дрожал, трясся так сильно, что зубы у него застучали. Тёмные глаза встретились с моими. — Их… их так много…

Я обняла его.

— Всё хорошо… всё хорошо…

Но страх уже схватил его в свои когти, запустив проклятие. Тёмная шерсть пробилась вдоль шеи и спины, а кости лица стали с хрустом изменяться, принимая очертания страшного зверя.

— Кабелл, — произнёс Нэш, его голос был тихим и спокойным. — Где был выкован кинжал короля Артура?

— Он… — голос Кабелла прозвучал странно, сквозь удлиняющиеся клыки. — Он был…

— Где, Кабелл? — настойчиво спросил Нэш.

— Что ты… — начала я, но Нэш остановил меня одним взглядом. Лёд вокруг нас завыл. Я крепче сжала Кабелла, чувствуя, как его позвоночник выгибается.

— Он был выкован… — глаза Кабелла сосредоточились на Нэше. — В… Авалоне.

— Верно. Вместе с Экскалибуром. — Нэш опустился перед нами на колени, и тело Кабелла застыло. Шерсть, вырвавшаяся наружу, втянулась обратно, оставив на коже сыпь. — Помнишь ли ты другое название, которое авалонцы дают своему острову?

Лицо Кабелла медленно возвращалось в норму, но от боли он скривился. Однако его взгляд ни на миг не отрывался от Нэша. — Иннис… Иннис Аваллахь.

— С первого раза попал в точку, конечно, — заметил Нэш, поднимаясь на ноги. Он положил по руке на наши плечи. — Ты уже снял большую часть проклятий, мой мальчик. Можешь подождать здесь с Тэмсин, пока я не вернусь.

— Нет, — сказал Кабелл, вытирая глаза рукавом. — Я хочу пойти.

И я не собиралась отпускать его одного.

Нэш кивнул и двинулся по коридору, передав фонарь Кабеллу и направив луч своего налобного фонаря вдоль ряда тел. — Это напоминает мне одну историю…

— А что не напоминает? — пробормотала я. Неужели он не видел, что Кабелл всё ещё был в смятении? Мой брат лишь притворялся смелым, но этого всегда хватало для Нэша.

— В древние времена не в королевстве, утонувшем в веках, правил король Артур, повелитель людей и волшебных существ, — начал Нэш, осторожно обходя кристаллы. Кончиком своего топора он царапал сигилы проклятий по мере того, как проходил мимо. — Но речь пойдёт не о нём, а о волшебном острове Авалон. О месте, где растут яблоки, способные исцелять любые недуги, и жрицы заботятся о тех, кто живёт среди божественных рощ. В своё время даже сестра Артура, Моргана, принадлежала к их ордену. Она была мудрой и справедливой советницей ему несмотря на то, что многие викторианские пройдохи предпочли забыть это.

Он рассказывал нам эту историю уже сотни раз, возле сотен разных костров. Как будто Артур и его рыцари сопровождали нас на каждом нашем задании… но это было приятное знакомство с прошлым.

Я сосредоточилась на звуке его тёплого, низкого голоса, а не на ужасных лицах вокруг. На крови, застывшей ореолами вокруг них.

— Жрицы чтут богиню, что создала саму землю, которой Артур управлял, — одни говорят, что она сделала её из своего собственного сердца.

— Это глупо, — прошептала я, дрогнувшим голосом. Кабелл сжал мою руку своей, с силой.

Нэш фыркнул:— Может, тебе и глупо, девочка, но для них эти истории так же реальны, как ты или я. Остров когда-то был частью нашего мира, где ныне возвышается Гластонбери Тор. Но много веков назад, когда новые верования возобладали, и люди стали бояться и ненавидеть магию, он был оторван и стал одним из Иных земель. Там жрицы, друиды и волшебные существа нашли приют от опасностей смертного мира и жили в мире…

— Пока колдуньи не восстали, — сказал Кабелл, оглянувшись вокруг. Его голос становился всё крепче.

— Пока колдуньи не восстали, — согласился Нэш. — Колдуньи, которых мы знаем сегодня, — потомки тех, кого изгнали с Авалона за то, что они обратились к тёмной магии…

Я сосредоточилась на ощущении руки Кабелла, его пальцы крепко сжимали мои, когда мы прошли мимо последнего тела и шагнули под каменную арку. За ней путь, скользкий от льда, вился вниз, словно змея. Мы снова остановились, когда Кабелл почувствовал — прежде чем увидел — сигилу проклятия, скрытую под ногами.

— Почему ты так отчаянно ищешь этот дурацкий кинжал? — спросила я, обняв себя руками, чтобы согреться.

Нэш потратил последний год на его поиски, пренебрегая оплачиваемыми заказами и более лёгкими находками. В конце концов, я сама нашла зацепку, ведущую к этому хранилищу… хотя Нэш никогда не признавал моего вклада в исследования.

— Ты не думаешь, что нахождение легендарной реликвии — достаточная причина? — ответил он, вытирая покрасневший от холода нос. — Когда чего-то хочешь, надо сражаться за это зубами и когтями, или не бороться вовсе.

— Путь чист, — сказал Кабелл, снова поднимаясь на ноги. — Можно идти дальше.

Нэш двинулся вперёд. — Помните, мои маленькие бесы, что колдунья Эдда была известна своей любовью к хитрости. Всё не будет таким, каким кажется на первый взгляд.

Всего через несколько шагов я поняла, что он имел в виду.

Началось с керосиновой лампы, небрежно оставленной рядом с одним из замёрзших тел, словно охотник просто поставил её, наклонился к ледяной поверхности и был поглощён целиком.

Мы прошли мимо, не обратив внимания.

Затем появилась лестница, которая, казалось, предлагала безопасный спуск на нижний уровень.

Мы использовали верёвки.

А потом, когда температура опустилась до ледяного предела, появилась ослепительно белая меховая шуба. Мягкая, тёплая, как раз та, что рассеянная колдунья могла бы оставить за собой, небрежно бросив её на ящик с соблазнительными банками с едой.

«Возьми меня», — нашёптывали они. «Используй меня».

И заплати кровью.

Свет Игнатиуса открыл правду: лезвия и ржавые гвозди, выстилавшие внутреннюю часть шубы. Пауки, сидевшие в банках. И почти все отсутствующие ступеньки лестницы. Даже лампа была наполнена Удушающей Матерью — ядовитым паром, который сжимает лёгкие, лишая их способности вдыхать, созданным из крови матери, убившей своих детей. Любой, кто открыл бы стекло, чтобы зажечь фитиль, мгновенно бы умер.

Мы прошли мимо всего этого, пока Кабелл перенаправлял тёмную магию проклятий, расставленных между ловушками. И, наконец, после казавшихся бесконечными часов, мы добрались до внутренней комнаты хранилища.

Круглая камера сияла тем же бледным, ледяным светом. В её центре возвышался алтарь, а на бархатной подушке покоился кинжал с рукоятью белой, как кость.

И Нэш, который никогда не испытывал трудностей с подбором слов, теперь молчал. Не счастливый, как я ожидала. Не прыгающий от радости, пока Кабелл снимал последние проклятия, охранявшие реликвию.

— В чём дело? — потребовала я. — Неужели это не тот кинжал?

— Нет, это он, — произнёс Нэш странным тоном. Кабелл отступил от алтаря, позволяя Нэшу подойти ближе.

— Ну что ж, — выдохнул он, его рука на мгновение замерла над рукоятью, прежде чем сжать её. — Здравствуй.

— Что теперь? — спросил Кабелл, всматриваясь в кинжал.

Лучший вопрос был бы, кому он собирался его продать. Возможно, впервые за долгое время мы сможем позволить себе приличное жильё и нормальную еду.

— А теперь, — тихо произнёс Нэш, поднимая клинок в сияющий свет, — мы отправимся в Тинтагель и добудем себе настоящий приз.

Мы отправились в Корнуолл на поезде и прибыли как раз в тот момент, когда над утёсами налетел яростный шторм и поглотил тёмные руины замка Тинтагель в своих диких, громовых глубинах. После того как мы, сражаясь с дождём и ветром, поставили палатку, я провалилась в сон. В снах меня ждали замёрзшие тела, но теперь это были не Опустошители, а король Артур и его рыцари.

Нэш стоял перед ними, спиной ко мне, смотря, как поверхность льда колышется, словно вода. Я открыла рот, чтобы заговорить, но не издала ни звука. Даже крика не было, когда он шагнул вперёд, через лёд, будто намереваясь присоединиться к ним.

Я вздрогнула и проснулась с тяжёлым вздохом, дёргаясь и барахтаясь, пытаясь выбраться из спальника. Первый свет, пробивающийся через ткань палатки, окрасил её в тусклый красный цвет.

Этого света было достаточно, чтобы увидеть, что я одна.

Они ушли.

Звон заполнил мои уши, превратив тело в онемевшее состояние, полное покалываний. Пальцы не могли справиться с застёжкой молнии на входе палатки.

Они ушли.

Мне не хватало дыхания. Я знала это. Я знала. Они снова бросили меня.

Я закричала от отчаяния, разорвав застёжку и вывалившись в холодную грязь.

Дождь лил потоком, сбивая мои волосы и замораживая босые ноги, пока я осматривала окрестности. Густой туман клубился вокруг, окутывая холмы и ловя меня в своей ловушке, оставляя одну.

— Кабелл? — закричала я. — Кабелл, где ты?

Я побежала в туман, не чувствуя, как камни, вереск и колючки впивались в мои ноги. Всё, что я ощущала, — это нарастающий крик в груди, обжигающий меня изнутри.

— Кабелл! — закричала я снова. — Нэш!

Моя нога зацепилась за что-то, и я упала, перекатившись по земле, пока не ударилась о камень, и воздух вышибло из меня. Я не могла вдохнуть. Всё болело.

И крик разорвал меня, превратившись во что-то иное.

— Кабелл, — всхлипнула я. Слёзы были горячими несмотря на то, что дождь хлестал мне по лицу.

«Какую пользу ты нам принесёшь?»

— Пожалуйста, — умоляла я, свернувшись калачиком. Море ревело в ответ, разбиваясь о скалистый берег. — Пожалуйста… я могу быть полезной… пожалуйста…

Не оставляйте меня здесь.

— Тэм… син…?

Сначала я подумала, что это мне почудилось.

— Тэмсин? — Его голос был едва слышен, почти утонув в шуме шторма.

Я поднялась, сражаясь с засасывающей грязью и травой, оглядываясь в поисках его.

На миг туман расступился на вершине холма, и я увидела его — бледного, как привидение, с чёрными волосами, прилипшими к черепу, и почти чёрными глазами, потерянными и расфокусированными.

Я поскользнулась, карабкаясь по холму, хватаясь за траву и камни, пока не добралась до него. Я обхватила его руками.

— Ты в порядке? Каб, ты в порядке? Что случилось? Куда ты пропал?

— Он ушёл, — голос Кабелла был тонким, как ниточка. Его кожа была ледяной, губы приобрели синеватый оттенок. — Я проснулся, а его не было. Он оставил свои вещи… Я искал его, но он…

Ушёл.

Но Кабелл был здесь. Я крепче обняла его, чувствуя, как он прижимается ко мне в ответ. Его слёзы смешивались с дождём на моём плече. Я никогда не ненавидела Нэша сильнее за то, что он был именно тем, кем я всегда его считала.

Трус. Вор. Лжец.

— Он же вернётся, да? — прошептал Кабелл, заикаясь от холода. — Может, он просто з-з-забыл сказать, куда пошёл?

Я не хотела лгать Кабеллу, поэтому ничего не сказала.

— Н-н-нам нужно вернуться и подождать… —

Мы будем ждать вечно. Я чувствовала это до самых костей. Нэш, наконец, избавился от своих спутников. Он никогда не вернётся. Единственное утешение было в том, что он не забрал с собой Кабелла.

— Всё в порядке, — прошептала я. — Всё в порядке. Мы есть друг у друга. Мы справимся… всё в порядке…

Нэш говорил, что некоторые заклинания нужно произнести трижды, чтобы они подействовали, но я не была настолько глупа, чтобы верить в это. Я не была героиней из золотых страниц сказок. У меня не было магии.

У меня был только Кабелл.

Тёмная шерсть снова пробивалась через его кожу, и я чувствовала, как кости его позвоночника сдвигаются, угрожая изменить свою форму. Я крепче обняла его. Страх скрутил мой живот. Нэш всегда был тем, кто помогал Кабеллу вернуться к себе, даже когда брат полностью превращался.

Теперь у Кабелла была только я.

Я сглотнула, заслоняя его от дождя и ветра. И тогда начала говорить:

— В древние времена, в забытом королевстве, правил король по имени Артур, владыка людей и волшебного народа…

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Часть первая — Двойка мечей

Глава 1

Каким бы образом люди ни пытались обмануть себя, они не желают знать правду. Им нужно то, что уже живёт в них самих, похороненное глубоко, как костный мозг. Надежда, отражённая на их лицах тонкими, едва уловимыми знаками, которые мало кто умеет прочесть.

К счастью для меня, я умела.

Главный трюк заключался, конечно, в том, чтобы заставить их почувствовать, будто я ничего не заметила. Что я не догадываюсь, кто из них страдает от утраченной любви или отчаянно нуждается в деньгах, а кто хочет избавиться от болезни, которую уже никогда не победить. Всё сводилось к простому желанию, столь предсказуемому и болезненно человеческому: услышать свою мечту, произнесённую кем-то другим — как будто это действительно может помочь ей сбыться.

Магия.

Но желания — это всего лишь напрасные слова, растворяющиеся в воздухе, а магия всегда забирает больше, чем даёт.

Никто не хотел слышать правду, и это устраивало меня. Ложь приносила больше денег; в то время как чистые реалии, как однажды заметила моя начальница Миртл — Мистическая Мастерица Таро, — приносили лишь гневные отзывы в интернете.

Я обняла себя, пытаясь согреться под вязаной шалью Миртл, и взглянула на цифровой таймер справа: 0:30… 0:29… 0:28…

— Я чувствую… да, чувствую, что у вас есть ещё один вопрос, Франклин, — сказала я, прижимая два пальца ко лбу, — тот, ради которого вы действительно сюда пришли.

За моей спиной булькало сияющее устройство для ароматерапии, беспрерывно наполняя комнату потоками пачули и розмарина, бессильными перед запахом жареного кальмара, пробивающимся сквозь старые половицы, и зловонием мусорных баков на заднем дворе. Тёмная, тесная комната сжималась вокруг меня всё сильнее, пока я дышала через рот.

Мистическая Мастерица обосновалась в своём помещении над рынком Зала Фанюиля в Бостоне десятки лет назад, наблюдая за чередой безвкусных рыбных ресторанов, которые открывались и закрывались на первом этаже. Последним из них оказался особенно зловонный «Лобстер Ларри».

— Я имею в виду… — начал мой клиент, оглядывая отслаивающиеся цветочные обои, маленькие статуэтки Будды и Исиды, а затем снова опустив взгляд на разложенные на столе карты. — Ну…

— Ничего? — попробовала я снова. — Как сложатся финальные экзамены? Будущая карьера? Сезон ураганов? Ваше жильё не проклято?

Мой телефон замолчал, завершив плейлист с мелодиями дождя и колокольчиков. Я потянулась к нему, чтобы запустить снова. В наступившей тишине пыльные свечи на батарейках замерцали на полках вокруг нас, скрывая, насколько потрёпанной была комната.

Давай, подумала я, почти отчаявшись.

Прошло шесть долгих часов, в течение которых я слушала записи с песнопениями монахов и бессмысленно перекладывала кристаллы на соседних полках между

несколькими редкими посетителями. Кабелл уже должен был найти ключ, и после того, как я закончу это предсказание, смогу отправиться на свою настоящую работу.

— Я просто не понимаю, что она в нём нашла, — начал было Франклин, но его перебил пронзительный звук таймера.

До того, как я успела что-либо сказать, дверь распахнулась, и внутрь влетела девушка.

— Наконец-то! — воскликнула она, эффектно раздвинув дешёвую занавеску из бусин. — Моя очередь!

Франклин уставился на неё, его выражение мгновенно изменилось, когда он оценил девушку с явным интересом — её энергия, казалось, вибрировала вокруг, делая центром внимания. Тёмно-коричневая кожа была едва заметно покрыта блестящим кремом с ароматом мёда и ванили. Косы заплетены в два высоких пучка, а губы были выкрашены в ярко-фиолетовый.

Быстро оглядев Франклина, она одарила меня лукавой улыбкой. В руках у неё был портативный CD-плеер с мягкими наушниками, реликвии ушедших технологических времён. Как человек, неспособный выбросить что-либо, я с неохотой находила это милым.

Но очарование быстро улетучилось, когда она повернула ремень вокруг своей талии и засунула плеер в розовую поясную сумку с изображениями светящихся в темноте кошек и надписью «Я МЯУ-ГИЧНА».

— Нив, — я старалась не вздыхать. — Я не думала, что у нас сегодня назначена встреча.

Её улыбка была ослепительной, когда она прочла надпись на двери: «ПРИНИМАЕМ БЕЗ ЗАПИСИ!»

— Я как раз собирался узнать, когда мы с Оливией снова будем вместе, — возразил Франклин.

— Мы должны оставить что-то на следующий раз, правда? — мило ответила я.

Он неуверенно забрал свой рюкзак.

— Ты… ты никому не скажешь, что я приходил, да?

Я указала на табличку у себя за плечом с надписью: «ВСЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫ», а затем на ту, что висела чуть ниже: «МЫ НЕ НЕСЁМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЮБЫЕ РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ НА ОСНОВАНИИ ЭТИХ ПРЕДСКАЗАНИЙ», которую повесили после трёх небольших судебных исков.

— До встречи в следующий раз, — сказала я, помахав ему рукой, которая, надеюсь, выглядела не столь угрожающе, как мне казалось.

Нив опустилась на его место, упершись локтями в стол. Она подперла подбородок ладонью, ожидая с любопытством.

— Ну, — произнесла она. — Как дела, подруга? Какие интересные дела в последнее время? Развеяла ли какое-нибудь зловееееещее проклятие?

Я испуганно взглянула на дверь, но Франклин был уже вне зоны слышимости.

— Какой вопрос ты хотела бы задать картам сегодня? — спросила я, делая акцент на слове карты.

Две недели назад я случайно оставила свои рабочие перчатки — сделанные из кожи, известной как «драконья чешуя», — выглядывать из сумки, и Нив их узнала, сделав неприятное открытие о моей настоящей профессии. Её знание об Опустошителях и магии наводило на мысль, что она, вероятно, одна из Одарённых — общее название для людей с магическими способностями. Хотя я ни разу не видела её в обычных местах их встреч.

Она сунула руку в карман своего мохнатого чёрного пальто и выложила на стол смятую двадцатидолларовую банкноту. Хватит на пятнадцать минут.

Я могла вытерпеть ещё пятнадцать минут.

— Твоя жизнь такая интересная, — мечтательно произнесла Нив, будто представляя себя на моём месте. — Я как раз недавно читала про колдунью Хильду. Правда ли, что она затачивала свои зубы, как у кошки? Это же должно быть больно. Как она ела, и не прокусывала себе щёки каждый раз?

Я постаралась не выдать раздражения, когда откинулась на спинку стула и включила таймер. Пятнадцать минут. Всего пятнадцать.

— Твой вопрос? — настойчиво переспросила я, плотнее укутываясь в шаль Миртл.

Быть Опустошителем на 98 процентов состояло из скучных исследований и на 2 процента — из смертельно опасных приключений по вскрытию хранилищ колдуний. Сведение этой профессии к пустым, приукрашенным слухам раздражало меня до глубины души.

Нив потянула за край своей чёрной футболки, искажая изображение розовой грудной клетки, что было на ней. Её джинсы были порваны в нескольких местах, обнажая фиолетовые колготки под ними.

— Не слишком ты разговорчива, Тэмсин Ларк, — сказала она. — Ладно, хорошо. У меня тот же вопрос, что всегда: найду ли я то, что ищу?

Я уставилась на карты, мешая их и сосредотачиваясь на том, как они перелетают между моими пальцами, а не на её пристальном взгляде. При всей её бодрости и озорстве в словах, глаза у неё были тёмными, как глубокие омуты, всегда манившими в свои пучины, в которых переливались золотые искры. Они напоминали мне кристаллы тигрового глаза моего брата, и я задумывалась, связаны ли они с её магическим даром — хотя я никогда не проявляла интереса, чтобы спросить.

После семи тасований я начала вытягивать первую карту, но её рука остановила мою.

— Можно мне выбрать сегодня? — спросила она.

— Ну… если хочешь, — ответила я, разложив карты лицом вниз веером на столе. — Выбирай три.

Она не торопилась с выбором, тихо напевая незнакомую мелодию.

— Как думаешь, что люди сделают, если узнают о колдуньях?

— То же, что всегда делают, когда подозревают ведьм, — сухо ответила я.

— Дело вот в чём. — Нив медленно водила пальцами над картами. — Мне кажется, они бы попытались использовать их силу в своих интересах. Колдуньи же могут предсказывать будущее точнее, чем карты Таро, да? И искать вещи…

И накладывать смертельные проклятия, подумала я, взглянув на таймер. Во мне шевельнулось подозрение, что все её визиты могут быть хитростью, чтобы оценить меня для возможной работы по поиску артефакта. Большая часть работы, которой занимались мы с Кабеллом, заключалась в поиске утерянных или украденных фамильных реликвий на заказ.

Нив разложила две строки по три карты на столе и кивнула, явно довольная собой.

— Мне нужна только одна строка, — возразила я, но остановилась. Это не имело значения. Всё что угодно, лишь бы убить последние десять минут. Я собрала оставшиеся карты в аккуратную стопку. — Можешь переворачивать.

Нив перевернула карты в нижнем ряду: «Колесо Фортуны» в перевёрнутом положении, «Пятёрка жезлов» и «Тройка мечей». Её лицо скривилось в досаде.

— Я интерпретирую три позиции как ситуация, действие и результат, — объяснила я, хотя подозревала, что она это и так знала. — Здесь перевёрнутое «Колесо Фортуны» говорит, что ты попала в ситуацию, которая вне твоего контроля, и тебе придётся приложить больше усилий, чтобы продолжить поиски. «Пятёрка жезлов» советует не торопиться и не бросаться в гущу событий, если это не обязательно. А результат, согласно «Тройке мечей», скорее всего, разочарование, так что, думаю, ты не найдёшь то, что ищешь, хотя это не твоя вина.

Я перевернула колоду в руке.

— Нижняя карта, корень ситуации — «Паж жезлов» в перевёрнутом положении.

Я чуть не рассмеялась. Это была карта, которая всегда появлялась в её раскладах, символизируя нетерпение и наивность. Если бы я действительно верила во всё это, было бы ясно, что вселенная пытается послать ей сигнал.

— Ну, это просто мнение карт, — сказала Нив. — Это не значит, что это правда. И потом, жизнь была бы вдвое скучнее, если бы мы не могли доказать, что другие ошибаются.

— Верно, — согласилась я. Вопрос крутился у меня на языке: что именно ты ищешь?

— А теперь давай сделаем расклад для тебя, — с энтузиазмом предложила Нив, переворачивая второй ряд карт. — Посмотрим, что ответят на твои вопросы.

— Нет, правда, не нужно, — начала я, но она уже переворачивала карты: «Шут», «Башня» и «Семёрка мечей».

— Ооо, — протянула она с преувеличенной интонацией, взяв мои руки в свои. — Непредвиденное событие освободит тебя и даст возможность исследовать новый путь, но остерегайся человека, который хочет тебя предать! Что за вопрос у тебя был на уме, а?

— Никаких вопросов, — ответила я, вырвав руки из её хватки. — Разве что, что я буду есть на ужин.

Нив рассмеялась, отодвигая стул. Я посмотрела на таймер.

— У тебя ещё пять минут, — сказала я.

— Всё в порядке, я получила, что хотела, — ответила она, доставая свой плеер из кошмарной поясной сумки и надевая наушники на шею. — Эй, что ты делаешь завтра вечером?

Деньги есть деньги. Вздохнув, я потянулась за кожаным блокнотом рядом.

— Я могу записать тебя на приём. Во сколько?

— Нет, я имела в виду, чтобы мы потусили. — Увидев моё замешательство, Нив добавила: — Потусить — это выражение, которым обычно предлагают людям сходить вместе поесть, посмотреть фильм или просто приятно провести время.

Я застыла. Может, я совсем не так поняла её. Мои слова прозвучали неловко и топорно, когда я наконец выдавила их:

— Ох… извини… я не интересуюсь девушками.

Смех Нив был подобен перезвону колокольчиков.

— Не хочу тебя обижать, но ты не в моём вкусе. Я имела в виду как друзья.

Мои руки сжались под бархатной скатертью.

— Мне нельзя дружить с клиентами.

Её улыбка погасла на мгновение, и я поняла, что она уловила мою ложь.

— Ладно, без проблем, — ответила она тихо.

Нив натянула старые поролоновые наушники на уши, направляясь к выходу. Музыка просачивалась наружу, несмотря на наушники: басы и искажённые звуки

меланхоличных гитар заполнили комнату, а космический женский голос, поддерживаемый дрожащими барабанами, заставил меня почувствовать тревогу.

— Что за адскую музыку ты слушаешь? — спросила я, не успев остановить себя.

— Cocteau Twins, — ответила Нив, приподнимая наушники. Её глаза вспыхнули от восторга. — Ты о них слышала? Они невероятны — каждая песня как сон.

— Если бы они были настолько невероятны, я бы уже о них слышала, — сказала я. — Тебе лучше сделать потише, иначе оглохнешь.

Она проигнорировала меня.

— Их песни — это как отдельные миры, — продолжила Нив, обматывая провод наушников вокруг громоздкого устройства. — Я знаю, это кажется глупым, но, когда я их слушаю, всё остальное отступает. Ничего не имеет значения. Ты чувствуешь только музыку. Извини, тебе, наверное, неинтересно.

Мне и правда не было интересно, но всё равно я почувствовала укол вины. Нив как раз направилась к двери, когда Кабелл её открыл. Он моргнул, увидев девушку, а она быстро прошмыгнула мимо.

— Пока! — крикнула Нив, поспешно сбегая по лестнице. — До встречи, провидица!

— Ещё один довольный клиент? — мой брат задержался на пороге, подняв брови и проводя рукой по своим чёрным волосам, доходящим до плеч.

— Конечно, — бросила я, скидывая шаль Миртл. Заправив спутанные волосы в хвост, я начала собирать карты в аккуратную стопку, чтобы убрать их в бархатный мешочек. Однако замерла, увидев, что оказалось наверху колоды.

Я никогда не любила карту Луны. Это чувство нельзя было объяснить, и именно это делало её ещё более неприятной для меня. Каждый раз, когда я смотрела на неё, это было похоже на попытку вытянуть на поверхность воспоминание, которое тонуло, хотя раньше моя память никогда меня не подводила.

Я поднесла карту ближе, изучая изображение. Невозможно было сказать, спит ли светящаяся лунная фигура или просто размышляет, глядя на длинную дорогу внизу. Вдалеке голубые туманные холмы охранялись двумя каменными башнями — молчаливыми стражами истины, сокрытой за горизонтом.

Волк и пёс, братья в страхе — один дикий, другой прирученный, — выли на сияющую сферу в небе. У их ног рак выползал из пруда на сушу.

Мой взгляд снова вернулся к тёмному псу, и я ощутила, как живот сжался.

— Как прошел день? — спросил Кабелл, вернув моё внимание к себе.

После того как я взяла свою долю дневного заработка и спрятала остальное в сейф, я подняла вверх две стодолларовые купюры.

— Ну что ж, — сказал он с улыбкой, — сегодня ужин за тобой. Жду не дождусь знаменитой башни с морепродуктами в «Лобстере Ларри».

Кабелл был высокий и худой, практически без мускулатуры, но чувствовал себя вполне комфортно в том, что я давно стала называть униформой Опустошителя: свободные коричневые брюки с поясом, на котором висели всевозможные инструменты, включая топорик, кристаллы и флаконы с ядами и антидотами.

Всё это было необходимо, если ты хочешь вычистить хранилище колдуньи, забитое её сокровищами за сотни лет, и при этом остаться в живых.

— Почему бы просто не поесть мусор из бака на заднем дворе? Впечатления будут те же, — сказала я.

— Я так понимаю, ты хочешь заскочить в библиотеку и пообщаться с потенциальными клиентами, прежде чем мы снова закажем пиццу в десятый раз подряд, — ответил он.

— Как продвигается дело с ключом для работы по колдунье Гайе? — спросила я, собираясь уходить. — Нашёл подходящий в библиотеке или пришлось идти к Косторезу?

Чтобы открыть запечатанную Жилу, один из магических путей, которые создавали колдуньи, нам нужно было достать кости и кровь той, кто её создала, или её потомков. Косторез был тем, кто добывал эти материалы.

— Пришлось обратиться к Косторезу, — ответил он, протягивая мне ключ для осмотра. Он выглядел как два костяных пальца, соединённых золотым швом. — Мы готовы открыть гробницу на этих выходных.

— Боже правый, — пробормотала я. — И во сколько это нам обошлось?

— Как всегда, — пожал он плечами. — Услуга за услугу.

— Мы не можем раздавать услуги направо и налево, — сказала я напряжённо, быстро выключая музыку и свечи на батарейках.

— Почему нет? — Он лениво опёрся о дверной косяк.

Эта небольшая плата, этот небрежный тон напомнили мне о Нэше — негодяе, который с неохотой вырастил нас и втянул в свою профессию, а потом бросил на произвол судьбы, когда нам не было и десяти лет.

Кабелл быстро оглядел мою обстановку с картами и свечами.

— Тебе придётся оставить эту жалкую работенку, если хочешь расплачиваться в следующий раз с Косторезом настоящими деньгами.

Мы снова вернулись к моему наименее любимому разговору.

— Эта «жалкая работёнка» приносит нам еду и оплачивает крышу над головой. Ты бы мог попросить побольше смен в тату-салоне.

— Ты же знаешь, что я не это имею в виду, — раздражённо сказал Кабелл. — Если бы мы просто отправились за легендарной реликвией…

— Если бы мы просто нашли единорога, — перебила я. — Если бы мы просто откопали клад пиратов. Если бы мы поймали падающую звезду и положили её в карман…

— Ладно, — сказал Кабелл, улыбка сползла с его лица. — Довольно. Ты сделала свой вывод.

Мы были не такими, как другие Опустошители или как Нэш, которые гнались за призрачными мечтами. Конечно, продажа легендарного артефакта на чёрном рынке могла бы принести тысячи, если не миллионы, но на поиски таких реликвий уходили годы, а их количество становилось всё меньше. Маги других стран уже давно обезопасили свои сокровища, и только в Европе оставались артефакты, которые можно было отыскать. Кроме того, у нас никогда не было достаточно ресурсов для «крупной» находки.

— Настоящие деньги приходят от настоящей работы, — напомнила я ему. Хоть мне это и не нравилось, но работа у «Мистической Мастерицы» была настоящей работой с гибким графиком и достойной оплатой, которая шла в обход налогов. Нам нужна была эта подработка, чтобы дополнить те задания, которые мы брали с доски объявлений гильдии в библиотеке, особенно когда заказов становилось всё меньше, а клиенты скупились на гонорары.

«Мистическая Мастерица» могла быть ловушкой для туристов, построенной на благовониях и чуши с запахом рыбных палочек, но она дала нам то, чего у нас никогда не было раньше: стабильность.

Нэш никогда не записывал нас в школу. Он никогда не подделывал для нас документы, для тех двух сирот, которых он собрал с разных концов света, как ещё два своих глупых трофея. Всё, что у нас было, — это мир Опустошителей и колдуний, неизвестный и невидимый для большинства людей. Мы росли в окружении зависти и жадности, защищённые лишь крышей алчности.

Правда заключалась в том, что Нэш не просто втянул нас в этот мир — он заточил нас в нём.

Мне нравилась жизнь, которую мы для себя выстроили, и небольшая стабильность, которую мы смогли обрести теперь, когда стали старше и могли постоять за себя.

К сожалению, Кабелл хотел того, что когда-то имел Нэш: приключения, слава, ощущение азарта от находок.

Его губы сжались, когда он почесал запястье.

— Нэш всегда говорил…

— Не смей, — предупредила я, — цитировать мне Нэша.

Кабелл вздрогнул, но впервые я не почувствовала вины за свою резкость.

— Почему ты всегда так реагируешь? — спросил он. — Ты не даёшь даже упомянуть его…

— Потому что он не заслуживает тех слов, что тратятся на произнесение его имени, — резко ответила я.

Перекинув кожаную сумку через плечо, я натянула на лицо вымученную улыбку.

— Пошли, проверим доску объявлений в библиотеке, а потом заглянем к колдунье Мадригаль, чтобы отдать ей брошь.

Кабелл передёрнулся при упоминании её имени. Я похлопала его по плечу. Честно говоря, её навязчивое внимание к нему во время консультации встревожило нас обоих ещё до того, как она решила слизнуть каплю пота с его щеки.

Заперев дверь, я последовала за Кабеллом по скрипучей лестнице вниз, на шумные улицы ночного города. Туристы сновали вокруг, весёлые и розовощекие от свежего осеннего воздуха.

Я едва избежала столкновения с несколькими из них, пока они, задирая головы, глазели на здание Куинси-Маркет. Они фотографировались на фоне ресторанов, ели пончики с яблочным сидром, вели по булыжникам коляски со спящими детьми, направляясь к своим отелям.

Это была жизнь, которую я никогда не знала и никогда не узнаю.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 2

Как только мы вошли в здание библиотеки нашей гильдии, эхом раздавшийся смех заставил меня похолодеть, словно стены были из мрамора.

Ничего хорошего не сулили праздники Опустошителей, особенно в такой поздний час, когда проклятия набирали силу, а разум людей затуманивался от выпивки. Теперь я пожалела, что мы не поужинали, прежде чем направиться к Бикон-Хилл, где библиотека занимала незаметный таунхаус.

— Ужасное время, — сказала я.

— Ты, как всегда, умудряешься встречаться с теми, кого меньше всего хочешь видеть, — заметил Кабелл. — Вроде сама библиотека пытается тебе что-то сказать.

— Что мне нужно найти способ украсть их ключи, чтобы они больше сюда не вернулись?

Кабелл покачал головой.

— Когда ты поймёшь, что отталкивание людей может закончиться только тем, что ты останешься совсем одна?

— Ты имеешь в виду мой счастливый конец? — огрызнулась я, убедившись, что плотно закрыла за собой дверь.

Дверь «Все пути» забрали из хранилища могущественной колдуньи более ста лет назад, когда основали нашу гильдию охотников. В отличие от скелетных замков, которые колдуньи использовали, чтобы закрепить один конец магической Жилы и связать его с другим, дверь «Все пути» могла открыть бесконечное количество временных проходов — она могла перенести тебя куда угодно, если ты мог чётко представить это место и обладал копией латунного ключа.

Ключ к членству в гильдии мы унаследовали от Нэша, который получил его после того, как его заявка была с неохотой принята. Его пожертвование — щит Энея — было достаточно ценным артефактом, чтобы другие члены гильдии закрыли глаза на его не слишком безупречную репутацию.

Проблема с дверью «Все пути» заключалась в том, что библиотека становилась обязательной остановкой, независимо от того, куда ты направлялся. Мы могли дойти до библиотеки пешком и дождаться, пока Библиотекарь заметит нас и откроет скрытую дверь, но проще было использовать дверь «Все пути», как это делало большинство членов гильдии. Нужно просто вставить ключ в ближайший замок, и через секунды ты оказывался на месте. Мы чаще всего использовали замок в шкафу для белья в нашей квартире в Северном Энде. Оказавшись в библиотеке, мы могли снова использовать ключ для выхода через ту же дверь, чтобы попасть в нужное место.

Мы должны будем пройти через это место снова на обратном пути, и мой желудок сжался при мысли, что мне придётся ещё раз увидеть этих людей.

Лицо Кабелла немного расслабилось, когда он откинулся назад, оглядывая длинный, полированный коридор, ведущий к центральному залу библиотеки. Тёплое сияние свечей было словно приглашение, заставляя белые вкрапления на каменном полу мерцать, как звёздная дорожка.

— Сегодня не пятница, да? — спросила я. Пятничные встречи Опустошителей посвящены выпивке и хвастовству о реликвиях, которые они нашли, и хранилищах, которые им удалось открыть. Любая надежда, что мы сможем быстро поздороваться с Библиотекарем и уйти, ускользала, как песок сквозь пальцы.

— Вторник. Но, похоже, Эндимион Дай и его команда вернулись из своей экспедиции, — заметил Кабелл.

Проклиная своё любопытство, я украдкой взглянула вниз по коридору. Конечно же, Эндимион Дай стоял у одного из столов, окружённый членами гильдии, которые хлопотали ему, пытаясь высказать хоть одно слово похвалы. Его невероятные белые волосы каждый раз заставляли меня удивляться, хотя я видела их уже множество раз. Это был «прощальный подарок» одного из проклятий колдуньи, наложенного на него три года назад.

Мои челюсти сжались. В Эндимионе было что-то тревожное, что выходило за рамки его огромного богатства, статуса основателя гильдии или даже пронизывающих серых глаз, которые, казалось, смотрели сквозь тебя. У него был непроницаемый вид, как будто никто из нас не заслуживал чести знать его истинные чувства или намерения.

Даже Нэш, человек, который мог улыбаться в самой гуще хаоса, всегда обходил Эндимиона стороной. *Этот парень занят какой-то тёмной хренью, Тэмси*, сказал он однажды, когда мы проходили мимо Эндимиона по пути на одно из единственных собраний гильдии, которое Нэш соизволил посетить. *Держись от него подальше, слышишь?*

В те редкие моменты, когда я видела Эндимиона, он всегда казался настолько собранным, что теперь было странно видеть его покрытым пылью и грязью после экспедиции.

И всё же он не настолько раздражал, как его сын, Эмрис Младший Дай, когда не проматывал своё наследство, которого не заслуживал ни один семнадцатилетний, или не хвастался очередной реликвией, найденной им и его отцом; парень, казалось, существовал только для того, чтобы испытывать пределы моего терпения.

— Ты не видишь здесь Маленького Наследника? — спросила я.

Кабелл снова взглянул в коридор.

— Нет. Странно.

— Что странного? — переспросила я.

— Странно, что отец не взял его с собой, — сказал Кабелл. — Хотя я не видел его в библиотеке уже несколько недель. Может, он поступил в новую элитную школу?

— Я могу только надеяться, — пробормотала я. В любом случае, не было ни малейшего шанса, что Эмрис бросит охоту за реликвиями, пусть даже на время.

Эндимион, казалось, игнорировал болтовню охотников за артефактами, его взгляд скрывался отблесками огня, отражающегося в его тонких очках.

Кабелл положил мне руку на голову и сказал:

— Подожди здесь. Я возьму задания с доски объявлений, чтобы тебе не пришлось с ними сталкиваться.

Я потянулась к сумке с припасами, которую Кабелл нес на плече, и почувствовала, как напряжение покинуло моё тело.

— Спасибо. У меня закончились остроумные ответы на сегодня.

Я прислонилась к холодной каменной стене, слушая, как остальные охотники с энтузиазмом приветствовали Кабелла, как блудного сына. После того как они пересилили его облик «татуированного одинокого волка», они приняли Кабелла в свой круг. Его глубокий смех и умение рассказывать увлекательные истории, которому он научился у Нэша, почти перекрывали неудачную связь с нашей семьёй Ларк.

Но каждый раз, когда он уходил на очередное собрание или встречу за выпивкой с ними, я с трудом удерживалась от того, чтобы не напомнить ему, что за его спиной они всё ещё называли нас *воришками* Ларк.

Меня бы это оскорбило, если бы их оскорбление было хоть немного умным.

Они не уважали его, и уж точно не заботились о том, выживет он или умрёт. Никогда не заботились. Когда мы с ним нуждались в их помощи в детстве, от так называемого единства гильдии не осталось и следа.

Это был первый урок, который преподал мне Нэш — в жизни люди заботятся только о себе, и чтобы выжить, ты должен делать то же самое. По крайней мере, колдуньи были честны в этом и не притворялись, будто заботятся о других.

Кабелл вернулся ко мне, держа в руках три задания, написанные изумрудно-зелёными чернилами Библиотекаря.

— Пара неплохих, как мне кажется.

Я взяла все три, изучая имена тех, кто запросил работу по возвращению артефактов. Большинство из них были одарёнными. Хорошо. Нам нужен был перерыв от колдуний.

Очередной взрыв ликования заставил меня снова посмотреть в сторону зала.

Эндимион, наконец, снял защитную обёртку с того, что нашёл, с болезненно медленной тщательностью. Затем, с театральной изысканностью, которой эти люди не могли устоять, даже если это означало грубое обращение с бесценными артефактами, он бросил реликвию на стол. Громкий удар разнёсся по библиотеке.

Огромная книга, переплетённая кожей, обложка, потрескавшаяся от времени и огня, выглядела так, будто страницы веками пытались вырваться наружу. Только тяжёлый металлический замок с символом древа Авалона удерживал её.

Укол зависти, который я ненавидела больше всего на свете, пронзил меня.

— *Бессмертие Калвен...* — прошептала я. Коллекция воспоминаний колдуньи, написанная кровью перед смертью. Хотя это стало обычной практикой среди колдуний сейчас, этот экземпляр считался древнейшим из известных.

Кошки, скрывавшиеся на верхних полках библиотеки, зашипели, почувствовав проклятия, вплетённые в книгу. Звук был похож на дождь, шипящий на горячей крыше.

Охотники забарабанили кулаками по столам. Мой пульс ускорился в такт этому гулу, и я отвернулась к двери «Все пути».

— Ладно, — сказала я, вставляя наш ключ в замок. — Куда сначала?

****

После нескольких часов метаний между Бостоном, Саванной, Сейлемом и Сент-Огастином мы потерпели неудачу по всем трём заданиям. Два из них уже выполнил другой охотник из другой гильдии, а по третьему клиентка намеревалась расплатиться своей обширной коллекцией пуговиц.

Оставалось лишь закрыть последнее дело — доставить брошь колдунье Мадригаль.

— Единственное, что я говорю, — это то, что те перламутровые пуговицы были довольно симпатичными, — продолжал Кабелл, уворачиваясь от толп после ужина во Французском квартале Нового Орлеана.

— Они были в форме звёзд, — сказала я, скривив лицо.

— Ты права, беру свои слова обратно, — ответил Кабелл. — Они не просто симпатичные, они восхитительные. Думаю, на тебе они бы смотрелись потрясающе…

Я толкнула его плечом, закатив глаза.

— Теперь я знаю, что подарю тебе на Рождество.

— Ага, — протянул Кабелл, разглядывая кованые балконы над нами. Тонкая луна озаряла Нью-Орлеан во всём его красочном великолепии и казалась подвешенной ниже, чем обычно.

— Почему мы не живём здесь? — мечтательно вздохнул он.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Я могла бы назвать дюжину причин, но лишь одна имела значение: Бостон был нашим домом. Единственным, который у нас когда-либо был.

Мы оба замедлили шаг, подходя к неприметной боковой улице. Окружённый плющом чёрный особняк ждал в тупике, прямо за последним золотистым пятном света от уличного фонаря.

Кованые ворота дома Рука сами распахнулись, не дожидаясь приглашения. Ягоды боярышника усыпали искривлённую дорожку к крыльцу. Я задержала дыхание, но их гнилостный запах всё равно нашёл меня, проникая в ноздри и застревая там.

Стук моего сердца больно отдавался в рёбрах, напоминая о том, как мы с Кабеллом, будучи детьми, ждали у таких же домов, крепко держась за руки и молясь, чтобы Нэш не погубил себя, торгуясь с колдуньей внутри.

— Ты уверена, что у тебя брошь? — спросил Кабелл, хотя и так знал, что она у меня.

— Всё будет в порядке, — ответила я.

— Я могу пойти с тобой, — предложил он, бросив нехарактерно тревожный взгляд на дом.

Я достала чёрный кожаный дневник из своей рабочей сумки и прижала его потёртую обложку к его груди.

— Попробуй несколько новых ключевых слов, пока ждёшь.

Дневник Нэша, одно из немногих его вещей, оставшихся после исчезновения, был хаотичной смесью историй, заметок о реликвиях, легендах и магических существах, с которыми он пересекался на протяжении лет. Возможно, зная, что его любопытные подопечные рано или поздно захотят его прочитать, Нэш записал некоторые записи с использованием шифра на ключевом слове. Хотя нам удалось разгадать ключ для большинства записей, последняя, написанная перед его исчезновением, ускользала от нас много лет.

Кабелл взял дневник, но тревога не ушла с его лица.

— Сегодня моя очередь, — сказала я. Когда мы доставляли товары колдуньям, один из нас всегда оставался снаружи, на случай если другой окажется заперт внутри с клиентом, который откажется платить. Я успокаивающе сжала его руку. — Я быстро, обещаю. Люблю тебя.

— Не умирай, — отозвался он, прислонившись к забору с последним вздохом.

Дом колдуньи Мадригаль будто источал собственный холод. Оконные стёкла дрожали в своих рамах, словно зубы, стучащие от холода, а мраморные кости здания скрипели под ветром.

Мой взгляд скользнул вверх, по изношенному временем фасаду особняка, пока я подходила к проваливающемуся крыльцу.

— Ладно, — прошептала я себе, расправляя плечи. — Просто доставка. Забрать оплату, уйти.

Я всегда тщательно изучала наших клиентов перед встречей, что значительно увеличивало наши шансы на успешную сделку и безопасное возвращение. Но в гильдейской библиотеке почти ничего не было о Мадригаль, а записи Нэша оказались лишь частично полезными.

Мадригаль — старая колдунья, мастер всех стихийных магий. Родственников не известно. Никогда не соглашайся на ужин.

Её объявление на доске заданий гильдии оставалось нетронутым месяцами, прежде чем я решилась взять его.

Моя рука сжала брошь в бархатном мешочке. Переговоры по этому делу чуть не разрушили мои нервы, и они снова натянулись, пока я прокручивала в голове все возможные планы действий на случай, если что-то пойдёт не так. Грустная правда заключалась в том, что мы мало что могли сделать, если Мадригаль решит не выполнять наш контракт и не заплатить. Таков был характер ведения дел с более могущественными существами; их прихоти менялись так же быстро, как огонь, и нужно всегда быть готовым к тому, что обожжёт в следующий раз.

Дверь открылась до того, как я успела протянуть руку к колокольчику.

— Добрый вечер, мисс, — прозвучал голос.

Спутник колдуньи занимал почти весь дверной проём, его рост казался невероятным, а плечи — такими широкими, что могли бы перекрыть целую улицу. Она называла его *милый*, и я не была уверена, было ли это его именем или ласковым прозвищем, но понимала, что лучше не задавать лишних вопросов.

Когда я подошла ближе, он склонил голову, его черты остались такими же неразличимыми, как и при первой встрече. Кожаная маска плотно прилегала к верхней половине его лица, напоминая капюшон, скрывая глаза, а массивное тело было облачено в старомодный, но безупречный костюм дворецкого.

— Будьте так добры последовать за мной, мисс, — произнёс он. Его акцент был странным, мелодичным, но не до конца человеческим, и, он вероятно, не был таковым. Хотя такие создания в нашем мире встречались редко, колдуньи нередко связывали магических существ, вынуждая их служить долгие века.

Он отступил в тень позади него, пропуская меня внутрь. Запах тёплого воска и дыма от свечей проник в мои ноздри, пока я проходила мимо. На его лацкане поблёскивала золотая булавка в виде шахматной фигуры с рогатой луной над ней — знак колдуньи Мадригаль, который мигнул в свете ближайшего канделябра.

Где-то из глубины дома доносилась музыка — плач саксофона соревновался с переливами пианино, набирая лихорадочный ритм.

Закончи работу, напомнила я себе, чувствуя, как края броши впиваются в мою ладонь.

— Ваша госпожа дома? — спросила я.

— О, да, мисс, — ответил он. — Она принимает гостей.

Мой желудок сжался.

— Может, мне вернуться в другой раз?

— Нет, мисс, — мягко сказал он. — Это её огорчит.

И как всякий преданный слуга колдуньи, он знал, что огорчать её не стоит.

— Хорошо, — выдавила я, позволяя ему вести меня вперёд, чуть замедлив шаг. Я была так напугана при первом визите, что дом Рука запомнился мне лишь неясным пятном из бархата и благовоний. Теперь я могла его разглядеть.

Как увядшие неделю назад цветы, изысканная мебель, произведения искусства и позолоченные безделушки покрылись налётом старины. Всё это богатство, попусту испорченное временем, было столь же впечатляющим, как и грязные, запятнанные ковры и пронизывающий запах плесени и гнили.

Выленявший красный шёлк покрывал стены. Стол, инкрустированный костью, покосился у стены, неся на себе вазу в форме сжимающихся рук, пару оперных биноклей и недопитый кубок, содержимое которого могло быть как красным вином, так и кровью.

Внушительное изображение молодого человека в старомодной форме господствовало над коридором, сияя в свете свечей. На его нарисованной щеке был

отпечаток ярко-красной помады, а нож пронзал холст прямо в том месте, где должно было быть его сердце.

Ползучий ужас накрыл мою кожу, будто сотня сороконожек пробежалась по ней. Мы шли вслед за музыкой, пока ковры не сменились плиткой в чёрно-белую клетку. Свечи зажигались по мере нашего движения, но их света не хватало, чтобы рассеять ощущение надвигающейся мрачности.

Прихожая вела в круглую атриумную комнату в центре дома. Витражный купол, изображавший пышный сад с деревьями и вьющимися цветами под светом полумесяца, поднимался над главной лестницей. Он окрасил красные ковры и мрамор лестницы в зловонный, тухлый оттенок.

Вместо того чтобы подняться по лестнице, мы свернули к двум алым дверям, на каждой из которых был вырезан знак колдуньи. Музыка стихла, как раз чтобы я могла расслышать приглушённые голоса внутри. Я закрыла глаза, когда слуга поднял руку, чтобы постучать.

Двери распахнулись, и музыка выплеснулась наружу, словно кровь из перерезанного горла.

Я расправила плечи и подняла подбородок, следуя за компаньоном Мадригаль через дверной проём. Там на меня смотрела девочка с округлым лицом, слишком большими глазами и волосами, которые не были ни коричневыми, ни светлыми, а её кожа была бледной, как кость.

Она была мной.

Комната была покрыта зеркалами, простирающимися от пола до потолка. Мебель казалась вырезанной прямо из глянцевого чёрного каменного пола, а затем растянутой и скрученной в причудливые формы. Свечи выстроились вдоль пола и полок. Сотни огней превращались в тысячи, отражаясь в серебристом стекле вокруг нас.

В самом центре комнаты, освещённый каплями багрового воска, стекающими с люстры, стоял банкетный стол. Мой желудок сжался от вида блюд, доверху наполненных нарезанным мясом и пирогами. Шоколадные вороны следили за мной своими желейными глазами с высоких подносов, уставленных сладостями и тортами.

Во главе стола сидела женщина, облачённая в тёмное облако чёрного гипюра. Резкие линии румян подчёркивали её лицо, а поток огненно-рыжих волос стекал по спине, хотя две пряди были закручены в петли над ушами, как украшения, между которыми висела нить чёрного жемчуга и бриллиантов, звеня при каждом её движении.

Она выглядела так, как будто сошла со страниц легенд о печально известной Моргане ле Фэй — соблазнительно и зловеще.

— Мисс Ларк. Какая… пунктуальность, — произнесла она, промокнув губы кружевным чёрным платком и протянув мне руку.

Моё сердце подпрыгнуло к горлу, когда я сделала первый шаг к ней. Мои ботинки вдруг зазвучали слишком громко, а одежда показалась мне неопрятной для этого места, утопающего в кипящей, мерцающей роскоши. Я снова замерла, когда заметила, что она была не одна за столом. Несколько неподвижных… мужчин? Куклы в полный рост? Они были одеты в смокинги, а каждый их торс был поддержан чёрной бархатной лентой, привязанной к их стульям. На их головы были надеты чучела зверей — медведя, льва, оленя и кабана.

— Проходите, уверяю вас, мои гости хорошо воспитаны, — сказала Мадригаль. — Я сама их обучила.

Никто из них не двигался, пока гость, сидящий слева от неё, не выглянул из-за массивного канделябра, который до этого скрывал его.

Эмрис Дай.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 3

В отличие от остальных, на Эмрисе не было головы животного. Это позволило мне наблюдать, как кровь отхлынула от его лица, а губы раскрылись в очевидном изумлении.

До этого момента я гордилась тем, что редко оказывалась застигнутой врасплох. Я годами методично приучала себя к подозрительности, как другие привыкают к каплям яда, чтобы выработать иммунитет. Когда ты всегда ожидаешь худшего, ничто не может ранить тебя достаточно сильно, чтобы поразить неожиданностью.

Но чего бы я ни ожидала, это было… совсем не *то*.

Как всегда, внешность Эмриса была идеальной, словно сошедшей с обложки какого-то привилегированного журнала — результат тщательно выстроенных поколениями браков между красивыми и богатыми людьми, обладавшими тем неуловимым качеством, которое выделяло всех одарённых из числа простых смертных. Это заставляло людей смотреть чуть дольше, чем они должны были.

Это очарование было трудно игнорировать — даже в случае с Эмрисом, пока ты не узнавал о его отвратительном характере, скрывающемся под красивой внешностью.

На нём был чёрный шёлковый смокинг, а бабочка небрежно висела развязанной вокруг шеи. Каштановые волосы, как всегда, слегка растрепанны. Он равнодушно провёл рукой по ним, оглядывая меня своими разноцветными глазами. Один глаз был цвета олова, другой — зелёный, как изумруд на броши, которую я принесла с собой.

Мои ноги забыли, как двигаться, хотя язык, к сожалению, работал безупречно.

— Что ты здесь делаешь? — выпалила я.

— Взаимное удовольствие увидеть тебя, Тэмсин, — отозвался Эмрис, хватаясь за горлышко ближайшей бутылки шампанского. Его недавнее удивление мгновенно испарилось, оставив только обычный холодный тон. — Вернулась с очередного увлекательного приключения по поиску потерянного хлама? Могу себе представить, что то, что Мадригаль поручила тебе найти, было приятной передышкой от твоего обычного барахла.

— Очередное задание для восстановления твоего хрупкого мужского эго? — ответила я слащаво. Неудивительно, что его не было в библиотеке.

Эмрис рассмеялся, наполняя свой бокал шампанским до краёв.

— Ты поймала меня, Птичка.

Я сжала зубы. Если кто и был похож на птицу, так это он, как надоедливый воробей, который всюду мельтишит, оставляя после себя беспорядок, который убирает кто-то другой.

— Ты, кажется, страдаешь иллюзией, что твоя предсказуемость — это нечто очаровательное, а нет, на самом деле, совершенно скучное, — сказала я.

— Скучный? — его улыбка расползлась ещё шире. — Не уверен, что меня когда-либо называли скучным.

— Хм-хм, — резкий звук из горла колдуньи мгновенно вернул меня к реальности.

Мадригаль потянулась к блюду в центре стола, нанизывая куски мяса и сыра на длинные ногти. Её пальцы двигались, как лезвия ножей, издавая царапающие звуки при каждом движении, пока еда падала на её тарелку. Я быстро оглядела её пальцы, проверяя, нет ли на них колец с магическими символами.

— Он, мисс Ларк, — продолжила Мадригаль, — мой гость.

А я, как тут же напомнил мне разум, *гостем не являюсь*.

— Я бы попросила вас остаться, но, как видите, еды едва хватит на нас двоих, — продолжила колдунья, её голос был пропитан ложным сожалением, когда она погладила запечённого поросёнка по носу.

— Конечно… — я кивнула, изобразив нечто, похожее на поклон. — Конечно, госпожа Мадригаль. Я выполнила ваше поручение и принесла вам брошь.

Я заставила себя стоять спокойно, ожидая её ответа, но колдунья не сказала ни слова. Я рискнула взглянуть на неё через опущенные ресницы. Она продолжала спокойно есть, нанизывая на свои ногти несколько кусочков фруктов с соседнего подноса. Несколько мучительных мгновений в комнате не было слышно ничего, кроме звука её ногтей и жевания.

Эмрис рассеянно закусил нижнюю губу, бросив взгляд на колдунью. Его другая рука сжалась в кулак, лежащий на гладком столе. Я заставила себя отвернуться.

— Я не знала, что вы знакомы, — вырвалось у меня.

Чёрт возьми, заткнись, Тэмсин!

— А я не знала, что вы ведёте учёт моих знакомых, мисс Ларк, — отозвалась Мадригаль. — Милый?

Воздух за моей спиной вдруг стал обжигающе горячим. Огромное тело её компаньона начало извиваться и менять форму. Давление вокруг нарастало, словно приближающаяся буря, и даже воздух в моих лёгких наполнился электричеством, мешая дышать. Свет, переплетаясь вокруг него, озарил его массивное тело, которое стремительно менялось.

Пука, — подсказал мне разум, ошеломлённый открывающимся зрелищем. Меняющий облик из Волшебного народа, способный принимать любую форму для своих проказ и путешествий. У меня не было Ясновидения, но я могла видеть его, потому что он сам этого захотел.

Ястреб метнулся вперёд, усевшись на высокую спинку обсидианового кресла колдуньи, наблюдая за мной с пугающей неподвижностью. Мадригаль протянула руку и накормила своего спутника кусочком сырого мяса с тарелки.

— Где Кабелл? — вдруг спросил Эмрис, выдернув меня из моих мыслей.

— А что тебе до этого? — огрызнулась я, натягивая рукав куртки.

— Я не знал, что мне запрещено заботиться о членах моей гильдии.

— *Твоей* гильдии? — переспросила я. — Попробуй сказать *нашей* гильдии…

— Дети, — прервала нас колдунья, — что за время нашего короткого знакомства дало вам повод думать, что я потерплю жалкую ссору, в которой даже не могу принять участия? — Она повернулась ко мне. Я прикусила внутреннюю сторону щеки до крови, чтобы не выдать своих эмоций. — Не помню, чтобы в прошлую встречу ты была такой сварливой. И уж точно не помню, чтобы ты была так невоспитана.

В воздухе вокруг нас закипела нерастраченная магия, настолько сильная, что даже такой простой смертный, как я, ощущала её на своей коже. Я нервно продолжала покусывать губу.

Её сила отличалась от той, что я встречала у других колдуний — тяжёлая и острая, словно молния. Древняя. Конечно, это потому, что она была ведьмой-кроной, что являлось высшей ступенью среди колдуний. Её мастерство в магии говорило о глубочайших познаниях в заклинаниях и проклятиях. Настолько обширных, подумала я мрачно, что я могла даже не распознать тот символ, который она использует, чтобы убить меня.

— Боюсь, у неё врождённая склонность к ворчливости, — сказал Эмрис, его голос вдруг стал тёплым и мягким, как бурбон. — Но это лишь часть её уникального обаяния. И, честно говоря, зачем быть воспитанным, когда можно быть интересным?

Мадригаль задумчиво пробормотала, обдумывая его слова. Напряжение, нараставшее вокруг нас, спало, словно задержанный вдох.

— Я не росла в благородной семье, если вы это имели в виду, — удалось сказать мне. — Не как вы. В мире нет никого, подобного вам. Ни по красоте, ни по силе.

— Не люблю излишне подслащенные речи, зверек,— мягко предостерегла Мадригаль. — Но раз уж мы заговорили о лакомствах, где тот очаровательный юноша, который сопровождал тебя в прошлый раз? Я едва успела на него взглянуть, а так хотелось познакомиться поближе.

— Он… — Я лихорадочно искала подходящее объяснение, которое не вызвало бы её гнева. — У него было другое обязательство на сегодня.

— Обязательство важнее меня? — с нажимом спросила Мадригаль.

Моё тело натянулось, как струна.

— Прошу прощения.

— Как досадно, — проворчала Мадригаль, мрачно глядя в свой бокал с вином. — Скажи мне, мисс Ларк, ведь я не всегда понимаю загадки смертного разума: что удерживает тебя от того, чтобы вырвать сердце у брата, когда он тебя раздражает?

— В основном сила воли, — выпалила я, прежде чем успела остановиться, — и слабые ногти.

Эмрис неожиданно рассмеялся. Колдунья на мгновение замолчала, а потом запрокинула голову и издала рёв, больше похожий на животный, чем на человеческий.

Я сделала ещё один шаг вперёд, затем ещё, пока не подошла достаточно близко, чтобы вытащить брошь из защитного чехла и положить её на стол.

— Полагаю, теперь я должна заплатить, — Мадригаль надула губы, словно недовольный ребёнок. Она протянула руку, и на её ладони из ниоткуда возник алый мешочек. Я немного помедлила, прежде чем взять его, затем заглянула внутрь, опасаясь, что колдунья могла насыпать туда камни или пенни.

К моему удивлению, Мадригаль снова резко рассмеялась.

— Вижу, вы, мисс Ларк, имеете богатый опыт работы с моими сёстрами, но будьте уверены, что я всегда плачу за хорошо выполненную работу.

Работа. Так вот почему Эмрис здесь — по работе, а не для какой-то личной услуги, как я могла бы подумать. Я знала, что семья Дай время от времени имела прямые дела с колдуньями — они обменивались информацией или продавали свои находки, — но это не было похоже на те нервные контракты, которые заключали с ними мы с Кабеллом. Большинство членов нашей гильдии находило жалким, что нам приходилось брать такие заказы, чтобы выжить.

Я резко обернулась к Эмрису.

— Ты здесь по работе?

— А что, если да? — вызывающе переспросил Эмрис, его глаза сверкнули.

— Папочка урезал тебе содержание, *Наследничек*? — спросила я. — Или просто поводок покороче стал?

Лицо Эмриса омрачилось.

— Не вижу, какое тебе до этого дело.

Нет. Нет. Он не собирается отбирать у меня хороший контракт. Я нуждалась в этом больше, чем он когда-либо сможет понять.

— Госпожа Крона, — начала я, стараясь не выдать отчаяния в голосе, — если вы довольны тем, как я выполнила вашу последнюю работу, для меня было бы честью взяться за новое задание.

— Ты настолько отчаялась, что готова забирать чужую работу? — парировал Эмрис с новым, незнакомым мне резким тоном. — Не то, чтобы я сомневался в вашем здравомыслии, госпожа Крона, но Тэмсин — мисс Ларк — не соответствует самым базовым требованиям. Она не одна из Одарённых и не обладает Ясновидением.

Это была правда, но что-то в том, как просто и прямо он это сказал, будто это действительно повод для стыда, вызвало у меня глубокое унижение.

— В отличие от тебя и твоего лучшего друга — блата, мне не нужно Ясновидение, чтобы делать свою работу, — огрызнулась я.

— Она права, зверёк, — спокойно сказала Мадригаль. — Ты не можешь отрицать, что мисс Ларк успешно справляется со своими заданиями, несмотря на её недостаток. — Она подняла брошь и поднесла её к свету свечи. Её улыбка медленно расползлась. — Может быть, стоит устроить небольшое соревнование. Мне было бы весьма любопытно посмотреть, кто из вас двоих сумеет первым принести Приз Слуги.

Приз Слуги. Эти слова резко пробудили что-то в памяти, знакомое, но неуловимое. Я знала это название…

Губы Эмриса сжались в тонкую линию, когда он откинулся назад. Капля пота скатилась по его виску, следуя по пути какого-то рубца или шрама. Я наклонилась вперёд, временно отвлечённая видом этой неровной линии приподнятой кожи. Шрам тянулся вниз, исчезая под его пиджаком, но когда Эмрис повернулся к свету свечи, он исчез, словно мне это померещилось.

— Она не справится с этой задачей, госпожа, — наконец произнёс он. — И мы уже договорились.

— Не слушайте его, — быстро возразила я. — Я не похожа на него или на других шарлатанов. Я делаю свою работу лучше, с половиной ресурсов и за полцены. И, как вам известно, я нахожу конкретные вещи для клиентов — я не продаю реликвии кому попало, лишь бы были деньги.

Мадригаль нас игнорировала, всё ещё изучая, как брошь мерцала в свете свечей. Одним движением пальцев она сломала серебряное украшение пополам, позволив изумруду выскользнуть ей на ладонь. Не говоря ни слова и даже не делая вдоха, она попросту бросила камень в рот, словно леденец, и проглотила его.

Мои губы приоткрылись. Затем закрылись.

— Я… — начала я, но тут же замолчала.

Лучше не знать.

— Должна признать, что отсутствие у мисс Ларк Ясновидения могло бы стать проблемой в этом конкретном поиске, — произнесла колдунья, положив свою руку на руку Эмриса. У меня в груди загорелся огонь ревности. Её ногти поглаживали его кожу, как будто он был гранатом, который вот-вот расколют и съедят.

Хорошо. Они заслуживают друг друга, — прошипел голос у меня в голове. — *Пусть она его съест.*

Но это движение привлекло моё внимание к ещё одному любопытному факту, который я упустила прежде. Впервые с того дня, как я его встретила, Эмрис Дай не носил семейного перстня с рубином.

— И всё же, я не могу устоять перед игрой, особенно с такими достойными соперниками, — продолжила Мадригаль. — Мисс Ларк, если вы принесёте мне Приз Слуги первой, я заплачу вам в сто раз больше, чем вы получили сегодня.

Моё сердце болезненно ёкнуло от подавляемого желания.

— Тогда именно я принесу его вам, — ответила я.

Что бы это ни было. Не стоило открывать свою неосведомлённость, особенно когда название уже пробудило что-то в моей памяти.

Один из других гостей, тот, на ком была голова медведя, слабо застонал, чуть сдвинувшись на своём стуле. Мой желудок свёлся в узел.

— Чудесно, мисс Ларк, — произнесла Мадригаль с улыбкой. — Я получу от этого соревнования больше удовольствия, чем вы можете себе представить. Но теперь пришло время вам уйти. Милый, будь добр, проводи ее к двери.

Стул Эмриса со скрипом отъехал назад. Его правая рука крепко сжала левую, словно он пытался поиграть с кольцом, которого больше не было на его мизинце.

— Госпожа, — сказал он с ослепительно обворожительной улыбкой, — окажите мне честь позволить проводить мисс Ларк.

— Ну… хорошо, — ответила Мадригаль, небрежно махнув рукой. — Я всегда за хорошие манеры. Особенно когда они возвращают тебя обратно за мой стол.

Ещё один всплеск жара пронзил мою грудь.

— Спасибо, — процедила я сквозь зубы, — за возможность вам служить…

Эмрис схватил меня за руку, не меняя холодного выражения лица и взгляда, устремлённого вперёд, и поторопил меня прочь из обеденной комнаты, ведя обратно через атриум. Лишь в вестибюле он замедлился, дав мне возможность вырваться.

— Ещё раз тронешь меня — и однажды проснёшься без рук, — прошипела я.

Я потянулась к холодной дверной ручке, но Эмрис был быстрее. Используя своё преимущество в росте, он протянул руку через моё плечо и удержал дверь закрытой. Я резко обернулась, чтобы ударить его в грудь, но он поймал моё запястье другой рукой. В этот раз он тут же отпустил его, как только я дёрнулась.

— Слушай, Птичка, — его голос был тихим, — это *моё* задание. Ты не хочешь в это ввязываться.

Леденящий воздух в доме делал его дыхание на моей щеке ещё теплее. Эмрис наклонился, пока его глаза не оказались на одном уровне с моими, и резкие слова исчезли с моего языка.

За все годы я видела Эмриса Дая во множестве ролей — избалованного принца, опьяневшего от вина, задорного рассказчика у огня в библиотеке, небрежно флиртующего, вдумчивого читателя за книгой, преданного и любящего сына. Но никогда я не видела его таким, как сейчас — с лицом, холодным и безжизненным, словно застывшее стекло. Если бы я толкнула его в этот момент, мне казалось, он бы разбился на тысячу осколков.

— Мне кажется, ты хотел сказать — *моё* задание, — отозвалась я ледяным тоном. — Мы закончили?

— Нет, не закончили, — тихо ответил он. — Я видел твоё лицо, когда она предложила. Ты понятия не имеешь, о чём она говорит, и уж точно не представляешь, что тебя ждёт.

Я подошла ближе, но он не отступил ни на шаг.

— Если тебе не нравится то, что ты видишь, не смотри на меня.

— Тэмсин, — начал он, его голос смягчился. — Прошу…

Громкий металлический грохот прервал его слова. Мы оба вздрогнули от неожиданности, и, пока Эмрис обернулся, я выскользнула из-под его руки и открыла дверь.

На другом конце прихожей, маленькая сгорбленная женщина в чёрной униформе горничной медленно опустилась на колени, жалобно стеная над серебряным подносом и осколками стекла у своих ног.

Я тут же была забыта. Эмрис бросился к ней, его голос стал тихим и успокаивающим.

— Всё хорошо. Всё будет хорошо, обещаю.

Женщина покачала головой, сбитая с толку и в отчаянии невнятно что-то бормоча. Эмрис с невероятной осторожностью поднял её с пола, усадив на ближайший стул. У меня перехватило дыхание. Даже её спутанные седые волосы, закрывающие половину лица, не могли скрыть глубокие морщины, вздувшиеся вены и белизну единственного видимого глаза, в котором не было ни радужки, ни зрачка.

Её рука на мгновение зависла над его запястьем, его предплечьем. Её глаз наполнился слезами, которые она не могла выплакать, и боль на её лице была настолько невыносимой, что я едва удержалась, чтобы не отвернуться. Челюсть Эмриса напряглась, как будто он боролся с бурей внутри себя.

Жаркая ночь и удушливый запах ягод боярышника манили меня снаружи. Но что-то заставило меня оглянуться ещё раз. Я увидела, как Эмрис, стоя на коленях, отчаянно собирает осколки стекла в тот миг, когда дверь за мной закрылась.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 4

Ноги быстро несли меня по тропинке, стремясь найти спасение в свете и толпе на Бурбон-стрит. Кабелл поднял голову, настороженно прислушиваясь к моим шагам. Ворота распахнулись передо мной, и я проскочила сквозь них, ухватив его за руку и потянув за собой по переулку.

— Что случилось? — спросил он.

Я потянула себя за правую мочку уха — наш сигнал: *не сейчас, нас могут подслушать.*

И не останавливалась, пока нас не окружила толпа сотен людей, гуляющих по улицам, заходящих в бары и выходящих из них. Вокруг нас мигали радужные огни, когда мы петляли через толпу, направляясь обратно к магической Жиле, которую открыли с помощью двери «Все пути».

Музыка била в уши, и я чувствовала, как басы отдаются в моей крови. Наконец, я не смогла больше ждать и потянула его в лавку с дешевыми сувенирами и поддельными вуду-свечами.

Кабелл схватил меня за плечи, внимательно изучая моё лицо, затем оглядел с ног до головы.

— Ты в порядке? Ты не ранена?

— Всё хорошо! — ответила я, перекрикивая музыку. — Слушай, Дай был там…

— Что? — выкрикнул он, указывая на уши. — *Дай?*

— Он работает на неё, но она предложила задание и нам, — объяснила я. — Если мы добудем это первыми, плата будет в сто раз больше!

Он махнул рукой.

— Ты сказала в сто раз больше?

— Да! — Я бросила взгляд на пару, слоняющуюся у входа в магазин. — Нужно найти что-то под названием *Приз Слуги*. Думаю, нам стоит сегодня пойти в библиотеку и…

На этот раз я точно знала, что он меня услышал. Его лицо помрачнело, и он резко развернулся, направляясь к ожидающему нас магическому проходу.

— Эй! — окликнула я. — Это невероятная возможность.

— Нет, не так, — произнёс он, лицо его стало суровым, каким я никогда его не видела. Его кожа блестела от пота, который начинал просачиваться через рубашку. Он закатал рукава, обнажив чёрные полосы татуировок. Каждая из них была символом проклятия, которое он когда-то разрушил, трофеи, нанесённые на кожу. — Мы не будем брать это задание, Тэмс.

Осознание вдруг накрыло меня.

— Ты знаешь, что такое *Приз Слуги*? Оно звучит знакомо, но я не могу вспомнить.

Его дыхание становилось всё более прерывистым.

— Я не знаю. Не имею понятия, что это за чёртов приз, но мы не станем снова связываться с этой колдуньей. Мы не сможем обогнать Дая с его ресурсами, это плохая идея, мы не можем… мы не можем…

Он развернулся ко мне спиной, выставив руку, чтобы удержать меня на расстоянии.

— Что происходит? — спросила я, глядя на него. — Ты в порядке?

Кабелл тяжело дышал, его рёбра расширялись с каждым болезненным вдохом, будто пытались прорваться сквозь кожу. Пот капал с подбородка на землю, а его тело дрожало от невыносимой, неизречённой боли.

Секунды растягивались, словно годы. В ушах нарастал гул, когда я наблюдала, как напряжение заполняло его тело, делая его движения всё более жёсткими. Он наклонился вперёд, опираясь на шероховатую каменную стену.

Наконец, он покачал головой.

— Всё в порядке, — сказала я, хотя мой голос звучал гораздо увереннее, чем я себя чувствовала. — Просто сделай вдох. Слушай слова, которые я говорю. — Я сглотнула, пытаясь подавить ком в горле. — В далёкие времена, в царстве, затерянном во времени, король по имени Артур правил людьми и народом фэй…

— Тэмс… — выдавил он, захлёбываясь, в его голосе звучала паника. Обычно отвлечь его историей хватало, чтобы предотвратить превращение, даже когда он был в ярости или расстроен. — Отойди…

Он был прерван резким треском, когда его кости начали сдвигаться под кожей.

Движения были такими сильными, что раздирали его рубашку, разрывая ткань вдоль плеч и позвоночника. Он пошатнулся, вслепую потянувшись ко мне, к стене, к чему угодно, чтобы удержаться.

Единственная острая мысль прорезала моё оцепенение: *не здесь*.

Это не могло произойти здесь, среди всех этих людей, которые пели, делали селфи, ничего не подозревая о той опасности, в которой находились.

Я начала действовать, схватив его за запястье и буквально таща последние несколько кварталов до входа в магический проход, спрятанный в закрытом магазинчике. Стонущий от боли, Кабелл споткнулся, когда его ноги выскользнули из ботинок. Я замедлилась, обвив его руку вокруг моих плеч, а свою — вокруг его талии, затем ударила ногой по двери, и мы ворвались в ожидающий нас проход.

Тьма окутала нас, и комната размылась. Воздух ревел в моих ушах, когда его рёбра сжались под моими пальцами, уменьшаясь. Вездесущая дверь с грохотом распахнулась, выплёвывая нас на холодный мрамор. Звук падающих инструментов прокатился по атриуму, заглушая даже голоса из внутренней комнаты библиотеки.

— Это дверь? — услышала я чей-то голос.

Кабелл свернулся клубком, прижимая руки к лицу, которое продолжало меняться. В отчаянии, задыхаясь, я поползла обратно к двери «Все пути» и захлопнула её, мои руки так дрожали, что я едва смогла вставить ключ в замок, не говоря уже о том, чтобы представить нашу квартиру.

Магический проход открылся с едва слышным скрипом, и я остановилась только для того, чтобы вынуть ключ.

Кабелл был словно мёртвый груз у меня на руках, бессвязно бормочущий от боли, когда мы рухнули в бесконечную тьму прохода, а дверь с грохотом закрылась за нами.

Запах квартиры — чуть сладковатый от стирки соседей — подсказал, что мы прибыли. Мы вывалились из двери шкафа, рухнув на протёртый ковёр. Всё здание, казалось, простонало от удара.

Я быстро поднялась на четвереньки и поползла обратно к шкафу, снова захлопнув его дверь, чтобы никто не мог последовать за нами.

— Кабелл, — сказала я, но мой собственный голос звучал для меня словно издалека. — Что происходит?

— Я не… — он судорожно сжал руку в волосах. — Тэмс, я думаю…

Его лицо вдруг стало пугающе безжизненным, и я поняла. Я поняла точно, что произойдёт, за мгновение до того, как его плечи сжались перед тем, как тёмная шерсть начала расползаться по его рукам, до того, как его кости начали менять форму, превращаясь во что-то, что было не человеческим.

— Глубокий вдох, — сказала я. — Просто сосредоточься — сосредоточься на моём голосе. Тебе не обязательно превращаться. Ты можешь это контролировать, а не наоборот…

Его плечо выскользнуло из моей судорожной хватки, когда он рухнул на колени.

— Я… — Я резко обернулась в сторону нашей небольшой зоны, где мы работали, лихорадочно пытаясь найти хоть какую-то идею, хоть что-то, что могло бы помочь. — Я сейчас принесу кристаллы… Я…

Низкий, грозный рык раздался позади.

Я обернулась.

Передо мной стоял огромный пёс, больше похожий на волка, чем на собаку. Его лохматая чёрная шерсть переливалась, словно разлитое масло, мерцая с каждым шагом вперёд. Одежда Кабелла висела на нём клочьями.

Звук когтей, цокающих по изношенному деревянному полу, пробудил во мне первобытный ужас, древний, как сама жизнь. Между длинными белыми клыками тянулись нити слюны. Адреналин захлестнул меня, его горечь ощущалась на языке, пульсировала в крови.

В этих тёмных глазах не осталось ничего человеческого.

Превращения стали происходить всё чаще в последние месяцы, но мне всегда удавалось вернуть его обратно, в человеческую форму. Он не терял контроль над трансформацией с тех пор, как мы были детьми, когда он впервые превратился в щенка.

— Кабелл? — прошептала я.

Пёс остановился, склонив голову набок.

— Слушай, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Мой разум метался слишком быстро, перебирая множество воспоминаний и легенд, хранящихся в моей памяти. Я никогда не забывала ни того, что видела, ни того, что читала, но сейчас… никогда прежде не было необходимости искать способ вернуть его в человеческую форму. Он всегда делал это сам.

— Слушай меня, — повторила я, протягивая руку. — Вот так, молодец, Кабелл. Сосредоточься на моих словах… В далёкие времена, в царстве, затерянном во времени, король по имени Артур правил людьми и народом фэй…

Пёс тихо заскулил, но остался на месте, резко встряхнувшись. Оковы страха, сжавшие мой живот, немного ослабли, и я сделала ещё шаг вперёд.

— Это история о его верном друге и рыцаре Ланцелоте…

Время для побега исчезло. Я не успела даже вздохнуть.

Не успела, прежде чем он бросился мне в горло.

Меня спас один лишь инстинкт.

Я выставила руку, когда пёс набросился на меня. Вопль вырвался из груди, когда его клыки вонзились в моё предплечье, пронзая кожу и мышцы до самой кости.

Боль обожгла меня, но именно вид моей собственной крови, окрашивающей его зубы в багровый цвет, заставил меня закричать вновь.

Пена слюны брызнула на лицо, когда пёс щёлкал пастью, стараясь добраться до моего горла. Мой разум опустел, но тело отчаянно боролось за жизнь. Как-то мне удалось поджать колени и ударить его ногами, отбросив от себя. Он вновь заскулил, ударившись о пол, но тут же вскочил на лапы.

Я поползла назад, использовав одну руку, чтобы увеличить расстояние, между нами, отчаянно пытаясь встать на ноги, добраться до рабочего уголка, где хранились зелья, кристаллы и…

Лапы пса вдруг напряглись, и раздался душераздирающий, нечеловеческий вой.

— Кабелл! — прохрипела я, едва дыша. — Пожалуйста, очнись!

Пёс приближался, шерсть на его загривке поднялась, как иглы. Он двигался слишком быстро — его челюсти сомкнулись на моей ступне, и я начала яростно пинать его морду, череп, всё, до чего могла дотянуться, пытаясь освободиться.

Я умру. Эта мысль пульсировала в сознании, мучительно жгла. *Он меня убьёт.*

Если только я не убью его первой.

Пёс снова прыгнул, и я, не теряя ни секунды, схватила нож для бумаг, лежавший рядом с грудой книг на моём столе. Я развернулась, размахивая им перед собой, надеясь отпугнуть зверя. Но вместо того, чтобы отступить, пёс позволил себя порезать, продолжая приближаться ко мне. В моём теле бушевала лишь одна мысль — выжить.

Я не могу.

Нож выпал из моих ослабевших пальцев и со звоном покатился по полу. Я отступила на шаг, затем на ещё один, пока пёс не отвлёкся на глубокий порез на своей лапе, принявшись лизать рану.

Я не могу.

Это всё ещё был Кабелл. Где-то там, внутри этого зверя, находился мой брат.

И он собирался меня убить.

Пёс двинулся вперёд между нашими двумя столами. Моя спина упёрлась в книжную полку у окна, и я поняла — отступать больше некуда.

Я потянулась назад и начала бросать в него книги, выплёскивая весь гнев и отчаяние, что пульсировали во мне. Пёс щёлкал пастью, а иногда взвизгивал, когда книги попадали в цель.

Я судорожно вдохнула, когда он отступил, задрав морду к потолку. Его вой наполнил квартиру, словно он пытался позвать других на охоту.

Охота.

Эта мысль пронзила туман боли в моей голове. Я рискнула взглядом скользнуть влево, к нашему рюкзаку — тому, что мы использовали только тогда, когда собирались ночевать перед входом в хранилище. Он стоял, прислонившись к покосившейся ножке стола Кабелла, чуть вне досягаемости.

— Послушай меня, Кабелл, — медленно проговорила я, двигаясь в сторону рюкзака. Пёс повернул голову, прижав уши к черепу, и низко зарычал.

Я пнула сумку, и её содержимое с грохотом вывалилось на пол. Среди тетрадей и инструментов выскользнул серебряный футляр с транквилизаторами, предназначенными для медведей и других хищников, магических или обычных.

Оставалась всего одна секунда…

Меньше.

Пёс прыгнул. Я тоже.

Моё тело с грохотом ударилось о пол, когда зверь всей своей тяжестью обрушился на мою спину. Зубы пса зацепили мои волосы, вырвав прядь прямо из кожи головы. Я резко отбросила локоть назад, но мои дрожащие руки, скользкие от крови, никак не могли открыть серебряный футляр. Я со всей силы ударила его об пол, и он, наконец, распахнулся в тот момент, когда пёс вонзил клыки в моё плечо.

Я развернулась с диким рёвом и вонзила дротик в тугую мышцу его шеи.

Пёс взвизгнул, яростно дёргаясь. Я изо всех сил держала его морду подальше, одной рукой, вцепившись в дротик, пока его тело не задрожало и, наконец, не замерло.

— Всё хорошо, — прошептала я, обнимая его дрожащую спину. — Теперь всё хорошо.

Он рухнул на меня с последним громким всхрапом и тихим, протяжным стоном.

Сосед громко забарабанил по стене.

— Всё в порядке?

— Мы в порядке! — крикнула я в ответ, чувствуя дрожь в собственном голосе. — Извините!

Мы были на первом этаже. Удивительно, что никто не увидел, что произошло через окно.

Я крепче прижала пса к себе, пока его шерсть не начала исчезать. Я держала его, пока его кости не начали ломаться и перестраиваться, а он стонал, царапая пол в агонии. Мой горящий от боли вдох застрял в горле, я зажмурила глаза, отказываясь дать слезам вырваться.

Ведь каждое проклятие можно было снять.

Даже его.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 5

Я была под наблюдением.

В гильдейской библиотеке стояла тишина, нарушаемая лишь треском огня в старом каменном камине и шорохом книг, аккуратно вставляющихся на свои места на полках. Меня раздражало обнаружить Финеаса Примма — старого Опустошителя с лицом, иссечённым шрамами и с меньшим числом пальцев на руках, чем следовало бы, — удобно расположившегося в одном из мягких кожаных кресел. Он сузил взгляд, следя за моими шагами к привычному рабочему столу.

Лишь спустя час, когда я оторвалась от очередной справочной книги, в которой также не было упоминания о Призе Слуги, я заметила, что к нам незаметно присоединились ещё два Опустошителя. Один из них, Гектор Лир, наблюдал за мной через ряды старых свитков с картами. Септимус Ярроу стоял, опершись на полку несколькими рядами дальше, делая вид, что читает книгу «Бессмертие». Я узнала серебристую змеиную кожу на обложке «Бессмертия» волшебницы Ардит, том первый.

Я прочла весь этот цикл «Бессмертия» как минимум трижды, просеивая все шестьсот лет её воспоминаний в поисках хоть какого-то намёка на то, чем может быть проклятие Кабелла. Могу с уверенностью сказать, что самое интересное, что когда-либо совершила волшебница Ардит, — это умерла. В ранние годы её записи были читаемы, но сухи. Поздние тома, особенно в последние десятилетия, когда её сестра начала медленно и методично отравлять Ардит ради её собрания ядов, становились всё более туманными, похожими на поток бессвязных мыслей.

В этом не было ничего, что могло бы захватить читателя более чем на несколько минут. И хотя я привыкла к подозрительным взглядам, в этот раз дело было совершенно другим. Они не просто смотрели на меня — казалось, они отслеживали, что именно я читаю. Финеас, похоже, даже делал какие-то пометки.

В конце концов, я не выдержала.

— Могу чем-то помочь, господа? — бросила я им.

Гектор и Финеас вздрогнули и отвели глаза, но Септимус был спокоен, как лед, собирающийся на окнах. Неудивительно, что он так ладил с Эндимионом Даем. У обоих были эти надменные улыбки и тщательно вылизанная речь.

— Нет, котёнок, — произнёс Септимус, подходя ко мне. — Просто интересно, что такая девочка, как ты, делает в библиотеке в столь поздний час и в одиночестве.

— Не глазею на девушек-подростков, как законченный извращенец, — ответила я.

Он одарил меня холодной усмешкой, усевшись на край моего стола, намеренно вторгаясь в моё личное пространство. Он наклонился, чтобы разглядеть, что я читаю, и его чёрный хвост, гладко уложенный на затылке, соскользнул на плечо.

— «Великие короли Ирландии»? Какая-то особая причина, по которой ты решила исследовать истории мистического Изумрудного острова этим прекрасным вечером?

Его коричневый твидовый костюм был наименее примечательной частью его внешности. Он объездил весь мир и отыскал несколько легендарных реликвий, включая копье Геракла. Он вёл себя, как завоеватель, с тёмными колкими глазами, всегда готовыми к новой битве.

— Я почти закончила с ней, если тебе интересно прочитать о Балоре Зловещем Глазе. Он ведь твой предок, не так ли?

Улыбка скользнула по его лицу.

— Ты вся в своего отца, знаешь ли. Всегда с остротой на языке и ловкими руками.

— Он мне не отец, — холодно ответила я. Мой взгляд скользнул к значку на лацкане Септимуса. Точно такой же всегда носил его приятель Эндимион: рука, сжимающая серебряную ветвь. Как мило. Версия дружеского браслета для богатеньких подонков.

Септимус на миг стал озадаченным.

— Ну, тогда опекун. Он украл мой боевой топор…

— Не уверена, что ты хочешь, чтобы я с этим сделала, — ответила я, стараясь держать голос ровным. — Ты же знаешь, как и я, что если он взял его, то унёс с собой в могилу.

— Ты уверена? — спросил Септимус, опираясь рукой на длинный рабочий стол и наклоняясь ближе к моему лицу. Я старалась не дрогнуть под его пристальным взглядом. — Где он оставил тебя и твоего брата?

Мои инстинкты насторожились. Пора было заканчивать этот фарс.

— Библиотекарь! — сладко позвала я. — Мистер Ярроу скучает и нуждается в вашей помощи, чтобы найти что-то интересное для чтения!

Библиотекарь защебетал в знак согласия, бросив стопку новых книг, которые сортировал, всегда готовый и весьма усердный в своей неумолимой полезности, даже если это означало бы часы, потраченные на рекомендации.

Септимус безрадостно рассмеялся, поднимаясь с моего стола, и крикнул:

— Не нужно, Библиотекарь.

Бросив на меня последний взгляд, он добавил:

— У тебя, кажется, серьезная рана на руке. Береги себя, котёнок. Мне бы не хотелось, чтобы с тобой случилось что-то более серьёзное.

Укус на моём предплечье пульсировал под повязкой, когда я отмахнулась от него ленивым жестом пальцев. Я очистила рану настолько, насколько могла, и заклеила самые глубокие порезы, надеясь на лучшее. Большинство неглубоких порезов и синяков были скрыты под свитером, но при каждом движении они напоминали о себе.

Я потянулась к книге из цикла «Бессмертие» в своей стопке.

Это была старая любимая книга. В отличие от некоторых её сестер, чья жизнь была примерно столь же интересна, как пустой бумажный пакет, чародейка Гесперия была словно алмаз. Потрясающе острая и сверкающая, её хватало на целую личность.

Цезарь император Рима сотворён рукой щедрого бога. Его пронзительные голубые глаза следят за каждым моим движением в полумраке спальни…

Я сделала долгий глоток своего растворимого кофе.

Никто точно не знал, как создаются «Бессмертия». Я представляла себе, как слова покидают ум какой-то волшебницы, её кровь подобно чернилам капает из ушей, стекая на пол. Поток крови, скользящий к ближайшему листу бумаги, будь то тонкая салфетка, газета или пергамент. И как только он находил нужное, мысли начинали проступать на страницах, буква за буквой, пока буквы не становились словами, а слова не обретали память.

Одна за другой, пока вся её жизнь не обретала форму с её последним вздохом.

Но через час я закрыла и этот тяжёлый том, поморщившись от прикосновения к меховой обложки. Белёсые пушинки мягко поднимались в воздух, словно семена одуванчика, и я чихнула.

Раздражение стало мощным тараном, ударившим под рёбра, пока я сидела, закутавшись в свой пушистый синий кардиган. За последние четыре часа я прошлась по двум дюжинам компендиумов, архивам журналов Опустошителей, приложениям, «Бессмертиям» и другим древним справочникам. И не нашла совершенно ничего.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

У чародеек были свои силы, у лукавых — свои таланты, но я всегда могла полагаться на свою память. Раз увидев или прочитав что-то, я никогда этого не забывала. Я прочла почти каждый том в библиотеке гильдии хотя бы раз, и обычно одного раза было достаточно, чтобы запомнить книгу.

Обычно. Я видела эту фразу — «Приз Слуги» — где-то, и было удивительно и мучительно снова искать её. Даже Библиотекарь не смог отыскать её среди своих обширных запасов редких знаний.

Я перевернула телефон экраном вверх, чтобы взглянуть на него. Никаких сообщений. Ни одного ответа на сотню звонков или смс, которые я отправила Кабеллу, чтобы узнать, как у него дела.

«Приз Слуги… Приз Слуги…»

«Приз» мог означать что угодно — что-то, что было выиграно, или просто предмет, предоставленный как знак или в награду. Оружие, одежда, украшение, предмет силы, даже локон волос.

— Ох уж эти сложности, — пробормотала я.

Я потерла уставшие глаза и сделала долгий, выравнивающий вдох. Сладковатый, мускусный запах старых книг и кожи наполнил мои лёгкие, сглаживая острые грани раздражения. Витражное окно за моей спиной вздохнуло в ответ, и холодные щупальца осеннего воздуха проскользнули вокруг, заигрывая с пламенем свечей на длинном, пропитанном чернилами рабочем столе.

Я любила библиотеку нашей гильдии больше, чем любое другое место на свете. Её постоянство, тысячи выходов в миры, которые дарила каждая книга, неотъемлемое присутствие Библиотекаря, шагавшего по своему дневному маршруту. Она была, как звезда, видимая в любой сезон, не тускнеющая под облаками и не исчезающая на расстоянии — единственное обещание в моей жизни, которое было исполнено.

Библиотека — это дом для тех, кто мечтает о лучших местах, и эта не стала исключением.

Я покатала свой термос с растворимым кофе по столу, позволяя мыслям унестись.

На звук несколько библиотечных кошек вынырнули из щелей между книгами. Другие дремали в лужах света от свечей, мерно помахивая хвостами во сне. Ещё несколько охотились вдоль плинтусов на спрятанные проклятия и аппетитных маленьких мышек.

Кошки были такой же частью библиотеки, как и книги. Здание, бывшее некогда хранилищем чародейки, было изрыто тайными проклятиями ещё до того, как члены гильдии начали приносить сюда запечатанные «Бессмертия» и зачарованные реликвии. Поколения кошек бродили по этим коридорам с тех пор, и их сверхъестественная способность чувствовать магию часто служила последней защитной линией между Опустошителями и неизбежной, ужасающей смертью.

На едва различимое «пик-пик» я посмотрела в сторону полок возле камина и заметила, как одна из кошек, Тыква, толкает передвижную лестницу, чтобы убрать её с дороги, потеревшись о знакомую линию кожаных корешков книг.

Верхние полки, утопающие под самым потолком, были кладбищем повреждённых или устаревших книг, а нижние содержали те труды, что составляли основу ремесла Опустошителей: собрания фольклора, сказок и мифов.

Даже Нэш, этот образец халатного опекунства, сделал себе правило обучить Кабелла и меня этим книгам — как систематизировать сказания и, что ещё важнее, как использовать их, чтобы определить, может ли реликвия оказаться настоящей.

Может, я всё неправильно понимала. Я предполагала, что у приза могло быть другое, более распространённое название, но даже не подумала задуматься о «Слуге», которому он принадлежал.

Я взглянула на стопку энциклопедий, журналов и «Бессмертий» рядом со мной, а затем снова на полку.

Подошла к полке, ощущая взгляды, следящие за каждым моим движением.

Взяла наугад несколько сборников сказок — немецкие, русские, норвежские — в дополнение к тем, что знала, что мне понадобятся, и вернулась к столу. Почти сразу же Тыква прыгнула на стопку, возмущённо мяукнув из-за того, что я её игнорировала.

— Прочь, очаровательный вредитель, — сказала я, отодвигая её с книг, чтобы пролистать сборник немецких сказок. Братья Гримм никогда меня не подводили.

С диким криком, словно из самых глубин ада, Тыква метнулась по столу, обрушив свои когти на книги с такой силой, что они разлетелись по всему столу и упали на пол.

— Ты неисправимый зверь, — прошептала я. — И после всех угощений, что я тебе тайком приносила!

Тыква просто свернулась клубочком на книге японских легенд, самодовольно облизывая лапу. Я одарила её сердитым взглядом, а затем наклонилась со стула, чтобы собрать разбросанные тома. Большинство из них были в порядке, но задняя обложка *Легенд болот* теперь украшалась свежим шрамом от когтей взбесившейся кошки, а *Сказания Камелота* приземлились лицевой стороной вниз.

Я поморщилась, поднимая книгу. Страницы, хрупкие, словно высушенные кости, были изогнуты под жесткими углами или частично порваны по краям.

Осторожно разгладила глубокие складки на страницах, пальцы скользили по гравюре, изображающей женщину в изящном платье, с длинными волосами, струящимися по плечам, словно потоки солнечного света. Рыцарь стоял на коленях перед ней, протянув одну руку. Под иллюстрацией крошечными буквами значилась подпись *Леди Озера, известная как La Dame du Lac во французских рукописях, вручает Ланселоту магическое кольцо в Авалоне.*

Кто-то тёмной чернильной чертой добавил апостроф между *L* и *a* в имени Ланселота: *L'ancelot*. Маленький знак, раскрывающий происхождение имени и намекающий на его значение.

Я знала французский лишь поверхностно, но этого было достаточно для догадки. Достала телефон и, сохраняя как можно более спокойное выражение лица, проверила своё подозрение.

Ancelot. Слуга. *L'ancelot*. Слуга.

Мои губы сжались, пока я старалась не выдать своих эмоций. Эта история мне была знакома. Это было одно из последних сказаний, которые рассказывал нам Нэш, прежде чем однажды ночью он ушёл и больше не вернулся.

Верховная Жрица того времени воспитывала Ланселота в Авалоне с детства. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы встретиться с опасностями двора короля Артура, она дала ему кольцо от имени своей богини, известное как Кольцо Разрушения или Кольцо Рассеивания.

Эта реликвия была способна разрушить любое проклятие или заклятие, но уловка — а она всегда была — состояла в том, что, чтобы завладеть кольцом, его нужно было забрать силой.

Иными словами, убить текущего владельца и затем провести оставшуюся жизнь в ожидании той же участи.

Чёрт бы тебя побрал, подумала я, потирая переносицу.

Я считала Кольцо Рассеивания как возможное средство от проклятия Кабелла несколько лет назад, но Нэш, одержимый сокровищами, настаивал, что оно было уничтожено ещё до того, как Авалон отделился от нашего мира.

Но если Эмрис Дай искал кольцо Ланселота от имени Мадригал, значит, оно не только не было уничтожено, но и Мадригал верила, что его можно найти.

Это означало, что у меня появился шанс — настоящий шанс — разрушить проклятие Кабелла и положить этому конец.

В «Бессмертиях» волшебниц, пришедших из Иных Земель, имелись многочисленные упоминания о кольце, но только одно за последние сто лет. «Бессмертие» чародейки Ровенны.

Я заставила себя, делая вид, дочитать немецкие сказки, а затем пролистать русские легенды. Всё это время мой ум лихорадочно работал, вспоминая строки из «Бессмертия» Ровенны, пока я не смогла вызвать в памяти нужную страницу.

Как жаль, что я потеряла Кольцо Рассеивания из-за этой мерзкой коровы Миффанви. Теперь у меня не осталось ничего от Авалона…

К сожалению, в библиотеке не было «Бессмертия» Миффанви, но был шанс — такой же хороший, как и любой другой, — что семейство Дай хранило его в своей личной коллекции, расположенной в подвале библиотеки.

Но прежде мне нужно было кое-что подтвердить.

Я открыла наугад страницу в «Легендах болот», досчитала до ста, затем притворно взвизгнула от неожиданности и, собрав свои вещи в спешке, оставила книги на столе, помчалась к атриуму, бросив через плечо:

— Спокойной ночи, Библиотекарь! — прежде чем изобразить открытие и закрытие двери «Все пути»

Рядом с ней находилась ещё одна дверь, скрытая, в панелях справа. Я надавила на неприметную лепнину, и дверь отворилась, открывая лестницу на чердак. Медленно поднялась, избегая ступеней, которые, как я знала, скрипели. Пыльное чердачное пространство, заваленное различными ящиками с припасами, встретило меня. Я не стала включать свет или оглядываться на наши старые спальные мешки, свёрнутые в углу. Легла на пол и приникла к трещине между досками, сердце бешено колотилось.

Септимус и его сообщники находились чуть в стороне от моего обзора, но я прекрасно слышала их, когда они подошли к моему рабочему столу, чтобы забрать «Легенды болот».

— …как мы можем быть уверены, что она действительно ищет его? — шёпотом спросил Гектор.

Я резко вдохнула, стараясь расслышать хоть что-то сквозь внезапный шум крови в ушах.

— Они примут любую работу даже от самой жалкой колдуньи, и если это нужно Совету, то значит, это нужно и всем остальным, — прошипел Септимус. — Награда будет слишком велика, чтобы они могли отказаться.

Крысинное дерьмо, подумала я.

Ничего из этого не могло быть случайным. Они точно говорили о Кольце Рассеивания.

Эмрис был не единственным Опустошителем, кто искал это кольцо; теперь звучало так, будто весь Совет вовлечён в это — и у них была фора. Горечь оставила неприятный привкус на языке.

— Может, стоило просто схватить её и покончить с этим, — проворчал Финеас. — Не хочу тащиться через все болота Англии в поисках его гниющего трупа. А что, если

кто-то из них найдёт его раньше нас? Нам никогда не вытащить его из лап Совета, а потом нам придётся опасаться гнева Эндимиона…

— Замолчи, старый дурак, — резко оборвал его Септимус, захлопывая тяжёлую книгу и направляясь к двери «Все пути». — Хватит с нас. Мы не можем потерять ещё час.

Мой пульс ускорился в такт его быстрым шагам. Ужас наполнял меня медленно, но не менее ядовито, когда его последние слова эхом отдались на полированных каменных плитах подо мной.

Я перекатилась на спину, мысли вихрем закрутились в бурю тревоги и страха. Лежа там, в тёмной тишине, слова Септимуса всплыли в моём сознании, пронзая хаос.

Где он оставил тебя и твоего брата?

Я поднялась с пола, чувствуя себя так, будто продираюсь сквозь холодную, тёмную воду, и направилась обратно вниз. Проходя под мраморной аркой библиотеки, снова увидела послание, высеченное на ней:

ТЕ, КТО УКРАДЁТ СОКРОВИЩА, УМРУТ, ЗАБЫТЫЕ ПЕРОМ, ДРУЗЬЯМИ И РОДСТВЕННИКАМИ

Основатели гильдии договорились с одной из колдуний, чтобы наложить это проклятие, и его сигилы, вырезанные на стене, были спрятаны за стеклом над столом Библиотекаря, чтобы кошки не попытались его растерзать. Они по-прежнему собирались перед ним каждый день, шипя. Ждали, пока кто-нибудь из нас, глупых людей, не снимет эту долго созревавшую тёмную магию.

Но никто никогда этого не сделает. Это была единственная страховка гильдии, гарантирующая, что пожертвованные реликвии и книги останутся в здании, даже для Опустошителей, которые их принесли. Потерять доступ к этому храму информации — и быть проклятым в забвение, лишённым всех прав на похвальбу — оказалось слишком большим испытанием для большинства Опустошителей, чья жизнь зависела от их репутации.

— Библиотекарь? — позвала я.

Тяжёлые шаги раздались по полу, когда Библиотекарь появился из дальнего кабинета, к его металлическому корпусу прилипли случайные кусочки бумаги и упаковочной ленты. При виде его и знакомого мягкого жужжания внутренних механизмов я ощутила тёплое чувство.

Автомат двигался, словно был создан вчера, а не тысячи лет назад в мастерской Дедала — или самого Гефеста, в зависимости от того, какой легенде верить. Для большинства он, должно быть, выглядел как странный андроид или бронзовая статуя, внезапно ожившая и сошедшая с пьедестала.

Древняя, странная живительная ртуть текла через промежутки в его металлических суставах и вокруг глаз. Его металлическое, неподвижное выражение в детстве казалось мне пугающим, но теперь я находила в его постоянстве утешение.

— Да, юная Ларк? — пробормотал он на древнегреческом.

В своей прошлой жизни, когда библиотека ещё была хранилищем чародейки, автомат охранял сокровища внутри, хотя сам являлся самым ценным экспонатом её коллекции. Гильдии удалось перепрограммировать его так, чтобы он стал хранителем библиотеки и беспристрастным исполнителем её правил. Но, хотя автомату можно было показать, как пользоваться пылесосом, обучить его современному языку оказалось невозможно.

Кабелл, эта вечная загадка, почти мгновенно овладел тремя древними языками, которыми мы чаще всего пользовались в нашей работе, когда нам было всего по

двенадцать лет — что меня безмерно раздражало. Даже с фотографической памятью мне понадобились месяцы, чтобы выучить древнегреческий, латынь и древневаллийский, и я до сих пор говорила на них с трудом.

— Ты знаешь, у Даев есть «Бессмертие» колдуньи Миффанви? — услышала я собственный голос.

— Нет, — ответил Библиотекарь. — У них его нет.

Я уже собиралась вернуться к своему рабочему столу, когда странный голос Библиотекаря заставил меня остановиться.

— Его нет, потому что оно было уничтожено вчера. Молодой Дай попросил меня избавиться от него.

— Уничтожено, — повторила я, стиснув зубы.

— Да, из-за протечки, — сказал Библиотекарь, явно повторяя ложь, которую ему сообщил Эмрис. — Настоящая трагедия.

Библиотекарь даже не подозревал, насколько правдивы его слова. Эмрис забрал воспоминания колдуньи о Кольце Рассеивания себе, лишив всех остальных возможности их увидеть.

Но это лишь подтвердило мне, что Приз Слуги и Кольцо Рассеивания были одним и тем же. Здесь скрывалось нечто большее. Подозрение зудело в моей голове, словно шершень.

Я снова села за свой стол. Моя кожа была ледяной, как окна позади меня, когда я достала дневник Нэша и открыла последнюю запись.

Закодированное сообщение было окружено десятками слов, которые Кабелл и я пробовали, чтобы разгадать его тайну. Взяв листок черновой бумаги, я добавила ещё одно слово в этот список: *Ланселот*. И ещё одно. *Рассеивание*. И ещё одно. *Кольцо*.

Я глубоко вдохнула и попробовала ещё одно слово: *Миффанви*.

Имя малоизвестной колдуньи, с которой у нас никогда не было дел, которая почти не сделала ничего примечательного со своей магией, которой суждено было стать лишь сноской в чужой истории.

Использовав имя Миффанви в качестве ключа, я переставила буквы алфавита и начала заменять их на те, что были написаны. Из букв сложилось слово. Затем предложение. И, наконец, ответ на тёмный вопрос, преследовавший нас почти семь лет, внезапно обрел форму. Призрак прошлого материализовался перед моими глазами.

Это было не сообщение и не воспоминание, а заметка самому себе.

Нужно идти одному и убрать оружие перед встречей — чародейка хочет доказательств, что это кинжал Артура, перед обменом — как? Тинтагель, без четверти полночь. Использовать фразу «У меня есть твой дар» для опознания.

Меня окатила странная волна спокойствия.

Тинтагель.

Место, где мы разбили лагерь после недель поисков кинжала Артура, Карнвеннана.

Место, где Кабелл и я легли спать в палатке, чтобы проснуться и обнаружить, что наш опекун исчез.

Место, где Нэш встретился с колдуньей под покровом ночи, чтобы обменять кинжал на Кольцо Рассеивания.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 6

После того как я перевязала его раны, насколько могла, я оставила Кабелла отдыхать в его комнате и отправилась в библиотеку. Но, выскочив из шкафа с бельём, воодушевленная своим открытием, я застыла при виде его открытой двери и пустой кровати.

— Каб? — позвала я. Он уже убрал следы нашей схватки. Резкий, лимонный запах пятновыводителя поднимался вокруг, пока химикаты старательно впитывали кровь с ковров.

— Здесь, — послышался тихий ответ.

Я двинулась по короткому коридору в тёмную гостиную, затем повернула к кухонному уголку и вдруг поняла, что тень на диване — это мой брат. Я включила верхний свет, и моё дыхание перехватило при мысли о том, сколько времени он провёл здесь в одиночестве.

Кабелл поморщился от резкого света. Открытая бутылка пива стояла перед ним на журнальном столике, всё ещё полная. Он смотрел на свои скрещённые руки, взгляд расфокусирован на сигилах проклятия, вытатуированных на коже. Кроме нескольких порезов и синяков, он выглядел целым. Только вот это был не совсем он.

Я села на пол с другой стороны столика, напротив него. Не задумываясь, закатала рукава, опираясь на стол.

— Это я сделал?

Кабелл всё ещё не смотрел на меня. Слова сорвались с его губ так, будто их пришлось выскрести из самого горла.

Я не любила лгать брату, поэтому вместо этого спросила:

— Что ты помнишь?

В его глазах не было света — вообще ничего не было. Его плечи поникли.

— Достаточно.

— Можешь пояснить?

— Всё. До последней секунды. Это то, что ты хочешь услышать? — Его ногти были темнее и длиннее, чем обычно, а на тыльной стороне ладони всё ещё оставалась густая шерсть. Я вглядывалась в него, кровь стучала в ушах.

Невозможно, подумала я. Остаточные эффекты проклятия никогда не держались на нём так долго.

— Прости, — сказал он через мгновение. — Я злюсь на себя, не на тебя.

Что-то тёмное нарастало в его выражении, как тучи, собирающиеся в грозу. Воздух словно сгустился вокруг нас, бурля от напряжённых мыслей. Я боялась пошевелиться, дышать, чтобы не выпустить первый удар ливня.

— Это была не твоя вина, — сказала я. — Ты же понимаешь это?

— Почему я не смог это остановить в этот раз? — спросил он. — Что, если в следующий раз я не смогу вообще вернуться? Что, если в следующий раз… — слова застряли в его горле, — что, если в следующий раз я убью тебя? Думаешь, я смогу жить с этим?

— Не обязательно должен быть следующий раз, — ответила я. — Вот что я хочу обсудить с тобой.

Кабелл издал звук, что-то между вздохом и коротким смешком, но молчал.

— Возможно, есть способ найти Кольцо Рассеивания, — прошептала я.

— И что?

На мгновение я потеряла дар речи.

— И что? — повторила я. — Ты слышал, что я только что сказала?

— Разумеется, — спокойно ответил он.

— Дело не только в этом, — сказала я. — Мадригал наняла Наследника, чтобы найти его, и я выяснила сегодня, что другие колдуньи тоже его ищут. И Септимус Ярроу с его шайкой тоже. Я, наконец, разгадала последнюю запись в дневнике, Каб. Нэш пытался обменять кинжал Артура на кольцо той ночью, когда исчез. Вот почему он привёл нас в Тинтагель.

По моей спине пробежал холод при виде его безразличного выражения. Никакого удивления. Никаких эмоций. Темнота, настолько густая, что никакой свет не мог её пробить.

— Да, — сказал он. — Я знаю.

Мир вокруг меня начал отступать. Шум с улицы за окном исчез под громовым стуком моего сердца, пульсом, бьющимся в моих висках.

И тут всё обрушилось на меня волной давления и ужаса, такой же удушающей, как и болезненной.

— Ты знал? — потребовала я. — Всё это время?

— Он сказал мне той ночью, когда ты заснула, — ответил Кабелл.

Мои губы приоткрылись, но звук так и не сорвался с них.

— Он заставил меня пообещать, что я не расскажу тебе, — продолжил Кабелл, пожав плечами.

Я знала, что Нэш доверял ему больше — обучал его так, как никогда бы не обучил простую смертную, как я. Но это был Нэш, не Кабелл. Нас оставили дважды: сначала наши семьи, а затем Нэш. Мы были друг у друга, и чтобы выжить, у нас не должно было быть секретов. Я это понимала, и думала, что Кабелл тоже.

— Он встречался с колдуньей, — объяснила я. — Она выжила после их встречи, а затем умерла и создала «Бессмертие», которое потом уничтожили. Но я думаю, что, если мы вернёмся в Тинтагель, то можем найти что-то, что упустили в прошлый раз. Нэш мог оставить там подсказку для нас.

— Прекрати, — резко сказал Кабелл. — Просто… прекрати. Ты хоть слышишь себя? Подумай, Тэмсин. Всё очевидно. Колдунья забрала кинжал, а потом убила его. Вот почему он не вернулся. Единственный вопрос — что она сделала с его телом. Я не рассказал тебе, потому что не хотел, чтобы ты жила с мыслью, что мы могли его спасти — как живу я все эти годы.

Он был прав. Это было самое логичное объяснение. Но я не собиралась уступать логике без борьбы.

— Это не причина, чтобы молчать, — сказала я. — И это не единственное объяснение. Нэш мог быть проклят, мог потерять память или быть заточён где-то. Если есть хотя бы шанс, что он жив, мы должны найти его и кольцо первыми, иначе кто-то другой убьёт его ради этого кольца.

— Он мёртв, — отрезал Кабелл. — Повторю ещё раз: он. мёртв.

Эти слова задушили ту крохотную искру надежды, которую я хранила.

— Пусть так, он мёртв. Но это не значит, что Кольцо Рассеивания не существует. Мы можем попробовать проследить его шаги, выяснить, кто убил колдунью. — Кабелл покачал головой, и от этого жеста у меня сжалось горло, голос стал дрожать от отчаяния. — Мы могли бы найти кольцо и договориться с Мадригал, чтобы она использовала его на тебе.

— Договориться с колдуньей? — хмыкнул Кабелл. — Повзрослей, Тэмсин. Это не сказка. Нет счастливых концов, нет волшебных спасителей и счастья навсегда. Есть только это.

Он указал на густую шерсть на тыльной стороне своей руки. Я смотрела на него, и по мере того, как тишина между нами затягивалась, у меня в животе всё скручивалось и пустело.

Наконец, он выпустил сухой смех, лишённый всякого тепла.

— Ты не понимаешь. У меня даже нет выбора, чтобы сдаться. Всё это было ясно уже давно, но ты была слишком упрямой, чтобы это принять.

— Это не очевидно! — возразила я. — Я знаю, что сложно верить в возможность, но это самая лучшая зацепка из всех, что у нас были.

— Ты ничего не понимаешь, — огрызнулся Кабелл. — Скажи мне, что такого в этой жизни, что я должен бороться, чтобы остаться в ней, Тэмсин?

Я резко вдохнула, стараясь не позволить гневу вскипеть в крови.

— Если ты знал о кольце всё это время… если ты чувствовал это годами… зачем позволял мне искать способы снять проклятие? — потребовала я. — Зачем позволял мне проверять на тебе одну теорию за другой?

— Я так и не понял, зачем тебе было перечитывать все эти книги, когда у тебя и так идеальная память, — пожал он плечами, и это был самый бездушный жест, который я когда-либо видела от него. — Но это занимало тебя и, казалось, делало тебе лучше.

— Меня? — переспросила я, отстраняясь.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — сказал Кабелл, будто наслаждаясь моим дискомфортом, пока делал долгий глоток пива. — Ты думаешь, что можешь контролировать всё, и это убережёт тебя от плохих вещей. Но мир так не работает, Тэмсин. Ты такая же бессильная, как и все остальные. На самом деле, даже ещё более бессильная, что делает это ещё более жалким.

— Так, просто уточню: тебе всё равно, если я отправлюсь искать Нэша и кольцо? — сказала я. — Тебе всё равно, что Опустошители и колдуньи будут охотиться на нас, чтобы найти его? Ты не хочешь принимать в этом участия, и тебе абсолютно безразлично?

— Неважно, — сказал Кабелл, поднимаясь на ноги и направляясь к входной двери, — ведь я сомневаюсь, что ты продвинешься в этом деле, учитывая, что у тебя нет Ясновидения. Но, пожалуйста, попробуй. Посмотрим, как далеко ты сможешь уйти с Игнатиусом. Живи своей жизнью как тебе вздумается, а мне уже давно пора начать делать то же самое.

— Прекрати, — сказала я, еле выдавив слова. — Ты говоришь точно, как…

— Как кто? — рявкнул Кабелл, натягивая ботинки. — Как Нэш?

Я вздрогнула.

— По крайней мере, он умер, занимаясь тем, чем хотел, — сказал Кабелл, потянувшись за кожаной курткой, которую унаследовал от нашего опекуна. — И, если мне осталось немного времени до того, как проклятие заберёт меня, я тоже собираюсь заняться тем, чем хочу. Я устал тратить время и делать вид, что это всё что-то значит только потому, что ты до смерти боишься остаться одна.

Я прикусила язык, пока не ощутила привкус крови.

— Ты и правда весь в него, — сказала я, вставая. Если он собирался меня ранить, я могла ответить ему тем же. — Ты сдаёшься при первых же трудностях.

— И всё же это ты гоняешься за ним, — отпарировал Кабелл. — Притворяясь, будто делаешь это ради меня. Ради кольца.

Я застыла.

— Конечно, это никак не связано с твоим желанием найти его, — продолжал Кабелл. — Это никак не связано с тем, что мы остаёмся в Бостоне, хотя он утверждал, что именно здесь тебя бросили. На что ты надеялась? Что кто-то из твоих нерадивых родителей увидит тебя на улице? Узнает? Пожалеет, что когда-то…

Резкая, горячая боль пронзила грудь.

— Не смей, — предостерегла я, — заканчивать эту фразу.

Кабелл сжал ручку двери, но не двинулся с места.

— Ты моя единственная семья, — сказала я ему. — Я отправлюсь за кольцом, как только колдунья Гринда пришлёт кого-то за медальоном, который мы достали для неё. Она сказала, что это будет сегодня вечером.

Кабелл никак не отреагировал на мои слова.

— Слишком многие охотятся за кольцом, чтобы ждать, — продолжила я, — и слишком многие подозревают, что Нэш был последним, у кого оно было. Если ты не хочешь помочь мне, хотя бы собери вещи и постарайся скрыться, пока всё это не закончится.

— Я сделаю даже лучше и не вернусь вообще. — Он открыл дверь и вышел. Либо он прошептал, либо я только вообразила его последние слова, когда он прошёл мимо: — Люблю тебя.

— Не умирай, — сказала я ему в ответ, хоть он уже и ушёл.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Мои колени будто стали песчаными. Я тяжело села на край деревянного журнального столика и допила его пиво.

Я знала, что ему больно; я видела это каждый день, как свет, преломляющийся на гранях призмы. Он стал чуть более безрассудным, чем обычно, но я думала, что это вызвано его раздражением и нетерпением найти решение.

Мне и в голову не приходило, что он мог захотеть уничтожить себя раньше, чем проклятие успеет это сделать.

Я должна была остановить его, не дать ему уйти. Заставить его остаться и обсудить всё со мной. В это время ночи бродить по улицам было не лучшей идеей, даже если у тебя есть маленький нож на связке ключей и соль в карманах.

Повзрослей, Тэмсин. Это не сказка.

Сказки — оригинальные, а не их приукрашенные пересказы — были полны боли и страданий, являясь правдивым зеркалом человеческой природы, которую не хотели замечать. Но для Кабелла вести себя так, будто я ребёнок, увлечённый несбыточными мечтами, было почти невыносимо.

Проблема с братьями и сёстрами в том, решила я, что они годами накапливают кинжалы и знают, куда именно всадить их между твоими ребрами.

И к тому же, именно Кабелл был тем, кто хотел искать Нэша ещё долгое время после того, как стало ясно, что Нэш оставил нас, как последний глоток холодного кофе. Он был тем, кто цеплялся за идею, что Нэш всё ещё где-то там, пытается вернуться к нам. Он был тем, кто каждую ночь плакал по этому поводу в те первые месяцы, когда мы умирали от голода и усталости, спали на улице среди зимних лесов.

В Тинтагеле не было никаких признаков драки, ни следов проклятия, ни даже следов, которые могли бы показать, что Нэш, попьяне, шатаясь сорвался с края утёса у

развалин замка. Холодное море так и не вернуло его тело к скалистым берегам. Единственные следы, что мы нашли в грязи и снегу, вели к замку и не вели обратно.

Но если он был жив, почему он не вернулся? Почему он не использовал кольцо, чтобы снять проклятие с Кабелла?

Я закрыла глаза и сильно мотнула головой. Неважно, был ли Нэш жив, но без кольца, или мёртв и похоронен вместе с ним. Мне нужно было узнать его последнее местонахождение, чтобы найти след кольца, прежде чем это сделают другие.

Но для этого мне нужно было кое-что. В том числе, как напомнил мне Кабелл, *Ясновидение*.

И был только один способ получить то, что мне нужно…

Спокойствие овладело мной, когда я мысленно наметила первые штрихи плана. Когда каждый шаг начал обретать ясность, я почувствовала, что моё тело снова стало крепким, а мир вокруг обрёл устойчивость.

Наклонившись, собрала кучу почты, которую прежде проигнорировала, с пола.

Я развернула газету, бегло просматривая заголовки на первой странице. Растущие цены на газ. Аномальный ледяной шторм в Британии.

Последний привлёк моё внимание, и я быстро прочитала первые несколько абзацев:

За одну ночь дороги по всей Великобритании покрылись льдом, несмотря на отсутствие снега и неделю рекордных высоких температур…

Я отнесла всё это на кухню — и с ужасом выронила на столешницу.

— Флоренс, нет!

Я подняла свой маленький горшочек с суккулентом с подоконника. Едва прикоснулась к нему, как он драматично сбросил свои болезненно коричневые листья, оставив только голый стебель.

— Что случилось? — спросила я. — Ещё недавно ты был в порядке… Слишком много воды? Жара? Винстон справляется, так что с тобой не так?

Винстон был алоэ, которое я нашла в мусорном баке соседа вместе с Флоренс.

Краем глаза я заметила движение. Я подняла взгляд на окно передо мной и столкнулась с пристальным взглядом огромной жабы.

— О Боги, — вздрогнула я.

Жаба даже не моргнула, вместо этого издав громкий, раздражённый квак. И когда я не шелохнулась, квакнула снова.

Я наклонилась над раковиной и открыла окно. Жаба уютно устроилась в ящике с травами, где я выращивала немного розмарина для защиты от беспокойных духов с дурными намерениями.

— Ты давишь мою мяту, — пожаловалась я.

Жаба прыгнула на подоконник, и тут я заметила тонкую чёрную ленту, прикреплённую к её лапе. На ленте серебром было выгравировано изображение скрещённых ключей — знак колдуньи Гринды.

Наконец-то, подумала я.

Мы завершили её задание несколько недель назад, но она не захотела, чтобы я доставила вещь в её дом где-то в Италии, так как была занята «решением важных вопросов, связанных с Советом Сестер».

Я предполагала, что колдунья просто не хочет, чтобы смертная, а тем более Опустошитель, знала местоположение её основного жилища. Большинство колдуний так поступали. Другие же, как Мадригал, были настолько могущественны, что не боялись никого.

— У меня всё готово, — сказала я существу. — Подожди секунду.

Я рванула в маленький офисный уголок, замедлив шаг, когда подошла к карточному столику, который служил мне столом.

Моя половина уголка была хаотичной бурей из бумаг, кусков ткани, журналов, книг и различных сломанных инструментов, от которых я не могла избавиться, в то время как у Кабелла всё было аккуратно и безупречно. Большинство его кристаллов были бережно разложены в прозрачных контейнерах, а некоторые оставлены на подоконнике, чтобы зарядиться при свете следующей полной луны.

Я достала украшенный рубинами медальон из сейфа под столом, разворачивая шёлковую ткань, чтобы убедиться, что всё на месте. Камни приветливо засверкали, и я быстро снова укрыла его, чтобы не дать шансу какому-нибудь адскому проклятию, которое наверняка в нём таилось.

— Вот он, — сказала я жабе, но замерла, не зная, куда положить медальон.

Она преданно открыла рот, но я держала медальон чуть выше её бородавчатой головы, не позволяя его взять.

— Оплата должна быть при получении, — сказала я, — и мы принимаем только наличные или их эквивалент в золоте или драгоценных камнях…

Жаба квакнула и издала рвотный звук. Раз, два, три кусочка сапфиров упали в землю ящика, покрытые толстым слоем слизи. Жабье горло продолжало надуваться, издавая нетерпеливый звук.

Я осторожно наклонилась над раковиной и бережно вложила медальон в её ожидающий рот.

— Постарайся не подавиться.

Существо развернулось и исчезло в ночи.

— Да, и мне тоже было приятно иметь с тобой дело, — пробормотала я, выковыривая сапфиры из земли и промывая их под слабо журчащей струёй воды. Я оставила окно открытым, нуждаясь в прохладном воздухе.

Тишина вновь обволокла дом, нарушаемая только громкими звуками из телевизора соседей, пробивающимися сквозь стену.

Я налила себе стакан воды и бессмысленно вылила немного в горшок Флоренс. Вид увядшего растения причинял мне странную боль, которую я ненавидела признавать. Оно выглядело… мертвым.

Слова Кабелла снова всплыли в моей памяти, вплетаясь в ночную тишину кухни вместе с холодным осенним сквозняком.

Что такого хорошего в этой жизни, чтобы я должен был за неё бороться?

Я прижала край стакана к губам, мой взгляд скользнул обратно к двери. Если это было то, чего хотел Кабелл — отпустить, — имела ли я право вмешиваться?

— Да, — прошептала я.

Не осознавая, что делаю, я вытащила колоду Таро из сумки и освободила карты из их бархатного мешочка. Я не стала их тасовать, просто положила рядом с Флоренс и перевернула верхнюю карту.

На ней была изображена женщина в белом платье, с завязанными глазами, держащая два перекрещённых меча перед собой. За ней бурное море. Над ней — полумесяц. Символ баланса. Взвешенных решений. Совет. Двойка мечей.

Взвесь варианты. Не спеши. Прислушайся к своей интуиции.

— Что же я делаю? — выдохнула я, отпуская карту.

Снаружи послышался шорох в кустах — неясное пятно движения и цвета, что встряхнуло листья, когда что-то пронеслось мимо. Я поднялась на столешницу,

частично высунувшись в окно, чтобы увидеть, что или кто это был. Но там было только несколько следов, которые могли принадлежать кому угодно и когда угодно. Вероятно, это была просто дикая кошка.

Тем не менее, я закрыла окно и заперла его.

Мой взгляд снова упал на карту Таро.

Если я не могла заставить брата бороться… хотеть жить… то я, по крайней мере, могла дать ему настоящий выбор.

Я собрала всё, что, как думала, мне понадобится для поездки, положила сапфиры в конверт для Кабелла и оставила их на его столе, а затем отправила ему последнее сообщение: *Уезжай из города, как только сможешь.*

И выключила телефон. Никто не сможет использовать его, чтобы отследить меня. Бросив последний взгляд на квартиру, я вставила ключ от библиотеки в дверцу шкафа как раз в тот момент, когда небо начало светлеть от рассвета, который мне не суждено было увидеть.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 7

«— и здесь Ричард, граф Корнуэльский, один из богатейших людей в стране, построил свой замок с мечтой превзойти даже легендарный Тинтагель, каким он когда-то был. Сотни лет назад это поселение вело торговлю по всему Средиземноморью и, возможно, даже принимало древних королей, служа местом их коронации…»

Я уже слышала эту экскурсию трижды: гида словно не покидало вдохновение ни в солнечный день, ни теперь, когда над горизонтом собирались грозовые тучи, а холодный ветер поднимал волны, предупреждая о надвигающейся буре.

Настоящая корнвеллка, не смутившаяся даже при виде бушующего шторма, медленно подступающего к берегу, она лишь твёрже упёрлась ногами в землю и начала кричать ещё громче. За последние минуты её слова становилось всё труднее расслышать сквозь воющий ветер и грохот беспокойного моря внизу.

Плотнее закутавшись в свой слишком большой фланелевый плащ, я последний раз взглянула на тёмное, беспокойное море, а затем отступила глубже в руины некогда величественного замка Тинтагель.

Сквозь холодный воздух заморосил мелкий дождь, и стальной небосвод придал зловещий блеск влажному лишайнику и мху, цепляющимся за осыпающиеся стены. Из земли, как тревожные призраки, поднимался туман, клубясь вокруг нас в непостижимых узорах. Мороз пробежал по моей спине, когда я ощутила, как это место обволакивает меня, увлекая в свои туманные глубины.

— Вы можете увидеть, как стены великого зала были реконструированы после того, как более ранние постройки рухнули в море…

Ещё один гид, одетый в жёлтый плащ, поспешил к группе, громко выкрикивая:

— Прошу прощения, на этом всё на сегодня. Если ветер усилится ещё хоть немного, вас всех сдует с острова.

Эта фраза вызвала у туристов несколько нервных смешков. Ветер уже закручивался вокруг нас с такой силой, что чуть не сбросил пожилую женщину в море.

— Следуйте за мной, — крикнул гид, — назад к мосту!

Я пришла сюда ещё утром, чтобы освежить в памяти это место после почти десятилетнего отсутствия. Гуляла среди руин, вдыхала сырой солёный воздух, прислушивалась к звукам волн и крикам чаек.

Вспоминала.

Мы бывали здесь пару раз, прежде чем произошла та роковая ночь, когда Нэш ушёл, не устояв перед этим краем легенд больше, чем мог бы перед очередной артурианской реликвией.

Уверенный, что Экскалибур вернулся в Авалон, прежде чем пути к Иным Землям были закрыты, он поставил перед собой более скромную цель — кинжал Артура. Он исследовал руины здесь, прежде чем мы продолжили поиски в других уголках Англии.

Нахождение кинжала чуть не стоило мне жизни, и тогда я научилась распознавать его присутствие по едва уловимому запаху — резкому, как небо перед снегопадом.

Теперь, вернувшись сюда… я ощущала странное чувство, словно что-то внутри меня распутывалось, ослабляя узел, о существовании которого я даже не подозревала. Мой желудок был сжат так сильно последние несколько часов, что я не могла ничего есть.

Я присоединилась к туристам, которые шли к современному мосту, соединяющему две части руин. Узкий естественный мост, делавший замок почти

неприступным в прошлом, давно обрушился, и теперь сюда вели два моста — верхний, современный, из стали, дерева и сланца, и древний, деревянный, который находился ниже, на месте, где узкий перешеек был смыт водой.

Я ухватилась за перила современного моста и пересекла его, не сводя глаз с женщины в ярко-жёлтом плаще, которая показывала нам путь. Ветер подгонял меня в спину, пока я не ступила на твёрдую, хотя и скользкую землю.

Я последовала за остальными вниз по старым извилистым ступеням, высеченным в суровой каменистой земле. Естественный цвет камня, сочетающийся с дикой травой, делал тропинки похожими на серебристых змей, скользящих по холмам.

Это было прекрасное место для рождения легенды.

Согласно *Истории королей Британии* Джеффри Монмутского — книге, которую Нэш называл «пикантной бессмыслицей Средневековья», — король Артур был зачат здесь, в стенах старого замка. Его отец, Утер Пендрагон, воспылал страстью к Игрэйне, супруге герцога Корнуэльского Горлоя. В хитроумной уловке, достойной самого Зевса, Утер с помощью великого друида Мерлина, впоследствии ставшего советником Артура, изменил свой облик, чтобы походить на Горлоя, и таким образом проник в замок и возлежал с женой другого мужчины. А бедный Горлой погиб в битве спустя несколько дней.

Джеффри Монмутский писал не правду — он собрал мозаику из народных преданий и откровенной выдумки, но в его рассказе всё же была крупица истины, хотя и украшенная до неузнаваемости.

Тем не менее, легко было понять, почему Тинтагель и соседняя деревня пленяли воображение. Эти места были дикими и драматичными — идеальные для встречи с колдуньей, чтобы обменяться чем-то важным.

Я оглянулась через плечо, когда дождь усилился, почти хлестая по мне своей яростью. Руины замка выделялись на фоне вздымающихся тёмных облаков.

Отдалившись от туристов, медленно создавая дистанцию, пока они шли обратно к деревне, я свернула с главной тропы и шагнула на сырую траву, морщась от ледяной воды, которая моментально пропитала мои носки и джинсы.

— Где же ты… — пробормотала я, прикрывая глаза рукой. Если узел развязался…

Наконец, я нашла промокшую жёлтую ленту, натянутую на густом пучке вереска, к которому я её привязала. Плечи расслабились от облегчения. Я протянула руку, нащупывая цепочку деревянных табличек, окружавшую лагерь.

Сигилы, вплетённые в гирлянду, манипулировали воздухом и светом, скрывая то, что находилось внутри, от человеческих глаз.

К сожалению, это включало и мои глаза.

Ненадолго, подумала я, ощущая, как сердце болезненно сжалось в груди.

Территория для туристических палаток располагалась севернее моего лагеря. Если я здесь, чтобы выяснить, куда пропал Нэш, мне придётся заново пройти его путь. Нэшу нравился этот маленький ровный участок земли — он был не особо защищён от ветра, но с него открывался отличный вид на руины.

Протянув руку вперёд, я пошла, пока мои ботинки не наткнулись на камни, которые я оставила, чтобы отметить вход. Обычно такие вещи устраивал Кабелл, направляя нас обратно…

Что-то острое сжалось в моём животе, когда я повернулась спиной к потокам дождя. Лицо обжигал холод, я не чувствовала ни пальцев, ни ног, и даже не была уверена, что из этого хуже.

Я собиралась развязать узел гирлянды, когда вдруг в поле зрения возникла другая палатка.

Голубое чудовище из нейлона и полиэстера, ультрасовременное и предназначенное для целой семьи, а не для одного самодовольного подростка, стоявшего у входа.

— Добрый вечер, соседка! — прокричал Эмрис сквозь дождь. — Нашла что-то интересное в руинах?

— Нет, — ответила я. — Это моё место. Я была здесь первой.

Он наклонил голову, глядя на меня с наигранной жалостью.

— А как ты это докажешь? Я мог быть здесь всё это время, спрятавшись за своими чарами, и ты бы ничего не заметила. Жаль, что у тебя нет Ясновидения.

Я зарычала, чувствуя, как ветер подхватывает подол моей куртки, пока выдираю колышки своей палатки из земли, удерживая хлопающий красный материал, чтобы он не улетел.

— Ну что ты, Птичка, не злись! — крикнул он мне вслед.

Собрав свой раскатанный спальный мешок, рюкзак с припасами и сумку с инструментами, я проскользнула дальше вниз по склону, выбрав новое место за выступом больших валунов, которые хотя бы скроют меня от его глаз, пока я не найду лучшего укрытия после шторма.

Мои ботинки едва цеплялись за грязь и мёртвую дикую траву, пока я вбивала колышки в твёрдую землю. Когда палатка, наконец, была установлена, я бросила внутрь все свои насквозь промокшие вещи и попыталась руками вычерпать лужу, которая образовалась на дне старой палатки.

Я потянулась, чтобы застегнуть молнию на входе, но замерла. Крик застрял в горле.

Палатка Эмриса снова была рядом с моей, как будто он каким-то образом сложил её, положил в карман, а затем снова развернул. На этот раз он сидел на складном стуле, с батарейным — или, что более вероятно, магическим — обогревателем у ног и чашкой чего-то горячего в руках.

— Супа? — предложил он.

— Уходи, — прорычала я.

— Без шансов, — сказал Эмрис. — Ты и правда думаешь, что я позволю тебе скрыться из поля зрения? Твой приезд сюда доказывает мою теорию, что это Нэш обменял кинжал на кольцо. Именно он охотился за кинжалом Артура…

Я застегнула молнию на палатке, отрезая его слова.

Моя палатка безнадёжно трепетала под напором ветра и дождя. Водоотталкивающий материал давно сдался, и обшарпанные заплатки покрывали её многочисленные дыры, но сейчас это было неважно, ведь все мои вещи уже промокли.

Надо было использовать монеты Мадригал и снять комнату в деревне поблизости. Я могла бы уютно устроиться рядом с камином, слушая, как дождь стучит по окнам. Но я оставила деньги для Кабелла, на случай если ему понадобится снять жильё в другом месте, пока всё не закончится.

Я подставила под сильные протечки котелок и жестяную кружку.

— Идеально… — пробормотала я. Хватит минут на пять.

Вздохнув, стянула ботинки и мокрые носки, а затем насквозь промокшую фланелевую куртку. Быстро растёрла руки, пытаясь разогнать кровь.

Внутри палатки было не тише, чем снаружи, — буря яростно хлестала по брезенту, грозя вырвать колышки из земли. Но запах влажной земли, капли воды, чистый

воздух… это всё, как ни странно, согревало меня, напоминая о чём-то знакомом. Тем не менее, между Эмрисом и воспоминаниями, что пробуждал Тинтагель, я чувствовала напряжение. Ничто не могло прогнать ощущение, что под кожей что-то ползает.

Включила светодиодный фонарь и развернула спальный мешок, пытаясь его просушить. Заставила себя пожевать немного вяленого мяса и черствых сушёных фруктов, которые нашлись на дне моего рюкзака для путешествий.

Я лежала, глядя на потолок палатки, и мысли сами собой начали блуждать. Думала о том, что делает Кабелл. Послушался ли он меня и уехал из города?

Он не хотел ехать с тобой, напомнила я себе. *Он тебе не нужен.*

Я отложила остатки вяленого мяса, ощущая, как желудок сжался слишком сильно, чтобы я могла проглотить ещё хоть кусочек. Дождь стучал по палатке, заставляя её трепетать и дрожать. Я понимала, что нужно найти способ почистить зубы и умыться, но теперь, когда, наконец, легла, не было сил даже пошевелиться.

Закрыла глаза, возвращая себе воспоминание, которое старалась похоронить долгие годы.

Та ночь была, как сотни других. Я потушила маленький костёр, и мы зашли внутрь палатки, чтобы съесть немного супа. Я видела Нэша так же ясно, как если бы он сидел рядом со мной сейчас: окаменевший отпечаток лица, которое, возможно, когда-то было красивым, но теперь покрасневшее от солнца и выпивки; светлые волосы и щетина, сверкающая серебром; искривлённый мост носа, сломанный раз, возможно, сто. У него были глаза подростка — небесно-голубые и сверкающие, когда он рассказывал одну историю за другой.

Ложись, Тэмси, — сказал он, отрывая взгляд от своего дневника, куда записывал свои заметки. *Поспи, пока можешь. Мы уходим на рассвете.*

Мы уходим. Худшее обещание, которое он когда-либо нарушил.

Я прокручивала это воспоминание сотни раз, стараясь отыскать какой-то мельчайший, незамеченный прежде нюанс.

Открыла глаза и положила руки на живот, чувствуя, как он поднимается и опускается с каждым вдохом. Даже несмотря на шум ветра снаружи, тишина внутри палатки была угнетающей. Я постучала пальцами по своим ладоням, пытаясь ослабить ощущение, что под кожей что-то ползает.

Одиночество обвивало меня. Только этим можно было объяснить, почему я потянулась к знакомому комочку в своей сумке.

— Ну, хорошо, — пробормотала я. — Это по-настоящему жалкий поступок, Ларк.

Веки Игнатиуса с трудом приоткрылись, когда я положила его рядом со спальным мешком и зажгла его фитили. Вокруг нас вспыхнуло лёгкое мерцание, когда магия распространилась с теплом маленьких огоньков. Глаз лениво перевёл взгляд с меня на крышу палатки, кожа вокруг него сморщилась с явным презрением. Пальцы Игнатиуса заскрипели, когда он попытался их согнуть, словно собираясь потушить огонь или улизнуть, как краб.

— Только попробуй убежать, — предостерегла я. — Помни, для работы тебе нужны всего три пальца, а если я тебя поймаю, первым делом отрежу средний.

Игнатиус выпрямил пальцы, но, чтобы показать своё недовольство, уронил каплю воска прямо на мой спальный мешок. В конце концов, молчаливая дуэль с рукой и глазом маньяка-убийцы не уменьшила пустоту в душе и вообще не сделала ничего, кроме того, что внезапно заставила меня бояться, что он может попытаться поджечь мои волосы.

Был момент — точнее, много таких моментов — когда я едва не бросала его. Вести его на прогулку по Тинтагелю в поисках магии на виду у туристов было бы безумием, да и… я не хотела верить, что он мне может понадобиться. Не после тех договорённостей, что я сделала с Косторезом.

Жаль, что у тебя нет Ясновидения.

Мысль о том, что Эмрис мог наблюдать за мной всё это время, посмеиваясь над моей убогой экипировкой… Новая волна гнева пронзила меня, сжигая последние остатки сомнений и страха.

Если он хотел соревнования, он его получит.

На дне моей сумки лежал маленький свёрток из коричневой бумаги, который был доставлен в библиотеку. Я проснулась на чердаке и обнаружила, что Библиотекарь оставил его у подножия лестницы. Косторезу понадобилось всего четыре часа, чтобы достать то, что я просила.

Внутри помятой бумаги находилась деревянная коробочка, размером не больше пачки сигарет. Я легко поддела её отсек большим пальцем, и он сдвинулся, открыв небольшую склянку внутри. Развернув длинный лоскут пергамента, я отложила его в сторону и подняла бутылочку. Она была сделана из прозрачного стекла, украшенного серебряными узорами, похожими на виноградную лозу. Стеклянная пипетка едва касалась тонкого слоя алой жидкости, зловеще мерцающей, как масляная плёнка, в свете Игнатиуса.

Яд василиска.

Я глубоко вдохнула через нос, чувствуя, как руки дрожат то ли от холода, то ли от нервов, а может, от того и другого. Я прочла о способности яда даровать смертному Ясновидение ещё много лет назад, когда завидовала магии Кабелла. Но теперь, когда василиски вымерли, их яд стал ужастно редким.

Более того, как и в случае со всеми другими «решениями», которые я исследовала, яд был хуже самой проблемы.

Я снова взяла в руки записку, щурясь на элегантные завитки букв, написанных фиолетовыми чернилами.

Дорогая мисс Ларк,

Как прекрасно, наконец, получить заказ, который не касается ключа Жил. Я достал яд, как вы и просили, но должен напомнить вам о его опасности. Если вам удастся выжить после введения яда в тело, последующие часы будут, вероятно, самыми неприятными в вашей жизни. Говорят, что те, кого кусал василиск, страдали от агонии, лихорадки и галлюцинаций, и, следовательно, я могу представить, что то же самое случится с вами, как и возможность необратимой, а не временной слепоты. В соответствии с вашей целью, как я её понимаю, нанесите по одной крупной капле в каждый глаз.

Процедура означает, что вы осознаёте, что я не несу ответственности за вашу смерть, изменение рассудка или любую утрату функций, и так далее. Как всегда, оплата в виде услуги будет взыскана позже, в выбранный мною день. Для вас я оставлю особую услугу.

Как всегда,

Ваш покорный поставщик.

Ещё один долг, но он стоил бы тяжести на моей душе, если это означало, что я смогу спасти Кабелла.

Я знала о боли, лихорадке, галлюцинациях и слепоте от яда, и не боялась их. Конечно, всё это случалось только в том случае, если яд не убивал тебя. Даже Нэш не осмелился бы испытать такую судьбу.

С тобой всё в порядке, Тэмси, говорил он, когда я упоминала яд. *Если у тебя нет дара от рождения, значит, такова твоя природа.*

Очевидно, что-то со мной было не в порядке. Иначе он не бросал бы меня, снова и снова.

— Ты никогда не была трусихой, — сказала я, сжимая склянку в руке. — И не собираешься становиться такой сейчас.

Я взяла Игнатиуса за его подсвечник, задула фитили и завернула его в кусок шёлка.

— Пора спать.

Когда он был надёжно спрятан в сумке, с её ремнями, завязанными двойным узлом, я снова улеглась на спальный мешок. Одного лишь движения, чтобы отвинтить пипетку, хватило, чтобы выпустить в воздух поистине злосчастный запах.

Дважды подумав, я потянулась к толстой кожаной лямке моего дорожного рюкзака и прикусила её, держа пипетку над правым глазом.

Одинокая капля алой жидкости дрожала на кончике пипетки, вибрируя, пока моя рука тряслась.

И вот она упала.

Я застонала, стиснув ремень зубами, когтями вцепившись в спальный мешок, тело сжалось от нестерпимого жжения яда.

Я не могла капнуть в другой глаз — не могла…

Ты должна, ты должна, ты должна, — твердил мой разум. *Ради Кабелла.*

Я снова подняла склянку, втягивая последнюю каплю яда в пипетку. Сила воли и смелость были недостаточны; я вынуждена была удерживать левый глаз открытым, чтобы не дать телу инстинктивно моргнуть и сбросить яд.

Мои ноги подскочили, зубы разорвали ремень. Яд пробрался в сознание, погружая корни мыслей во тьму, прежде чем поджечь их все огнём.

Вокруг меня всё померкло. Я вцепилась в лицо, кусая внутреннюю сторону щеки, чтобы сдержать крик.

Не вижу, подумала я в отчаянии, хотя чей-то спокойный голос, низкий и уверенный, прошептал: *это побочный эффект. Он пройдёт.*

Сказала ли я это вслух? Кто-то был в моей палатке?

Кровь закипела в моих венах, вызывая образы, которые я не хотела видеть, но не могла забыть. Огни. Места — близкие и далёкие, и уже не существующие. Лица давно ушедших.

Лица мёртвых.

Незваный голос Нэша возник в моей памяти.

Ну же, Тэмси, всё не так уж плохо.

Что-то было в этом воспоминании, всплывающем на поверхность. Золотой свет. Песок. Но затем это исчезло, вытесненное тенями, собирающимися за пределами моей палатки. Попыталась отползти прочь, когда вход в палатку задрожал, медленно раскрываясь. В темноте мелькнули золотые глаза, горящие голодом, только чтобы вспыхнуть и рассыпаться искрами.

Я дышала так же часто, как колотилось моё сердце, но никак не могла вдохнуть достаточно воздуха, не могла остудить огонь в груди. Пот заливал лицо, жёг потрескавшиеся губы. Как только я начала рвать, остановиться уже не могла, даже

когда желудок свёлся от боли. Я царапала веки, отчаянно пытаясь выцарапать осколки стекла, жгущие мои глаза, и выпотрошить глазницы. Жар заполнил меня, и я была уверена, что кожа скоро начнёт пузыриться изнутри.

Сна не было, как и пробуждения — только это. Часы мелькали, как секунды, секунды длились, как часы. Видения сыпались, как чёрный призматический дождь, каждое следующее делая всё меньше смысла. Хранилища. Проклятые сигилы. Меч, разрубающий кости. Пёс, бегущий по небу. Фигура в капюшоне, ступающая в неизвестные глубины чёрной воды.

Но видения начали замедляться, сливаясь в одно. Я увидела себя на краю океана, с двумя мечами, скрещёнными у плеч, с растущим пятном крови на подоле моего белого платья, пока прилив снова и снова хлестал его.

— Птичка?

Я повернула голову к тени у входа в палатку. Её форма дрожала, двигаясь в круг света от одинокой лампы. Что-то тяжёлое и ледяное прижалось ко лбу, и я попыталась отползти.

— Что за адское зелье ты приняла? — Раздался звук, будто кто-то рылся в моих вещах, и затем он снова выругался.

Вор, подумала я. Он был вором. Нет — не настоящий. Галлюцинация, как и все остальные. Воспоминание о чём-то, что никогда не случится.

Жар пожирал меня изнутри, распространяясь по мышцам, как лезвие. Я корчилась, пытаясь освободиться от него.

— Прекрати… прекрати…

Тень снова исчезла, впуская поток холодного воздуха, только чтобы вернуться. Я боролась с ощущением рук на плечах, с чувством, что меня удерживают.

— Нет, — умоляла я. — Пожалуйста…

— Всё в порядке, ты в безопасности…

Ложь. Ложь… темнота снова захлестнула меня, чистая и всепоглощающая. Следующее, что0 осознала, — я лежала на спине, растянувшись на чём-то мягком. Воздух наполнился сладковатым, зелёным запахом, и моя кожа впервые за долгие часы начала остывать. На глаза легло что-то лёгкое и влажное.

Боль исчезла; моя голова была тяжёлой, но при дыхании я ощущала лёгкий запах мяты, и тело расслаблялось, словно семя, пытающееся найти путь, чтобы проникнуть глубже во тьму под поверхностью.

Эмрис?

Должно быть, я произнесла его имя вслух, потому что он ответил.

— Здесь.

Темнота снова плыла перед глазами, и я не могла понять, открыты ли мои глаза или закрыты. Единственное, что я знала наверняка — был голос.

— Я здесь.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 8

Когда я снова проснулась, то лежала лицом вниз на своём спальном мешке, тело было тяжёлым, как камень.

Я глубоко вдохнула. Голова раскалывалась, как будто сейчас взорвётся, и я приподнялась на локтях, закрыв глаза, пока не прошла волна тошноты.

Жива, — подумала я.

Вокруг меня витал аромат мяты, пчелиного воска и чего-то, что не могла сразу распознать — благовоние? Я потерла глаза, но вздрогнула, осознав, что снова могла видеть.

Сработало? — пронзила меня мысль.

Я подняла руки к лицу, поворачивая их туда-сюда. На тыльной стороне левой ладони я заметила мазь, усыпанную зелёными листочками. То же самое было на груди и лице — прохладная на ощупь, с успокаивающим запахом мяты. Укусы на руке были покрыты другой мазью и перевязаны заново. Я приподняла грубую ткань и обнаружила, что раны почти зажили.

Тянусь к фляге у спального мешка, жадно пытаясь смыть ужасный вкус изо рта. Пусто.

И, наконец, вспомнила.

Я поднялась сначала на колени, потом на ноги и, дождавшись, когда мир перестанет кружиться, выбралась из палатки в сиреневое утро. Где-то рядом пахло кофе, но холодный, свежий воздух окончательно прояснил сознание.

Эмрис сидел, спиной ко мне, возился с маленьким костром в кольце наших объединившихся защитных гирлянд, превращая два лагеря в один. Он поднял котелок с огня и снова помешал его содержимое, прежде чем разлить тёмную жидкость по двум жестяным кружкам.

Он обернулся, протягивая одну мне.

— Взял пакетики кофе из твоей сумки. Надеюсь, ты не против.

Моё уставшее тело протестовало, но возмущение не ослабевало.

— Вообще-то, я против. У меня не так много!

Он всё ещё держал кружку, ожидая, пока я её возьму.

— Тем более выпей, чтобы не пропало.

Я подошла ближе, села на влажную землю и взяла кружку с раздражённым вздохом. Эмрис дул на пар, поднимавшийся от его кружки, затем сделал большой глоток.

— О, святые боги, — закашлялся он, хлопая себя по груди. — Ты добыла это в глубинах ада?

— Если тебе так не нравится, отдай назад. — Я попыталась выхватить кружку, но он поднял её выше.

— Словно сам Люцифер испортил мне кофе, — сказал он, глядя на кружку с упрёком.

— Очень смешно, — огрызнулась я, снова потянувшись за кружкой, — но я не позволю тебе тратить его впустую.

— Нет, нет, — ответил он с мученическим выражением лица. — Я готов потерпеть отраву ради кофеина.

Он снова сделал большой глоток и поморщился.

— Тебе лучше? — спросила я.

— Лучше? Нет. Радиоактивнее? Да. — Эмрис посмотрел на меня с явным недоверием. — Ты… правда получаешь удовольствие от этого?

— Да, — ответила я. — И пью его чёрным, без ложки нытья.

— Это не нытьё, — сказал он. — Я искренне удивлён, как твои внутренние органы ещё работают.

Я закатила глаза, когда он сделал ещё один глоток и содрогнулся.

— Извини, что не соответствую твоим стандартам, — проворчала я. — Не у всех есть личный бариста под рукой.

— Не у всех хватило бы ума попробовать яд василиска, чтобы получить Ясновидение, — парировал он. — Так что хотя бы в этом ты меня обошла.

Я сжала зубы.

— Я жива, не так ли?

— Едва, — ответил он. — Кстати, не за что. Я использовал весь свой охлаждающий бальзам, и у меня больше нет трав, чтобы приготовить ещё.

Мой рот раскрылся от удивления.

После лет, проведённых в том, чтобы мучить меня намёками и вынуждать гоняться за слухами… он, наконец, раскрыл свой дар, унаследованный через длинную череду предков из рода Кеннингов.

Эмрис оказался Травником.

— Ах, наконец-то до неё дошло, — произнёс Эмрис.

Я усмехнулась.

— Должно быть, папочка был весьма разочарован, узнав, что его единственный сын — цветочник. Неудивительно, что вы оба скрыли это от гильдии.

Способность разговаривать с растениями и заботиться о них была не самой полезной в нашем деле, по крайней мере по сравнению с другими дарами.

Его лицо напряглось.

— Это на один дар больше, чем у тебя.

Если бы у меня было больше кофе, я бы плеснула его в него.

— О, кого-то задевает его дар? Учтено.

— Забавный способ выразить благодарность, Птичка, — сказал Эмрис. — Выпей это, прежде чем свалишься. Ты жутко обезвожена.

Я взяла бутылку с водой как можно более сердито.

— Не собираюсь говорить тебе спасибо, — сказала я, делая глоток. — Я не нуждалась в твоей помощи и не давала тебе разрешения входить в мою палатку.

— Прости, что забеспокоился, услышав твой крик, — сказал Эмрис. — У тебя была температура 41 градус. Твой мозг уже практически начал вскипать и сварился бы без моей помощи. Это называется эмпатия — попробуй как-нибудь.

Я закусила щёку, чтобы не огрызнуться снова, зная, что он только и делает, что пытается меня разозлить. Вместо этого украдкой наблюдала за ним, и меня вновь накрыла волна горечи, когда заметила его первоклассное снаряжение, включая складной топор.

Эмрис был одет в дорогой тёмно-синий свитер с высоким воротом, свободные брюки, бейсболку и начищенные кожаные ботинки для походов. Из-за холода он уже надел свои толстые перчатки Опустошителя — наверняка из самой лучшей чешуи дракона, передававшейся по наследству. Они предназначались для защиты от лёгких проклятий, а не для походов.

— Со мной всё было в порядке, — сказала я после паузы, чувствуя себя неловко от того, как ужасно я должна была выглядеть — всё ещё мокрая, теперь вся в грязи и мазях.

— Это хотя бы сработало? — спросил он раздражённо. При виде моего неуверенного выражения добавил: — Здесь нет леприконов или других волшебных существ, чтобы проверить. Выйди за пределы защитных сигилов. Ты должна увидеть, что внутри них.

Проклятье. Я должна была сама об этом подумать.

Я медленно поднялась, сжимая кружку с растворимым кофе для моральной поддержки.

— Отвернись, — сказала я Эмрису.

— Что? Нет.

— Отвернись, — приказала я. — Или закрой глаза.

— Боги, ты просто невыносима, — пробормотал он, но всё-таки прикрыл глаза рукой. — Вот. Довольна? Или ты не способна на эмоции, кроме злости?

— Злость и раздражение, — поправила его я.

Это казалось неправильным — делать это в его присутствии, проверять что-то настолько важное, что могло оказаться просто пустышкой. Я не хотела, чтобы он был свидетелем.

Я не хотела, чтобы он видел, как мои руки слегка дрожат, когда держу кружку с кофе, переступая через наши объединённые защитные чары. Сделав последний, успокаивающий вдох, обернулась к лагерю.

Я резко вдохнула. Две палатки — синяя и красная. Костёр. Эмрис с рукой на глазах, его поза становилась всё более напряжённой с каждой секундой. Я видела всё это и даже больше.

Слабые, переливающиеся нити магии были вплетены в гирлянды, пульсируя и мерцая. Это было такое маленькое проявление магии, но оно буквально зарядило меня энергией. Волнение стерло остатки злости и заполнило меня тем, что я не ощущала уже очень давно.

Радость.

Она мягко порхала в груди, как крыло птицы, и на этот раз я не прогнала её. Я не позволила ей исчезнуть. Пъротянула палец к нитям, и одна из них откликнулась, тихо гудя, обвилась вокруг моего пальца. Притягивая, будто стараясь вернуть меня внутрь защитного круга.

Мне казалось, что я многое знала о скрытом мире магии, и убеждала себя довольствоваться редкими, слабыми проблесками. На самом деле я была даже большим чужаком, чем могла когда-либо предположить или принять. Я ничего не знала.

Сглотнула, переступая через чары назад. Мне казалось, что искры пробегают по моим венам, и даже нежелательный спутник не мог омрачить это ощущение. Теперь лишь смерть могла забрать у меня дар Ясновидения.

— Ну? — подсказал Эмрис.

— Сработало, — сказала я, стараясь, безуспешно, скрыть волнение.

— Великолепно, — сказал он. — Значит, ты сможешь вернуть мой должок.

Я раскрыла рот от удивления.

— А как же «эмпатия»?

В нашей гильдии были три основных правила: первый, кто коснётся реликвии, может её забрать; никому не разрешено намеренно калечить или убивать других

членов гильдии; долг, полученный в форме услуги, должен быть возвращён на условиях дающего.

Эмрис допил остатки кофе и промыл кружку водой из своей фляги. Протянул руку за моей кружкой, заставив меня допить всё одним залпом, чтобы тоже её помыть.

— Я должен был знать, что ты отвергнешь кодекс, — сказал он. — Нэш ведь никогда его не чтил.

Словно рукой, последние проблески моей радости стерлись.

— Я не Нэш. Чего ты хочешь?

— Когда у тебя был жар, ты бормотала что-то о необходимости проверить руины, — ответил он. — Я хочу пойти с тобой, когда ты будешь искать то, что, как ты считаешь, там может быть.

— Откуда тебе знать, что я не попытаюсь тебя перехитрить? — спросила я, позволяя льду проникнуть в мой голос.

Он только усмехнулся.

— Не волнуйся, Птичка. Как бы быстрая ты ни была, я всегда был быстрее.

— Ты отвратительный маленький гад, — ответила я, забирая его флягу себе.

Эмрис ухмыльнулся.

— Сделай всё, что тебе нужно, чтобы перестать выглядеть как живой мертвец. Нам нужно быть у руин, прежде чем туда придут туристы.

Я дождалась, пока не вернусь в палатку, чтобы с облегчением выдохнуть. Переоделась в другое, чуть более сухое бельё и штаны, поморщившись от холода. Эмрис насвистывал, гася огонь, словно напоминая мне, что он всё ещё там, ждёт.

Лихорадка раскрыла во мне что-то. Воспоминание о провальной миссии в Египте. Вчерашняя прогулка не дала мне ни малейшей зацепки, ведь не было очевидной причины связывать эти два места. Но подсознание толкнуло меня к трюку Нэша с тайниками в дверных проёмах.

Молчаливые руины замка хранили его секрет семь долгих лет. Что-то было закопано там; я чувствовала это до самого костного мозга. Всё, что мне оставалось, — найти это.

***

Мы ждали, пока солнце не взошло над горизонтом, прежде чем свернуть наш лагерь и отправиться к руинам. Пока я не видела, чтобы в деревню прибыл автобус с туристами, но знала, что это вопрос времени. У нас было, может быть, чуть больше часа, пока не придут гиды и не откроют место.

Я глубоко вдохнула холодный воздух, шагая по тропе, а под ногами хрустели камешки. Было начало октября, но утёс всё ещё украшали цветущие растения и вереск, такие манящие остановиться и полюбоваться, несмотря на скрытые шипы. Дикая трава и папоротники снова покрыли землю, стирая следы многих туристов, что прошли по ним. Здесь и там земля казалась мерцающей, намекая на следы древней магии, укрытые среди камней и кустов ежевики.

После шторма, бушевавшего прошлой ночью, утро наградило меня одним из тех болезненно красивых золотых рассветов, которые, казалось, обещали, что этот день останется в памяти как один из лучших. Но я знала, как быстро всё может измениться, и уже готовилась к разочарованию.

— Что мы ищем? — спросил Эмрис.

— Вчера ночью мне кое-что вспомнилось, — ответила я. — Воспоминание, о котором я не думала годами.

Та самая работа в Египте.

Эмрис молчал, ожидая продолжения.

— Порой, — начала я, — Нэш прятал вещи в дверных проёмах ради сохранности. Под плиткой или досками. Места всегда были случайными. Не знаю, как он их все запоминал.

Воспоминание о том, как Нэш объяснял свою логику, возникло в сознании: *Люди ищут снаружи и внутри, но никогда между. Там прячется истина, где никто не догадается её искать.*

— Ты думаешь, он оставил что-то в одном из дверных проёмов в Тинтагеле? — Эмрис взглянул на меня с явным сомнением. — Охранники будут не в восторге от того, что мы собираемся рыть сотни ям в руинах. Можешь сузить круг поиска?

Не для тебя, подумала я. Было так несправедливо, что он был здесь в этот момент, но гордость не позволяла мне отказаться от своего обещания.

— Возможно.

— Я так и понял, что нет, — сказал Эмрис. — Ты не думаешь, что он мог спрятать что-то в пещере Мерлина? Это ведь там, где, по легенде, Мерлин отнес младенца Артура в безопасное место, верно?

Я покачала головой, оглядывая драматический изгиб берега. Внизу волны шипели, ударяясь о скалы.

— Нет, он бы беспокоился, что прилив откроет то, что он спрятал, и унесёт это в море. Думаю, он бы выбрал место или структуру, использовавшуюся ещё во времена Артура. В эпоху Тёмных веков.

Эмрис, подбоченившись, сказал:

— И, зная его склонность к драматизму, полагаю, он выбрал бы место на внутреннем дворе.

Внутренний двор был «островом» среди руин, отделённым от материка пропастью. Именно там мы проводили больше всего времени во время прошлых визитов с Нэшем.

Осознание пришло, как солнечный свет, пробивающийся сквозь облака.

— Ты знаешь, где это, — сказал Эмрис. — Не утруждайся лгать — это написано на твоём лице.

Я сжала губы, придавая своему выражению кислое выражение.

— Думаю, да.

Если Нэш что-то оставил, то, скорее всего, в том самом месте, куда меня тянуло вчера. Я провела там часы, глядя на море, как вдова моряка. Меня тянуло туда так сильно, что я не могла списать это на яд или галлюцинацию.

Избегая камер наблюдения, мы перелезли через ограду, защищающую руины. Вместо того чтобы пройтись по более заметному и безопасному современному мосту, мы выбрали старый, более опасный мост, а затем взобрались по спиральным лестницам к внутреннему двору. Запах ветра был чистым, солёным и свежим, но его сырость проникала сквозь мой фланелевый плащ, сквозь кожу и мышцы, прямо до костей.

Северные ворота внутреннего двора представляли собой сланцевую стену с арочным проходом, который теперь служил лишь рамкой для вида на море. Это было поразительное зрелище, безусловно, но именно руины большого зала заставили меня затаить дыхание.

Трепет охватил меня, начиная с кончиков пальцев ног, быстро распространяясь по спине, захватывая сердце. Впервые Тинтагель приподнял унылую маску разрухи и открыл мне своё древнее, скрытое лицо.

С помощью Ясновидения оставшиеся стены сооружения внезапно засияли радужными цветами. Чем дольше я смотрела, тем чётче становились зачарованные фрески. Хотя интенсивность красок выцвела, как краска на солнце, я всё же могла различить сцены с драконами, безымянными богами и густыми лесами.

Чуть правее от входа серебристая тропа тянулась через край утёса к морю; было невозможно определить, где она заканчивалась или можно ли пройти по ней до самого горизонта.

Моё восхищение резко контрастировало с равнодушием Эмриса. Он видел это всё и, вероятно, даже более впечатляющие зрелища раньше. Я пыталась не завидовать, наблюдая, как он обходит руины.

Мы направились к арочному проходу в стене. Я присела, разглядывая сланцевые плиты, установленные в основании.

— Нож, пожалуйста, — сказала я, протянув руку за спину.

Он передал его, кивнув на плиту слева от арки, которая была слегка приподнята над другими.

— Эта, кажется, немного сдвинута, правда?

— Это, наверное, просто от шторма, — сказала я, снимая сумки.

— Ты можешь иметь надежду, знаешь ли, — ответил он. — Это тебя не убьёт.

Нет, не убьёт. Но, как все хорошие мучители, надежда продлевает твоё страдание, медленно поднимая твои ожидания, чтобы потом неизбежный обвал разочарования был вдвое болезненнее.

— Следи за мостом и другой стороной руин. Гиды скоро прибудут, чтобы открыть место, — сказала я. — И смотри за той, что с короткими волнистыми светлыми волосами — она шустрая, как лиса, и злая, как оса.

Он поднял бровь.

— Она твоя родственница?

Я злобно взглянула на него и вернулась к работе, разрезая затвердевшую землю между плитами.

— Это действительно идиотская идея, да? — пробормотала я.

— Какие идеи не идиотские, пока не доказано их правильность?

Реплика замерла на моих губах. Камень легко поддался и отделился от земли и цемента.

Я была не первой, кто его вскрывал.

— О, боже… — прошептала я. Моё сердце остановилось, а затем снова забилось с удвоенной силой.

Внутри небольшого, неестественно вырытого отверстия в твёрдой земле лежал маленький кожаный свёрток, обёрнутый детским дождевиком в клетку — моим старым дождевиком, чтобы защитить от дождя.

Эмрис упал на колени рядом, его глаза расширились, когда я высыпала содержимое кожаного мешочка на землю, между нами, позволяя им упасть на влажные камни.

Листок бумаги и серебряная монета, почти чёрная от налёта… нет, от засохшей крови. Сердце застучало в ушах, всё тело напряглось, как тетива. Я перевернула монету, проведя по ней большим пальцем.

На обратной стороне была надпись. Слова шли по краю, и буквы напоминали сигилы. Я не могла понять, было ли это галлюцинацией или действием Ясновидения, потому что те самые знаки начали дрожать и менять форму, складываясь в буквы, а затем — в слова, которые я узнавала.

— Я — мечта мёртвых, — прошептала я.

— Что к черту это значит? — взорвался Эмрис.

Я потянулась к листку пергамента, упавшему из мешочка, осторожно подняла его с земли. Учитывая состояние места, где это всё пролежало семь лет, и острый, как паутина, почерк Нэша, короткая записка поразила меня своей ясностью и лаконичностью.

Кольцо завоюет её сердце. Не следуйте. Я вернусь, когда всё будет кончено. Если не вернусь, закопайте эту монету с пеплом и костью.

Почерк был столь официальным для Нэша, что я на мгновение застыла, пытаясь осознать смысл написанного.

— Её сердце? — Эмрис закатил глаза. — Неужели твой опекун проделал всё это, чтобы добиться расположения какой-то дамочки?

— Ты говоришь так, потому что никогда не видел, как его пощёчиной награждают женщины в каждом заведении Опустошителей, куда мы заходили.

Я снова подняла монету, вглядываясь в неё.

— *Не следуйте*, — повторила я. — Вау… исчезновение и этот хитроумный тайник, который я видела всего один раз, — Нэш сильно переоценил мою способность понимать такие намёки.

Это так типично для него — Нэш, живущий в иной плоскости реальности, чем мы, всегда создавал великие приключения, загадку, историю вокруг себя, дирижируя каждой деталью так, как ему хотелось. Если судьба не давала ему достаточно важной роли, он переписывал сценарий.

Не следуйте. Волна злости растеклась по крови, глаза щипало, но это был лишь холодный ветер, врывающийся в лицо. Только он.

Этот подлец рассчитывал, что я найду записку достаточно быстро, чтобы догнать его. Выслеживание было одним из немногих навыков, которым он действительно нас обучил, и он, очевидно, предполагал, что моя память будет единственной подсказкой, которая мне понадобится. Но он сделал из этого слишком сложную игру. Почему просто не оставить кожаный мешочек в палатке с нами? Почему так верить, что десятилетняя девочка будет думать о чём-то, кроме того, как спасти жизнь своего брата?

И всё это ради какой-то безымянной женщины. *Завоюет её сердце?* Он что, теперь поэт? *Её сердце…*

Все мысли растаяли, осталась одна.

Её сердце. Не чьё-то там, а именно *её сердце.* Богини.

— Ты что-то поняла, — сказал Эмрис. — Не ври, твоё выражение лица говорит за тебя.

Неожиданно подул сильный ветер, вырывая записку и подбрасывая её высоко в воздух. Я ахнула, пытаясь поймать её, но она уже уносилась к морю, взмывая ввысь, как бледная птица, прямо к волнам.

Я вернула плиту на место и вдавила её кулаками, пока грязь не стала затягивать её обратно.

— Это только я одна буду знать, — отрезала я, положив монету в надёжный карман своей рабочей сумки. Перекинув ремень через плечо, я потянулась за рюкзаком. — Твой долг оплачен, так что катись отсюда.

Эмрис схватил меня за руку, когда я встала.

— Что значила записка?

Я вырвалась.

— Хотелось бы тебе знать, да?

Он шагнул ко мне, его лицо застыло от упрямства.

Позади него, выглядывая из-за угла развалившейся стены, я заметила маленькую фигуру. Она была одета в слишком большую меховую куртку, всю усыпанную значками, и шарф из радужной пряжи, намотанный на нижнюю часть лица. Но я узнала её сразу — тёмная кожа, косички, собранные в два пучка на голове, массивные солнечные очки — даже если не могла поверить своим глазам.

— Эй! — крикнула я, проталкиваясь мимо Эмриса.

Девочка из таро-магазина сорвалась с места, когда я побежала к ней, но к тому моменту, как я добралась до места, где её видела, она уже исчезла. На мостах никого не было. Казалось, будто она прыгнула в море или ускользнула в невидимую трещину в скале. Я сделала круг, в поисках следов, но нашла лишь несколько маленьких отпечатков.

— Что это было? — спросил Эмрис.

— Мне показалось, что я видела… — Я остановилась, обернувшись к мосту.

Даже на расстоянии я его узнала. Уверенная походка, длинные чёрные волосы. Септимус шёл во главе группы других людей, переходящих современный мост. Вероятно, тоже Опустошители, некоторые из нашей гильдии.

— Серьёзно? — проворчала я, отступая. — До встречи, Наследничек.

Мне придётся воспользоваться одной из извилистых троп, чтобы выйти из руин, и надеяться, что по пути не столкнусь с его прихвостнями.

Я уже начала уходить, но остановилась, когда Септимус махнул кому-то на материке, указывая на деревню.

Ещё несколько Опустошителей появились у официального входа в руины. Высокая фигура боролась, пытаясь вырваться из крепких рук двоих здоровяков. Один из них махнул в ответ, явно подтверждая приказ Септимуса.

Кабелл. Грудь сжалась от боли. Я повернулась и начала спускаться по тропинке, ведущей к деревянному мосту внизу. Если мне удастся пересечь его, не привлекая внимания, и добраться до деревни…

Позади раздался шум шагов.

— Куда ты направляешься? — требовательно спросил Эмрис.

— Спасать Кабелла, — рявкнула я.

— Их слишком много, — возразил он. — Тебе его не вытащить.

— Смотри и учись.

Он ускорил шаг, чтобы поравняться со мной, не отставая.

— И что ты делаешь? — спросила я.

— Думаешь, я позволю тебе уйти, когда у тебя есть ответы? — покачал он головой. — Ни за что, Птичка.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 9

Деревня только начинала просыпаться, встречая первые из множества туристических автобусов, когда Септимус и его спутники свернули с главной улицы и направились к старому амбару на окраине. Я последовала за ними, стараясь игнорировать Эмриса, пока мы приближались к ветхому строению и притаились под одним из его треснувших окон.

Стекло было покрыто слоем пыли, но я всё же смогла различить несколько предметов: ящики с сидром и пивом, предназначенные для паба «Экскалибур», лишние дорожные конусы и знаки, а также несколько комплектов доспехов и задняя часть костюма лошади. Земляной запах сена и животных, когда-то обитавших в стойлах, пропитал стены, оставляя слабый след прошлой жизни, когда Нэш, Кабелл и я ночевали в любом укрытии, какое только могли найти.

Не могла разобрать, о чём они говорили, когда Септимус втолкнул Кабелла в одно из стойл, а незнакомый Опустошитель стянул его руки пластиковыми наручниками.

Я закатила глаза и вскоре заметила, что Кабелл сделал то же самое. Как будто Нэш не обучил нас, как разрывать пластиковые наручники и открывать замки на настоящих, учитывая его богатый опыт в прошлом.

В течение нескольких минут никто из нас не шевелился и не говорил. Я старалась не обращать внимания на самодовольное бормотание рядом.

— Ну и что теперь? — прошептал Эмрис. — Не говори, что твой план спасения исчерпал себя на этом героическом этапе.

— Либо заткнись, либо исчезни, — сказала я ему. — Я жду, пока они хотя бы частично разойдутся, прежде чем действовать.

— Понятно, — отозвался он. — Ну, если нам предстоит подождать…

Он повернулся спиной к стене амбара, достал из бокового кармана брюк маленький нож и кусок дерева.

Движения его рук почти завораживали, когда он начал работать. Один за другим опилки падали на землю, а потом он плавно срезал грубую кору и сглаживал жёсткие края древесины.

Я бы ожидала от него какого-нибудь более аристократичного занятия, чем резьба по дереву — что-нибудь вроде охоты на лис или коллекционирования яиц Фаберже, или летнего отдыха на роскошной яхте.

Хотя вряд ли я когда-либо задумывалась, чем Эмрис занимается в своё свободное время.

— Кабелл опоздал на встречу с тобой здесь? — спросил он. — Или его сюда привели?

Я бросила на него подозрительный взгляд.

— А почему бы тебе самому не рассказать? Разве там не приятель твоего папочки?

Его нож замер на полуслове.

Что говорил Финеас в библиотеке? Мы никогда не сможем вырвать это из лап Совета, и тогда нам придётся бояться гнева Эндимиона…

— Если он ищет кольцо для твоего старика, то почему ты работаешь на Мадригал? — настаивала я. — Почему ты не в амбаре с Септимусом и остальными?

— Это не твоё дело, — пробормотал он, сосредоточив взгляд на куске дерева в руке.

— Ты сам сделал это моим делом, — прошипела я в ответ. — Не говори мне, что…

Внезапно голова Эмриса резко поднялась, и прежде, чем я успела среагировать, он схватил меня за запястье и потянул нас обоих прочь от стены.

— Смотри!

Из-за угла показалась девушка, появившаяся из-за соседнего здания. Её косички были закручены в пучки на голове, и на ней всё ещё была её меховая куртка — и, конечно, эта отвратительная набедренная сумка.

Я закрыла лицо рукой и простонала. Мне не привиделось ранее её появление.

Нева. Из магазина таро.

— Эм… — начал Эмрис. — Что она делает?

Она побежала прямо к амбару, решимость читалась в её взгляде. Она резко остановилась в нескольких шагах от стены и бросила пустую алюминиевую банку в стену. На ней было что-то тёмное, почти как…

Она нарисовала на ней сигил заклинания.

— Хм, — удивился Эмрис.

Нева залезла в свою сумку и достала длинный, тонкий кусок дерева. Один его конец был снабжён обсидиановым лезвием, своеобразным атаме, предназначенным для вырезания сигилов, а другой — покрыт серебром для проведения потока магии. У меня в животе всё сжалось от предчувствия беды.

— Палочка, — произнесла я, поднимаясь на ноги.

— Колдунья, — закончил за меня Эмрис, сжимая в руке свой нож.

— Дай сюда, — сказала я, потянувшись за лезвием.

Он отдёрнул руку.

— И дать тебе возможность всадить его мне в бок? Нет уж.

Я успела обернуться как раз в тот момент, когда Нева с улыбкой направила серебряный конец палочки на банку.

— Нева! — закричала я. — Не делай этого!

Но мои слова потонули в оглушительном грохоте, когда давление, высвободившееся из банки, отбросило нас с Эмрисом на несколько футов назад. Я прикрыла голову, когда заклинание разорвало стену амбара на мелкие щепки, не крупнее спичек, которые полетели на нас.

Но ни одна из них не коснулась нас. Я услышала глухой стон над собой, и через мгновение осознала тяжесть и тепло, прижавшие меня к земле. Лицо запылало, и я резко вытолкнула вперёд тело Эмриса, укрывавшего меня.

— Уйди!

Часть крыши, лишившись опоры, с грохотом рухнула вниз, заставив землю вздрогнуть. Колдунья отскочила, её рот образовал изумлённое «О».

Мужчины внутри закричали и зашумели, когда по остаткам здания прокатилась мощная дрожь, грозившая обрушить его полностью.

Кабелл, подумала я, с трудом вставая на ноги. Мои уши звенели, я пошатывалась, пробираясь вперёд, как раз когда Кабелл разорвал наручники и, используя плечо, выбил хрупкую деревянную стену позади себя.

Но, когда я обогнула угол, чтобы перехватить его, он уже исчез, уворачиваясь и петляя по направлению к деревне. Я попыталась проследовать по маршруту, который, как мне казалось, он мог выбрать, продираясь сквозь толпу любопытных горожан и туристов, пришедших посмотреть, что случилось, но, оглянувшись на амбар, встретилась взглядом с Септимусом.

— Вон она! — крикнул он, вытянув руку.

Спрячься, спрячься, мысленно заклинала я. Кабелл найдёт безопасное место, чтобы отсидеться, и мне нужно было сделать то же самое. Вокруг были только дома и магазины. Вдруг впереди я заметила заколоченный паб, очевидно, на ремонте, и он показался мне как маяк.

Я обежала его сзади, но стены были разобраны до каркаса, не оставляя места для укрытия.

Сад был завален строительными материалами, но рабочих не было видно. Был, однако, хлипкий сарайчик. Я вытащила шпильку из волос и начала крутить замок, только чтобы обнаружить, что он уже открыт.

Нырнула внутрь, мои лёгкие горели, а бок сводила боль, и захлопнула дверь за собой. Я заперла её и стала искать, чем можно подпереть ручку.

Внутри не было ничего, кроме нескольких сломанных садовых стульев, ящиков для хранения и… Эмриса Дая.

Он вскочил на ноги из-за стопки ящиков.

— Нет. Точно нет. Выметайся.

— Ты серьёзно? — сказала я.

— Я пришёл сюда первым! — возразил он. — Найди себе другое укрытие!

Сарай скрипел, словно пытаясь устроиться поудобнее, будто старик с больными костями. Наша обувь поднимала запах земли и сухой травы.

— Это ты найди себе другое укрытие! — возразила я. — Ты же сам настоял на том, чтобы идти за мной сюда!

Холодный воздух и солнечный свет залили сарай, когда дверь распахнулась. Я бросилась вперёд, чтобы прорваться мимо того, кто нас нашёл. Почувствовав, как руки схватили меня за плечи, я вырвалась.

— Тэмс! Это я, это я!

Запах кожаной куртки Кабелла обвил меня, как и его руки. Я прижалась к нему, и у меня защемило в горле от облегчения.

— Ты в порядке? — спросила я.

— В полном.

Но мое облегчение оказалось недолгим. За его спиной появилась Нева, всё ещё сжимающая в руке свою палочку.

— Ты! — выплюнула я.

— Я! — радостно ответила она. — Видишь? Мы всё-таки вместе!

Я смутно осознавала, что Эмрис был рядом, его рука зависла над топором в походной сумке. Не знаю, какое у меня было выражение лица, но Кабелл успокаивающее положил мне на плечо руку.

— Тэмсин, это колдунья Нева, — сказал он, — и у неё есть предложение, которое тебе захочется выслушать.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 10

— Колдунья, — повторила я, позволив яду пропитать это слово. — Великолепное представление, которое ты устроила, притворяясь одной из Одарённых.

— Вы знакомы? — спросил Эмрис, наконец расслабив стойку.

— Ага, мы старые знакомые, — ответила Нева.

— Да уж, аж с прошлого месяца, — сухо вставила я.

— Дольше, чем ты думаешь, — Нева улыбнулась. — И, кстати, я никогда не говорила, что я из Одарённых. Это было твоё предположение, а знаешь, что говорят о предположениях?

Мой взгляд сузился.

— Объяснись.

— Они выставляют тебя дураком… — начала Нева.

Кабелл поднял руку, мягко прерывая её.

— Что моя сестра хочет знать, так это каким образом ты её отыскала.

— Я как раз к этому подхожу, — сказала Нева, скрещивая руки на груди. — Так вот, дело в следующем. Моя тётя — одна из Одарённых, и её дар позволяет ей находить потерянные вещи.

Не задумываясь, она прикоснулась к чему-то, спрятанному под рубашкой, как будто это был кулон или кристалл.

— Сэр Нэшбери Ларк обратился к ней семь лет назад с просьбой отыскать Карнвеннан, кинжал короля Артура, — продолжила Нева. — Но тётя не смогла найти его ни через гадание, ни через видения, что её сильно огорчило, как вы, конечно, понимаете.

— Мы часто сталкиваемся с неудачами в нашем деле, — тихо сказала я. Внутри меня что-то зашевелилось, острое и быстрое. За этим последовало воспоминание. — Магазин в Чарльстоне?

Нева захлопала в ладоши, как будто это была игра.

— Ты помнишь! Мне тогда следовало быть в кровати, но я подслушивала наверху, сидя на лестнице.

Магазин, спрятанный за Кинг-стрит и открытый только после полуночи, больше напоминал квартиру, чем место торговли. Я помню, как лунный свет скользил по множеству свёрнутых карт, связанных аккуратными узлами. Горы этих карт, словно стопки пустых костей, ждали своего часа.

Тётю Невы, Линден Гуд, было легко запомнить с её тёплым голосом, фартуком, пахнущим мятой и лимоном, когда она приветствовала нас и пригласила внутрь. Кабелл и я были отправлены в уголок с миской похлёбки, пока она и Нэш обсуждали дела. Мы едва успели заметить, как она тянулась к картам, и её кулон из селенита сверкал в свете свечей, когда она безуспешно пыталась найти кинжал, который Нэш так отчаянно хотел заполучить. В итоге я нашла его через обычные исследования и догадки.

— Это был наш последний след, — тихо сказала я.

— Обычно она не помогает Опустошителям искать сокровища, которые они просто продадут, но он сказал, что это нужно ему для одного из его детей, и она согласилась, — пояснила Нева. — Нэшбери указал своим адресом библиотеку вашей гильдии, так что я следила за ней и действительно увидела тебя там, что позволило нашим судьбам снова пересечься.

— А что это было в магазине таро? Просто игра со мной? — спросила я.

— Я пыталась тебя понять, — ответила Нева, как будто это было совершенно очевидно. — И поняла. А теперь мы здесь, прячемся в этом сарае. Ты — в замешательстве, я — с предложением.

— Ладно, кстати, о предложении, — начала я, — ты хотя бы уберёшь свою палочку?

— Ой, да, конечно. — Она взглянула на неё, словно удивлённая, что всё ещё держит её, затем расстегнула свою поясную сумку и, как-то умудрившись, спрятала палочку внутрь. Очевидно, сумка была зачарована, чтобы вмещать больше, чем могла бы.

— Серьёзно, что за история с этой сумкой? — спросила я, не выдержав больше глядеть на ужасных котов.

— Ну, разве не прелесть? — радостно ответила она. — К тому же, с ней шла кепка, и я думаю, она отлично бы тебе подошла как маскировка.

Нева достала из сумки тёмный свёрток и встряхнула его — это была чёрная бейсболка с зелёными ушками и надписью «КОШАЧИЙ МИСТИК» между ними.

— Она совершенно точно хочет её взять, — с удовольствием сказал Эмрис.

— Твоё предложение…? — напомнил Кабелл. Я почувствовала, как его рука соскользнула с моего плеча и сжала ткань куртки на спине, явно опасаясь, что я наброшусь на нашу самодовольную соперницу.

— Ах да, предложение. — Нева кашлянула. — Так вот, думаю, нам стоит объединиться. — Она взглянула на Эмриса. — Но не с тобой. Я тебя не знаю.

— Эмрис Дай, к вашим услугам, — с усмешкой представился он.

Она фыркнула, и, неожиданно для себя, я ощутила слабую симпатию к ней за отсутствие реакции на его фамилию.

— Я могу использовать свою магию, чтобы помочь вам найти вашего отца — Нэша. А вы сможете использовать кольцо для снятия любого проклятия, которое вам потребуется снять, — продолжила Нева. — После чего я заберу его для Совета Сестёр.

Название Совета Сестёр, управляющего органа колдуний, всегда заставляло волосы у меня на руках вставать дыбом.

— Ты знаешь, зачем оно им нужно? — спросила я.

— Понятия не имею, зачем, — Нева пожала плечами. — Я лишь знаю, что оно им нужно, и именно я собираюсь его им принести. Это единственный способ, чтобы мне назначили наставника и позволили продолжить обучение.

— У тебя нет наставника? — удивилась я, предположив, что её воспитала одна из Одарённых, а не мать или другая родственница-колдунья. — Тогда как ты вообще можешь колдовать?

— Ну, здравствуйте, — раздражённо ответила она. — Я сама всему научилась.

Я обменялась взглядом с Кабеллом, и он лишь поднял брови. Я никогда не слышала о колдунье, которая училась бы сама, без наставничества другой колдуньи — обычно из её же рода.

— Значит, они не принимают тебя в свои ряды из-за отсутствия формального обучения, — предположил Эмрис. — Но единственный способ получить это обучение — быть принятой в их ряды. Это абсолютно безумно.

— Ты начинаешь мне нравиться, — призналась Нева. — Ты можешь остаться. Пока.

— Прекрасно, — кивнул Эмрис. — Потому что у меня тоже есть предложение.

— Сгораю от нетерпения это услышать, — пробормотал Кабелл.

— Мы все хотим одного и того же, и у каждого из нас есть часть головоломки, которая поможет нам это получить, — продолжил Эмрис. — У Невы есть её сила, у Тэмсин — знание о местонахождении Нэша. А у меня, кажется, есть понимание того, как он туда попал.

— Что? — спросила я.

— Что? — повторил Кабелл. — Тэмс, ты знаешь, куда он пошёл?

— О-о, — улыбнулась Нева, переводя взгляд с одного на другого. — Звучит многообещающе.

Я бросила на брата многозначительный взгляд. — Можем поговорить снаружи секунду?

Он последовал за мной, закрыв дверь за собой. Мы отошли на несколько шагов.

— Что, собственно, мы сейчас делаем? — прошептала я.

— Прагуем, — ответил он просто.

Работа в Праге была единственным случаем, когда Нэш добровольно работал с колдуньей, задолго до того, как нашёл нас с Кабеллом. Тогда колдунья была новичком в своём ремесле и наняла Нэша, чтобы он добыл мифическую склянку с ихором — божественной кровью богов — из гробницы её предка. В итоге он использовал её неопытность против неё. Гробница была защищена обратным проклятием, так что всякий, кто снимал проклятие у входа, не мог войти без смертельных последствий. Там не оказалось никакого ихора, и ему не пришлось беспокоиться о том, что она станет его преследовать.

Я тяжело вздохнула, сдерживая раздражение.

— Это не сработает. Она может казаться неопытной, но слишком умна и слишком много знает о магии, чтобы не понять обман в конечном итоге. И, как ты знаешь, сокрытие информации работает лишь до поры до времени.

Кабелл вздохнул, проведя рукой по тёмным взлохмаченным волосам. Он посмотрел на меня снова, и его лицо исказилось сожалением. — То, что я сказал дома…

— Это неважно, — сказала я.

— Важно, — настаивал он, прислонившись к камню рядом. — Я не должен был скрывать от тебя информацию о кольце и Нэше, но я дал ему обещание.

— Каб, я понимаю, — ответила я. — Со своей стороны, мне жаль, что я не заметила, как тебе трудно.

Он молчал долго, сжимая челюсти, словно борясь с желанием что-то сказать. В его лице появилась твёрдость, которой я прежде не видела, как новая броня, скрывающая его чувства.

— Мне не следовало уходить, — наконец пробормотал он. — Я не должен был позволить тебе отправиться на поиски одной. Мне стоило снять розовые очки и взглянуть правде в глаза. Просто… надеяться бывает так трудно.

— Единственное, что сейчас для меня важно — это то, что ты здесь, — сказала я. — Хотя пришлось подождать, чтобы ты наконец-то явился.

Он выдавил усмешку.

— И моё наказание было в том, чтобы попасться в лапы самых глупых Опустошителей нашей гильдии.

Я попыталась улыбнуться, но у меня не вышло. Через мгновение Кабелл опустил взгляд, обхватив себя руками. Вблизи он выглядел ужасно. Его бледная кожа подчёркивала тёмные круги под глазами. В последние недели он явно потерял вес, и на его щеках снова появились те впадины, которые я не видела со времён нашего детства.

Я сглотнула, подавляя комок в горле. После ссор мы всегда старались разрядить обстановку, чтобы можно было снова плавать поверх наслоившейся пыли обид. Когда вы есть только друг у друга, ни одна ссора не стоит риска разрыва этой связи. Должно было хватить того, что он изменил своё мнение и пришёл; это само по себе было извинением.

Но этого не хватило. Во время последней нашей встречи проявилось нечто тёмное, словно перевернули нетронутую землю и обнаружили скрытых червей и кости. И теперь, увидев истину, я не знала, как вернуться назад — и это пугало меня больше всего.

— Ты со мной, да? — спросила я, чувствуя, как к горлу подступает ком. Охватившее меня отчаяние жгло. Всё должно было быть хорошо. Мы должны быть в порядке.

— До конца, — ответил он. — Я хочу найти кольцо, я хочу узнать, что произошло с Нэшем, и я правда не хочу, чтобы ты убила себя, бродя вслепую без Ясновидения.

— О, насчёт этого… — начала я.

Лицо Кабелла помрачнело. Он наклонился ближе, внимательно изучая мои глаза, пока я не отвернулась. — Ты же не сделала это. Скажи, что ты не сделала этого.

Конечно, он догадался — я потратила почти целый год, уговаривая Нэша раздобыть для меня этот яд.

— Сделала. И ни капли не жалею, потому что это сработало.

Кабелл выругался себе под нос.

— Где ты вообще достала яд василиска?

— Где ты думаешь?

— Что ты там говорила о том, что больше не будешь заключать никаких сделок? — Кабелл покачал головой. — Клянусь всеми богами, если ты ещё раз сделаешь что-нибудь настолько глупое, я убью тебя сам.

— Принято, — ответила я, быстро переводя разговор на более насущную тему. — Ты уверен, что хочешь работать с колдуньей?

— Она не знает, что кольцо можно завоевать только силой, — сказал он тихим голосом. — Я подробно её расспросил об этом, пока мы искали тебя.

— Она могла соврать, — заметила я. — Могла обмануть нас.

— Как она обманула тебя в Бостоне? — Он поднял бровь, глядя как я хмурюсь. — Ох, да ладно тебе. Это случается с лучшими из нас. Как говорил Нэш…

Он замолчал, и взгляд его скользнул к земле.

— Ошибки — как осы, — закончила тихо я. — Они продолжат жалить, если дать им волю.

Кабелл выдохнул, опустив голову.

— Слушай, — начал он, — возможно, ты права, и Нева сама соберёт все кусочки головоломки. Но я знаю, что мы можем найти Нэша и кольцо первыми. Я это точно знаю. Держать её и Дая рядом — лучший способ обойти их.

— Ладно, — сдалась я. — Будем «Прагать» и разберёмся с последствиями позже.

Он ласково похлопал меня по голове и притянул к себе в короткое объятие.

— После всего этого времени… не верится, что Нэш может быть в Авалоне. Может, он там застрял. Это бы объяснило, почему он не вернулся домой.

Имя Нэша напомнило мне о том, что мы ещё нашли вместе с его запиской.

Взяв Кабелла за руку, я повела его обратно к сараю и достала потускневшую монету, чтобы показать её ему и Неве.

— Кто-нибудь из вас узнаёт это или понимает, что значит эта надпись?

Кабелл провёл пальцем по словам.

— «Я — мечта мёртвых», — прочёл он. — Никогда ничего подобного не видел, но чувствую магию, связанную ней. Она холодная. Нева?

Она покачала головой.

— Понятия не имею.

Эмрис стоял так тихо и неподвижно, прислонившись к стене сарая, что я почти забыла о его присутствии, пока он не заговорил.

— Зачем оставлять это загадкой? В записке сказано, что нужно похоронить её с пеплом и костью, если он не вернётся.

Кабелл моргнул.

— У кого-нибудь случайно есть кость с собой?

Я покачала головой.

Нева издала довольный звук.

— Вам всем повезло…

Колдунья начала доставать из своей сумки различные маленькие косточки и черепа, выкладывая их на землю. Закончив, она обвела их рукой, будто представляя свой собственный зоопарк из мёртвых животных.

— Тебе не кажется странным коллекционировать такие вещи? — спросила я.

— Почему это должно казаться странным? — удивилась Нева. — Смерть прекрасна, и люди боятся её только потому, что видят в ней конец, а не начало, каким она и является. К тому же, маленькие косточки — они такие милые. Смотри.

Она выбрала крохотный череп птицы с зубчатым клювом и, повысив голос, сказала:

— Здравствуй, Тэмсин. Выбери меня для своей загадочной монеты, и я буду твоим мрачным спутником на этом тёмном пути открытий.

Кабелл рассмеялся. Я — нет.

Нева вернула череп на место и выбрала кость рядом с ним. Она была в стеклянном футляре с позолоченными краями и имела форму стопы с пустыми дырами вместо ногтей, где когда-то были драгоценные камни.

— Этот вариант может подойти ещё лучше, — сказала Нева. — Это часть стопы святого Хенуга.

— Кого? — спросила я.

— Вот именно, — вздохнула Нева. — Найти кости известных людей не так просто. Я одолжила её у тёти. — Она замялась. — Ладно, я её украла.

Колдуньи любят месть больше всего, даже если она ждёт веками. Как я читала, они получают особое удовольствие, используя кости тех, чья религия разрушила древние языческие верования.

— А ещё у нас есть…

— Давайте использовать кость святого, — прервала я её. Я вырыла небольшую ямку в земле с помощью своего складного топора и бросила последний взгляд на монету перед тем, как кинуть её туда. Нева оторвала кусок от ступни и, пожелтевшая косточка длиной с палец упала рядом с монетой. Все четверо мы наклонились, глядя на неё.

— Хм, — сказала я.

Эмрис зажёг небольшую ветку зажигалкой и передал её мне. Когда ветка догорела, в яму полетели пепел и искры.

— Думаешь, этого хватит? — спросил Кабелл.

— Хотелось бы верить, — пробормотала я, засыпая землю сверху. Я присела и крепко утрамбовала землю, чтобы быть уверенной. Мы ждали и смотрели. И всё же ничего не происходило.

Я покачала головой, издав звук отвращения. Внутри вспыхнуло злое раздражение. Это так похоже на Нэша, играть в дурацкие игры, лишь бы казаться загадочным.

— Может, нужно подождать? — предположила Нева, её глаза были спокойными, и это мгновенно мне не понравилось.

— Ты можешь ждать тысячу лет, и обещаю, что ничего из этой земли не выйдет, — сказала я, садясь рядом со своими сумками и застегивая куртку повыше.

— Мы хотя бы попробовали, — произнёс Кабелл. Разочарование отчётливо читалось на его лице и тяжело легло на его плечи.

— Ну, — сказал Эмрис, нарушив тишину. — Теперь, когда это позади, готовы ли мы работать вместе, или нам нужно ещё десять минут, чтобы поспорить?

Я закатила глаза.

— И чем же ты можешь быть полезен? Кроме того, что красуешься и принимаешь драматичные позы?

— Забавно, Птичка.

— Это не её имя, — резко ответил Кабелл.

— Тэмсин думает, что знает, куда отправился Нэш, судя по его записке, — сказал Эмрис. — И, если моя догадка верна, это не в нашем мире.

Впервые в глазах Невы угас блеск волнения.

— Не в этом мире? Ты думаешь, он отправился в один из Иных Миров?

Кабелл ободряюще взглянул на меня.

— Давай, Тэмс.

— Только если Дай даст какое-то заверение, что это не ловушка, — сказала я.

Эмрис тяжело вздохнул.

— Ты такая упрямая. Хорошо… вот.

Он снял с плеча рюкзак и достал бутылочку размером с ладонь, поставив её на землю, между нами, когда я не сразу взяла её.

— Мадригал дала мне это.

— Мадригал? — Нева оживилась. — Говорят, она превратила своего последнего любовника в люстру.

— Нет, — сказал Эмрис, поморщившись. — Но спасибо за эту жуткую картину. Она подумала, что кольцо могло попасть в Иной Мир, и дала мне это, чтобы вызвать Туманную Ведьму. Она — единственное существо, способное управлять туманами, разделяющими наш мир и Иные Миры. Мы можем полностью обойти изначально запечатанные пути.

Нева нахмурилась.

— Уверен, что стоит призывать первозданных существ? Они всегда требуют что-то взамен за свои услуги.

— Для этого и нужна жертва, — сказал Эмрис, указывая на бутылочку. — Чтобы вызвать её.

Я наклонилась, чтобы взять бутылочку, поднеся к одному из редких лучей света, проникающих через щели в стенах вокруг нас. Листья, которых я не узнавала, несколько кристаллов кварца и три светящихся клыка плавали в густой, тёмной крови. На стекле был выгравирован знак колдуньи — шахматная фигура с перевёрнутым полумесяцем над ней.

— Нам остаётся только найти место на границе миров, чтобы её вызвать, — сказал Эмрис. — Например, перекрёсток.

— А как насчёт пещеры? — предложил Кабелл.

— Подойдет, — ответил Эмрис. — Пещера Мерлина, между землёй и морем.

Я прищурилась, глядя на него.

— Если ты так уверен, что он отправился в Иной Мир, зачем тебе нужны мы?

— Ну, во-первых, колдунья будет полезна, — сказал Эмрис. — А, во-вторых, я думаю, Нэш отправился в один из двух Иных Миров, связанных с Артуром и его рыцарями. Я не уверен, в какой именно, а у меня только одна жертва для ведьмы.

— Какие твои догадки? — спросил Кабелл.

— Либо Авалон, где было создано кольцо, — ответил Эмрис, — либо Лионесс, где, как говорят, были спрятаны самые тёмные и смертоносные сокровища, известные человеку, перед тем как мир раскололся.

Я сохранила бесстрастное выражение лица, скрывая свои мысли. Королевство Лионесс, современник Камелота, было, как считали смертные, поглощено чудовищной бурей, затонув в море и почти исчезнув из памяти.

— Сокровищница — всего лишь слух, — покачал головой Кабелл. — А если это правда, то и о чудовище, охраняющем её, тоже говорят правду.

— Именно поэтому я искренне надеюсь, что Тэмсин скажет нам, что это Авалон, — с тоской в голосе сказал Эмрис.

Тьма подкралась так незаметно, что я не заметила, как фигуры рядом со мной начали исчезать, пока они почти не пропали. Немногочисленные лучи света, просачивающиеся сквозь щели в старом дереве, поглотились полной тьмой.

— Да что за чертовщина… — Кабелл наткнулся на меня, шаря рукой, пытаясь найти дверь сарая.

— Открой её, — велела я. — Она прямо за тобой.

Голос Кабелла был приглушенным.

— Она открыта.

Нева охнула, пытаясь двигаться вперёд, следуя за нашими голосами.

— Что происходит?

Мир вокруг нас погрузился в непроницаемую темноту. Когда глаза немного привыкли, я начала различать очертания зданий вокруг.

— Это затмение? — спросила я.

— Незапланированное? — усомнился Эмрис, но затем добавил: — Ты не думаешь, что это из-за монеты?

— Не может быть, — ответила я. Это было невозможно. Что-то настолько маленькое не могло содержать достаточно магии для такого.

К нашим голосам присоединились другие, звучащие из близлежащих зданий, крики с вопросами и призывы к родным.

Но так же быстро, как пришла темнота, её пелена начала рассеиваться, сначала светлея до траурного серого, а затем снова сквозь него проглянуло синее небо.

— Что бы это ни было, хорошего ждать не приходится, — сказал Кабелл. — Я считаю, нам пора двигаться.

— Было бы полезно знать, куда он направлялся, — заметил Эмрис, поворачиваясь ко мне. Я прикусила губу, подавив последние сомнения.

Кольцо завоюет благосклонность её сердца.

С последним взглядом на брата я произнесла:

— Авалон. Я думаю, Нэш отправился в Авалон.

Громкий смех разорвал воздух. От этого звука внутри образовалась пустота, ещё до того, как другие присоединились к нему.

Один за другим Опустошители выходили из-за окружающих заборов и зданий, плотным кольцом обступая нас. Нева потянулась к своей сумке, но я сжала её руку, останавливая движение, как раз в тот момент, когда появился Септимус, опершийся на открытую раму паба.

— Слышали, парни? — крикнул он остальным. — Мы отправляемся на Прекрасный Остров.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 11

Шок, охвативший нас словно железная хватка, продлился лишь мгновение. В том крохотном промежутке, что длится между одним ударом сердца и другим, Кабелл рванул к сараю, где были оставлены все наши вещи, но его сразу остановил один из мужчин, взявших его в плен.

— Мы снова встретились, — злорадно произнёс Опустошитель. — Думал, что вырвался из петли, да?

Кабелл плюнул ему в лицо. Я не успела заметить кулак, летящий в мою сторону, пока он не попал в висок, разорвав мой мир на две половины и сбив на влажную землю.

— Эй! — Кабелл попытался рвануться к тому, кто меня ударил. Я упала, на мгновение потерявшись, чувствуя, как кружится голова. Нева обняла меня за плечи и помогла подняться на ноги. Лицо Эмриса расплывалось в тумане, но я видела, что он смотрит на меня. Всё вокруг казалось размытым.

— Что ты здесь делаешь? — голос Септимуса дрожал от удивления, и в нём звучало нечто ещё. Если бы не рана на голове, я бы подумала, что это страх. — Как… это возможно?

Когда тёмные пятна исчезли из моего зрения, я, наконец, увидела, что привлекло его внимание. Вернее, кого.

— Я пришёл за кольцом, — ответил Эмрис. — Спасибо богам, что ты здесь. Меня схватили, когда я искал развалины Тинтагеля, и с тех пор я пытаюсь вырваться.

Нева возмущённо ахнула. Я, возможно, тоже попыталась бы ударить Эмриса, но он успел схватить меня за шею и крепко удерживал. Чем больше я пыталась освободиться, тем больше Опустошителей собиралось вокруг, помогая ему. Я заставила себя остановиться, прежде чем ситуация приняла худший оборот.

— Но твой отец… — начал Септимус, ещё не собрав все мысли воедино.

— Я хочу удивить его, — сказал Эмрис. — И вернуться с кольцом. Разве ты никогда не пытался впечатлить своего старика, Ярроу?

— Тебе нужно домой, — сказал Септимус. — Один из моих людей проводит тебя. Твой отец, должно быть, сходит с ума от беспокойства.

— Вот тут ты ошибаешься, — произнёс Эмрис, отпуская мою шею после последнего предупредительного сжатия, прежде чем выйти вперёд. Его голос звучал легко, а улыбка сияла. — Вам нужно, чтобы я рассказал, как добраться до Авалона, а нам нужны они, чтобы выследить Ларка.

— Эмрис… — другой мужчина покачал головой.

— Я иду с вами, — с напряжённой улыбкой сказал Эмрис. — Пожалуйста. Это мой последний шанс сделать что-то подобное.

Септимус вздохнул.

— Хорошо. Держись рядом со мной, понял? Я не хочу, чтобы твой отец меня убил.

— Конечно, — сказал Эмрис.

Его последний шанс сделать что-то подобное? Почему? Неужели его вот-вот отправят в какой-то престижный университет? Может, он взял эту работу от Мадригала, чтобы доказать, что ему не нужен диплом, но даже это казалось нелепым.

— Как мы доберёмся до Авалона? — спросил Септимус.

— Только попробуй, — предостерегла я Эмриса. Вот что вышло из нашего доверия — я знала, что не стоило, и всё равно привела его сюда. Я отдала ему нашу единственную зацепку, чтобы найти Нэша.

И он даже не соизволил взглянуть на меня, когда сказал:

— Ведьма Тумана.

Нева злобно зашипела.

— Ты за это заплатишь. Надеюсь, тебе нравится вкус слизняков, потому что они будут лезть у тебя изо всех щелей.

Септимус повернулся к ней, как будто замечая её впервые. Нева была выше меня, но его фигура позволяла ему нависать над нами обеими, словно второе затмение, заслоняя солнце.

— А это кто? — спросил он.

Я стиснула зубы, чувствуя, как страх сжимает сердце. Некоторые Опустошители видели в колдуньях лишь средство для обогащения, считая, что те опасны, словно чёрные вдовы — только при провокации. Но многие из тех, кого я встречала, ненавидели колдуний с поразительной яростью, обычно из-за того, что кто-то из их близких или наставников погиб от удачно наложенного заклинания.

Если кто-то из этих Опустошителей относился ко второй категории, Неве, возможно, придётся защищаться от их самых тёмных фантазий о мести.

Словно отвечая на мои мысли, Нева выпрямилась, расправив плечи, и одна её рука потянулась к поясной сумке.

— Я…

— Она из одной маленькой западной гильдии Опустошителей, — спокойно сказал Эмрис, не глядя ни на одну из нас. — Нева. Она сумеет найти Нэша, как только мы доберёмся до Авалона.

Его ложь выбила меня из равновесия. Напряжение на моём лице немного ослабло, когда в голове возник вопрос, рождённый моим растущим подозрением. Что ты задумал, Наследничек?

Кабелл продолжал сопротивляться, и его борьба только усилилась, когда он увидел, что люди Септимуса забрали наши сумки из сарая и добавили их к своему грузу.

— Нам стоит подождать, пока руины замка не закроются на день, — сказал Эмрис, на мгновение перехватив мой взгляд, оборачиваясь к Септимусу.

На этот раз его глаза несли послание. *Доверься мне.*

Я покачала головой. *Никогда.*

Эмрис Дай играл в опасную игру — оставался лишь вопрос: с кем именно.

***

Пещера Мерлина оказалась меньше, чем я её помнила; впрочем, в последний раз, когда я здесь стояла, и сама была меньше.

На самом деле, пещера была скорее тоннелем, высеченным древними волнами или каким-то великим зверем, что рыл себе путь в тёмных горных скалах. Чтобы попасть туда, нужно было спуститься по извилистой тропе с развалин наверху и войти через небольшой, покрытый камнями пляж.

Море сдерживало свои пенистые пальцы, пока мы пробирались по песку и гальке. Близкий водопад шумел так громко, что заглушал даже стук моего сердца.

Я остановилась у входа в пещеру, но Септимус грубо подтолкнул меня вперёд. Влажный воздух был пропитан солёным запахом разложения. Конденсат делал всё вокруг скользким, и идти становилось всё труднее, когда песчаный берег сменился полем острых камней. Стены вокруг нас были остры и угрожающе мрачны, словно каждая из них предупреждала, что это место не для смертных.

Несколько Опустошителей включили фонари, освещая путь, когда молодая луна не справлялась.

Нэш всегда говорил, что люди — это лишь искры, падающие в пламя времени, но я не была искрой, и здесь не было тепла. Лишь шёпот ледяного ветра, его холодные губы касались моей кожи, шепча неведомые тайны.

— Здесь, — сказал Септимус, когда мы достигли середины тоннеля. — Этого будет достаточно.

Я на мгновение поймала взгляд Невы, и в этом коротком взгляде поняла её намерения. Бороться. Бежать. Эти идиоты даже не догадались отобрать её поясную сумку, видимо посчитав, что она слишком мала, чтобы в ней могло быть что-то полезное или опасное. Даже со связанными руками, она всё ещё могла дотянуться до своей палочки.

Я покачала головой в ответ. Нас было слишком мало. Придётся искать способ сбежать, когда мы доберёмся до Авалона.

Нева была явно недовольна, но, казалось, приняла это. Она сердито посмотрела на Септимуса, проходящего мимо.

— Вам бы лучше быть осторожнее, когда мы зайдём внутрь — слышала, что ведьмы предпочитают вкус самодовольных глупцов даже больше, чем обычных идиотов. Что-то о более мягких мозгах.

Он поднял руку, будто собирался её ударить. Мы с Кабеллом одновременно бросились вперёд, пытаясь его остановить, но его удержал Эмрис.

— Мистер Ярроу, — произнёс он мягко, поднимая бутылку с подношением. — Нам стоит продолжить.

Септимус презрительно скривился.

— Ладно.

Кабелл попытался подойти ко мне ближе, но его перехватил один из Опустошителей.

Эмрис вышел вперёд, вытаскивая жесткую пробку из бутылки и ставя её на тёмный камень.

— Ведьма Тумана, — его голос звучал хрипло, — госпожа мглы, рождённая в земле древних теней. Никому не служащая, берущая всё, услышь нас, ответь на наш зов.

Опустошители застыли в испуге, когда вдруг все их фонари и светодиодные лампы погасли, оставляя пещеру в безграничной тьме.

Позади нас поднялся шипящий смех.

Моя голова снова опустела от мыслей, от чувств — осталось лишь осознание того, что нечто неведомое нависло за нашими спинами, словно надвигающаяся буря.

— Вы… вы примете это подношение? — спросил Эмрис.

— Приму, — прошипела ведьма, её голос походил на змей, скользящих друг о друга. — Чего же вы хотите?

Позади меня раздался звук, похожий на шелест кожаных крыльев, и воздух переменился.

— Мы… — начал Эмрис, затем прочистил горло. — Мы ищем проход. В Авалон и обратно.

— Аххххх… — прошелестела ведьма. — Значит, вы ищете то, что вам не дозволено. Меч легенд, спящего короля, высокую башню…

Голос Эмриса отразился от каменных стен.

— Что ты попросишь взамен?

— Что ты имеешь в виду? — резко перебил его Септимус. — Ты дал ей подношение…

Существо источало зловонный запах гнили и прогорклой жёлчи. Меня тошнило, а спину обжигало сознание её присутствия. Краем глаза я заметила бледную, высохшую руку, протягивающуюся вперёд, словно желая коснуться моего лица.

Моё тело сотрясалось от ужаса, когда нечто — палец или коготь — медленно скользнуло сквозь мои волосы и вдоль позвоночника, распутывая узлы и спутанные пряди, словно мать, расчёсывающая волосы ребёнка.

— За единый проход в Авалон для вашей группы и один обратный путь, — продолжила ведьма, — я прошу лишь прядь этих волос.

Её рука, её когти вновь заскользили по моей голове, приподнимая отдельные пряди, пока я не почувствовала, что меня вырвет или я закричу.

— Зачем они тебе? — резко спросил Эмрис.

— Какая разница? — огрызнулся Септимус.

— Это не ваше дело, — ответила ведьма. Что-то холодное и склизкое скатилось по моей щеке и плечу. — Возможно, просто потому, что они такие красивые… словно солнечный свет, который мне недоступен.

Сердце громко стучало, готовое вот-вот вырваться из груди. Я не знала, как мне удалось произнести это слово:

— Хорошо.

Едва заметным движением её коготь скрутился, и она отрезала неведомое количество волос на затылке. Её кожа ощущалась как мёртвая рыба, прижимающаяся ко мне.

Она снова наклонилась к моему уху:

— Для тебя я дарую это: секрет, который тебе решать, раскрывать или нет. Они наслаждаются кровью и горят на свету.

Я склонила голову, пытаясь осмыслить её слова. Закрыла глаза, пока тяжесть её присутствия не исчезла.

— Какой же ты интересный ребёнок, — прошептала ведьма, её голос затихал в моей голове.

Фонари и лампы вновь вспыхнули, и только тогда я поняла, что Ведьма Тумана исчезла.

Из груди вырвался тяжёлый вздох, и я согнулась пополам, всё ещё дрожа.

— Тэмсин? — позвал Кабелл. — Ты в порядке?

Я не могла ответить. Пока ещё нет.

Холодный влажный воздух обдувал моё лицо, и когда я заставила себя открыть глаза, то увидела перед собой кружащийся вихрь тумана, чернеющий в самом центре до абсолютной черноты.

— Что это? Жила? — спросил один из Опустошителей.

— Есть только один способ узнать, — ответил Септимус.

Он схватил меня за воротник и рывком подтолкнул вперёд. Туман вокруг отверстия завертелся в безумном вихре. Из тьмы в центре выбивались нити черноты, проникая в воздух, темнее даже теней вокруг меня.

Это было последнее, что я увидела, прежде чем Септимус толкнул меня в эти ледяные объятия.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 12

Это было совсем не похоже на Жилы.

Я летела вперёд сквозь бесконечную тьму, словно подхваченная мощным ветром. Открыла рот, чтобы глотнуть воздух, но его не было. Затем, так же внезапно, как это началось, всё закончилось.

Я вылетела из прохода и приземлилась на колени на мокрую землю. У меня было лишь мгновение, чтобы откатиться в сторону, прежде чем Нева и Кабелл вывалились следом за мной, пошатываясь.

Следующим вышел Септимус, затем Эмрис, бледный, как полотно, с нашими сумками. Остальные мужчины высыпались следом, их фигуры начали растворяться в тенях, как только вокруг нас сгустился бархатный туман.

— Пусть несут свои вещи сами, — бросил Септимус Эмрису. Он указал на нас топором. — Попробуете что-то, сделаете хотя бы шаг вперёд без моего приказа, и этот топор окажется у вас в затылке.

Эмрис, как ни странно, опустил глаза, вручая мне мою сумку. Когда он вернулся к Септимусу и остальным, Кабелл воспользовался моментом, чтобы подойти ко мне.

— Ты в порядке? — спросил он взволнованно.

— Пойдет… — я покачала головой. — Просто сосредоточимся на задании как в Праге.

Он понял меня. Сейчас наша единственная цель — найти способ сбежать.

Нева крепче закуталась в свою меховую куртку.

— П-почему здесь так холодно?

Позади нас несколько Опустошителей, включая Эмриса, надели налобные фонари и включили их. Лучи пробили густую стену тумана, окружающего нас, и сошлись на двух тёмных силуэтах неподалёку.

Мы стояли на берегу водоёма — если это вообще можно было назвать водой. Это была вязкая жижа, густая, с комками чёрной, дёгтеобразной грязи. Мой пульс забился в висках.

— Это и есть Авалон? — хрипло спросил Кабелл.

Мышца на челюсти Эмриса дёрнулась, пока он подходил ближе, изучая воду. Его глаза скользнули к моим, и я поняла, без слов, что его мысли совпадали с моими.

Что-то здесь не так.

Тёмные фигуры в тумане обрели окончательную форму: две лодки пробили белую дымку и приблизились к нам. Латунные фонари, свисавшие с крючков на дальнем конце лодок, были погашены и едва заметно поскрипывали от лёгкого покачивания.

На мгновение никто не осмелился пошевелиться. По спине пробежал ручеёк ледяного пота.

— Дамы вперёд, — сказал Септимус, жестом приглашая меня на ближнюю лодку.

Мой желудок скрутился узлом, пока я осторожно перешагивала через низкий бортик лодки, ступая на влажные гниющие листья, скопившиеся на её плоской палубе.

Нева последовала за мной с высоко поднятой головой, стараясь не поскользнуться, пока мы шли к дальнему концу. Эмрис держал в руках свой топор, указывая Кабеллу занять место рядом с нами. Но облегчение от того, что нас с братом не разделили, длилось недолго; Эмрис, казалось, намеренно стоял прямо позади меня, так близко, что я чувствовала тепло его тела.

Остальные Опустошители, все двенадцать, колебались, будто заново обдумывая эту работу.

— Двигайтесь! — рявкнул Септимус. — Иначе не получите ни гроша!

В резком контрасте с другими Септимус выглядел возбуждённым — триумфальным даже в грязи, с растрёпанными волосами, вырывающимися из перевязи. Он оттолкнул другую лодку от берега и перепрыгнул на нашу. Лодка качнулась под его весом, но ей не требовалось дополнительной помощи, чтобы сойти с этого странного берега. Я обернулась в последний раз, отчаянно пытаясь запомнить расположение портала и наш обратный путь.

В стоячей воде не было видимого течения, но лодки двигались вперёд, медленно и неотвратимо направляясь к неизвестной цели.

Вокруг нас поднялся странный ритмичный звук, словно «тук-тук-тук», и его источник оставался неясным, пока Нева внезапно не отшатнулась от края лодки с подавленным звуком. Проклиная свою неугомонную любознательность, я наклонилась вперёд.

Вместо комков мха или почвы, поверхность воды была усеяна телами птиц и гниющих рыб. Меня начало тошнить.

Нити болезненно-жёлтого тумана пронзили белый туман вокруг нас, и уже через несколько секунд воздух стал тёмным и горьким. Гнилостный цвет сгущался, превращаясь в едкий смог, пропитанный зловонием солоноватого ада.

Нева закашлялась, словно захлёбываясь; я едва могла различить её через туман и слёзы, струящиеся из жгучих глаз. Несколько Опустошителей начали давиться рвотными позывами.

— Куда нас привела эта ведьма? — потребовал ответа Септимус.

Никто не смог ответить ему.

Ядовитые пары клубились вокруг нас, бурлили и рассеивались, мучая нас мимолётными видениями Иных Миров. Чёрное небо. Осколки гигантских валунов, торчащих из воды, как зубы. Оторванные части когда-то, вероятно, огромной статуи женщины.

Перевернутая каменная рука, собирающая стоячую воду и грязь, была почти размером с нашу лодку. Но именно вид женской головы, наполовину погружённой в воду, заставил меня задрожать. Змея, покрытая коркой грязи, проползала сквозь трещину в глазнице статуи, исчезая в зловонной воде.

Нева прижала руку к горлу, будто кто-то вырвал из неё лёгкие.

— Богиня, — прошептала она, больше не сказав ни слова.

Луч света от налобных фонарей Опустошителей прорезал туман, разрывая его в некоторых местах. Мужчины обменивались взглядами, перемигивались и морщились так, что это обещало мятеж.

Меня вырвали из раздумий лёгким прикосновением к руке. Эмрис незаметно вложил что-то твёрдое и холодное в мою ладонь — карманный нож. Я прикусила губу, когда он, обвивая меня своим длинным телом, потянулся к искривлённому столбу, торчащему из воды.

Его лицо исказилось болью, когда столб рассыпался в чёрную пыль при первом прикосновении его пальцев в перчатке.

Я поняла, что передо мной, лишь когда заметила огромные корни, поднимающиеся над водой, словно змеи, переплетающиеся друг с другом.

Деревья.

Мы даже не осознавали, насколько близко подошли к берегу, пока лодка резко не ударилась обо что-то, почти сбросив нас в липкую жижу.

На этот раз первым сошёл Септимус; лицо исказилось от отвращения, когда его ботинки застряли в густой грязи. Туман рассеивался с каждым нашим движением, пока мы не начали пробираться вперёд.

Здесь должно было быть тысячи деревьев — некогда исполинов высоких и широких. Их остатки либо окаменели и опустели, либо стали серыми, как пепел. Эмрис не отрывал от них взгляд, его лоб был нахмурен.

— Что это? — тихо спросил он. — Что могло их так сгноить?

Оставшиеся листья были засохшими. Перегной от разложившейся растительности покрывал землю, местами на несколько футов в высоту. Сухое русло ручья превратилось в последнее пристанище для неописуемого количества мертвых существ.

Группа растянулась, пока мы пробирались через деревья.

Нева шла позади меня, её палочка была крепко зажата в руке. Кабелл подошёл ко мне, вытаскивая мой топор, привязанный к рюкзаку.

Я была гипервнимательна к каждому шагу, который делала, не только из-за липкой грязи, но и из-за тихого звона моих вещей.

— На острове должны быть разбросаны деревни, — прошептала Нева.

— Есть ли какие-то другие ориентиры, на которые мы могли бы ориентироваться? — спросила я, едва слышно.

— В центре Авалона есть башня, — ответила Нева. — Там, по слухам, обитает орден жриц. Девять сестёр.

Да, верно, я читала об этом в нескольких «Бессмертиях». Хотя с годами, когда поколения колдуний становились всё дальше от своих предков, детали о жрицах становились такими же неточными, как большинство сказок.

— Начинаю думать, что мы единственные здесь, — пробормотал Кабелл, пройдя вперёд. — По крайней мере, единственные, кто ещё дышит.

Мой желудок сжался от зловонного тумана, но мне нечего было из него вырвать. Я не заметила Кабелла за стеной бледного воздуха, пока чуть не столкнулась с его спиной.

Он дрожал.

— Тэмсин, — выдохнул Кабелл, едва двигая губами. — Замри.

Мои глаза скользнули влево, следуя его взгляду, пока, наконец, я тоже это не увидела. Тень, движущаяся среди деревьев.

Лунного света, чтобы осветить его форму, не было, но моё зрение уже привыкло к темноте, и даже на расстоянии от меня не скрылась холодная жестокость существа, разрывающего тушу некогда бывшей лошадью.

Существо имело нечто от человеческой формы, но было растянуто и изогнуто, его суставы были резкими, беспощадными углами. Голые конечности были слишком длинными и тонкими, как у паука. В ужасе я не могла понять, это грязные лохмотья или разорванная плоть свисает с его тела.

Что, чёрт возьми, это такое?

Эмрис и Нева подошли сзади, осторожно ступая по заражённому лишайнику и неустойчивой земле. Я вытянула обе руки, останавливая их. Эмрис бросил на меня вопросительный взгляд, но я только указала на его налобный фонарь.

Я поняла, когда он тоже заметил существо. Его тело окаменело. Задержав дыхание, он медленно потянулся и выключил свет.

Голова существа резко поднялась, изо рта капала кровь и куски мяса. Волна отвращения и ужаса захлестнула меня, и все мои инстинкты — бежать, сражаться, сделать что угодно, кроме как стоять здесь, — исчезли, как выдох на морозе.

Лицо существа было провалено тлением, оставляя пустоту вместо плоти и цвета, за исключением белков его светящихся глаз и окровавленных зубов. Тех самых зубов, которыми оно разрывало плоть, мышцы и внутренности лошади, обнажив чисто обглоданные кости в луже крови.

Существо выпрямилось, выронив лошадиный окорок изо рта. Его конечности развернулись, словно у насекомого, пробуждая во мне глубокий, первобытный страх. Туман скрыл нас, но, когда он снова рассеялся, существа уже не было.

— Куда оно делось? — прошептал Кабелл, тяжело дыша.

— Что это за чертовщина?! — закричал один из Опустошителей. — Что оно делает… ?

Ему ответил пронзительный, леденящий душу рык, и сразу же ему вторили десятки других, доносящихся из темноты, окружившей нас со всех сторон.

Раздался крик, от которого кровь стыла в жилах. Луч налобного фонаря Опустошителя погас. Потом ещё один.

И ещё.

— Назад к лодкам! — взревел Септимус. — Немедленно!

Кабелл и Нева рванули первыми, их ноги хлюпали по лужам и грязи. Эмрис застыл, не сводя взгляда с того места, где только что было это существо, словно прирос к земле. Мне пришлось схватить его за руку и тянуть изо всех сил, чтобы заставить его снова двигаться.

Ещё один фонарь исчез. И ещё один.

Туман закружился вокруг нас в хаотичных завихрениях, пока группа в панике бросалась в разные стороны. Я налетела на Неву, которая остановилась у самой кромки воды. Вытянув шею, я последовала за её испуганным взглядом.

Голова, лишённая волос и блестящая от грязи, поднималась из гнилостных глубин. Её глаза сверкали серебром, поймав свет фонаря.

И вскоре это была не одна голова, а множество. Мутная вода пузырилась, когда они начали подниматься из темных глубин и медленно плыть к нам.

Кабелл схватил меня за плечо, притягивая к себе и подавая мой топор.

— Что, чёрт возьми, нам делать?

Я покачала головой, захлебываясь словами, которые не могли сорваться с губ. Дороги к лодкам не было. Путь вперёд тоже был закрыт.

Был лишь влажный хруст, с которым плоть отрывалась от костей, и беспомощные крики, пока один за другим свет фонарей угасал, и туман поглощал нас целиком.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 13

Ледяная длинная рука сомкнулась вокруг моей лодыжки, и я закричала.

Эмрис бросился вперёд с криком, одним ударом топора отсекая серую руку. Существо завыло и взвизгнуло, скрываясь обратно в тёмной яме под землёй.

Я с отвращением сбросила руку с ноги, содрогаясь от ужаса. И тут мы побежали — все, как один, с такой скоростью, что я и не думала, что на это способна, движимая лишь страхом.

Лес сливался в размытое пятно вокруг нас, полые деревья падали под натиском существ, которые перепрыгивали с одного на другое, не отставая от нас. Краем глаза я увидела, как Септимус изворачивается среди сухих стеблей травы и колючих кустов. Кровь, настолько тёмная, что казалась почти чёрной, взметнулась в воздухе, когда он отбивался от тварей своим топором. Двое Опустошителей, которые бежали рядом с ним, исчезли, поверженные на землю и растерзанные в кровавые лоскуты, превращающие туман в отвратительное розоватое облако.

— Что это за твари? — выдохнул Кабелл.

— Ревенанты? — предположил Эмрис.

О боги, пусть это будет не так. Живых мертвецов невозможно убить смертным оружием, и они будут вновь и вновь восставать, сколько бы частей мы ни отсекали.

Память лихорадочно перелистывала все тысячи прочитанных книг, но ни одно описание не совпадало с этими существами — ни рисунков, ни кратких упоминаний в справочниках и «Бессмертиях», ничего.

Не зная, кто они такие, мы не могли узнать, как их убить. Ножи лишь замедляли их.

— Нужно сбросить сумки! — закричал Кабелл.

— Нет! — Когти существ раз за разом цеплялись за кожу наших рюкзаков, но я скорее умру, чем брошу последние наши припасы.

Достав небольшой карманный нож, я вслепую махнула им в воздухе, разрезая тьму вокруг, пока существа прыгали с деревьев, пытаясь захватить одного из нас.

— Тэмсин, пригнись! — крикнул Эмрис. Я пригнулась, а он занёс топор над моей головой, вонзая его в мягкий череп одного из существ. Кабелл повёл нас дальше, через больные деревья, вглубь острова.

Прошло мгновение, прежде чем я поняла, что крики остальных Опустошителей затихли.

Они все мертвы, издевательски подсказал мне мой разум.

Теперь остались только мы. Существа, с тонкими нитями слюны, сочащейся сквозь их зубы, повернулись к нам все разом, осознав то же самое.

Я посмотрела на Неву, и мольба, должно быть, отразилась на моём лице.

— Я не могу колдовать на бегу, — сказала Нева между судорожными вдохами. — Мне нужно вырезать сигилы…

Одно из существ бросилось на неё, хватая передними когтями, и я оттащила её назад. Эмрис подоспел с топором, разрубая одно из щупалец существа.

Второй когтемь пронзил его руку, прорезая слои ткани и разрывая плоть. Он покачнулся, выругался, чуть не выронив топор. Я бросилась вперёд и вонзила нож в бездонный глаз существа.

— Давай, Эмрис! — крикнула я, поддерживая его за руку.

— Моя спасительница, — выдавил он, едва отдышавшись.

— У меня нет времени на ответные колкости! — выпалила я. — Просто…

Как и раньше с Невой, существа повернулись к Эмрису — к ране, сочащейся кровью на его руке.

Слова ведьмы вернулись ко мне, как страшный сон. *Они любят кровь и горят на свету.*

Старая, проклятая ведьма. Она знала, что нас ждёт в Авалоне.

Чёрт возьми, подумала я. Неважно, как далеко мы убежим или найдём где-нибудь укрытие. Они смогут нас выследить.

— Башня! — крикнула Нева. Ей не нужно было заканчивать фразу, чтобы я поняла, что она имела в виду.

— Мы не добежим! — крикнула я в ответ. Существа наверняка окружат нас задолго до того, как мы найдём её в этом дезориентирующем лабиринте мёртвого леса.

Мы выбежали на поляну, усыпанную теми же острыми валунами, что мы видели в воде. Высохшая трава доходила до пояса, ломаясь под нашими ногами и цепляясь за фланелевую куртку, пока я пробивалась вперёд.

Передо мной Кабелл пытался провести нас сквозь валуны, но существ становилось слишком много. Я отступила, когда они, как муравьи, начали карабкаться по деревьям и камням, и в одно мгновение я оказалась отрезана от остальных.

Эмрис резко обернулся, кого-то разыскивая — меня. В тот момент, когда наши взгляды встретились сквозь хаос, в его лице отразилась безудержная паника.

— Тэмсин!

Он ринулся ко мне, но щупальца существ заползли в пространство, между нами.

— Они боятся света! — крикнула я остальным.

Нева подняла камень из грязи и начала вырезать на нём сигилу. Кабелл стоял перед ней, отражая атаки существ, чтобы дать ей время закончить заклинание.

Существа злобно рычали, разворачиваясь ко входу на поляну, откуда на нас, спиной вперёд, выходили Септимус и двое Опустошителей, шатаясь от изнеможения. Септимус был весь залит тёмной кровью этих тварей, отбиваясь топором от каждого, кто пытался к нему приблизиться. Один из Опустошителей рядом с ним был повержен и повален на землю, существа вцепились в него, разрывая горло, что дало остальным возможность углубиться на поляну.

Куда бежать? Мысль болезненно сжала мой желудок. Я размахивала ножом, отбиваясь от существ, что прыгали на меня, но каждый удар только разжигал их кровожадность.

— Тэмсин! — снова позвал Эмрис. Я обернулась на его голос, используя как ориентир. Когда впереди появилась узкая лазейка, я рванула, цепляясь за этот шанс. Зловонные клубы дыхания вспыхивали при каждом шаге. Хруст костей, треск суставов, щёлканье зубов — я знала, что существа совсем рядом, даже не оборачиваясь.

Что-то схватило меня за воротник и дёрнуло назад. Я закричала до хрипоты, ощущая вокруг запах смерти, когда я яростно билась, пытаясь вырваться. Моя нога соскользнула, и я начала падать — но не в зубастые пасти чудовищ.

— Куда это ты собралась, котёнок? — раздался голос у моего уха.

Септимус.

Он обвил рукой мою грудь, удерживая меня перед собой, как последний живой щит. И странным образом тот факт, что это был он, а не одно из чудовищ, был даже страшнее.

Он развернул меня вправо, выставляя меня, как живую преграду. Я ощутила пылающую ярость, и её отголоски отразились в голосах Кабелла и Эмриса.

— Нет! Септимус!

— Отпусти её!

Я попыталась выскользнуть из куртки, чтобы освободить руку с ножом и ударить его, но Септимус прижал мою руку с ножом к боку и крепко схватил меня за шею. Существо злобно зашипело, увидев меня, как если бы я была поданной ему очередной трапезой.

— Ничего личного, — презрительно процедил Септимус. — Но тебе пора стать полезной…

Запах крови был невыносимым, но в моей голове наступило странное спокойствие, словно я приняла силу, которая несла меня к неизбежному исходу.

Я не собиралась умирать за него и не собиралась его спасать.

Моя ладонь вспотела, и я крепче сжала рукоять ножа, изменяя угол его лезвия. Его хватка ослабла ровно настолько, чтобы сделать то, что я собиралась.

— Мурлычь, котёнок, — прошипела я, а затем вонзила нож ему в ногу, прямо над коленом.

Септимус взвыл, его крик вырвался из груди, как первобытный зверь. Он знал — знал, что с этим ударом он не сможет бежать от того, что его ждет. Он потерял равновесие и выпустил меня, когда существо с диким рёвом бросилось на него, разрывая грудь когтями.

Я схватилась за его топор, едва замечая, что рукоять всё ещё теплая от его прикосновения, и начала отбиваться от существ вокруг меня. Развернувшись, столкнулась с Эмрисом. Его глаза были дикими, он сжал мои плечи, лицо его было искажено ужасом.

— Ты в порядке? — спросил он, голос его дрожал. — С тобой всё хорошо?

Единственное, что я смогла выдохнуть в ответ, было:

— Беги!

Мы побежали. Одно из существ напоролось на мой клинок; другое ухватилось за мои волосы, пытаясь утащить меня к деревьям, где в тени их ждало ещё больше.

Крик Невы взорвался в ночи. Я обернулась, сердце моё колотилось, ища её и Кабелла во тьме. Сделала шаг вперёд, но замерла, когда облака над нами разошлись, словно занавеси, и столб синевато-белого света обрушился на колдунью.

Существа завизжали в ужасе, отступая — но недостаточно быстро, чтобы спастись, когда свет разорвался, пронзая воздух, словно осколки стекла. Я наклонилась, прикрывая голову, пока существа разрывались в клочья. Свет горел в них изнутри, образуя кольцо из тлеющих огоньков.

— Тэмсин!

Я подняла взгляд и увидела, как Кабелл бежит ко мне, лицо его было искажено страхом, когда он преодолел последние метры, между нами.

— Я в порядке, в порядке! — крикнула я.

Он поднял нас обоих и потащил к остальным. Столб света расширялся, охватывая нас, испепеляя существ, но проходя по моей коже, как тёплый поток. Я почувствовала, как что-то тянет меня к сердцевине света, в его защитные глубины.

Смахивая грязь с лица, прикрыла глаза от ослепительного сияния.

Нева стояла за поражённым Кабеллом, руки её были вытянуты перед собой. Магия пылала вокруг неё, словно дикий огонь, ослепляющий в своей интенсивности. Её косы выпали из узлов, когда мы бежали, и теперь поднимались над плечами, окружённые сверкающим ореолом силы. Её лицо, сияющее от пота и напряжения, было таким же ошеломляющим, как и магия, превращавшая поляну в пылающее сердце звезды.

Глаза Невы мельком скользнули по нам, её лицо было полно решимости, от которой замирало сердце. Её сила была ошеломляющей. Я осмотрелась, пытаясь найти сигилу, которую она использовала. Большой камень лежал у её ног, но сигила защитного заклинания была только наполовину закончена. Это было невозможно — такая сила должна быть вызвана и направлена через начертанный символ.

— Нева… — начала я.

— Я не смогу держать это дольше, — предупредила Нева, её голос трещал от напряжения магии. — Это слишком…

— Как ты это делаешь? — спросила я.

Она покачала головой, сжала кулаки.

— Я не знаю. Я думала, что мы умрём, и это просто… это просто случилось…

Магия вспыхнула ещё ярче, ещё горячее. Чудовища отступили в тени деревьев.

— Может, у кого-то есть хоть одна толковая идея, как нам выжить? — хрипло спросил Эмрис, прижимая руку к ране на руке.

— Сейчас подойдёт даже плохая, — с мрачным выражением ответил Кабелл. Он ещё тяжело дышал, но густеющая шерсть на тыльной стороне его рук пугала меня не меньше, чем чудовища вокруг.

— Ты в порядке? — тихо спросила я его.

Впервые Кабелл не попытался солгать.

— Нужно немного времени. Нужно успокоить сердце.

Взгляд Эмриса скользнул к нему, но я отрицательно покачала головой, перехватывая его вопросительный взгляд.

— Каковы шансы, что они устанут от уничтожения и уйдут? — спросила я.

Барьер затрясся, и мне на миг показалось, что я должна была сильно разозлить какого-то бога удачи в прошлой жизни.

— Ребята, — прошептала Нева, её голос дрожал, — простите, у меня не осталось сил…

Я встала рядом с ней, выставив топор вперёд. Спина Эмриса прижалась к моей, его тело горело, словно костёр в морозном воздухе. Кабелл, пошатываясь, снова поднялся, его лицо мерцало в тенях, пока он боролся за контроль над собой.

Мы умрем. Это странное, холодное спокойствие снова пришло, тихо и безмятежно. Мы умрём.

— Мы попробуем добраться до башни, которая, по мнению Нева, находится в центре острова, — сказала я. — Если найдём хоть какое-то укрытие…

Ослепляющий свет прорезал воздух перед нами, пробив выжженные деревья и врезавшись в сморщенную кожу ближайшего чудовища. Оно вспыхнуло, как спичка, завывая так, что мне казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Я обернулась, ища источник, но в этом не было нужды.

Град горящих стрел пронёсся сквозь темноту, свистя над нашими головами. Магия Невы была нашим щитом от жара пылающего мира вокруг, и я знала, что в тот миг, когда она её отпустит, мы тоже сгорим.

— Это…? — начал Кабелл, оглядываясь.

Лошади и их всадники мчались в полном галопе, разгоняя оставшихся монстров, что побежали назад, ища спасения в тёмных водах.

Пламя осветило серебряные доспехи рыцарей, которые окружили наш барьер, с луками наготове. Их кони били копытами по земле, сотрясаясь от нерастраченной ярости. Пятеро в общей сложности.

— Убери свою магию, колдунья! — крикнул один из них.

Нева вздрогнула от резкости слов, но не подчинилась. Более того, её магия вспыхнула ещё ярче.

Тот же рыцарь с яростью вложил меч в ножны, в то время как другие продолжали рубить и стрелять в любого безмозглого монстра, что осмеливался приблизиться к нам. Когда Нева так и не сняла защиту, первый рыцарь поднял руку и сорвал с себя шлем.

Из-под него вырвалась длинная серебряная коса, сияющая ярче меча в её руке. Лицо, что смотрело на нас с чёрного коня, было бледным, покрытым веснушками и удивительно юным — совсем не тот обветренный и израненный мужчина, которого я ожидала увидеть.

— Я сказала, — процедила девушка, — убери свою магию, колдунья.

Эмрис первым вышел из оцепенения.

— Я не хочу показаться неблагодарным, но это не сожжёт нас заживо?

— Наш огонь вас не тронет, — сказала другая, снимая свой шлем. У неё были тёмные волосы и тёмные глаза, её кудри трепетали вокруг головы в отвратительном холодном ветре. Кожа была насыщенного коричневого оттенка, кроме того места, где розовый шрам тянулся по щеке, и выражение её лица было сдержанно-успокаивающим.

Другие последовали её примеру. Все молодые.

И, казалось, все девушки.

— Если не хотите умереть здесь, как остальные путешественники, советую следовать за нами, — продолжила она. — Мы отведём вас в безопасное место.

— Кроме колдуньи, — резко сказала сереброволосая. — Пусть её сожрут.

— Кейт, — укоризненно отозвалась другая.

— Кто вы? — сумела произнести я.

— Я Кайтриона из Девяти, — сказала девушка со странными серебряными волосами. — Это мои сёстры. Я не знаю, как вы сюда попали, но скажу одно: это не место для смерти.

— И где именно это место? — вежливо спросил Эмрис.

Какая-то часть меня — та небольшая, ненавистная частичка сердца — всё ещё держалась за слабую искру надежды, что Нева совершила ужасную ошибку. Что она каким-то образом перенесла нас в Иной Мир, далёкий от того, где Нэш оказался пленником с кольцом.

Эта надежда была растоптана под тяжёлым взглядом девушки, с подозрением нахмурившей брови. Магия Нева угасала, как ураган, сменяющийся тихим дождём.

— Вы не знаете это место? — спросила она саркастически, натягивая шлем обратно. — Вы нашли благословенный остров Авалон.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Часть вторая — Пустошь

Глава 14

Мы скакали по туманному острову в яростной буре из топота копыт и звона доспехов. С тех пор как мы покинули поляну, никто не произнес ни слова. Никто из них даже не счел нужным назвать своё имя. Я почти физически ощущала, как их взгляды снова и снова устремляются на Неву, как откровенная ненависть исходила от них, словно наше горячее дыхание испарялось белым облаком на холодном воздухе.

Мы все безропотно приняли необходимость снова позволить связать нам руки, понимая, что это был единственный вариант, кроме как остаться там и быть съеденными.

Неву посадили позади Катрионы из Девяти. Все жрицы сидели прямо, словно их спины поддерживали железные корсеты, но Катриону её металлическая кирасса, казалось, не стесняла движения, а скорее становился продолжением её тела.

Мы пробирались сквозь лабиринт мрачной дикой природы и тумана. Внутренняя сторона моих бедер была насквозь промокшей от пенящегося пота лошади и натуги, с которой я сжимала их, чтобы не свалиться.

— Можешь держаться за меня, — тихо предложила моя рыцарь. — Я бы предпочла не останавливаться, чтобы поднимать тебя, если ты упадешь и расколешь череп. Что скажешь?

Я хмыкнула:

— Меня устроит.

Мои руки были связаны лишь слегка, что позволяло ухватиться за нижний край её кирасы.

— У тебя есть имя, или ты просто одна из Девяти? — спросила я.

Теперь уже она хмыкнула:

— Беатрис. Из Девяти.

— Ладно, Беатрис, — сказала я, чувствуя, как часть раздражения схлынуло. — Спасибо, кстати.

— Благодарности не нужны, — её голос звучал тихо и с достоинством. — Наша обязанность — защищать остров и всех, кто живёт на нём.

— Это, — я попыталась подобрать слова помягче, — кажется сложным. Весь Авалон такой?

Беатрис вновь замкнулась в своём молчании, лишь слегка пришпорив лошадь, чтобы ускорить её.

Я бросила взгляд туда, где Кабелл — естественно — выглядел совершенно невозмутимым, сидя за спиной другой рыцаря, девушки с бледной кожей и коротко стриженными волосами цвета коры дерева. Они говорили тихо. Кабелл встретился со мной взглядом и подарил мне улыбку, слишком мрачную, чтобы её можно было назвать ободряющей.

Девять. Орден жриц, проводящих ритуалы Авалона и поклоняющиеся Богине-Создательнице, в которую они верили.

Очевидно, в последние несколько столетий их обязанности немного изменились, потому что я не припомню упоминаний о них в своих записях, где жрицы мчались бы верхом сквозь тени острова, чтобы сражаться с монстрами. А Нэш, поклонник преувеличений, уж точно не упустил бы такой драматический момент в своих рассказах у костра.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Имя Нэша пронзило моё сердце, как клинок. До этого момента я была настолько поглощена желанием выжить, что не могла думать ни о чём другом, включая причину, по которой мы здесь оказались.

Я оглядела мрачный ландшафт, размышляя, как Нэшу удалось выжить в этом месте. Гнилые деревья, обмелевшее русло ручья, ставшее тропой для лошадей, рои насекомых, обгладывающих останки какого-то монстра, каменные дома без света внутри… Что могло выжить здесь, кроме падальщиков и существ, живущих лишь ради утоления голода?

Туман был неизбежен, нависая над землей, словно олицетворение затаённой обиды — утраченной любви, утраченной красоты, того, чем это место когда-то было. Его сырые пальцы оставляли на моей коже ледяные узоры.

Башня, которую описала Нева, словно медлила показываться, будто наблюдала за нами издалека, решая, стоит ли позволить приблизиться. Когда мы подошли ближе, я не могла насытиться её видом. Её размеры и величественные стены вокруг вызывали у меня головокружение.

А затем я заметила, что башня была встроена в ствол гигантского дерева.

Оголенные ветви раскидывались над стенами, укрывая двор от чёрного, беззвездного неба. Это было не похоже ни на что, что я видела раньше. Дерево — древнее и примитивное, башня — средневековая, словно последний след контакта этой Иной земли с нашим смертным миром.

«Бессмертия», о которых я читала, появились задолго после того, как последние колдуньи были изгнаны из Авалона. Никто из них не видел этого собственными глазами.

— Что это за дерево? — спросила я у Беатрис.

— Мы зовём её Матерью, — ответила она. — Это была первая жизнь на острове. Первый дар Богини.

Глубокий ров, окружавший сооружение, содержал всего несколько футов мутной воды и куда больше увядших сорняков, но пересечь его без моста всё равно было невозможно. Я облегчённо заметила факелы, горящие вдоль стены, и фигуры мужчин и женщин, высившихся над нами.

— Открывайте ворота! — крикнула рыцарь с серебряными волосами. Её лошадь нервно переминалась на камнях тропы, так же, как и все мы, стремясь поскорее оказаться внутри.

Старый деревянный мост начал медленно опускаться, скрипя под собственной тяжестью. Едва его край коснулся земли перед её лошадью, как она сразу же понеслась вперёд. Металлическая решётка поднялась внутри стен, открывая тёмный двор.

Мы с Беатрис замыкали группу, и стоило нам миновать ворота, как решётка с грохотом опустилась, а мост вновь начал подниматься.

Несколько мужчин в кирасах, кто-то вооружённый грубоватыми мечами, а кто-то простыми луками, устремились к нам.

— Святая Мать, — произнёс один, пока рыцарь с серебряными волосами спрыгивала с лошади. — Они…

— Источник света? — закончила за него Беатрис. — Да. Можете взять лошадей?

— Но кто они? — перебил другой мужчина, глядя на нас с выражением шока и едва ли не восхищения.

Беатрис, спрыгнув с седла, протянула руки, чтобы помочь мне. Я и не предполагала, насколько она высока — и сильна, пока она не сняла меня с лошади так легко, словно я была малым ребёнком.

— Делай всё, что говорит Катриона, — прошептала она мне. — Не спорь с её планами. Всё скоро уладится, но у неё есть свои протоколы.

Она повела нас мимо внушительной башни, через щели между грубо отёсанными строениями и наскоро возведёнными деревянными постройками, мимо небольшой земляной арены, оборудованной мишенями для стрельбы из лука, изрубленными стойками и набитыми соломой чучелами.

Катриона шла впереди, ведя Неву за плечо, и вывела нас к узкой винтовой лестнице, скрытой в дальнем правом углу стены. Вместо того чтобы подняться на стену, мы спустились вниз.

И вниз.

И вниз.

Я замедлила шаг, но Беатрис подтолкнула меня вперёд. Запах гнилой соломы, крысиных испражнений и плесени встретил нас на пороге, служа зловещим предзнаменованием того, что нас ждёт внутри.

Катриона вошла первой, сняла с крюка на стене тяжёлую связку ключей, и тут же свечи, выстроенные вдоль узкого прохода, вспыхнули светом. Они прогнали тонкий слой тумана, клубившийся в темноте, и в их мерцающем свете я разглядела шесть отдельных камер с железными решётками.

Катриона открыла ближайшую и осторожно завела туда совершенно измученную Неву. Колдунья настороженно взглянула на сжатую в руке палочку, будто собиралась что-то сказать.

Нас лишили оружия ещё до того, как мы сели на лошадей, но теперь с нас сняли и путы, чтобы отобрать сумки. Моё сердце упало, когда я почувствовала, как Беатрис потянула за ремень моей рабочей сумки.

— Я перережу ремень, если придётся, — предупредила она. — Ты получишь её обратно, обещаю.

Я бросила на неё угрюмый взгляд, но всё же передала сумку, воспользовавшись моментом, чтобы проскользнуть в ту же камеру, что и Нева. Бежать будет проще, если мы будем вместе.

Дверь с грохотом захлопнулась за нами, а звук замка, клацнувшего в скважине, отозвался в моих зубах. Эмрис и Кабелл оказались в камере напротив нас, через узкий проход.

Не оставив никаких обещаний о скором возвращении, Катриона и остальные удалились, их тяжёлые шаги гремели по лестнице, пока не затихли окончательно.

— Серьёзно? — крикнула я им вслед, ударив руками по прутьям решётки. — Тюрьма? Вы шутите?

— Тэмс, — устало произнёс Кабелл. — Пожалуйста. Крики не помогли нам в Гизе или Афинах, и тут тоже не помогут.

— Сколько, интересно, тюрем вы с ней успели повидать? — спросил Эмрис.

Воспоминания о тех двух заданиях с Нэшем моментально испортили мне настроение ещё больше. Я тяжело выдохнула через нос, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к холодному металлу.

Нева откинулась на стену нашей камеры, устало вздохнув.

— Ты в порядке? — спросила я.

— А что ты понимаешь под «в порядке»? — ответила она с раздражённым взглядом.

— Я имею в виду, ты не ранена? — уточнила я. — Что это было за заклинание?

— Понятия не имею, — сказала Нева с нотками изнеможения в голосе. — Я просто запаниковала, и оно случилось.

Мы с Кабеллом обменялись молчаливыми взглядами, полными понимания. Если его проклятие могло активироваться из-за стресса или сильных эмоций, то магия Невы, скорее всего, срабатывала так же.

Нева заметила что-то в глубине камеры и, спотыкаясь, направилась туда, присев возле корня, проросшего через каменную стену и скрутившегося в форму кулака.

— Да ладно, — выдохнула она. — Альвенокрасный гриб и трутовики? Ох, Нева, сегодня твой счастливый день.

— Правда? Трутовик? — спросил Эмрис, выпрямляясь.

— Успокойся, травник, — сказала я. — Это всего лишь грибы, а не закопанное золото.

Когда я подошла к Неве, она уже осторожно извлекла несколько мелких грибов из корня.

— Их можно есть? — спросил Кабелл. — Потому что я бы сейчас что-нибудь перекусил.

— Как ты вообще можешь думать о еде после того, что мы видели? — ужаснулся Эмрис.

— Его желудок — самый сильный мотиватор, — заметила я.

— Ты говоришь так, будто твоё топливо — это не растворимый кофе, способный расплавить пищевод, — ответил Кабелл.

— Вот-вот! — оживился Эмрис. — И нет, грибы не съедобны. По крайней мере, без предварительной обработки. Трутовики обычно употребляют в виде порошка…

— Никому не интересно, Дай, — перебила я. — Ну, кроме Невы, наверное.

— Грибы удивительные, — произнесла Нева с поразительным восторгом, особенно на фоне её очевидной усталости. — Просто потрясающие.

— Потому что… их можно использовать, чтобы кого-то отравить? — предположила я, пытаясь уследить за её мыслями.

— Конечно, нет, — бросила на меня ещё один взгляд Нева. — Потому что они — вестники смерти.

— Очевидно, — слабо отозвалась я.

— Нева, — позвал Кабелл, — кто-нибудь говорил тебе, что ты немного мрачная?

— Она имеет в виду, что грибы разлагают мёртвый органический материал и возвращают его питательные вещества в почву, — пояснил Эмрис, уставившись на стену напротив. — Чтобы из этой смерти могло родиться что-то новое. Но их наличие не сулит ничего хорошего для здоровья дерева.

— Прекрасно, — пробормотала я.

Нева подняла на меня глаза.

— Не бойся грибов. В этом разложении кроется столько красоты.

— Если ты так считаешь.

— Тэмсин раньше обожала грибы, — неожиданно вставил Кабелл.

Я крепче сжала решётки нашей камеры, испепеляя его взглядом.

— Даже не думай.

Кабелл улыбнулся.

— Она думала, что крошечные Зелёные фейри используют грибы как домики и зонтики.

— Уверена, так и есть! — оживилась Нева, её лицо просветлело. — Шапка — это плод тела гриба, понимаете? Но самая важная его часть — под землёй. Это мицелий,

который соединяет целые леса. Деревья используют его, чтобы общаться друг с другом. Уверена, дерево-Мать связано с теми, что в священной яблоневой роще, а может, даже со всеми деревьями острова.

— Это так. Вся природа связана с этим деревом, — подтвердил Эмрис. — Как ты думаешь, почему весь остров умирает разом?

Я вновь взглянула на корни. Холодный, влажный воздух окутал моё лицо, будто тоже изучая меня.

Прошло ли много времени или совсем немного, прежде чем я заговорила снова, — трудно было понять. В этом тусклом свете время утратило форму и значение. Чтобы не заснуть, я начала ходить кругами по камере. Заметив слабые царапины на стене, я стерла с них грязь. Странные буквы вдруг задвигались, изменяясь на те, что я могла понять.

Я моргнула, протерев глаза.

— Мне показалось, или эти слова на стене решили стать английскими?

— Ясновидение — это больше, чем просто зрение, — отозвался Кабелл из камеры напротив, растянувшись на спине и положив свою кожаную куртку под голову. — Оно переводит языки, которые ты видишь или слышишь, на тот, который ты понимаешь, и твои слова — для слушателя.

— Что, простите? — фыркнула я. — Хочешь сказать, что я единственная в гильдии, кто на самом деле учил древнегреческий и латынь?

— Вот черт, Птичка, ты реально их выучила? — глаза Эмриса расширились.

Кабелл посмотрел на меня с выражением, которое, видимо, должно было утешить.

— Что написано на стене?

— Подожди, — сказала я, раздражение нарастало. — Вернёмся к тому моменту, когда никто не соизволил упомянуть про перевод?

— Я не хотел, чтобы тебе было ещё хуже из-за этого, чем уже было, — пожал плечами Кабел. — А потом я решил, что ты сама это поймёшь.

— Почему об этом ни слова не сказано в книгах? — спросила я. — Или в «Бессмертиях»?

— Потому что для тех, у кого было Ясновидение, это было само собой разумеющимся? — предположил Кабелл. — Знаешь, сколько исторических деталей теряется таким образом. Думаю, поэтому ни одно из «Бессмертий» не упоминает дерево-Мать.

Я одарила его уничтожающим взглядом.

— Есть ещё какие-нибудь секреты, которые ты хочешь раскрыть?

— Нет, но мне всё ещё интересно, что там на стене, — невозмутимо ответил он.

Я вновь обратилась к надписи, читая её вслух:

— «Он — путь». — Справа была ещё одна строка, выцарапанная на камне: — «Ты познаешь нашу боль».

— Жутко, — пробормотал Эмрис, — но интригующе.

— Разбудите меня, если станет ещё интереснее, — махнул рукой Кабелл.

В конце концов, я сама опустилась на пол, прислонившись к стене напротив Невы, которая уже свернулась калачиком и уснула. Эмрис, как в зеркале, сидел в камере напротив.

Прищурившись в тусклом свете свечей, я заметила, как он вынул из своего сапога маленький нож, а из кармана куртки достал кусочек дерева.

— Как тебе удалось это пронести? — удивилась я. Они обыскивали нас вдоль и поперёк.

— Думаешь, я раскрою свои секреты единственной реальной конкурентке? — с раздражающе самодовольным видом подмигнул он. — Хотя, если хочешь сыграть в «Две правды и ложь»…

— Думаю, я воздержусь, — перебила я, закатив глаза. Он помог нам ранее — со свойственным ему обаянием и ложью, разумеется, — но это вовсе не означало, что я должна терпеть его нелепые причуды.

— Как знаешь, — отозвался он и вернулся к своему занятию, вырезая что-то из дерева с удивительной сосредоточенностью.

— А что это вообще должно быть? — вырвалось у меня.

Он поднял взгляд, и только тогда я заметила его бледность и тёмное пятно на рукаве свитера — он так и не перевязал рану.

— Не знаю, — ответил он. — Пока не раскрылось.

На моих джинсах была аккуратная прореха на колене — след от когтей того существа. Это упростило дело: я оторвала полоску ткани. Эмрис поднял голову на звук.

— На. — Я скомкала ткань в шарик и бросила его через проход между нашими камерами.

Сверток упал чуть дальше решёток его камеры. Эмрис молча смотрел на него.

— Я знаю, она не стерильная, но тебе нужно перевязать руку, — сказала я. — Если истечёшь кровью, я не собираюсь тащить твоё тело обратно вверх по этим ступеням. С учётом твоего эго, одна твоя голова весит не меньше двадцати пяти килограммов.

Он осторожно протянул руку сквозь решётки, вытянулся насколько мог, пока ткань не зацепилась за пальцы.

— Даже с этим ты мне всё равно что-то должна, — усмехнулся он.

— Опять твои услуги, — пробормотала я. — На мой взгляд, мы в расчёте.

— Я привёл нас сюда, не так ли? И с жертвой, и убедив Септимуса, что вы все должны быть здесь.

Я закатила глаза так сильно, что они заболели.

— А я-то думала, ты вытащил нас из лап приспешников твоего отца из чувства обычной человеческой порядочности. А бутылка вообще была от Мадригал, так что это не считается.

— Ладно, мы в расчёте, — согласился он, завязывая ткань на своей ране. — Но спасибо. С тобой всё в порядке?

Моё сердце невольно ёкнуло под его пристальным взглядом, который казался почти нежным в мерцающем свете свечей.

— Всё нормально, — ответила я.

Но память всё равно нахлынула, как только я закрыла глаза: их паукообразные конечности, копошащиеся вокруг меня. Запах смерти в их горячем дыхании. Лицо Септимуса, искажённое чистой яростью.

— Всё нормально, — повторила я.

— Ты уже это говорила. — Эмрис протянул руку через прутья, словно проверяя, насколько далеко до меня.

Омерзительный хруст костей и хрящей. Влажный плеск крови на земле, когда они разорвали Септимуса. Его последний вздох — крик.

Они растерзали его, но убила его я.

Я подтянула колени к груди, пытаясь согреться в этом холоде, который проникал внутрь. Странно, как долго эта мысль пробивалась ко мне, но теперь она была здесь, словно третий заключённый в камере, прикованный к моей совести.

— Он заслужил это, — хрипло сказала я. — Правда?

— Да, — ответил Эмрис, его слово резануло, как пламя. Он развернулся ко мне полностью, сжав рукой решётки. — Посмотри на меня.

Я не знала почему, но всё же посмотрела.

— Да, — повторил он. — Каждый раз, когда ты усомнишься в этом, каждый раз, когда тебе покажется, что ты поступила неправильно, я скажу тебе это. Даже если мы будем старыми и седыми, и я едва смогу вспомнить собственное имя, я вспомню это и скажу тебе то же самое.

Я тихо выдохнула, позволяя голове опуститься назад и прижаться к сырым камням. Стоило лишь протянуть руку сквозь решётки, чтобы узнать, насколько близко наши пальцы могли бы оказаться друг к другу. Стоило лишь поблагодарить его.

Но то, как он смотрел на меня… Его слова словно, завязали тугой узел где-то внутри, напряжение разливалось по всему телу, пока каждая мышца не казалась натянутой до предела. Любое движение, любое слово могли бы ещё сильнее закрутить эту пружину, пока она не лопнет, а я не распадусь на части. Я не знала, что произойдёт тогда, и знать не хотела.

Поэтому я оборвала эту нить сама.

— Какая трогательная речь, Наследничек, — произнесла я. Он вздрогнул от прозвища. — Но я бы предпочла, чтобы ты рассказал, зачем взялся за это дело и почему так боишься, что Папочка узнает об этом.

Эмрис резко вдохнул, но промолчал. Его рука медленно скользнула обратно через решётки и упала на колени. Любые остатки вины за то, что я его прервала, испарились. Он твердил эти слова — «доверься мне, поверь мне», — но из его уст они были не больше, чем дым и тени. Как и его представление перед Септимусом и остальными.

— Я заберу это кольцо, Тэмсин, — заявил Эмрис.

— Нет, — пообещала я. — Не заберёшь.

Внезапно Кабелл поднялся с земли, повернувшись к лестнице.

— Что такое? — спросила я.

Он поднял руку, жестом призывая к тишине.

— …есть правила. Порядок вещей. — Эти слова эхом отразились от каменных стен. Я сразу узнала строгий голос Катрионы, да и её властный тон нельзя было спутать.

— Ты поступила правильно. Осторожность никогда не бывает лишней, особенно в такие времена. — Незнакомый мужской голос заставил меня вскочить на ноги.

— Осторожность и жестокость — не одно и то же, — прозвучал ещё один голос, тоже женский, молодой, с хрипотцой. — Почему бы тебе не позвать меня перевязать их раны? Или ты была слишком занята, чтобы спросить, зачем они вообще пришли?

Через мгновение по лестнице спустилась молодая женщина, за ней шла Катриона. На ней было простое голубое платье, перетянутое на талии, но ткань уже успела выцвести и потерять свой вид. Её волосы, естественно, вились, напоминая рябь на воде, и при свете фонаря я заметила, что они были насыщенного сине-чёрного оттенка. Янтарная кожа слегка порозовела от эмоций. У неё были выразительные брови, прямой нос и чуть насмешливый изгиб губ, но больше всего внимания привлекали её карие глаза с необычным синим сиянием по краю зрачков — глубокие, полные чувств.

— Как я и думала, — сказала она, уперев руки в бока. — Жалкие, все до единого.

— Это довольно точное описание, — ухмыльнулся Эмрис, поднимаясь, опираясь на здоровую руку. Он, конечно, не удержался от того, чтобы чуть-чуть пофлиртовать с новой знакомой — в его духе.

Она раздражённо цокнула языком, заметив самодельную повязку, которую я дала Эмрису.

Следом за девушкой появились остальные. Катриона сняла доспехи, оставив лишь свободную льняную тунику, плотно стянутую поясом, и тёмно-коричневые бриджи, заправленные в кожаные сапоги. Она приподняла подбородок, окидывая нас тем же подозрительным взглядом, что и в лесу.

— Как мило, что вы вспомнили о нас, ещё живых, здесь внизу, — пробормотала я. — А это кто такой, Сэр Хмурый?

— Как ты смеешь говорить о нём с таким неуважением, — возразила Катриона, её рука тут же легла на кинжал, пристёгнутый к бедру.

Мужчина поднял обе руки, успокаивая её:

— Полегче, Кэт. Всё в порядке.

Он был среднего роста, с серебристыми волосами, в которых едва угадывался прежний оттенок блонда. Его борода была аккуратно подстрижена, а через переносицу и правую щёку проходил внушительный шрам. Одна рука была скрыта под металлической перчаткой, и только после долгого наблюдения я осознала, что руки под ней вовсе нет.

Он в свою очередь осматривал меня взглядом серо-голубых глаз, сохраняя хмурое выражение.

Катриона отступила к лестнице, по его словам, продолжая хмуриться. Она не сводила с него глаз и держалась близко, будто ожидая следующей команды.

— Осторожность и деликатность — это наша Кэт, — заметила другая девушка с лёгкой насмешкой. Она протянула руку к Катрионе, требовательно пошевелив пальцами. Катриона одарила её взглядом, полным раздражения, прежде чем передать связку ключей с пояса.

— Я Олвен, — продолжила девушка, сначала открыв клетку с Эмрисом и Кабеллом. — А это сэр Бедивер, защитник башни и всех нас, кто выжил за её стенами.

Рыцарь слегка склонил голову в знак признания:

— Настолько, насколько эти старые кости ещё могут кого-то защитить.

Кабелл поймал мой взгляд, пока мы выходили из клеток. Я точно знала, о чём он думает, потому что, благодаря Нэшу и его бесконечным историям, в наших головах вертелась одна и та же мысль: *тот самый Бедивер, рыцарь Артура?*

Я украдкой осмотрела его, пытаясь сопоставить факты. В историях Нэша говорилось, что Бедивер был маршалом короля Артура и одним из его ближайших соратников, потерявшим руку в битве, защищая своего короля.

Он пережил последнюю битву Артура и был отправлен вернуть легендарный меч Экскалибур Высшей Жрице Авалона. Сделал он это с большой неохотой — настолько, что умирающему королю пришлось настаивать на выполнении задачи. После этого Бедивер ушёл в уединение и исчез из легенд.

Или так гласили предания.

Если этот человек действительно был тем самым Бедивером, а в легендах хотя бы доля правды, он мог сопровождать тело Артура сюда, в Авалон, к его последнему пристанищу. Спящего короля поддерживала магия, пока не наступит день, когда он будет вновь нужен.

Но тогда Бедиверу должно быть сотни лет — даже больше тысячи, поправила я себя. Я знала, что Иные земли были вырваны из смертного мира с помощью заклинания, которое вывело их за пределы естественного потока времени. Я полагала,

что они существуют в состоянии застывшего момента, словно задержанный вдох, но какое-то время здесь всё же должно проходить, иначе как люди росли бы или старели?

Хотя… колдуньи жили необычайно долго. Кто сказал, что та же магия не дарует своего рода бессмертие здесь?

— И у вас есть имена? — спросила Олвен, напоминая о себе.

— О, да, конечно, извините, — поспешил ответить Кабелл, представив нас.

Олвен обошла Неву, которая едва держалась на ногах, измождённая до предела.

— Вы, должно быть, колдунья? Да, это вы. Ах, рассказы о вас просто меркнут в сравнении с реальностью. Вы из смертного мира, верно? Какой необычный стиль одежды. — Она повернулась к Эмрису, легко коснувшись джинсовой ткани, перевязанной вокруг его руки. — Что это за ткань?

— Олвен, — резко сказала Катриона. — Если ты обязана их вылечить, сделай это быстро, чтобы мы могли выяснить, зачем они сюда явились.

Другая жрица откинулась на пятки, усмехнувшись.

— Мне нужно отвести их в лазарет, разумеется.

— Разумеется, — повторила Катриона, идеально изображая раздражение.

— Все мои инструменты и снадобья там, — продолжила Олвен, драматично указав на рану Эмриса. — Вы хотите оставить этого бедного усталого путника страдать от гнили? Мне придётся точить свои ножи и смириться с тем, что я отрежу эту руку, когда она начнёт гнить?

Эмрис вздрогнул, отпрянув:

— Простите, что?

— Ладно, — с лёгким смехом вмешался Бедивер. — Тебя все поняли, дорогая. — Он обернулся к нам, кивнув в сторону лестницы. — Следуйте за мной.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 15

Лазарет Олвен располагался во внутреннем дворе у башни, вероятно, неслучайно рядом с небольшой ареной, которую я заметила ранее. Каменное строение, судя по наклону фундамента и глубоким бороздам у порога, простояло здесь уже немало времени.

В помещении витал запах земли и трав, перемешанный с запахом животного сала для свеч, расставленных по комнате. У дальней стены стояли две узкие койки, но большая часть пространства была занята рабочим столом, заваленным горшочками и мисками с толчёными травами. Это место походило на лавку аптекаря не меньше, чем на лазарет.

Задняя стена была заставлена полками до самого потолка, заполненными корзинами и стеклянными сосудами. Их изящные формы и легкое радужное мерцание заставили меня задуматься, не являются ли они творением Одарённых.

Помещение едва ли было больше подземелья, но в какой-то странной мере его небольшие размеры успокаивали. Здесь попросту не осталось места, чтобы спрятаться кому бы то ни было.

Именно поэтому я так удивилась, когда чуть не врезалась в небольшую фигуру, которая сидела на корточках за рабочим столом и рылась в корзинах на нижних полках.

— Блоха! — воскликнула Олвен, прогоняя девчонку прочь. — Ты уже съела последние сушёные ягоды — проваливай отсюда!

— Там ещё есть, я видела! — возразила девочка. На вид ей было не больше десяти — худощавая, угловатые кости проступали по всему телу словно у воробья.

— Это бузина, ты, дурная голова, — сказала Олвен, нагнувшись, чтобы оказаться с ней на одном уровне. — И, если съешь хоть одну ягодку, твой желудок вывернет наизнанку, и уверяю тебя, тебе не понравится вкус ужина, когда он вернётся назад.

Девочка нахмурилась, её молочно-белое лицо было испачкано грязью и сажей.

— Тебе бы сходить к источникам, искупаться, а?

Олвен прищурила глаза, и ярко-голубые кольца вокруг её зрачков вспыхнули предостережением. Я переводила взгляд с неё на девочку, совершенно сбитая с толку.

— Это Фейн, но мы зовём её Блоха, — объяснила Катриона, протягивая руку девочке. Блоха тут же метнулась к ней, не забыв напоследок одарить нас всех любопытным взглядом.

— Кто это такие? — недовольно спросила девочка.

— Кто это? — мягко поправила её Катриона, вынимая девчонкину руку изо рта как раз в тот момент, когда та собралась грызть ногти. — Вот и я задаюсь тем же вопросом.

— Но для начала, — вмешалась Олвен, — кто из вас больше всех истекает кровью?

Когда никто сразу не ответил, Олвен обратилась к Эмрису:

— Боюсь, это вы. Присаживайтесь на койку и снимайте тунику, если позволите.

Эмрис замялся, его руки в перчатках нервно скручивали ткань.

— Я бы предпочёл не снимать, если вы не против.

Олвен отступила назад, удивлённая.

— Уверяю вас, моей скромности это не повредит.

— О, нет, я о своей деликатной натуре, — ответил Эмрис, опускаясь на жёсткий край койки. Развязывая повязку, он сбросил грязную куртку и потянулся к разорванному рукаву свитера и рубашки. — Может, просто разрежете?

— Что, проиграл пари и набил позорную татуировку? — спросил Кабелл, откинувшись к стене. Покрытый грязью и кровью, Эмрис уже не походил на благородного принца.

— Я люблю пари, но, увы, не в этот раз. Не всем дано быть столь героическим и мужественным образцом, как ты, Ларк, — улыбнулся Эмрис.

В его улыбке была скрытая острота, которой я не ожидала. И которая сразу вызвала у меня желание проверить границы, чтобы увидеть, что случится.

— Снимишь хотя бы перчатки? — спросила я.

Нева покачнулась, наваливаясь на моё плечо. Я успела её подхватить, прежде чем она упала.

— Нева? Ты в порядке? — спросила я. Кабелл подошёл с другой стороны, помогая усадить её на единственный стул в комнате.

— Всё хорошо, — пробормотала Нева, её голова качалась из стороны в сторону. Она пыталась отмахнуться от нас. — Просто… устала.

Олвен тут же оказалась рядом.

— Истощилась от использования магии, да? Блоха, займись делом, разожги огонь. Помнишь смесь для горячего настоя?

— Одна часть корицы, — буркнула девочка, — одна часть языка жабы…

— Что? — Нева распахнула глаза в ужасе.

— Девчонка просто шутит, — пояснил Бедивир.

— Это было невежливо, — строго сказала Олвен, повернувшись к Блохе. — А ещё ты должна доказать, что занимаешься учёбой.

Блоха тяжело вздохнула, но всё же начала разжигать огонь и ставить над ним небольшой котелок. Она наполнила его водой из ближайшего кувшина и с явным раздражением, которое почему-то сразу вызвало у меня симпатию, начала читать рецепт:

— Одна часть корицы, три части яблок — кипятить пятнадцать минут.

— У нас едва остались яблоки, — возразила Катриона. — Благословения священной рощи не для таких, как ведьмы.

— Со мной всё в порядке, — слабо пробормотала Нева. — Мне просто нужно отдохнуть.

— Без хорошего настоя тебе придётся проспать две недели, чтобы восстановить силы, — упрямо заявила Олвен. — Мы видели твоё свечение даже отсюда. Это была не слабая магия.

Катриона фыркнула и, казалось, уже готова была ответить колкостью, но Бедивир положил ей на плечо успокаивающую руку.

— Может, начнём с того, как они нашли дорогу на остров? — предложил он. — Пути сюда давно запечатаны.

— Они ищут своего отца, — сонно сказала Нева.

Я обернулась к ней, чувствуя, как ужас пронзает меня насквозь. Мой разум отчаянно пытался найти слова, любую ложь, чтобы исправить то, что она только что сказала.

— Нет, мы… мы просто… — начала я, но было уже поздно. В одном предложении Нева выдала наш план и разрушила любую надежду на прикрытие.

— Это правда? — спросил Бедивир.

К моему удивлению, он и остальные выглядели скорее заинтригованными, чем настороженными.

— Да, — наконец выдавила я. Впрочем, я могла признать, пусть и скрепя сердце, что лучшая ложь часто основана на доле правды. — Мы думаем, он… заблудился в тумане. Возможно, искал путь сюда.

Блоха поднялась от очага, её лицо засияло каким-то внутренним светом, когда она обернулась к Катрионе.

— О! Там есть…

— Тихо, — резко оборвала её Катриона. — У тебя разве нет дел, Блоха?

— Я их уже сделала, — буркнула девчонка.

— Что ты хотела сказать? — вмешалась я. Слова Блохи заставили моё сердце забиться быстрее, но теперь она лишь зло посмотрела на меня и отступила к Катрионе, защищая её как щит.

Несколько долгих секунд тишину нарушал только треск дров в очаге.

— Не хочу быть навязчивым, но… — слабым голосом отозвался Эмрис. — Я бы не снимал повязку, если бы знал, что сначала мы устроим такой затяжной разговор.

— Ах, да, — встрепенулась Олвен.

Она взяла с рабочего стола ножницы и начала разрезать рукав, аккуратно снимая кусочки ткани с его ран. Эмрис зашипел, когда она прикоснулась к ранам чем-то, что пахло сладко, но совсем не как спирт.

— Полагаю, раз вы путешествовали с ведьмой, вы знаете настоящую природу магии и земель Иного Мира, — сказал Бедивир. — Но даже не зная, что стало с Авалоном, зачем ему искать остров?

— Вот и мы хотели бы это понять, — ответила я. — Он был Одарённым, так что знал истории об этом месте.

— Одарённым? — переспросила Олвен. — Я не слышала такого термина.

— Люди, рождённые в нашем мире с каким-то магическим даром, — пояснил Кабелл.

— Понятно, — кивнула она. — Это из-за их происхождения? Например, моя мать была наядой, водяной нимфой. А наша сестра Мари — эльфийка. Мы родились с способностями, которых у наших сестёр нет.

— Точного ответа никто не знает, — сказал Кабелл. — Возможно.

До этого момента я и представить не могла, что жрицы Авалона могут быть кем-то иным, кроме людей. Но это многое объясняло в необычной внешности Олвен.

— А какие бывают магические дары? — резко спросила Блоха.

— Ну, например, — задумчиво начал Эмрис, глядя на связки трав, высушивавшихся над его головой, — я могу сказать, что это — белая полынь. Её чаще всего используют от кашля, верно?

Блоха выглядела абсолютно равнодушной, но Олвен, напротив, была в восторге.

— Как вы это узнали? — спросила она.

— Она сама мне это сказала, — пожал плечами Эмрис. — А ещё я могу сказать, что вы посадили её на почти бесплодной земле. Она знала, что это за растение, когда прорастала из семени, пробиваясь сквозь землю, чтобы никогда не увидеть солнца. Она знает своё предназначение, ваше лицо, но теперь, будучи срезанной, едва чувствует жизнь. С каждым днём, пока она сохнет, её сила угасает. Но это не больно.

Олвен достала с ближайшей полки серебряный флакончик. При его открытии воздух наполнился сладким ароматом мёда. Набрав щедрую порцию жёлтой мази, она нанесла её толстым слоем на рваные раны Эмриса. Когда мазь высохла, образовав твёрдую корку, кровь полностью остановилась.

— Это точно магия. Иначе вы сильно ударились головой, пока шли сюда, — пробормотала Олвен. — Разговаривать с растениями… Конечно, мы чувствуем в них жизнь, душу, дарованную Богиней. Но мысли и чувства?

— Разумеется, — кивнул Эмрис. — И память.

— Как я говорила, наш… э-э… отец… — Я с трудом выдавила это слово. — Он обожал истории об острове. Возможно, он нашёл разрыв в границе между нашими мирами или случайно провалился через неё.

— Меня куда больше беспокоит то, как ведьма смогла открыть путь, — сжав губы, сказала Катриона. — Древние защитные чары всё ещё есть. Какой обман вы использовали? Разве вам недостаточно того, что ваш народ отравил нашу землю своими проклятиями?

— Постойте, — начала я. — Вы хотите сказать, что ведьмы прокляли Авалон, когда их изгнали? Сколько времени остров в таком состоянии?

Лицо Катрионы исказилось от ярости.

— Это было затянувшееся проклятие. Оно веками медленно изменяло землю в тени, пока два года назад не расцвело полностью.

— Это невозможно, — резко возразила Нева. — Ведьмы спасли Авалон. У них не было причин его уничтожать.

Её слова были подобны удару ножницами Олвен в самое сердце Катрионы.

Жрица вспыхнула от гнева, её лицо налилось краской.

— Спасли Авалон? Ваш народ предал Богиню, отказался от веры и теперь служит только себе!

— Ведьмы всё ещё верят, что Богиня существует и создала нас, — упрямо возразила Нева. — Просто мы больше не думаем, что она вмешивается в наши жизни. Мы сами выбираем свою судьбу.

— Тогда вы ничего не знаете об утешении, которое приносит вера в заботливую, всепрощающую Мать, которая всегда рядом и наблюдает за вами, — с холодной уверенностью сказала Катриона. — Какая грустная, тёмная жизнь.

— А вы ничего не знаете о нашей жизни, — резко ответила Нева, хотя выглядела так, будто вот-вот упадёт. — Вот что я вам скажу: без нас, как вы нас уничижительно называете, вашего рода больше бы не существовало, потому что вы отказались сделать то, что было необходимо. Так что не за что.

Катриона отпрянула, словно змея перед броском.

— О чём вы говорите? — спросила я, переводя взгляд с одной на другую.

— Я тоже ничего не понимаю, — признался Кабелл.

— И я, — добавил Эмрис, голос его доносился из-за нашей спины.

— Милостью Матери, только не это, — пробормотала Олвен. — Нам обязательно это обсуждать?

— Обязательно, — сказала Катриона, не сводя взгляда с Невы. — Расскажи им свою кровавую сказку. И расскажи правду.

— Обязательно расскажу, — холодно ответила Нева. — Ведьмы называют это Нерассказанной Историей. Предательство настолько болезненное, что память о нём была проклята и никогда не записывалась, даже в бессмертных летописях. Это можно только услышать, а не прочесть. Мне её рассказала моя тётя.

Нерассказанная История. Я видела эту фразу тысячи раз — ведьмы использовали её, говоря о своём изгнании, но никто из них никогда не записал саму историю.

— Что это? — спросила я. — Что за предательство?

— Это известно как Разрыв, — начала Нева.

— Как Отречение, — перебила её Катриона. — Мы называем это Отречением.

— Пусть будет так. Главное — не название, а история, — отмахнулась Нева, пальцы её сжались на краю стола. — А начинается эта история с друидов. С того, что они сделали.

Я подалась вперёд, слушая. Было хорошо известно, что как минимум один орден друидов пережил римское завоевание кельтских земель и укрылся в Авалоне, прежде чем Иной мир был отрезан от нашего.

Но о их практике мы знали лишь самые общие сведения. Друиды были лидерами, ясновидящими и рассказчиками. Хотя в древние времена среди них были женщины, это редкое исключение в преимущественно мужских орденах. В Бессмертиях нередко высмеивались их одежды, головные уборы и странные способы предсказаний, вроде гадания с капающими ложками. Среди ведьм даже ходила поговорка: *«Угрюм, как друид»*.

— Вскоре после того, как они прибыли в Авалон, друиды, негодуя из-за утраты статуса, задумали мрачное дело. Они обратились к Повелителю Смерти, властелину Аннуна, царства злых мёртвых, — начала Нева. — Он даровал им тёмную магию, чтобы они могли свергнуть Верховную Жрицу и править островом. Они хотели превратить Авалон в место поклонения своему жестокому богу. И они попытались.

— Как именно? — спросил Кабелл.

— Раньше жриц было много, — пояснила Олвен, давая Неве передохнуть. — Авалон был местом мира, и у них не было причин бояться друидов, с которыми они работали бок о бок. Благодаря этому друиды смогли убить всех, кроме горстки жриц, включая тех, кто был лишь в обучении, пока они спали. А затем они…

Олвен на мгновение замолчала, сглотнув и выпрямив спину.

— Затем они убили каждую молодую девушку на острове, чтобы запугать тех, кто мог бы сопротивляться их власти. Они сделали это с помощью магии Повелителя Смерти, чтобы их души не смогли попасть к Матери-Богине.

— Чёрт возьми… — пробормотала я, взглянув на Кабелла. Его лицо было таким же бледным, как я себя чувствовала.

— Выжившие жрицы, включая Верховную Жрицу, укрылись в лесах, но разошлись во мнениях, что делать дальше, — продолжила Нева. — Видите ли, из-за строгих правил веры Богини…

— Как вы смеете! — воскликнула Катриона.

— Дайте ей закончить, — сказала Олвен, подняв примиряющую руку.

— Как я уже говорила, — продолжила Нева, — есть определённые убеждения, которые нужно разделять, чтобы сохранить милость Богини. В том числе нельзя использовать магию для эгоистичных целей или мести.

— Ага, теперь понятно, — сказал Эмрис. — Жрицы и ведьмы черпают силу из одной универсальной магии, но различаются в способах её применения.

— Именно, — подтвердила Катриона. — Мы используем магию для исцеления, возделывания острова и защиты окружающих.

— Именно поэтому девять жриц, возглавляемых Верховной Жрицей Вивиан, были готовы сдать остров друидам, чтобы прекратить убийства, — сказала Нева. — Но семь других, ведомых Морганой, сводной сестрой короля Артура, оправданно, — она сделала ударение на слове, — дали отпор, убили друидов и были изгнаны в смертный мир.

— Именно поэтому жриц Матери-Богини осталось только девять, — добавила Олвен. — Когда одна умирает, призывается другая. На это ушли века.

Нева вновь повернулась к Катрионе, борясь с сонной слабостью, но голос её звучал твёрдо:

— Моргана и другие любили Авалон. Они никогда бы не прокляли его.

— Какое проклятие могло бы быть столь мощным, чтобы превратить это место в пустошь? — спросила я.

Катриона, с ледяной решимостью, бросила ответ:

— Это не проклятие. Это наши мёртвые.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 16

Тишину в комнате словно прорезали невысказанные эмоции. Нева, измученная своей очевидной душевной болью. Катриона, горящая яростью. Олвен, полная осуждения. Бедивир, испытывающий явный дискомфорт. И Блоха, которая смотрела на свою первую в жизни ведьму с широко распахнутыми глазами, полными благоговейного трепета.

Котел, забытый на огне, закипел, его содержимое зашипело и забрызгало всё вокруг, словно живое существо. Этот звук заставил Олвен вскочить на ноги, и этого движения хватило, чтобы разрушить гнетущее напряжение, которое оставили слова Катрионы.

Сладкий запах яблок и корицы закружился в воздухе, пока Олвен разливала горячую жидкость в чашку для Невы.

Нева подула на обжигающий напиток и сделала осторожный глоток. Её лицо мгновенно изменилось, смягчившись удивлением, и она с недоумением взглянула на чашку. Бледность немного отступила, а в выражении лица появилось больше осмысленности.

— Ваши мёртвые… — начала Нева. — Вы имеете в виду, что проклятие их преобразило?

— Да, — резко ответила Катриона. — И я снова спрашиваю: как ты вызвала туман и подчинила его своей воле? Как ты прошла через защитные чары, которые должны были тебя оттолкнуть, ведьма?

— Меня зовут Нева, а не Ведьма, — твёрдо ответила та, прижимая руку к небольшому узлу, спрятанному под её рубашкой. — И отвечать я буду только Верховной Жрице Авалона.

— Как жаль, что она мертва уже больше года, — сказала Катриона, сжав челюсть так, что на её лице проступили мелкие мускулы. — Девятка теперь Восьмёрка.

Юная Блоха покраснела до ушей, с трудом глотнув огромный ком воздуха. Этот жест вызвал у меня болезненное сочувствие. Я знала, каково это — держать внутри чувства, которые никак нельзя выплеснуть наружу.

Блоха протолкнулась мимо Катрионы и Бедивира и выскочила в ночь.

Олвен поднялась от котла, подбоченившись.

— Ну вот, теперь ты сделала это, — осуждающе заметила она.

Катриона откинула голову назад, раздражённо вздохнув. Прежде чем выйти во двор, она ещё раз обернулась, готовая что-то сказать.

— Не утруждай себя, Кейт, — вмешался Бедивир, его грубый голос прозвучал успокаивающе. — Я останусь с Олвен и прослежу, чтобы их доставили в комнаты без происшествий.

Катриона с прямой, словно вытянутая струна, спиной направилась к двери.

— Постой, — сказала Нева твёрдым голосом, протягивая руку. — Мою палочку, пожалуйста.

Катриона сжала палочку в кулаке.

— Ты получишь её обратно, когда я решу, что тебе можно доверять.

— Мне не нужна палочка, чтобы творить магию, — мягко, но с опасным подтекстом сказала Нева. — И можешь сколько угодно встряхивать своими серебряными волосами, но я ни в твоём доверии, ни в твоём одобрении не нуждаюсь.

Катриона вылетела в ночь, и дверь за ней захлопнулась так громко, что задрожали все бутылочки на полках.

— Очень приятная особа, — заметила я, обхватив себя руками. После того как пламя едва не погасло, в лазарете стало холодно.

Проходя мимо очага, Олвен подняла руку и прошептала что-то похожее на заклинание. Влажные поленья мгновенно вспыхнули ярким огнём. Нева жадно смотрела на это, словно изнемогала от жажды.

— Ты должна понять, — сказала Олвен, вновь сосредотачиваясь на перевязке руки Эмриса. — Единственная цель Кейт — защитить выживших. И я не потерплю ни слова против неё.

Честно говоря, меня не волновала ни Катриона, ни кто-либо другой. Мы пришли сюда ради определённой цели, и только это имело значение.

— Ты согласна с версией Катрионы о том, как появилось проклятие? — спросил Эмрис, стараясь разрядить обстановку и сменить тему.

— Я верю, что это проклятие, да. Но я не уверена в его происхождении, — ответила Олвен, подперев щёку ладонью. — Когда-то Авалон был местом, где не существовало настоящих болезней, голода или страданий. Но я читала о чуме в смертном мире и не могу не видеть сходства с тем, как распространяется эта тьма.

Магическая болезнь или вирус? Эта идея пугала, и я никогда не видела упоминаний о подобном ни в одной книге, ни в Бессмертиях.

— Твоя магия действует на все растения? — спросила Нева у Эмриса. Когда он кивнул, она продолжила: — Что ты почувствовал в лесу? Деревья говорили с тобой?

— Ничего, — тихо ответил Эмрис, содрогнувшись. — Абсолютно ничего. Это было ужасно.

— Всё началось два года назад, — кивнула Олвен, глубоко вдохнув. — Проклятие сначала настигло самых маленьких из фей, не больше цветов, затем тех, кто ухаживал за священной рощей, животных, даже деревья и их дриад. Моих сестёр-наяд.

Она снова опустила взгляд на свои руки, собираясь с духом, прежде чем продолжить.

— Все существа, которые не укрылись в башне, погибли — почти все. Тёмная магия убила их, но на наших мёртвых она подействовала иначе. Она заставила их… восстать. Изменёнными и лишёнными разума. Теперь ими движет только голод.

— Матерь всемогущая, — прошептала Нева.

— Мы называем их *Детьми Ночи*, потому что они охотятся в тёмные часы, — сказала Олвен. — Они живые, но в них больше нет присутствия Богини, я его не ощущаю. Они, кажется, не могут выносить свет, и только огонь может их остановить. А для них, к несчастью для нас, небо над нами теперь заволокло тьмой. У нас остаётся всего несколько часов солнечного света каждое утро, прежде чем тьма возвращается.

— Это, должно быть, делает почти невозможным выращивание чего-либо, — заметил Эмрис.

— У нас есть заклинания, чтобы имитировать солнце, но с распространением тьмы мы потеряли наши рощи и поля из-за гнили, — ответила Олвен. — Как вы понимаете, теперь Авалон познал голод.

— Но мы держимся, благодаря Девятке, — мягко добавил Бедивир. — Наших запасов хватит ещё на несколько месяцев.

Олвен натянуто улыбнулась в ответ на его похвалу.

— Вы действительно не знаете, что стало причиной этого? — спросил Кабелл.

— У Катрионы есть своя теория, которую вы, как я понимаю, слышали достаточно эмоционально изложенной, — сказала Олвен. — Некоторые из моих сестёр согласны с

ней. Другие считают, что земля заболела, потому что Богиня отвернулась от нас после кровопролития.

— А как насчёт друидов? — спросила я. — Вы говорили, что они поклонялись Повелителю Смерти и использовали магию, которую он им дал, — что они устроили резню детей. Почему они не главные подозреваемые?

— Они вполне могут быть причиной наших бед, — согласилась Олвен. — Но нас воспитывали в вере, что выбор ведьм был худшим из двух предательств, потому что он исходил от тех, кого наши наставники любили и доверяли больше всего.

— Это абсурд, — фыркнула я.

— Возможно, — тихо сказала Олвен. — Но боль принимает множество обличий — гнев, подозрения, страх. Когда мои сёстры и я были призваны Богиней, нам пришлось оставить свои семьи и дома, чтобы прийти в башню на обучение. Верховная Жрица Вивиан стала для нас второй матерью. Она научила нас всему, что мы знаем о Богине, магии и ритуалах. Но её скорбь по поводу Отречения стала частью этого наследия. От неё трудно отказаться, потому что это ощущается, как отказ от самой Вивиан.

— Постойте, — вмешался Кабелл. — Вивиан? Была ли больше, чем одна Верховная Жрица с этим именем?

— Только одна, — подтвердила Олвен с грустной улыбкой. — И, отвечая на ваш следующий вопрос, да, ей было сотни лет на момент смерти. Возможно, почти тысяча, если измерять её жизнь по вашему времени.

— Даже с учётом различных временных линий, — сказала я, чувствуя облегчение, что хотя бы что-то подтвердилось, — даже ведьмы столько не живут. Как она смогла это сделать?

— Магия обета Богине, который мы все даём, становясь жрицами, поддерживала её жизнь до тех пор, пока не родились девять новых жриц, — объяснила Олвен. — Отречение оставило шрам на сердце Вивиан, и она так и не простила тех, кто это устроил. Некоторые из моих сестёр унаследовали её чувства, хотя и не в такой мере.

— А вы? — спросила Нева.

— Я понимаю, почему ведьмы сделали то, что сделали, хотя не могу это оправдать, — ответила Олвен. — И знаю, что сэр Бедивир чувствует то же самое.

— Безусловно, — подтвердил старый рыцарь, задумчиво прислонившись к дверному косяку. — Жадность друидов была столь велика, что я уверен: они пожелали бы зла Авалону, если бы не смогли им править.

— Есть ли доказательства в ту или иную сторону? — спросил Кабелл. — Разве магия смерти не ощущается иначе, чем та сила, которую используем мы?

— Не могу сказать, — призналась Олвен. — У нас есть лишь одна другая зацепка.

Она подошла к полкам, пробегая пальцами по корешкам книг и свитков, пока не достала небольшой том с толстыми страницами из пергамента, грубо перевязанный узелковой нитью. *Ясновидение* переливало символы на первой странице в понятные слова: *Мудрость Матери.*

— Вот, — сказала она, перевернув увеличительное стекло перед своим глазом. — *Три магии, которых следует бояться: проклятия, рождённые гневом богов; яды, превращающие почву в пепел; и то, что оставляет сердце чёрным, а кости серебряными.*

Олвен отложила книгу и направилась к рабочему столу, где достала длинные щипцы из кожаного чехла. Затем она сняла ткань с тяжёлой банки, открывая то, что оказалось усохшей человеческой головой.

— Ооо! — восхищённо ахнула Нева.

— Уф! — вырвалось у меня.

Олвен сняла крышку с банки, и воздух наполнился тошнотворным запахом разложения, усиленным зелёной слизью, в которой была погружена голова. С помощью длинных щипцов она извлекла голову и положила её на стол, не обращая внимания на отвращение, отразившееся на лицах в комнате. Даже Бедивир, повидавший немало ужасов, поморщился.

— Подойдите поближе, пожалуйста, — позвала Олвен.

Когда к ней приблизилась только Нева, Олвен удивлённо подняла взгляд.

— Не у всех есть такое увлечение подобными вещами, дорогая, — напомнил ей Бедивир с мягкой укоризной. — Возможно, предупреждение в будущем не будет лишним.

Старый рыцарь говорил с такой отцовской нежностью, что напряжение в комнате немного спало. По тому, как Катриона и Олвен смотрели на него, было очевидно, что они обожают его как отца.

— Я постараюсь побыстрее, чтобы пощадить ваши желудки, — пообещала Олвен.

Она взяла другой металлический инструмент и осторожно откинула остатки кожи на затылке головы. Под усохшим, сморщенным слоем плоти блеснуло чистое серебро, словно весь череп был окунут в расплавленный металл.

— Чёрт побери, — пробормотал Кабелл, наклоняясь ближе, чтобы рассмотреть находку. — Это происходит со всеми?

— Со всеми, и со всеми их костями, — подтвердила Олвен. Она перевела взгляд на Неву, которая с явным восхищением разглядывала череп. — Нева, может быть, вы поможете мне в исследованиях? Мои знания о проклятиях, увы, весьма ограничены, а записей у нас не так много.

— Конечно, — с энтузиазмом ответила Нева, её глаза расширились. — Уверена, мы сможем это разгадать.

Я удивлённо подняла брови. Такой оптимизм был неожиданным.

— Странно, не так ли? — задумчиво сказала Олвен, глядя на Неву. — Мы рождены на одном острове, одной Богиней, но пользуемся магией столь по-разному. Но я рада встрече с вами, Нева, и, хотя мои сёстры сейчас напуганы, я уверена, что со временем они разделят мою благодарность.

— Я могу назвать хотя бы одну, кто не согласится, — заметила Нева.

— Ей просто нужно время, — заверила Олвен. — Если я в чём-то абсолютно уверена, так это в том, что Богиня привела вас сюда. Всех вас.

Пока Олвен говорила, я следила за реакцией Бедивира. Старый рыцарь, повидавший немало смертей и тьмы, выглядел серьёзным и сосредоточенным. Его выражение ясно говорило: он тоже понимает, насколько всё это безнадёжно.

— И я рада этому, — добавила Олвен. — Потому что были дни, когда казалось, что Богиня отвернулась от нас. Но вот вы здесь. Путь открылся для вас.

В дверь раздался тихий стук, и в комнату вошла Беатрис, прижимая к груди свёрток.

— Ты снова пропустила ужин, — сказала она.

— Я была немного занята, — слабо оправдалась Олвен.

— А когда ты не занята? — мягко укорила её Беатрис.

Она развернула свёрток на столе, открывая кусок хлеба и порцию холодного серого рагу. У меня невольно потекли слюнки.

— Спасибо, сестра, — сказала Олвен.

— Не нужно благодарности, — ответила Беатрис. — Мне нужно знать, что ты заботишься о себе. Сегодня ты пойдёшь к источникам, верно? Кто-то из нас с радостью составит тебе компанию.

— Да-да, — отмахнулась Олвен.

Беатрис обернулась к нам.

— У меня есть приказ отвести вас к источникам, чтобы вымыться. Вам дадут одежду, которая будет меньше смущать окружающих, и отведут в отдельные покои для отдыха.

— А наши вещи? — спросила я.

— Вы найдёте их там, — подтвердила Беатрис. — Однако у нас появились вопросы относительно этого…

Она достала из сумки знакомый свёрток из пурпурного шёлка. Кабелл кашлянул, бросив мне взгляд, который ясно говорил: *Сделай что-нибудь.*

Эмрис поднялся с койки и заинтригованный подошёл. Я видела, как его брови медленно поползли вверх, когда Беатрис развернула свёрток и подняла Игнатия в свете свечей. Его покрытый коркой глаз, к счастью, оставался закрытым.

Вот беда. Я совершенно забыла про Игнатия. Как он не выпал за последние два дня, полных хаоса? И как его не украл Септимус?

Я сцепила руки за спиной, пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. Годы опыта научили меня: чем быстрее защищаешься, тем виновнее выглядишь.

— О, у меня тоже есть такой! — воскликнула Олвен с восторгом. Она вернулась к своим полкам, сняла ткань с одной из банок и с гордостью показала ужасного вида руку, плавающую в той же зелёной жиже.

Олвен сияла, довольная собой, а Беатрис содрогнулась.

— Ты делаешь это нарочно, правда? — слабым голосом спросила Беатрис.

— Никогда, — с невинным выражением ответила Олвен, закрывая контейнер.

Этот мимолётный момент дал мне достаточно времени, чтобы придумать стратегию: сыграть роль жертвы, а не подозреваемого.

— У вас не было права рыться в наших вещах, — сказала я.

— Разве? — парировала Беатрис. — Незнакомцы появляются на наших землях, и вы хотите сказать, что мы не имеем права убедиться, что они не принесли с собой оружие или ещё больше тёмной магии?

Позади неё молчаливо стоял Бедивир, всем своим видом поддерживая её слова. Он забрал *Руку Славы* у Беатрис, осторожно взявшись только за металлический держатель. Его верхняя губа презрительно скривилась.

— Какая магия связана с этим… предметом? Я чувствую её присутствие, но она не открывается.

Рука оставалась неподвижной, глаз — закрытым. Это было отражением того, насколько мрачна наша ситуация, и моё сердце немного потеплело от верности Игнатия.

— Это…? — прошептала Нева, осмеливаясь подойти ближе.

— Я всегда удивлялся, как вам удаётся… — начал Эмрис.

— Найти такой — э-э, искусно вырезанный подсвечник? — перебила я. — Очень правдоподобно, не правда ли?

— Очень, — согласилась Беатрис, подозрительно прищурившись. — И его магия?

— Чтобы усиливать его свечение, — ответила я.

— Моя сестра обожает все странное и ужасное, — с добродушной улыбкой заметил Кабелл.

— Люблю такое, — без запинки подхватила я. — Покажите мне мрачное, запретное, ужасное — главное, чтобы в нем не было злых духов.

Эмрис фыркнул от смеха.

— Почему, по-твоему, я столько времени провожу с этим отвратительным чудовищем? — сказала я, указывая на Эмриса большим пальцем.

— Ха, — отозвался он. — А я-то думал, что дело в моей отталкивающей личности.

Если бы я была на месте Беатрис, то заставила бы меня зажечь фитили и доказать свою историю про «подсвечник». Но она просто приняла мои слова на веру и передала Игнатия обратно.

— У Блохи похожее увлечение, — предупредила она, — и привычка собирать странные вещи. Так что я бы присматривала за ним на вашем месте.

Я почувствовала, как глаз Игнатия закатывается под веком, пока аккуратно завернула его обратно. Решив сменить тему, сказала:

— Вы упомянули что-то о купании?

— Да, — кивнула Беатрис. — Упомянула. Если вы присоединитесь ко мне?

— Вообще-то… — начал Эмрис. — Я совершенно измотан. Можно показать мне, где мы будем спать?

— Я провожу вас, — сказал Бедивир.

— Постойте, если можно, — вмешалась Олвен, задержав Эмриса за руку. — Если вы не слишком устали, могли бы вы взглянуть на мой сад? Возможно, растения пытаются что-то сказать, но я не могу это услышать.

Я сузила глаза, наблюдая за её рукой, лежащей на сгибе его локтя. Серьёзно? Это не могло подождать до утра?

Что-то сжалось у меня внутри, когда он кивнул. Я заставила себя опустить взгляд на пол. Эмрис никогда не упускал случая произвести впечатление, так что это не было сюрпризом.

Просто мы приехали сюда вместе — нас четверо. И мне казалось важным держаться вместе, пока мы не поймём, что происходит.

Но Кабелл положил руку мне на плечо и мягко направил к двери, прежде чем я успела что-либо сказать.

Дверь закрылась за нашим уходом, заглушая тихий смех Эмриса и ту слабую, но уютную ауру света, которая на миг защитила нас от холода и тьмы этого Иного мира.

И если мы на мгновение забыли о Детьях Ночи, то они о нас не забыли. Их крики прорезали тишину, доносясь с другой стороны старых каменных стен, словно тьма радовалась своей бесконечной ночи.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 17

Беатрис вела нас через внутренний двор к двери, встроенной в стену крепости. Над нами, перегнувшись через парапет, стоял мужчина в доспехах, с любопытством наблюдая за происходящим. Позади него жаровня выбрасывала огонь в небо, но света от неё было ничтожно мало.

На резкий вздох Невы я оглянулась, и увиденное заставило меня остановиться. Огромная фигура, высотой почти в три метра, медленно двигалась вдоль каменной стены башни, направляясь к дереву, служившему её основанием и стволом.

Его тело напоминало грубый набросок человека, собранного из искривлённых ветвей и корней, с пустотами в местах мышц. При каждом шаге суставы скрипели и стонали. На голове у существа возвышалась корона из шипастых веток и листьев. А из его тела в местах стыков вырывался зелёный светящийся туман, освещая ночь.

Когда существо повернулось к нам, туман подсветил пустые глазницы. Лица у него не было — ни рта, ни глаз.

— Чёрт возьми, — прошептал Кабелл.

— Это Дери, — объяснила Беатрис, заметив, что мы остановились. — Хамадриада, связанная с Материнским деревом. Раньше у всех деревьев Авалона были свои хамадриады, а также дриады, чтобы помогать им, но… вы сами видели, что стало с этой землёй.

Я ошеломлённо кивнула, не отрывая взгляда от гиганта. Хамадриада наклонилась и медленно, тщательно соскребала тёмную грязь с коры дерева.

— Пойдёмте, — позвала Беатрис, кивнув в сторону ожидающей двери. Мы последовали за ней.

За дверью оказалась ещё одна винтовая лестница, и снова мы начали спускаться.

Через некоторое время ступени расширились. Где-то вдалеке раздавался шум воды, а воздух стал напоминать вкус азота — тот самый запах, который ощущаешь перед дождём. Чем глубже мы спускались, тем ярче становилось вокруг. Вскоре лица, моя кожа, волосы, одежда — всё оказалось залито странным синим светом.

Последний поворот лестницы открыл перед нами горячие источники. Я замерла, ошеломлённая увиденным. Кабелл слегка подтолкнул меня вперёд, но я не могла заставить себя сделать ни шага.

Пещера была огромной, её сводчатый потолок украшали резные изображения молодых женщин. Богиня и её жрицы, предположила я. Свод поддерживали три массивные статуи. Первая изображала молодую девушку в венке из цветов и свободно струящемся платье. Вторая — женщину с материнским покоем на лице, в фартуке, с корзиной и ткацким станком у ног. Третья — старуху в плаще, закутывающем её фигуру, с узорами звёзд и фаз луны. Это были три образа Богини: дева, мать и глава рода.

У их ног через всю пещеру текла река светящейся воды, словно сочащейся из огромного корня Материнского дерева, как густой сок. Узкие ответвления расходились от неё, заполняя небольшие круглые бассейны. Над поверхностью каждого поднимался пар, обещая долгожданное расслабление для моих усталых мышц.

Во мне боролись горечь и благоговение. Сколько прекрасных мест, сколько удивительных существ я упустила до того, как обрела Ясновидение? Моё воображение не могло сравниться с увиденным, будь то красота или уродство монстров. Для Тэмсин недельной давности это место не существовало бы вовсе.

Рядом с тремя отдельными купелями лежали аккуратные стопки одежды, удивительно современных на вид. Я приподняла верхний слой — тонкое полотенце, — обнаружив под ним простую тунику и тёмно-коричневые брюки.

— Это невероятно, — пробормотал Кабелл, осматривая пещеру. — Что заставляет воду так светиться?

Иной свет мягко струился из глубин каждого бассейна, создавая умиротворяющую атмосферу в том, что иначе могло бы показаться мрачным и зловещим местом. Я осторожно поставила завернутого Игнатия на нижнюю ступень, подальше от воды.

— Говорят, это слёзы Богини, — пояснила Беатрис. — Они текут из её сердца, которое находится в центре Материнского дерева.

Я поморщилась.

— Думаю, мне больше нравилась эта история до того, как вы упомянули телесные жидкости.

К моему удивлению, Беатрис рассмеялась.

— Это вода восстановительная — она исцеляет иначе, чем магия Олвен.

Нева глубоко вдохнула, наслаждаясь свежим, дождливым ароматом воздуха. Её глаза широко раскрылись от восторга.

— Мне пора занять пост, — объяснила Беатрис. — Надеюсь, вы не возражаете подождать, пока я не вернусь, чтобы отвести вас в комнаты?

— Если честно, — ответил Кабелл, — вам, скорее всего, придётся вытаскивать нас из воды силой.

Беатрис развернулась к нам спиной.

— Оставьте свою одежду возле купелей, я отнесу её в стирку.

Мы неловко раздевались, стараясь не смотреть друг на друга. Прикрывая себя руками, лицо пылало от смущения, я осторожно ступила в воду.

Её тепло заставило меня содрогнуться от удовольствия. Чем дольше я смотрела на пар, поднимавшийся над поверхностью, тем более невыносимым казался окружающий холод. Я опустилась глубже, пока мои пальцы ног не коснулись гладкого дна.

В воде ощущалась неожиданная тяжесть, будто она была насыщена солью. В ней была вырезана каменная ступенька, идеально подходящая для того, чтобы сидеть с головой и плечами над поверхностью.

Грязь и кровь, накопившиеся за последние дни, словно смывались вместе с усталостью. Я почувствовала, как не только тело, но и разум расслабляются. Сделав глубокий вдох, я погрузилась под воду, очищая волосы и лицо руками.

Когда я снова вынырнула, отбрасывая мокрые пряди назад, Кабелл уже устроился в своей купели. Он повернулся ко мне, облокотившись на каменный край.

— Это лучше, чем римские бани в Алжире, не так ли?

— И нам даже не пришлось взламывать их, чтобы воспользоваться, — ответила я. — Для нас это ново.

Я и не заметила, что Беатрис всё ещё стояла поблизости, пока она не произнесла тихо:

— Эти символы…

Я проследила за её взглядом, остановившимся на татуировках Кабелла.

— Зачем покрывать своё тело проклятыми знаками? — спросила Нева, вытягивая голову из своей купели, чтобы взглянуть. Её косы были аккуратно закручены вверх, чтобы не намокнуть.

Чтобы хвастаться количеством сломанных проклятий, подумала я. *Чтобы казаться крутым и загадочным для тех, кто не понимает их смысла.*

— Чтобы напоминать себе, что проклятия темны только в том случае, если их использовать во зло, — сказал Кабелл.

Казалось, Беатрис хотела что-то добавить, но лишь быстро повернулась и поспешила вверх по ступеням с нашей одеждой.

— Ты должна перестать это делать, — прошептала я Неве, подойдя к краю своей купели.

— Делать что? — искренне удивилась она.

— Рассказывать всё прежде, чем мы поймём, как они отреагируют, — сказала я. — Твоя привычка действовать раньше, чем думать, порядком надоела. Нам нужно, чтобы они были на нашей стороне, если мы хотим найти Нэша.

— Ты правда никому не доверяешь, да? — спросила Нева, покачав головой.

— Я доверяю в том, что люди всегда набросятся, если они напуганы, — ответила я. — И что они готовы на всё, если окажутся достаточно отчаянными.

Нева снова погрузилась в воду, облегчённо выдохнув. Чувство вины — моя наименее любимая эмоция — болезненно укололо меня.

— Ты в порядке? — осторожно спросила я. — Этот день выдался для тебя тяжёлым.

Это было сказано слишком мягко. Честно говоря, я повидала немало зла в мире и привыкла ожидать худшего, но даже меня шокировала та ненависть, с которой здесь отнеслись к Неве.

— Да, — твёрдо ответила она. — Но мне станет лучше, когда у меня снова будет моя палочка, и мы найдём Нэша и кольцо.

Я кивнула.

Дело в том, что, проведя так много времени в страхе перед ведьмами и их силой, ты не задумываешься о том, как мир отвечает им на это. Как он наказывает их за ту же самую силу.

Я привела её сюда, в место, где ведьм презирают. Где они в меньшинстве и так же не понимают, что происходит, как Кабелл и я. В место, полное монстров.

Я погрузилась в воду так, чтобы она покрыла мои обветренные губы. Жжение прошло за одно мгновение, но сожаление осталось.

— Авалон —место красоты, — тихо произнесла Нева, уставившись в туман, скопившийся перед ней, и начала декламировать по памяти: — Самое прекрасное из всех земель Иного мира, ведь оно рожденно сердцем Богини, столь же дорогое, как дитя. Рощи полны древних тайн и изобилия золотых яблок…

— А не удушающим запахом неминуемой смерти? — вставила я. Даже для самой себя моя шутка прозвучала раздражающе.

— После всего, что я читала, — снова заговорила Нева, игнорируя мой тон и продолжая смотреть вперёд, — в своём воображении я годами представляла его себе. Для меня это место было столь же священно, как истории, которые тётя рассказывала мне о матери. И то, и другое было одновременно далёким и прекрасным.

Я откинулась головой на край купели. Мокрые волосы упали мне на лицо, обвивая щёку, словно ласковая рука.

— Вам обоим кажется, что это действительно проклятие? — спросила я.

До Ясновидения я чувствовала магию, как изменения в давлении воздуха. Она была аморфной и постоянно менялась. Иногда, с более старыми проклятиями, можно было даже почувствовать ярость или злобу, исходящую от знаков. Но новая способность обострила мои чувства, сделав их богаче, и продолжала развиваться в способах, которые я не могла до конца понять.

— Да и нет, — ответил Кабелл. — Сложно объяснить.

Нева повернулась к нам, выпрямившись в своей купели. Я сделала то же самое, наблюдая за их лицами в странном голубом свете.

— Это похоже на проклятие — холодное и резкое, — сказала Нева, нахмурившись. — Но как будто более сосредоточенное? Я сама себя не понимаю.

— Согласен, — кивнул Кабелл. — Думаю, это друиды и магия, которую они получили от Повелителя Смерти. Она не похожа на ту, что мы черпаем из универсального источника.

Я почувствовала облегчение от того, что мы снова вернулись к нашей привычной манере обсуждения теорий.

Кабелл всегда был более ценным напарником в нашей работе, но я намеренно старалась впитать как можно больше знаний.

— Я мало знаю о Повелителе Смерти, — призналась Нева.

— Есть несколько разных легенд о нём, — сказала я. — По той, что рассказывал нам Нэш, он был могущественным чародеем во времена короля Артура и даже путешествовал с ним и его рыцарями. Но он нарушил клятву и был наказан, став правителем Аннуна — царства душ, слишком тёмных для перерождения. Он стал скорее тюремщиком, чем королём.

— Какую клятву он нарушил? — спросила Нева.

— Нэш не говорил, так что, возможно, и сам не знал, — сказал Кабелл. — Я тоже нигде не встречал этой версии, так что он мог её выдумать. В большинстве историй Повелитель Смерти известен как предводитель Опустошителей, странствующей между мирами, чтобы собирать порочные души для Аннуна. Его сила позволяет ему и его свите проходить сквозь туманы, разделяющие земли Иного мира.

— Жутко, — сказала Нева с чуть большим энтузиазмом, чем того требовалось. — Теперь я ещё больше уверена, что ведьмы поступили правильно. Если бы Повелитель Смерти и друиды получили контроль над Авалоном, они бы совершили непоправимое.

— Ну, если мы правы, они совершили непоправимое в любом случае, — ответила я. — Достаточно вспомнить, как нас чуть не съела нежить.

Мы снова погрузились в тяжёлое молчание при упоминании нашего пути сюда. Стоило мне закрыть глаза, как тьма той ночи подкралась ко мне, обвивая шею своими костлявыми пальцами.

И лицо Септимуса…

Словно почувствовав мои мысли, Кабелл протянул руку и тяжёлым, ободряющим жестом положил её мне на голову.

— Всё будет хорошо. Мы найдём Нэша, найдём кольцо и найдём безопасный путь назад к порталу.

Я знала, как сложно ему было это сказать — быть готовым оставить человека, которого он так долго боготворил. Единственное, что я могла сделать, — это заставить себя улыбнуться.

— Точно.

Я снова отвернулась, дыша влажным воздухом. Мокрые волосы прилипли к лицу, но я оставила их так.

— Кажется, я могла бы уснуть здесь, — сказала Нева, закрывая глаза. — Всё, что мне нужно, — это чашка тёплого ромашкового чая, гипоаллергенная подушка и хорошая книга.

— И всё? — усмехнулась я.

— Книг у меня нет, но у меня есть истории, — оживился Кабелл. На его щеках снова появился румянец, а болезненная бледность и круги под глазами начали исчезать.

Возможно, Беатрис была права: источники исцеляли не только тело, но и душу.

— Нет, — взмолилась я. — Только не истории.

— Говори за себя, — с энтузиазмом произнесла Нева. — Расскажи мне одну из своих любимых.

— Скажу лучше, — отозвался Кабелл, плеснув водой в мою сторону, — расскажу одну из любимых Тэмсин.

Я сразу поняла, о какой истории он говорит.

— Это не моя любимая, — возразила я.

Он нахмурился.

— Ещё как твоя. Ты же умоляла Нэша пересказывать её снова и снова.

— Ладно, — пробормотала я. — Рассказывай уже.

Кабелл выпрямился, провёл руками по поверхности воды, как будто собираясь с мыслями. Затем он прочистил горло.

— В давние времена, в королевстве, утраченном временем, король по имени Артур правил людьми и Фэйри. Но эта история произошла ещё до того, как он стал королём, когда он был всего лишь мальчиком.

Что-то внутри меня сжалось. Тембр его голоса, произношение слов — они напоминали голос Нэша.

— Его тайно увезли из замка Тинтагель вскоре после рождения. Это сделал мудрый друид Мерлин, понимая, что жизнь Артура будет в опасности, пока лорды борются за право править, включая его собственного отца, Утера Пендрагона. Артура отдали на воспитание в семью знатного рода, где его воспитывали как собственного сына. И вот однажды в королевстве появился огромный камень с могучим мечом, воткнутым в него. На камне была выгравирована странная надпись: «ТОТ, КТО ДОСТАНЕТ МЕЧ ИЗ ЭТОГО КАМНЯ, И ЕСТЬ НАСТОЯЩИЙ КОРОЛЬ БРИТАНИИ».

— Кто оставил этот камень? — спросила Нева. — Мерлин?

— Да, — ответил Кабелл, недовольно поморщившись от прерывания. — Итак, был объявлен турнир, и все великие лорды и их сыновья приняли участие, включая приёмного брата Артура, рыцаря сэра Кея. Поняв, что забыл свой меч, Кей отправил своего оруженосца, Артура, найти другой. И Артур, увидев, что ближайший меч торчит в том самом камне, подошёл к нему. Он схватился за его холодную рукоять и без усилий вытащил его, к изумлению всех, кто был рядом. Так была раскрыта истинная сущность Артура и его судьба.

Я снова погрузилась в воду, позволяя теплу снять неприятное жжение в глазах. Это была глупая история с ещё более нелепым концом.

— Это хоть правда? — спросила Нева.

Кабелл пожал плечами.

— Обязательно ли?

Вокруг нас в бассейнах начали подниматься яркие индиговые огоньки. Они разбрызгивали воду, играя, их движения говорили о чистом, необузданном веселье. Огоньки сгруппировались над одной из купелей, вытягивая воду в форму птицы. Она пролетела над нашими головами, капая, как дождь, а затем в воздухе превратилась в кошку. Её прозрачный хвост легко коснулся щеки Невы, заставив её рассмеяться.

— Няди, — сказал Кабелл, наблюдая за ними.

Их мерцающий свет напомнил мне вопрос, который я вынужденно отложила из-за более насущных.

— Нева, — начала я, — почему Олвен напевала заклинание для огня вместо того, чтобы рисовать знаки?

Ведьмы всегда тщательно и точно выстраивали магию, черпая её из универсального источника, а их знаки направляли силу к определённой цели.

— Не знаю, — ответила Нева. — Существует множество способов использовать магию. Взгляни хотя бы на Одарённых. Они тоже не используют знаков. Может быть, для жриц магия более… инстинктивна?

— Именно поэтому тебе удалось наложить то невероятное заклинание, Нева, — заметил Кабелл.

— Я спрошу у Олвен, — сказала Нева. — Думаю, мы можем многому научиться друг у друга.

Я кивнула, позволяя звуку капающей воды и плеску няди смягчить напряжение, между нами.

Мой взгляд скользнул вверх, к ближайшей статуе — деве. Её выражение было наполнено знания, а каменные глаза смотрели на нас с немым спокойствием. Это заставило меня вспомнить слова Катрионы о том, как утешает вера в то, что великое существо заботится о тебе на жизненном пути.

Но я не могла представить себе, какой бог остался на земле, поглощённой смертью.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 18

Через полчаса голос Беатрис донёсся с лестницы:

— Всё закончили?

Я поднялась из воды, завернувшись в полотенце, и отошла за ноги статуи Девы, чтобы переодеться. Мокрые волосы стекали каплями на плечи, усиливая холод, который пробирал меня до костей, — и это ещё до того, как надела свои сапоги, насквозь пропитанные грязью.

Я даже не заметила, что Нева последовала за мной, пока не услышала её резкий вдох.

Мне понадобилось мгновение, чтобы понять, что её так напугало. Я потянулась за туникой, но её рука удержала меня, разворачивая лицом к ней.

Я инстинктивно попыталась сжаться, словно лист, сворачивающийся от прикосновения ветра. Кровь прилила к моим щекам. Впервые с тех пор, как это произошло, я забыла о синевато-чёрном пятне на груди, чуть выше сердца. Оно напоминало жуткую, зловещую звезду.

— Тэмсин… — прошептала Нева, её глаза расширились от ужаса, пока она отступала. — Это метка смерти.

Я быстро натянула тунику, почувствовав, как пульс ускоряется в приступе паники.

— Нет, это не так.

— Дух прикоснулся к тебе, — сказала она. — Как ты выжила?

— Это не так, — повторила я, накидывая куртку на плечи. В памяти вспыхнуло снежное поле, бесплотная рука, протягивающаяся ко мне, и боль, словно нож, пронзающий грудь.

— Что это был за дух? Полтергейст? Призрак? — продолжала допытываться Нева, следуя за мной, когда я направилась к лестнице, где ждали Кабелл и Беатрис.

Я резко остановилась, развернувшись к ней, и ответила так же резко, как звучали мои мысли:

— Это не метка смерти. Это бабушкины сказки.

Нева подняла руки в примирительном жесте.

— Хорошо. Это не метка смерти. Мать Богиня, расслабься, ладно? Я ничего плохого не имела в виду. Метки смерти — это не стыдно. Большинство людей вообще не выживают после их прикосновения.

Между нами повисло неловкое молчание, пока мы поднимались по лестнице. Кабелл бросил на меня вопросительный взгляд, но я проигнорировала его, позволив усталости заполнить мою голову. Пусть она вытеснит все мысли, кроме одной: о небольшом участке пола, где смогу растянуться и отдохнуть хотя бы пару часов.

Беатрис внимательно осмотрела нас. Её шрам на правой щеке казался ещё более заметным из-за мрачного выражения лица. Вместо того чтобы отвезти нас в одно из внешних зданий или обратно в стены крепости, она повела нас в саму башню.

В приглушённом свете трудно было рассмотреть детали первого этажа. Это был огромный зал с бесконечными столами, стоящими в два длинных ряда.

Проход между ними вёл к ещё одной статуе, на этот раз изображавшей саму Богиню. Её поза излучала достоинство, а белоснежный камень был едва подсвечен. Вокруг лежали маленькие чаши с дарами, связки сухой пшеницы и увядающие цветы. В центре её каменной груди горела свеча, превращая трещины в камне в светящиеся жилы.

Стены зала были расписаны, как будто художник стремился перенести сюда лес. Дрожание свечей на столах и стенах создавало ощущение, что деревья и кусты оживают. Казалось, нам открыли окно в прошлое этого острова.

Нева остановилась рядом со мной, и я последовала за её взглядом, устремлённым к люстрам и гирляндам из сухих трав и цветов.

Моё сердце болезненно сжалось. Почему они возлагают дары к идолу Богини и с такой любовью украшают этот зал, если он лишь напоминание о том, что они потеряли и что уже никогда не вернётся?

— Сюда, — мягко позвала Беатрис.

Слева начиналась широкая винтовая лестница, её стены были частью ствола дерева. Поднимаясь, я почувствовала глухой стук в ушах и не могла понять, раздается ли он из моего сердца или из самого дерева.

На втором этаже замедлила шаг, заглянув в огромную открытую комнату. Десятки спящих людей лежали на соломенных матах и одеялах. Я быстро оглядела их, но не нашла среди них Нэша.

Беатрис довела нас до третьего этажа, к коридору, уставленному мрачными дверями. Она открыла ближайшую, жестом пригласив меня и Неву войти.

— Надеюсь, вы не против поделиться комнатой?

Внутри стояла кровать с четырьмя столбиками, достаточно большая, чтобы в ней уместилась целая семья. На одной из стен висел простой гобелен с изображением оленей и птиц, а в камине уже горел огонь.

— Люди, спящие внизу… — начала Нева, колеблясь. — Как мы можем принять это, если они лежат на полу?

Говори за себя, подумала я. Я бы приняла это с радостью.

— Они предпочитают спать вместе ради утешения и защиты, — заверила её Беатрис. — Эти покои обычно предназначены для жриц Авалона, но мои сёстры и я предпочитаем оставаться с остальными, чтобы в случае необходимости защитить башню ночью.

Что ж. Я почувствовала лёгкое угрызение совести, но ничто не могло заставить меня отказаться от комфорта кровати.

— Многие из наших старейшин отдыхают в других покоях, поэтому прошу вас соблюдать тишину, — продолжила Беатрис, бросив на меня выразительный взгляд. — И не блуждайте по коридорам.

— Мы сможем встретиться с другими авалонцами? — спросила я. Если он здесь, Нэш обязательно будет среди них.

Беатрис лишь открыла дверь для Кабелла и, ничего не ответив, удалилась.

— Пойдём, — сказала Нева, мягко потянув меня за руку. — Искать Нэша будет проще после пары часов сна.

Я вздохнула, бросив на Кабелла неопределённый взгляд.

Он кивнул, его лицо всё ещё освещала тёплая улыбка.

— Лучше быть в форме, верно?

— Верно, — отозвалась я эхом.

Нева взяла свечу с маленького прикроватного столика и поднесла её к гобелену, чтобы рассмотреть его поближе. Затем она подошла к шкафу, на дверях которого лиса и заяц были изображены в круговой погоне друг за другом. Открыв его, она обнаружила наши сумки и два длинных плаща, сшитых из лоскутков разных тканей.

— Палочка? — спросила я, уже зная ответ по её выражению лица.

Нева опустилась на одну сторону кровати, а я — на другую, повернувшись к ней спиной. Комната не имела окон или каких-либо проёмов в стенах, позволяя теплу от огня задерживаться с нами. Лишь через мгновение я поняла, что не ощущаю запаха дыма. Вместо этого в камине были сложены четыре камня с вырезанными спиралями, из которых мягко мерцали языки пламени.

— Камни саламандры, — тихо сказала Нева. — Я читала о них. Никогда не думала, что увижу их своими глазами.

— Постоянная тема этого нашего приключения, — заметила я, отходя от света камина. Я провела руками вдоль стен, оставаясь у самого края комнаты, чтобы убедиться, что здесь нет скрытых проходов или магических знаков.

Какими бы впечатляющими ни были камни, их приветливое свечение ничуть не заглушало постоянного воя существ в изуродованном лесу за пределами башни.

— Как мы вообще собираемся уснуть? — спросила Нева.

Я сдула с лица прядь волос. Как ни уставшей я чувствовала себя на пути сюда, теперь сон казался недостижимым. Ни разум, ни тело не хотели расслабляться, поэтому я подошла к шкафу за своей сумкой.

— Думаю, у меня есть таблетки или тоник, — сказала я, роясь в её содержимом. — Давай убедимся, что они не помогли себе чем-нибудь…

Я выругалась.

— Что? — спросила Нева, оборачиваясь.

— Я оставила Игнатия у источников, — сказала я, с отчаянием опустив голову.

— Кто такой Игнатий? — поинтересовалась Нева.

— Рука Славы, — ответила я.

— Я знала, что это именно она! — радостно воскликнула Нева, её лицо светилось от волнения. — Где ты его нашла? Это ведьма сделала его для тебя? Он действительно открывает запертые двери?

— Да, и не только, — ответила я, вздохнув, а потом, сдавшись, добавила: — Мне придётся вернуться за ним.

Глупо, глупо, глупо. Из всех ошибок, что я допустила за последние дни, эта была самой нелепой. Игнатий пока вёл себя тихо, но если какая-нибудь жрица или авалонец найдут его, и он решит открыть глаз и оглядеться вокруг…

Я даже не хотела думать, что они подумают о таком зловещем предмете, как Рука Славы.

— Хочешь, я пойду с тобой? — предложила Нева. — Это долгий путь сквозь темноту.

Я заколебалась, удивлённая, насколько трудно оказалось отказаться.

— Я справлюсь сама.

— Тогда хотя бы возьми это, — сказала она, протягивая мне свечу в железном подсвечнике.

— Здесь достаточно света, — возразила я.

— Пожалуйста, — настойчиво произнесла она. — Это меня успокоит.

— Хорошо, — я выдохнула через нос, — но только чтобы прекратить этот разговор.

— Ага, — пробормотала она с многозначительным тоном. Что именно она знала, я понятия не имела, но это мне не нравилось, как и её лёгкая улыбка. Она достала плеер и наушники из своей сумки и надела их.

— Ложись спать, — бросила я ей через плечо.

— Увидимся, когда ты вернёшься, — сказала она всё с той же улыбкой. Она устроилась на подушке, вытянув ноги поверх одеяла, её музыка сопровождала меня в коридор.

Я всё ещё прокручивала в голове этот момент, когда шла вниз через башню, стараясь бесшумно пройти мимо спящих, укрывшихся в своих снах от этой реальности, похожей на кошмар.

Прикрывала рукой слабое пламя свечи, когда пересекала двор, быстро оглядываясь наверх, чтобы убедиться, что никто не следит с верхних стен. Когда добралась до лестницы, ведущей к источникам, дыхание уже сбивалось.

Я заставила себя обогнуть последний виток лестницы, грудь жгло от напряжения, ноги словно налились свинцом. Переводя дух, схватила Игнатия, всё ещё завернутого в пурпурный шёлк, и повернула обратно, чувствуя себя как узница, идущая на эшафот.

— Вот беда, — пробормотала я и присела на массивную ногу статуи Девы. Посмотрев на неё снизу вверх, добавила: — Прости, девочка.

Я поняла, что это была ошибка, едва облокотилась на её холодный каменный лодыжку. Моё тело словно обмякло, потеряв последние остатки сил.

Я могла бы остаться там, распростёртой с демонической Рукой Славы и свечой в качестве единственных спутников, если бы не услышала резкий звук быстрых шагов на каменных ступенях.

Соскользнув с основания статуи, я задула свечу и неудобно присела на корточки. Это могла быть Олвен, но если вдруг нет…

Моё сердце колотилось в ушах, пока я, затаив дыхание, осторожно выглянула из-за статуи. И когда я увидела, кто это был, моё удивление усилилось.

Эмрис стоял у края одного из бассейнов, глядя в светящиеся глубины. Его лицо было таким пустым, словно душу вырвали из тела. Его вид вызвал во мне неожиданный укол жалости.

И вдруг он снял перчатки. Одну, затем другую, бросив их на камень. Я наклонилась вперёд, пытаясь рассмотреть лучше, но расстояние и голубое свечение мешали мне.

А затем он потянулся к подолу своего свитера. Мышцы на его спине напряглись, когда он снял его вместе с рубашкой.

Железный подсвечник выпал из моих пальцев и с грохотом упал на камень. Эмрис резко обернулся, его глаза широко распахнулись от неожиданности, страха или чего-то худшего, но уже было поздно. Я всё увидела.

— Кто это сделал? — хрипло прошептала я.

Шрам, который я видела на его лице, продолжался вдоль шеи, через грудь. Одинокий рваный шрам соединялся с десятками других, которые пересекали его тело. Они покрывали грудь, руки, спину и уходили вниз, оставляя ужасающий рисунок боли.

Он выглядел, как разбитая стеклянная фигурка, поспешно склеенная, но неумело.

Эмрис натянул свитер с такой яростью, словно это могло стереть то, что я увидела.

— Ты за мной следишь? — холодно бросил он, подбирая перчатки и направляясь вверх по ступеням.

— Кто это сделал? — прошептала я, голос дрогнул, но вопрос не отпустил меня.

— Оставь это, Тэмсин, — отрезал он ледяным тоном.

Как-то так получилось, что я преодолела разделяющее нас расстояние. Как-то так получилось, что я взяла его за руку, повернула её, чтобы увидеть, как шрамы продолжаются вдоль сухожилий и мышц его предплечья.

— Что, чёрт возьми, происходит? Это сделали те твари… — Нет, это не могли быть Дети Ночи. Я бы заметила это. — Это Мадригаль так поступила с тобой?

Он вырвал руку, но не успел скрыть то мучительное чувство стыда, что отразилось на его лице.

— Эмрис! — позвала я. Он замер на нескольких ступенях выше, но так и не обернулся. — Что случилось?

Его руки сжались в кулаки.

— А тебе есть дело?

Я не могла понять, кто из нас больше удивился, когда я выкрикнула:

— Да!

Мы стояли, глядя друг на друга, тяжело дыша. Лестница утомила меня, но это было ничто по сравнению с тяжестью, что поселилась у меня в груди, глядя, как его лицо стало смертельно бледным.

— Что случилось? — прошептала я.

Он с трудом сглотнул, его горло напряглось.

— Я совершил ошибку. Вот, довольна? Оказывается, я тот идиот, каким ты всегда меня считала.

— Это случилось во время работы? Это не Мадригаль?

— Это не имело к ней никакого отношения, — сказал он. — И ещё меньше касается тебя.

Он ушёл, оставив меня стоять у подножия лестницы, а его шаги отдавались громким эхом в моей голове. Это была не усталость, что удерживала меня на месте, глядя на то место, где он только что стоял, а шок, что до сих пор сжимал моё горло.

Существует множество проклятий, способных разорвать человека на части, содрать кожу с мышц и костей. Все они мучительны.

Ни одно из них не оставляет шансов на выживание.

С каждым шагом, который я поднималась, в голове возникал новый вопрос. Как долго он носит эти шрамы?

Я ожидала увидеть его во дворе, а затем снова у входа в башню, но единственным человеком, ожидавшим меня там, была хмурая Катриона.

Я застыла.

— Послушай, я просто забыла это… — начала я, впервые не выдумывая оправдание.

— Я поговорила со своими сёстрами, — перебила она. Даже при свете факела её лицо оставалось непроницаемым. — И мы решили, что завтра я отведу тебя к твоему отцу.

Я уставилась на неё, моё сердце забилось так громко, что казалось, его удары раздавались эхом.

— Правда?

Он жив. Эти слова взмыли в груди, как птица. Как-то, чудом, Нэш, как самый неистребимый из крыс, выжил среди ведьм, кредиторов и рычащих чудовищ дикой природы.

— Да, — подтвердила Катриона, резко разворачиваясь на каблуках, чтобы войти обратно в башню. — Отдыхай, пока можешь. Мы выходим на рассвете.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 19

— Это она назвала дневным светом?

Кабелл стоял, прислонившись к простой ограде, окаймлявшей тренировочную площадку во дворе, и с мрачной улыбкой бросил:

— Конечно. Было абсолютно темно, а теперь просто уныло серо.

— Как приятно знать, что даже здесь ты умудряешься выжимать последние капли юмора, — проворчала я.

Он оттолкнулся от ограды, притворно испугавшись.

— Только не говори, что ты использовала последние пакетики с кофе ещё в Тинтагеле?

Одна только мысль об растворимом кофе усугубила моё и без того пасмурное настроение. Головная боль, преследовавшая меня из-за отсутствия моего тёмного эликсира жизни, была просто невыносима.

— Хорошо, что у тебя есть лучший брат на свете, — сказал он, извлекая из сумки небольшой термос.

Мои глаза расширились, когда я схватила термос и открутила крышку. Запах горького, растворимого кофе, поднимающийся с лёгким паром, приветствовал меня, словно старый друг. Я снова посмотрела на него.

— Кажется, я сейчас расплачусь, — призналась я, прижимая термос к груди.

— Я подружился с эльфийской кухаркой, Дилуин, и раздобыл горячей воды, — похвастался Кабелл. — Оказывается, даже феи не могут устоять перед моей обворожительной улыбкой.

— Уверена, она просто дала тебе воду, чтобы ты скорее ушёл, — сказала я, сделав глоток сладкого напитка.

— Пожалуйста, — с поддельным возмущением ответил он.

Меня внезапно накрыло странное чувство благодарности, и я добавила:

— Ты всё-таки лучший брат.

— Нет уж, я просто пытаюсь освободить свою сестру от демона, который вселяется в неё до первой чашки кофе, — фыркнул он. — И вообще, у тебя не было выбора, кто станет твоим братом.

— Судьба единственный раз поступила правильно, — сказала я.

Кабелл издал задумчивое «ммм»:

— Судьба или Нэш?

— Ты спал этой ночью? — спросила я, сменив тему. — Мне удалось поспать, может, час, и то с трудом.

— Повезло, — хмыкнул он. — У меня получилось минут десять, благодаря милой колыбельной из визгов.

Я привыкла спать в странных местах, засыпая сразу, как только голова касалась чего-нибудь мягкого — будь то руки, подушка или свернутая рубашка. Но каждый раз, закрывая глаза этой ночью, я видела в памяти монстров из леса, умирающего Септимуса, шрамы Эмриса и слова Катрионы: *«Я отведу тебя к твоему отцу».*

Я обхватила себя руками, пытаясь удержать немного тепла под своей фланелевой курткой, и глубоко вдохнула воздух, тяжёлый и отвратительный, насыщенный запахом навоза и лошадиного пота, доносившимся из стоявших неподалёку конюшен.

Немного поодаль Дери взбирался на Материнское дерево, заполняя соломой и мхом то, что выглядело как древесные наросты. Ему помогали десятки крохотных зелёных созданий, которые очищали дерево от гнили и обгрызали засохшую кору. Эти

существа, размером не больше моей ладони, имели тела, напоминающие веточки, и головки в форме бледно-зелёных розовых бутонов. Их крылья, похожие на стрекозу, переливались и блестели.

Позади нас Беатрис и одна из остальных Девяти, Арианвен, отрабатывали приёмы на мечах под наблюдением Бедивера. Сталкивающиеся деревянные тренировочные мечи нарушали тишину утра, сопровождаясь то хриплым вздохом, то возгласом «Ха!».

— Вот так, — сказал Бедивер. — Вложи силу, наклонись — да, Ари, именно так.

Арианвен коротко подстригла каштановые волосы, подчёркивая красоту своего лица. Она двигалась с грацией, которой я могла бы только позавидовать. Её фигуру, хоть и не совсем стройную, нисколько не стесняла тренировочная кожаная броня, когда она наносила удары — плавно, затем резко-резко, постукивая лезвием.

Беатрис с лёгкостью отражала каждый её удар. Это выглядело несправедливо: Беатрис была выше своей соперницы как минимум на пять дюймов, а значит, её клинок имел больший радиус, и Арианвен приходилось двигаться быстрее и прикладывать больше усилий, чтобы компенсировать это преимущество.

С другой стороны, в настоящих битвах справедливость встречается лишь случайно.

— Она действительно сказала «дневной свет», да? — спросил Кабелл, глядя вверх, где серый небосвод не предвещал рассвета. Он едва ли сдерживался, пританцовывая на месте от нетерпения.

— Сказала, — проворчала я.

— «И конец!» — скомандовал Бедивер за нашими спинами.

Обе девушки отступили, вернув деревянные мечи на стойку неподалёку. Беатрис тыльной стороной рукава вытерла пот со лба, затем обняла другую жрицу за плечи, мягко сжав их.

— Я же говорила, что ты справишься в два счёта, — произнесла она.

Арианвен засияла улыбкой, привалившись к подруге. Было трудно сказать, пылает ли её лицо от похвалы или от тренировок.

— Ты идёшь на кухню? — спросила она.

— Меня уже ждёт нож в руках повара, — подтвердила Беатрис. — А ты?

— Марии нужна помощь с бельём, — ответила Арианвен, кивая. Затем её взгляд упал на нас: — Вы ждёте Кайт?

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что она обращается к нам.

— Да, — ответила я резче, чем намеревалась. — Если у нас с ней одинаковое представление о рассвете, она уже должна была появиться здесь.

Брови Арианвен удивлённо поднялись.

— Это на неё не похоже. Как думаете, ей понадобится кто-то, чтобы пойти с ней?

— Я отправлюсь с ними, — заверил её Бедивер, придав своему голосу оттенок спокойной уверенности.

— Да, — согласилась Арианвен, — но вы абсолютно уверены…

— Это всего лишь стирка, Ари, а не казнь, — покачала головой Беатрис.

— Легко тебе говорить! — возразила та. — Не тебе потом пахнуть щёлоком две недели!

— Зато у тебя будет возможность поработать с прачечными дубинками, — заметила Беатрис, уводя её за собой. — Я знаю, как сильно тебе нравится выбивать грязь из простыней.

Арианвен фыркнула, её голос стихал с каждым шагом:

— Это действительно бодрит.

— Я посмотрю, не найдётся ли Катриона, — сказал нам Бедивер, почесав седую бороду. — Уверен, она всего лишь делает свой утренний обход.

— А я уже надеялась, что она упала в колодец и никогда больше не вернётся, — пробормотала я.

— Мы не сдвинемся с места, — пообещал Кабелл, вонзив локоть мне в рёбра.

Я облокотилась на ограду, слишком раздражённая, чтобы ответить. Мои глаза блуждали по двору, скользя по камням и мимо идущих фигур.

В ночной тьме башня казалась окружённой ореолом священной тайны, но утренний свет разрушил эту иллюзию.

Теперь её сооружения выглядели обветшалыми, словно измученные голодом тела. Каменные стены, будто раны, были испещрены трещинами, кое-где их заменяли грубые заплатки, а некоторые стены так накренились, что их пришлось подпирать. Повсюду — плесень, ржавчина и копоть, создававшие ощущение, будто всё это медленно тонет в трясине.

Потускневшие знамёна с символом Богини — узлом из трёх сердец в центре дуба — безжизненно свисали в неподвижном воздухе.

Хуже всего было то, что части Материнского дерева потемнели до болезненного серого оттенка, испещрённые грибами. Я и без Невы знала, что эти грибы наверняка пожирают внутреннюю гниль. Даже Дери выглядел слабее: его деревянное тело казалось хрупким. Несколько жителей Авалона изучали гниль на дереве или пытались помочь Дери срезать её с коры.

Я тяжело вздохнула, вновь окинув взглядом двор. Нева всё ещё с радостью приветствовала лошадей, привязанных у конюшни по другую сторону тренировочной площадки. Конюшни, как и лазарет, находились позади башни. Кабелл говорил, что одно из каменных зданий перед башней — это кухня, тесное и жаркое пространство под командованием Дилуин, эльфийской поварихи, которая была ростом с ребёнка, но с лихвой компенсировала свои размеры твердым характером.

Предположительно, стирка могла проводиться только в источниках, если, конечно, никто не хотел, чтобы их одежда вернулась с новыми кровавыми пятнами и грязью вместо чистоты.

Наше ожидание также дало нам возможность увидеть тех, кто уцелел в Авалоне, и позволило им увидеть нас. Большинство старались держаться от нас подальше, занимая свои места на стенах или поднимая воду из источников. Некоторые смотрели с любопытством, другие — с откровенным подозрением. Немногие вообще бросали свои вёдра и инструменты, убегая в башню, едва завидев нас.

Но хуже всего были лица, на которых не отражалось ничего, словно ужас, с которым они столкнулись, вытравил из них душу. Они переходили от одного дела к другому, ни разу не поднимая глаз, как беспокойные духи, заключённые в бессмысленную петлю, движимые лишь памятью тела.

Эти люди, однако, знали, что они в ловушке. Они полностью смирились с этим.

Кабелл последил за моим взглядом и тихо прошептал:

— Как это может быть Авалоном?

— Истории всегда красивее правды, — сказала я. — Вот почему Нэш так и не смог жить в реальном мире.

А может, он оказался пленником этого мира. Слова Катрионы прошлой ночью — «Я отведу тебя к твоему отцу» — намекали, что его здесь нет, за стенами крепости. И

всё же часть меня ожидала увидеть его лицо среди остальных этим утром. Я хотела насладиться его шоком, упиваться его недоверием.

Я случайно услышала, как Беатрис и Бедивер обсуждали какой-то сторожевой пост в лесу, готовясь к тренировке с Арианвен. Это казалось наиболее вероятной нашей целью.

— Странно осознавать, что он всё ещё жив после стольких лет, и что мы собираемся его увидеть, — вздохнул Кабелл. — Даже не знаю, что ему сказать.

— Я ничего не скажу, — с горечью ответила я, словно от вкуса кислой ягоды. — Я просто ударю его в грудь.

Кабелл засмеялся:

— Серьёзно? Думаешь, он бы остался здесь добровольно, если бы мог вернуться? Время здесь течёт иначе. Ему может казаться, что прошло всего несколько месяцев.

С учётом того, как мы изменились за последние семь лет, странно было думать, что Нэш мог выглядеть точно так же, как в день своего исчезновения. Даже его старый пиджак, который теперь носил Кабелл, содержал следы наших путешествий и испытаний, постепенно подстраиваясь под нового владельца.

Большинство жителей Авалона носили что-то вроде того, что дали нам: грубо сшитые туники и штаны, плотно облегающие ноги. Некоторые женщины прикрывали головы простыми платками; другие, словно вопреки гниющему миру вокруг, украшали свои лбы тонкими серебряными цепочками с цветными камнями.

Когда-то яркие, словно драгоценные камни, платья поблекли от торопливых заплат и пятен. Некоторые были разрезаны вдоль и превращены в куртки или жилеты. Ни одна броня — ни стальная, ни кожаная — не подходила своим владельцам, и многие доспехи явно перековывались под другую фигуру.

— Колдунья, — прошипел кто-то. К тому моменту, как я обернулась, невозможно было понять, кто из проходящих мужчин это сказал.

К счастью, Нева была слишком далеко, чтобы это услышать, но по её нервным движениям я поняла, что она ощущала каждый взгляд.

Алэд, управляющий конюшнями, идеально соответствовал описаниям эльфов: шёлковистые тёмные волосы, бледно-зелёная кожа, крепкое телосложение и явная любовь к животным. Нева продолжала украдкой поглядывать на него, пока он, стоя на табурете, показывал ей, как седлать лошадей. Время от времени он переносил вес с левой ноги на деревянный протез правой.

— Что за кислая мина? — раздался насмешливый голос.

Блоха появилась из ниоткуда, ловко протискиваясь сквозь ограду и усаживаясь на неё. Белокурые волосы, ещё более растрёпанные, чем накануне, скрывались под вязаной шапкой, а лицо было испачкано грязью.

— Откуда ты взялась? — спросила я, изумлённо подняв бровь.

— Мамка говорит, что сама Богиня послала меня в корзине по старой реке, — заявила Блоха, пожав плечом. — Как всех младенцев. Только вас двоих принесла коза.

— Ты ужасный ребёнок, — отрезала я.

Блоха соскочила с ограды, изображая изящный реверанс.

— Благодарю вас!

Катриона и Бедивер обошли башню, оба облачённые в лёгкие доспехи, отказавшись от громоздких лат и шлемов.

Я почувствовала лёгкое движение у своей сумки. Рука моя мгновенно схватила запястье Блохи, которая пыталась улизнуть с чем-то в кулаке.

— Проклятье! — взвизгнула она, пытаясь вырваться. Я разжала её пальцы, и из её руки выпал маленький селенитовый кристалл.

— Неплохо, — сказала я, слегка улыбнувшись. — Умно было дождаться подходящего момента, но в следующий раз выбирай что-то менее очевидное. — Я подняла тонкий серебряный браслет, который сняла с её другого запястья. — Ориентируйся на что-то действительно ценное.

Глаза девочки широко распахнулись.

— Это моё, воровка!

— Что здесь происходит? — раздался низкий голос Катрионы. — Ты крадёшь у ребёнка?

Я отпустила Блоху, позволив ей оставить кристалл.

— Я просто показывала девочке пару трюков, — сказала я громче.

Блоха бросила на меня злобный взгляд и показала жест, который не требовал перевода.

— Блоха, что ты здесь делаешь? — строго спросила Катриона. — Рона ищет тебя всё утро. Ты не можешь вечно избегать своих уроков.

Когда Катриона подошла к нам, за её спиной внезапно появился Эмрис. Он держался на несколько шагов позади, его руки были глубоко спрятаны в карманы. Хотя он сменил свои грязные штаны и свитер на более опрятную одежду, его тело всё ещё полностью скрывалось под длинными брюками, туникой и алым жилетом, застёгнутым до самого горла.

— Я отведу Блоху в библиотеку, — сказала Олвен, торопливо подходя к ним. — Может быть, ты тоже захочешь присоединиться, Нева? Я покажу тебе нашу коллекцию.

Трудно было сказать, кто больше удивился этому предложению — Нева или Катриона.

— Но библиотека… — начала сереброволосая девушка.

— …это бесценный ресурс для всех, — закончила Олвен, беря за руку, ворчащую Блоху. — Идём?

Нева бросила на нас неуверенный взгляд, затем снова посмотрела на Олвен.

— Я планировала пойти с ними… — пробормотала она.

— Останься, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Правда, всё в порядке.

Идея разделиться мне не нравилась, но я — скрепя сердцем — доверила Олвен заботу о Неве. Впрочем, допросить Нэша о Кольце Рассеяния будет гораздо проще без её присутствия.

Нева кивнула, и напряжённость в её взгляде немного ослабла.

— Нам лучше отправиться, пока ещё светло, — сказал Бедивер, бросив взгляд на Эмриса. — Ты с нами?

— Конечно, — ответил Эмрис, звуча так же непринуждённо, как обычно, хотя и избегал смотреть в мою сторону. — Прекрасное утро для поездки, не находите?

— Боюсь, лишь четыре лошади достаточно крепки для такого пути, — сказал Алэд, его зелёная кожа побледнела. — Я не знал, что вас будет столько…

— Уверен, Тэмсин не возражает, если я поеду с ней, — вставил Эмрис, подходя ближе и вставая рядом со мной.

— Что ты делаешь? — прошептала я, наклоняясь к нему.

— Еду с тобой, чтобы увидеть твоего отца, разумеется, — ответил он, не взглянув в мою сторону.

Я закатила глаза. Конечно, он не позволил бы нам уйти без него — не тогда, когда Кольцо Рассеяния, возможно, было на кону. Я ещё не успела рассказать Кабеллу о том, что видела в священных источниках, но манёвр Эмриса заставил меня задуматься о том, чтобы сделать это прямо сейчас.

Алэд, тяжело вздохнув, оперся о забор, сняв часть веса с правой ноги.

— Всё в порядке, Алэд? — спросила Катриона, нахмурившись.

— Да, да, — ответил он, массируя место, где его колено соединялось с деревянным протезом.

Выточенная конечность держалась на его коже с помощью ряда переплетённых корней, которые, казалось, двигались сами по себе, подстраиваясь под его руку. Эмрис наблюдал за этим с явным восхищением.

— Это из-за сырости она снова беспокоит, — продолжил Алэд. — Доставляя боль там, где трётся кожа?

Бедиверу понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что вопрос был адресован ему. Он крепче сжал свою перчатку.

— Ах, да. Всегда в такие дни, — кивнул он.

На лице Бедивера на мгновение мелькнуло что-то похожее на раздражение, но тут же исчезло. Он повернулся к Катрионе.

— Идём?

— Да, конечно, — согласилась она, бросив на нас быстрый оценивающий взгляд. — Кто-нибудь из вас владеет мечом?

Рука Эмриса тут же взметнулась вверх. Кабелл и я одновременно уставились на него.

— Опусти руку, приятель, — сказал Кабелл, скрестив руки на груди. — Я видел, как ты чуть не вырубился, играя со шваброй библиотекаря две недели назад.

— Это вряд ли его вина, — заметила я. — Возможно, это был первый раз, когда он вообще увидел швабру.

— Я занимался фехтованием с семи лет, — спокойно ответил Эмрис, полностью игнорируя нас обоих. — Хотя, конечно, там используется более тонкое оружие.

Я закатила глаза. Конечно, занимался.

— Оружие будет тяжелее, с другим балансом, чем ты привык, — предупредил Бедивер.

— Справлюсь, — ответил Эмрис.

Старый рыцарь подошёл к стойке и выбрал длинный меч, передав его Эмрису за ножны. Катриона закинула ремень меча ему на плечо так, чтобы он удобно лежал за спиной. Я вдруг вспомнила, что он левша, когда он потянулся назад, чтобы проверить расстояние до рукояти.

— У меня есть небольшой опыт втыка и битья, — вставил Кабелл, и ему вручили булаву.

Я взяла небольшой кинжал и сняла куртку, чтобы Катриона смогла надеть на меня лёгкую кольчужную рубашку поверх туники. Остальные сделали то же самое.

Я скользнула взглядом по своей белой лошади и её внушительному седлу, пытаясь успокоить сердце, прежде чем оно начнёт скакать быстрее, чем животное.

— Нужна помощь, чтобы взобраться? — спросил Эмрис, наклоняясь к моему уху.

Он дразнил меня, и я это знала. Мне стоило лишь сказать, что я поеду с Кабеллом, — кстати, он уже смотрел на меня, одна бровь всё выше поднималась с каждой секундой моего молчания.

Но я не собиралась позволить Эмрису найти кольцо, и уж точно не собиралась уступать в этом маленьком поединке.

С тихим звуком раздражения я взлетела в седло, опираясь на одно стремя. Эмрис забрался следом с досадной лёгкостью. Я резко откинула локти назад, пытаясь освободить пространство, между нами, взяв поводья.

И тут же пожалела. От него было не избавиться — его жёсткая грудь прижималась к моей спине, его бёдра упирались в мои. Его дыхание касалось моих волос, и, несмотря на жар его тела и теплоту животного подо мной, холодный дрожь пробежал вдоль моего позвоночника, заполняя те места, где его тело прилегало к моему.

— Ставки принимаются, сколько времени понадобится, чтобы я свалился с этой красавицы? — прошептал он.

— Не трать время — я сама тебя столкну, — ответила я.

Его грудь затряслась от смеха, отдавшегося у меня в спине. Осторожная рука скользнула вдоль моего бедра, словно спрашивая разрешения.

— Ладно, — пробормотала я. — Но никаких глупостей.

Под слоями ткани и холодной кольчуги мои мышцы напряглись, когда его длинные пальцы лёгкой ладонью прижались к моему животу. Я опустила взгляд, замечая зазубренный край шрама, тянувшегося от его запястья к тыльной стороне ладони.

Эмрис наклонился вперёд, и я почувствовала, как его сердце стучит быстрее моего. Его запах, как свежий аромат сосны и морского ветра, на мгновение вытеснил гниющий мир вокруг нас.

— Даже и не мечтал бы, — прошептал он мне на ухо.

****

Мы ехали молча, следуя за Катрионой по истоптанной тропе, проложенной среди обугленных стволов деревьев.

Ковер из гниющих черных листьев, трупов животных и увядшего мха глушил цокот копыт. Я не сводила глаз с деревьев и острых камней. Слишком много было мест, где могли укрыться Дети Ночи— их паукообразные тела могли свернуться в трещинах земли или исчезнуть в непроницаемой тьме пещер, образованных неровностями местности.

Я подняла взгляд, пытаясь разглядеть небо сквозь скрюченные ветви мертвых деревьев. Почти видела его — как могла бы выглядеть Авалон, если бы он, как Тинтагель, был полон зеленого света жизни.

Тело Эмриса за моей спиной оставалось напряженным, его пальцы бессознательно сжимались на моем животе, пока он осматривал опустошенный лес.

Не прошло и часа с тех пор, как мы покинули башню, когда мы въехали в другую часть леса. Деревья здесь росли в стройных рядах, а туман свисал с их оголенных ветвей, словно тяжелые покрывала. Запах гнилых фруктов ударил в нос, такой сладкий и приторный, что казалось, он окутывает все вокруг.

— Священная роща? — предположила я.

Я почувствовала, а не увидела, как Эмрис кивнул.

— Похоже на то.

Мелькание света привлекло мое внимание, и я направила лошадь в его сторону. Вскоре вдали показался огонь, горящий у основания узкой сторожевой башни, торчавшей из земли, как кривой палец. В темном воздухе пламя казалось единственным маяком, указывающим путь.

Сердце бешено колотилось в груди, когда Катриона замедлила ход, спешилась и, внимательно осмотревшись, привязала лошадь к столбу. Мы последовали ее примеру.

Катриона подняла тяжелый засов на двери башни. Я вошла внутрь, а Кабелл шагнул следом.

Пыль поднялась вокруг нас, густая, как туман за каменными стенами. Слабый сероватый свет проникал через небольшое отверстие в стене, зловеще освещая застывшую картину внутри.

Изодранный спальный мешок. Незапаленный фонарь. Смятая обертка от конфеты.

И скелет мужчины, погруженного в цепкие объятия земли.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 20

Остальные словно размылись на краю моего зрения, превратившись в тени. Невыпущенный воздух обжигал мои легкие, но я не могла выдохнуть. Не смела двинуться, чтобы не потревожить пыль, закрутившуюся вокруг нас. Чтобы не разрушить странный сон, который держал меня в своей власти.

— Мы зовем его Чужаком, — раздался за нашими спинами голос Катрионы. — Для нас он никогда не имел ни имени, ни лица. Мы не похоронили его, надеясь, что его родные придут.

Что-то тяжелое с глухим стуком упало на землю. Темная фигура Кабелла медленно, слишком медленно, опустилась на колени рядом с останками.

Смотри, сказала я себе, борясь с желанием отвернуться. Ты должна посмотреть.

— Это ваша затея — такая жестокая шутка? — голос Эмриса прозвучал резко, раздражая тишину внутри сторожевой башни. — Вы не могли их предупредить? Это может быть не он — откуда вам знать, что это не кто-то из уроженцев Авалона?

Бедивир наклонился, его доспехи заскрипели, пока он поднимал с земли серебристую обертку. **Baby Ruth.**

Любимый батончик Нэша.

— Он уже был мертв, когда мы зажгли огонь на этой башне в прошлом году, — сказала Катриона. — Если бы он пришел позже, то смог бы использовать убежище по назначению — как безопасное место, чтобы укрыться от Детей Ночи.

Ее голос затих, когда мое внимание переключилось на руку Кабелла, протянувшуюся к останкам.

Кости, пожелтевшие от времени, выглядывали из-под обрывков одежды, вероятно, очищенные насекомыми или Детьми. Лоскуты некогда белой рубашки цеплялись за обнаженную грудную клетку, покачиваясь от малейшего движения воздуха. Брюки выглядели современными, но судить было сложно после стольких лет.

Кабелл начал ощупывать карманы, которые остались от ткани. Перевернул ботинки. Даже его аккуратные, деликатные движения заставляли кожу трескаться и рассыпаться.

— Это может быть не он, — повторил Эмрис.

Несмотря на то, что тело не лежало в спальном мешке, поза казалась мирной, словно человек просто снял обувь, прилег отдохнуть, а смерть лишь вытянула его дух из тела. Обе руки были на виду. Ни колец. Ни каких-либо украшений.

— Что вы делаете? — резко спросила Катриона, подходя, чтобы остановить Кабелла, когда тот склонился над черепом. — Мы обыскали его одежду и ничего не нашли…

Кабелл отмахнулся от ее руки, осторожно приподнимая затылок черепа с земли. Там, между костями и холодной землей, оказалась хорошо сохранившаяся часть воротника рубашки. Он аккуратно вывернул тонкую ткань наружу, обращая ее ко мне.

На внутренней стороне, выведенные детской рукой желтой нитью, были вышиты пять букв:

Н. ЛАРК.

— Я знал это, — выдохнул Кабелл. — Знал, что если бы он был жив и имел кольцо, он бы использовал его, чтобы помочь Авалону…

— Кольцо? — голос Катрионы прозвучал резко.

Кабелл отпустил воротник и череп, отшатнувшись назад. Его руки безвольно упали на колени, а голова склонилась. Плечи затряслись от беззвучных рыданий, слёзы стекали по его рукам, покрытым чёрными татуировками, и падали на землю.

Вид его, обнажённого в своей боли, словно свежая рана, разорвал последнюю тонкую нить, которая сдерживала мой рассудок от полного краха.

Ярость и боль взорвались во мне, невыносимые, как раскалённые лезвия. Всё вокруг расплылось, превратившись в неясное пятно. Давление в голове угрожало разорвать череп, выпустив все те воспоминания и чувства, которые я отчаянно пыталась запереть.

Я ненавидела его. Ненавидела.

Рука сама потянулась к булаве, и прежде, чем я осознала это, я уже подняла её над головой, готовая обрушить на скелет. Катриона бросилась меня остановить, но меня схватили другие руки, обхватив за талию и оттянув назад.

— Ты не можешь, — голос Эмриса был ровным, хотя я изо всех сил пыталась вырваться, пока крик вырывался из моей груди. — Я понимаю, Тэмсин, но ты не можешь…

«Не можешь». Это слово эхом отдавалось в моей голове. «Не можешь».

Булава выпала из моих онемевших пальцев, и я обмякла, опустившись к его груди. Эмрис держал меня, не давая упасть, пока ярость выжигала меня изнутри, оставляя пустой оболочкой.

Я хотела уничтожить всё, что осталось от Нэша, — уничтожить его, как он пытался уничтожить нас.

Едва я успела это осознать, как услышала хруст костей. Этот звук, однажды услышанный, навсегда западает в память, словно колючий корень. Кабелл, скрючившись, выгнулся в неестественной дуге.

— Кабелл, всё в порядке, — сдавленно проговорила я. — Сделай вдох…

Под кожаной курткой Кабелла начали двигаться кости, извиваясь, как змеи под листвой. Они вздувались, ломались и собирались в новые, чудовищные формы. Позвонки поднимались один за другим, а тело его сжималось, словно древний свиток.

— Что за чертовщина… — выдохнул Эмрис.

Катриона инстинктивно шагнула перед нами, схватившись за рукоять меча. Её взгляд впился в извивающееся тело Кабелла. Она была готова убить.

— Каб, слушай меня! — я вырвалась вперёд, но Эмрис снова оттянул меня назад. — Сосредоточься на моих словах… В давние времена, в царстве, утерянном во времени…

Слова застыли на губах, когда Кабелл внезапно замер. Его руки вцепились в собственные волосы, словно он собирался вырвать их. Бедивир, казалось, не заметил или решил проигнорировать мои слова. Его рука легла на плечо Кабелла, удерживая его на месте.

— Парень, — мягко сказал он. — Кабелл, да? Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза.

Я сжала глаза, отводя взгляд от его постепенно меняющейся фигуры. Череп удлинялся, а из него прорезались собачьи уши.

— Это оно, — голос Бедивира стал низким и успокаивающим. — Смотри только на меня. Ты хозяин или слуга?

Кабелл протянул руку с когтями, не для нападения, а чтобы вцепиться в руку Бедивира, как если бы это было единственное, что удерживало его от поглощения темным потоком.

— Ты хозяин или слуга? — снова спросил Бедивир.

— Х-хозяин, — прохрипел Кабелл. Его тело снова начало деформироваться, кости скрипели, возвращаясь к человеческой форме.

— Как…? — прошептала я.

Эмрис ослабил хватку и наклонился ближе к моему уху.

— Успокаивающий?

— Назови своё имя, — произнёс Бедивир.

В его тоне звучал ясный приказ, который отразился вокруг нас мягким эхом. Когда он говорил, я заметила слабое мерцание в воздухе там, где его рука лежала на плечах моего брата, согнутых в дугу.

Эмрис был прав. У Бедивира была магия, схожая с искусством Одарённых, способная успокаивать и общаться с существами.

— Назови своё имя, — повторил Бедивир.

— Кабелл, — голос моего брата прозвучал чётко, а его форма вновь стала человеческой.

Эмрис отпустил меня, и я тут же бросилась к Кабеллу, опустившись на колени рядом с ним. Он без сил обмяк в моих объятиях, сжимая меня так, будто пытался напомнить себе, что реально. С изумлением он посмотрел на Бедивира, а я крепко сжала его руку, помогая подняться.

— Это проклятие? — спросил мужчина.

Кабелл кивнул.

— Оно со мной с самого рождения.

За нашей спиной раздалось шипение — я не была уверена, это был Эмрис или Катриона.

Ответить на этот вопрос мы не успели. Лошади снаружи начали фыркать, бить копытами землю и беспокойно взбрыкивать. Катриона направилась к двери, уже положив руку на рукоять меча.

— Мы теряем свет, — сказала она. — Пора уходить.

— И всё? — спросил Эмрис.

— Наши дни коротки, — ответила девушка, — но, уверяю вас, моё терпение для таких глупых задержек ещё короче.

— Мы не можем оставить его тело вот так, — вмешался Кабелл. — Мы должны похоронить его…

— Нет, не должны, — сказала я. — Оставь. Мы не умрём ради него.

Лошади были настолько напуганы, что даже наше присутствие не успокаивало их. Свет стремительно угасал, отступая с неба, как морское течение, и это сковывало мою кровь холодом.

Я снова забралась в седло, позволяя Эмрису устроиться позади меня. Мой взгляд неотрывно следил за Кабеллом, когда он, шатаясь, вышел из башни. Его волосы всё ещё медленно исчезали с рук, когда он взбирался на своего рябого коня. Бедивир кивнул ему, и Кабелл ответил коротким кивком.

— Я не собираюсь спрашивать, всё ли с тобой в порядке, — тихо сказал мне Эмрис.

— Хорошо.

— И уж тем более не собираюсь извиняться за Нэша, — добавил он.

— Замечательно, — ответила я, крепче сжимая поводья. — Потому что я знаю, тебе наплевать. Тебя волнует только то, что у него не было кольца.

Я едва говорила громче шёпота, но каким-то образом Катриона услышала.

— Да, кольцо, — сказала она, разворачивая своего коня так, чтобы ехать рядом с нами. — С нетерпением жду вашего объяснения, когда мы вернёмся в башню.

Я стиснула челюсти, глядя прямо перед собой, на мёртвый мох, свисающий с ветвей над тропой.

— И на этот раз, — сказала Катриона, подстегнув коня, — вы, возможно, будете так добры, чтобы рассказать нам истинную причину вашего появления в Авалоне.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 21

Мы вернулись в башню, гнав лошадей так, что к моменту, когда ворота за нами закрылись, я едва могла дышать, чувствуя синяки и боль по всему телу.

— Следуйте за мной, — приказала Катриона. Это был приказ, а не просьба.

Мы выстроились за ней, поднимаясь по лестнице башни. Миновали хранилища и спальные залы. Она остановилась только на третьем этаже, где находились спальни. Оглянувшись через плечо, она встретилась взглядом с Бедивиром и кивнула.

— Сюда, парень, — сказал Бедивир, направляя Кабелла прочь от лестницы по тёмному коридору. Кабелл молча следовал, его чёрные волосы скрывали опущенное лицо. Мой пульс участился, и мысли прояснились от паники.

— Постойте, — хрипло сказала я, спеша вниз по лестнице мимо Эмриса. — Не забирайте его—

Бедивир поднял руку, останавливая меня. Его взгляд был почти невыносимо добрым.

— Не беспокойтесь. Я присмотрю за ним.

Паника охватила меня. Они не могли нас разлучить. С ним могло случиться что угодно.

— Идите со мной, Тэмсин, — сказала Катриона.

Рука Эмриса мягко легла на моё предплечье, направляя меня обратно вверх по лестнице.

— Всё будет в порядке, леди, — сказал Бедивир. — На этот раз доверьте его заботу другому.

Нет. Это неправильно. Заботиться о Кабелле — это моя обязанность, так было столько, сколько я себя помнила.

— Тэмсин, сейчас же, — приказала Катриона.

— Со мной всё будет хорошо, — шепнул Кабелл. — Всё в порядке, Тэмс.

— Пожалуйста, не причиняйте ему вреда, — умоляла я. Кабелл остановился у двери своей комнаты, положив руку на задвижку. Он не обернулся. — Он не может это контролировать.

— Зачем мне причинять ему вред? — спросил Бедивир, его голубовато-серые глаза были мягкими. — Он хороший парень.

— Пойдём, — настаивал Эмрис, его пальцы мягко сжимали мой локоть. — С ним всё будет в порядке.

Кабелл открыл дверь своей комнаты, которую он делил с Эмрисом, и исчез за ней. Наконец, я уступила, стряхнув руку Эмриса и поднимаясь на последний этаж.

Катриона повела нас на самый верхний этаж замка. На последней ступени нас встретил запах старого пергамента, чернил и кожи, как будто он говорил: «Вы здесь, вы нашли меня, вы наконец в безопасности».

Библиотека.

Помещение было залито мягким светом свечей. Пламя каждой из них усиливалось стеклянным шаром, обеспечивая освещение столам, расходящимся от центра комнаты. На стенах висели изысканные гобелены.

Но самым захватывающим были ряды книжных полок, вырезанных в форме рощи деревьев. Их ветви были из серебра, а листья из зеркал, чтобы распространять свет по всему пространству.

Нева сидела за одним из столов у огня, перед ней был раскрыт большой том. Олвен бродила вдоль полок, как будто искала что-то. Обе посмотрели на нас, когда мы вошли без церемоний.

— Что случилось? — Нева встала, прижимая руку к груди. Я ненавидела мягкое, сочувствующее выражение её лица, но ещё больше ненавидела своё предательское сердце за то, что оно сжалось от этого признания.

Олвен вытащила два стула для меня и Эмриса. Эмрис сел без лишних вопросов, тяжело опустившись на стул, его ноги беспорядочно вытянулись перед ним. У меня же было слишком много адреналина в крови, чтобы сидеть спокойно.

Я начала ходить между книжных полок, иногда бросая взгляд на их позолоченные корешки и заголовки — «Средства от всех болезней», «Звери других миров», «Лорд Смерть» — и трогая хрупкие края стопок свитков.

На следующем ряду передо мной появилась эльфин — сестра, о которой рассказывала Олвен. Она вздрогнула, как испуганный оленёнок.

Как и Алед с Дилвином, она была хрупкой, с зеленоватой кожей, как у незрелого фрукта, но её длинные тёмные волосы пересекала густая белая прядь. В сравнении с остальными она казалась… не хрупкой, скорее отсутствующей. Будто её тело было здесь с нами, а разум — где-то далеко.

Эльфин обратилась к Катрионе:

— Ты отвела их к Незнакомцу? Это был тот человек, которого они искали?

— Да, Мари, это был он, — ответила Катриона.

— Убедили нас, что он жив, только чтобы познакомить с трупом, — холодно сказал Эмрис.

— Как ты могла так поступить? — возмутилась Нева, глядя на Катриону.

— Здесь речь идёт не о моём обмане, — твёрдо сказала Катриона, — а о вашем.

— Кайт, — мягко укорила её Олвен.

Другая девушка вздохнула, опустив голову.

— Прошу прощения за обман, но я не могу и не буду извиняться за то, что делаю всё необходимое для защиты этого острова.

— Отлично, — сказала я. — Потому что я не собираюсь извиняться за то, что делаю всё необходимое, чтобы помочь своему брату.

Её взгляд был надменным и непреклонным, но в выражении лица промелькнуло что-то, похожее на понимание, хотя она явно не собиралась уступать.

— Почему ты не предупредила их, что он мёртв? — возмущённо спросила Олвен. — Я никогда не знала тебя нечестной.

— Я не была нечестной! — воскликнула Катриона, слова вырвались из неё словно буря. Она скрестила руки на груди, отворачивая лицо. — Я была осторожной. Я не верила в правдивость их истории. Мне нужно было увидеть их неподдельную реакцию на Незнакомца.

— Ну что ж, поздравляю, ты доказала, что была неправа, — холодно сказал Эмрис. — Кстати, сокрытие информации всё равно является обманом.

Лицо Катрионы, покрытое веснушками, вспыхнуло румянцем. Она открыла рот, но тут же закрыла его. Когда она, наконец, заговорила, голос её снова звучал спокойно.

— Тем не менее, вы опустили несколько существенных деталей своей истории.

— Объясните, пожалуйста, — обратилась к ним обоим Олвен, пристально их разглядывая.

Было странно слышать эту историю от Катрионы, с её отстранённостью, словно она не была вынуждена закрыть старую, незавершённую главу своей жизни.

— Ваш брат проклят и превращается в пса? — изумлённо спросила Олвен, её брови взлетели вверх. — Правда?

— Да, — ответила я, чувствуя, как желудок сжимается. Мне ненавистна сама необходимость делиться этим с незнакомцами. Это казалось неправильным, говорить об этом в отсутствие Кабелла. — Раньше он мог сдерживать превращение, но это случается всё чаще. Любая сильная эмоция запускает процесс.

Эмрис издал негромкий звук, словно застрявший в горле.

— Как давно он в таком состоянии? — спросил он.

— На самом деле, правильнее будет спросить, как именно Кабелл оказался под проклятием, — возразила Олвен, положив подбородок на ладонь в задумчивости. — Он родился с ним, или его наложили?

— Мы не знаем, — призналась я, затем, поколебавшись, добавила: — Наш опекун нашёл его мальчиком. Он бродил один по пустоши нашего мира смертных, не помня ничего, кроме своего имени. Мы пробовали… всё, абсолютно всё, чтобы разрушить это проклятие. Настойки, помощь Одарённых целителей, даже колдуний. Без знания того, кто наложил проклятие и зачем, невозможно понять, как его снять.

Нева смотрела на свои руки, погружённая в размышления. Никто не знал, что сказать, но лучше уж молчание, чем пустые утешительные слова, которые ничего не значат.

— Я желаю вам утешения в утрате вашего опекуна, — тихо сказала Мари. — Пусть его память сохранится, а Богиня дарует его душе новую жизнь.

— Попросите вашу Богиню не утруждать себя, — горько сказала я. — Есть дела поважнее.

И у Катрионы, и у Олвен брови резко взлетели вверх. Мари лишь наклонила голову, изучая меня так, что это вызвало у меня дрожь.

— Если позволите, — вмешалась Олвен, — мне непонятно одно: несмотря на всё это, вы отправились в Авалон, чтобы найти его?

— Они искали не его, — вмешалась Катриона, скрестив руки на груди. — Они пришли за каким-то кольцом, которое, по их мнению, было у него. Кольцом, способным снимать проклятия.

— О, — Мари вскинула глаза, её взгляд неожиданно оживился, словно в ней пробудилась острая сосредоточенность. — Кольцо Рассеивания?

Олвен провела рукой по своим синим, словно чернила, волосам.

— Богиня благословит тебя за то, что ты прочла все книги в этой башне, Мари. Это то самое кольцо, что сделала Верховная Жрица Вивиан?

— Да, для сэра Ланселота, которого она воспитала здесь, прежде чем он отправился к королю Артуру, — ответила Мари. — После того, как я прочла о нём в её записях, я поговорила с сэром Бедивиром. Он был свидетелем его силы не раз.

Я опустилась на стул рядом с Невой, чувствуя, как мысли спутались и кружатся вихрем. Моя теория о Бедивире оказалась правдой, но облегчения это не принесло.

— Значит, вы ищете это кольцо ради Кабелла, — сказала Катриона, — которое, возможно, когда-то было у вашего отца.

— Почему вы не сказали нам об этом сразу? — удивлённо спросила Олвен. — Никто бы не осудил вас за то, что вы хотите помочь своему брату. Мы с радостью предложили бы любую помощь.

— Из-за природы кольца, — отозвалась Мари своим мечтательным, далеким голосом. — И того, что требуется, чтобы им владеть.

«К чёрту всё это», — подумала я, чувствуя, как кровь начинает стучать в висках.

— Это не так! — начала я, но паника сковала горло, слова застряли на языке. Я отчаянно хваталась за самую тонкую возможность сменить тему. — Я просто не знала, можно ли вам доверять. Разве я должна была рассказывать всё после того, как вы бросили нас в темницу? Кстати, если это место такое мирное и прекрасное, зачем вам нужна темница?

— Вообще-то, мы раньше хранили там вино и мёд, — с готовностью объяснила Олвен. — Но некоторые из малых фей пристрастились к ним, и однажды, на Белтейн…

Она осеклась, когда Катриона положила руку ей на плечо.

— Что требуется, чтобы использовать кольцо? — спросила Нева.

— Это не… оно… — я обернулась к ней, чувствуя, как бессильно сжимаю челюсть, но было уже поздно.

— Кольцо было создано для сэра Ланселота жрицей, необычайно искусной в обработке серебра, — начала Мари, её голос казался почти бесстрастным. — Она благословляла украшения и другие предметы силой Богини, наделяя их предназначением. Но вместо того, чтобы уничтожать проклятия и чары, наложенные на своего владельца, кольцо начало поглощать их. Оно познало вкус крови — и полюбило его.

Мой пульс участился, сердце гулко билось.

— Это неправда! — попыталась я перебить её.

— Ещё одно слово, и вы снова окажетесь в «хранилище», — резко прервала меня Катриона. — Продолжай, Мари.

Мари кивнула и заговорила дальше, и с каждым её словом я ощущала, как остатки моего контроля над ситуацией окончательно ускользают.

— Кольцо Рассеивания подчинится лишь тому, кто докажет свою силу, убив предыдущего владельца. Оно может быть завоёвано только через смерть.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 22

Я почувствовала взгляд Невы, обжигающий, словно клеймо, немой упрёк, который невозможно игнорировать.

«Ты не обязана ей даже капли сожаления», — нашёптывал голос в моей голове. — *«Если она не потрудилась изучить всё о кольце, прежде чем отправиться его искать, это её вина».*

Но этот внутренний голос не остановил горький ком в горле, который подступил при её взгляде.

— Если это кольцо действительно может разрушать проклятия и есть шанс, что оно вернулось в Авалон, почему мы не ищем его? — спросила Олвен. — Разве это не благословение, о котором мы молились?

— Рисковать бесчисленными жизнями ради поисков за пределами стен башни? — Катриона покачала головой и посмотрела прямо на меня. — Как обстоит дело сейчас: ваш отец мёртв, а кольцо, судя по всему, утрачено. Что вы намерены делать теперь?

— То, что должны сделать все вы, — ответила я. — Покинуть этот гнилой кусок ада и вернуться в мир смертных.

Самым удивительным было не то, как Катриона отшатнулась от моего предложения, а то, как Олвен и Мари отвели глаза к зеркальным ветвям книжных полок, словно внезапно ощутили вину за то, что услышали собственные мысли, озвученные мною.

— Остров — наш дом, — сказала Катриона. — Он был гордостью наших предков, даром нашей Богини. У вас может не быть веры в великое полотно судьбы, но у нас она есть. Я знаю, что должен быть способ вернуть землю и Детей Ночи к тому, чем они были, и я буду бороться за это каждый день.

— Бороться как? — бросила я. — Прошло два года, и вы не приблизились к решению. Вы уже проиграли. Единственный вопрос: сколькими жизнями вы готовы пожертвовать?

Лицо Катрионы побагровело от сдерживаемого гнева. Никто из других сестёр не сказал ни слова. Видеть, как моя прежняя догадка подтвердилась, оказалось худшим видом победы — пустой и горькой до самой сути.

— Всё, что здесь произошло, оказалось смертельным, — продолжила я. — У вас есть сила открыть путь обратно в мир смертных, не так ли? Этот остров мёртв, и следующим умрут его жители. Сколько времени пройдёт, пока магия не начнёт искажать живых? Вы собираетесь провести свои последние дни, смывая кровь с камней, пока не останется никого, кто сделает это за вас?

Мари вскочила со своего места, дрожа и бледная. Она выбежала из библиотеки, сдерживая рыдания, её лёгкие шаги эхом раздавались на ступенях.

— Тэмсин… — тихо сказал Эмрис. — Может, пришло время сделать небольшой перерыв от твоего обычного разрушительного фатализма?

Я проигнорировала яростные взгляды остальных. Мне не нужен был урок морали от людей, которые сами отказывались принять хоть каплю правды.

Катриона сделала шаг в сторону двери, но Олвен встала и подняла руку.

— Я проверю, как она, после того как мы закончим, — сказала она.

— Слушайте, — начала я, но не смогла заставить себя извиниться. — Без кольца всё, что я могу сделать сейчас, это попытаться найти следующий артефакт, заклинание или ведьму, которая может помочь Кабеллу.

— А ты не думаешь, что ответ может быть здесь? — спросила Нева, обведя рукой окружающее пространство.

— Вы до сих пор не объяснили, как попали на этот остров, — сказала Катриона. — Как же вы собираетесь вернуться?

Я заговорила прежде, чем Нева могла сказать правду:

— Нева открыла путь. Уверена, она сможет сделать это снова.

— Только если я соглашусь пойти с тобой, — ответила Нева с заслуженной обидой, которая лишь заставила меня уважать её ещё больше.

— Тогда пусть одна из жриц отправит нас назад, — огрызнулась я.

— Нет, — резко оборвала Катриона. — Вопреки твоим лживым словам, это невозможно. Ни одна жрица не откроет путь после Отречения. И никто из сестёр не станет рисковать своей жизнью ради вас.

Внутри меня вспыхнули ярость и возмущение.

— Должен быть другой способ…

Раздался звон колокола, громкий и отчаянный, его ритмичные удары эхом разнеслись по всему зданию. Моё сердце заколотилось в такт.

— Что случилось? — спросила я.

Доспехи Катрионы гремели, когда она бросилась к задней стене, отодвигая тяжёлый гобелен, за которым открылась ряд арочных окон. Мы выстроились за ней, вглядываясь в мрак, скрывающийся за стенами башни.

Катриона вцепилась в рассыпающийся подоконник, её дыхание стало хриплым и неровным.

Внизу, иссохший ров превратился в адский костёр. Пламя отбрасывало зловещий свет на сотни — тысячи — Детей Ночи, сгрудившихся у его края.

Некоторые из них кидались в огонь, проверяя, смогут ли пройти. Один прыгнул с близлежащего дерева, когтистые руки зацепились за стену крепости, но скользнули вниз, и его тут же поглотило мерцающее пламя. Другой забрался чуть выше, но его настигла стрела лучника, прежде чем он смог достичь верхушки стены.

Раздался грохот шагов на лестнице. Через мгновение в дверь влетела Беатрис, её тёмная кожа блестела от пота.

— Что случилось? — спросила Катриона, направляясь к ней.

— Они… — Беатрис глубоко вдохнула. — Они пришли все сразу. Они окружили нас со всех сторон. Я зажгла ров, но они не убегают, как раньше. Как они пробрались сквозь защитные чары в лесу?

Тень страха мелькнула на лице Катрионы, прежде чем она сумела превратить его в обычную маску спокойного контроля.

— Их магия, наконец, ослабла. Теперь это лишь вопрос времени, прежде чем то же самое случится с защитными чарами башни. Ты правильно сделала, что зажгла ров.

— Что значит, их магия ослабла? — потребовала я. — Как это возможно?

— Тёмная магия разрушительна, — ответила Катриона. — Присутствие Детей ослабляет самые древние и мощные заклинания острова.

Я встретила взгляд Эмриса.

— Нам стоит зажечь дополнительные огни на верхних стенах? — спросила Беатрис.

Катриона покачала головой, беря сестру за руку.

— Разбуди остальных из стражи башни. Нам нужно обыскать нижние уровни и источники, чтобы убедиться, что никто из них не проник внутрь, — её голос затих, когда они вышли за дверь.

Образ голодных Детей остался в моём сознании ещё долго после того, как Катриона и Беатрис покинули нас.

— Сколько у вас запасов древесины и хвороста, чтобы поддерживать огонь? — спросила я.

— Огонь горит благодаря магии, — объяснила Олвен. Её слова предназначались для того, чтобы нас успокоить, но дрожь в её улыбке не внушала уверенности. — Девятеро будут по очереди подпитывать его до рассвета, когда Дети отступят.

— А если они никогда не уйдут? — спросила я.

Олвен не осмелилась ответить, но я уже знала.

Мы окажемся в ловушке вместе с ними.

И когда последняя защитная магия исчерпает себя, а когти встретятся с холодным камнем, мы умрём вместе с ними.

***

Не договариваясь и не говоря ни слова, остальные последовали за мной в комнату, которую Эмрис и Кабелл делили на двоих. Тяжелая дубовая дверь уже была приоткрыта, как будто мой брат ожидал нас или, по крайней мере, задумался о все еще звенящих колоколах.

Он сидел на кровати, поджав колени к груди и обхватив их руками. Его черные волосы до плеч упали вперед, скрывая лицо, когда он смотрел на противоположную стену. Кабелл не повернул головы, когда мы вошли, а Эмрис закрыл за нами дверь.

— Ты им рассказала? — хрипло спросил Кабелл.

— Я должна была, — ответила я.

Он пожал плечами.

— Могла хотя бы подождать, пока я буду рядом.

— Знаю, — сказала я и добавила, потому что больше ничего не могла: — Прости.

Он кивнул и встал, чтобы сесть за стол перед камином. Пламя саламандровых камней мерцало в движущемся воздухе. На краю моего зрения и Нева, и Эмрис бессознательно сделали шаг назад, когда он приблизился.

Растущая в моей душе бездна онемения мгновенно заполнилась белым жаром ярости.

— Я не кусаюсь, — сказал Кабелл, и мое сердце еще чуть-чуть надломилось, когда он заставил себя говорить легко, словно в шутку. Его белые зубы блеснули в свете огня. — По крайней мере, пока я человек.

— Не повезло с проклятием, Ларк, — сказал Эмрис, снова обретя свою обычную надменность. — Видимо, это объясняет, почему твой старик так гонялся за кольцом.

Он занял место напротив Кабелла за круглым столом — не таким уж и отличным от стола Артура, за которым у всех была равная позиция и возможность подозрительно разглядывать друг друга. Мои губы скривились в безрадостной усмешке.

— Что случилось снаружи? — спросил Кабелл, повернувшись ко мне.

— Дети окружили башню, — сказала я. — Девятеро удерживают их с помощью огня.

Кабелл нахмурился.

— Этого хватит?

— Олуэн сказала, что огонь — единственное, что их действительно убивает, — добавила Нева, проводя пальцем по узлу на столе. — Эти создания боятся огня и ненавидят свет.

— Большая проблема в том, что они перекрыли нам путь к порталу, — сказала я. — Нам нужно найти другой способ вернуться в смертный мир. Иначе мы просто станем пиршеством для нежити.

— Ты действительно уйдешь? — недоверчиво спросила Нева. — Ты даже не попробуешь им помочь?

— Что я могу сделать? — спросила я в ответ.

Ее взгляд ожесточился.

— Не верю, что ты настолько бессердечна.

У меня защекотали нервы.

— Может быть, потому, что ты меня едва знаешь?

— Мы можем что-то сделать, — снова попыталась Нева. — Это не может быть концом для Авалона.

Я знала, что она злилась на меня не только из-за моего реалистичного взгляда на ситуацию. В ее гневе была хотя бы частично вина за то, что я скрыла от нее правду о кольце — от человека, который явно гордился тем, что был самоучкой и знал больше других. Что ж, прекрасно. Спорить было легче. Выплеснуть ту боль, что скапливалась во мне с момента, как мы вошли в башню-наблюдатель.

— Я пришла сюда за Кольцом Рассеивания, а теперь след не просто остыл — он мертв, — сказала я, не утруждая себя смягчением тона. — Я не стану рисковать своей жизнью или жизнью Кабелла, прочесывая леса в поисках реликвии, которая, возможно, больше не существует. Я предпочту вернуться в наш мир и найти другое решение. И советую тебе сделать то же самое.

— Теперь дело не только в кольце, — возразила Нева. Ее лицо стало воплощением благородной добродетели, которая веками губила героев. Если когда-либо и был момент для эгоизма, чтобы довериться невозможным шансам, то это сейчас.

— Ты забыла, зачем тебе понадобилось это кольцо? — спросила я. — Что заставляет тебя думать, что Совет Сестер примет тебя за спасение места, откуда их изгнали?

Нева опустила глаза, и ее лицо исказилось. Очевидно, именно это она и думала.

— Это не… не только из-за этого.

— Ты хочешь получить доступ к текстам жриц, чтобы больше узнать о магии? — предположила я. — Включая то световое заклинание, которое ты использовала?

— То, которое спасло тебе жизнь? — Ее яростный взгляд заставил меня откинуться на спинку стула. Пламя словно взревело у меня за спиной, отражая жар ее слов.

— Тэмсин права, — сказал Эмрис.

Я подняла брови, глядя на него.

— Да, впервые я действительно с тобой согласен, Птичка…

— Перестань так её называть, — перебил Кабелл.

Эмрис продолжил, игнорируя его:

— У нас всё ещё есть портал. Если отправимся при дневном свете, возможно, выживем достаточно долго, чтобы воспользоваться тем единственным переходом, который пообещала ведьма.

— Ну да, остаётся только надеяться, что кто-нибудь из Детей не найдёт его первым и не попытается вылезти в наш мир, — сказала я.

Они трое посмотрели на меня с разной степенью ужаса.

— Ты не могла бы сказать хаотичному бесу в своей голове, чтобы он замолчал? — с болью в голосе попросил Кабелл.

— Я просто говорю, что времени мало, — сказала я.

— Ты права, — сказала Нева, отодвигая стул. — Поэтому я прекращаю сидеть здесь, погружаясь в панику, и отправляюсь обратно в библиотеку искать решения.

Я покачала головой, бросив быстрый взгляд на Кабелла, но его обеспокоенное выражение стало только мрачнее.

На пороге Нева остановилась. Не оборачиваясь, она сказала:

— Прости насчёт Нэша.

И исчезла.

Эмрис потянулся, поднимая руки вверх, и размял шею:

— На этой ноте я пойду найду еду и поброжу вокруг, посмотрю, что удастся обнаружить.

Когда он ушёл, Кабелл поднялся и снова сел на край кровати. Я подошла и села рядом, чувствуя, как тишина между нами становится словно третьим присутствием в комнате. Внезапно гнев, обида — всё нахлынуло на меня. Мои руки сжались в кулаки, пока я клонила голову на плечо Кабелла. Он склонил голову на мою.

— Он действительно ушёл, да? — спустя какое-то время сказал Кабелл.

Когда я закрыла глаза, передо мной вновь встал образ Кабелла семилетней давности — маленького, хрупкого, промокшего до нитки под ледяным дождём после поисков Нэша в Тинтагеле. Говорившего мне то, что я уже знала. Он ушёл.

Когда мы остались только вдвоём.

— Он ушёл семь лет назад, — сказала я. — Просто теперь мы точно знаем, что он никогда не вернётся.

— Ты всегда так думала, — заметил Кабелл.

— Это не значит, что я этого хотела, — призналась я, не узнав собственный голос.

Он сел ровнее, наклоняя голову, чтобы посмотреть на меня.

— Может, мы найдём ещё один его дневник. И там будут ответы на вопросы, что он думал, отправляясь сюда с кольцом. Или имена твоих родителей.

Моя челюсть напряглась, и я возненавидела, как у меня запекло в глазах.

— Это неважно. Мы и так справимся, правда?

Кабелл вздохнул, и прошло какое-то время, прежде чем он смог сказать:

— Если это случится снова… если я превращусь…

— Этого не произойдёт, — сказала я, выпрямившись. Я сжала его предплечье, заставляя посмотреть мне в глаза. — Этого не произойдёт.

— Если всё же случится, — продолжил он, опустив взгляд на свои руки, — не дай мне никого ранить. Особенно тебя. Я не смогу с этим жить. Сделай всё, что потребуется, чтобы остановить меня.

— Этого не будет, — сказала я.

— Тэмсин, — твёрдо произнёс он.

Я встретила его тёмные глаза, ненавидя то, как тени исказили его лицо.

— Что бы ни потребовалось.

Я снова прижала голову к его плечу, приветствуя возвращение тишины в комнату.

— Этого не произойдёт, — повторила я, потому что никогда не давала брату обещаний, которые не могла бы сдержать.

***

Бесконечная ночь растянулась до тех часов, которые Олуэн называла временем покоя, когда большинство выживших авалонцев пытались спать, даже если это казалось невозможным.

Я съела несколько ложек предложенного Дилвином ячменного супа с хлебом и рано отправилась спать, испытывая облегчение от того, что Невы не было в комнате.

Я оставила очаг холодным; мои мысли были яснее в темноте, где их единственными соперниками оставались страх и воспоминания. Лежа на боку, смотрела на стену, пока глаза не привыкли к мраку настолько, чтобы различать каждую кладку, а уши перестали улавливать крики Детей, собирающихся у пылающего рва.

Заперты. Это слово было у меня на языке, как горькие листья одуванчика. Каждый план, который я придумывала — полёт, копание, бой, — рушился под тяжестью своей же неосуществимости.

Я перевернулась на другой бок, чувствуя каждую боль в спине и ногах.

Ты правда бы ушла?

Я бы ушла, не задумываясь, если бы это значило спасти нас. Даже Эмриса. Это не наш мир. У нас нет перед ним никаких обязанностей.

Выдохнув, я положила щёку на ладони. Я знала, что должна быть благодарна за каждый вдох, за то, что мы дошли до этого момента. Но всё это превращалось в тлеющий гнев под моей кожей.

Ну же, Тэмси, всё не так уж плохо.

В неподвижности мгновения сотни вопросов поднялись в сознании, как ядовитый рой. Но сокрушительная истина оставалась за стенами этого места, рассеянная среди его костей.

Его останки были последним ответом, который нам, вероятно, удастся получить. Нэш мёртв. Нэш мёртв, как и всё, что мы заслуживали знать, но теперь уже никогда не узнаем. Нэш мёртв, и он унёс наши прошлое за пределы нашей досягаемости, в тёмную пустыню смерти.

Я даже не могла злиться на него за это, не тогда, когда я была так зла на себя. Это я привела нас сюда. Гоняясь за его призраком, я погубила нас всех.

Каким-то образом я всё же заснула. Следующее, что я осознала, был скрип двери по камню и лёгкий прогиб кровати под весом Невы.

— Ты не собиралась говорить мне, как заявляют права на кольцо, да? — прошептала Нева во тьме.

— Да.

— Потому что считала меня дурой и думала, что к тому времени, как я узнаю, будет уже слишком поздно.

— Я никогда не считала тебя дурой, — прошептала я. — Но мне жаль.

Я не объяснила остальное. Что теперь между нами всё иначе. Что я никогда не думала, что это примет такой оборот. Всё это больше не имело значения, и я только хотела тишины. Холодного пространства пустоты, которое раньше существовало между нами.

Единственного безопасного места, которое когда-либо было, чтобы спрятаться.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 23

В ту ночь мне впервые за долгие годы приснилась женщина в снегу.

Сон был таким же ясным, как и тот день, когда всё произошло. Кабелл и Нэш оставили меня на взятой напрокат речной лодке, чтобы отправиться в ближайший склеп в поисках кинжала Артура. Я услышала её голос — тоска в нём каким-то образом перекликалась с моей собственной, словно мы искали друг друга.

Она ждала меня на открытом поле, падающий снег придавал форму её прозрачному силуэту, парящему над землёй. Её рука была протянута ко мне, и я пошла к ней, отчаянно жаждая прикосновения. Жаждая быть нужной.

Белая Дама была прекрасна, но её лицо исказилось болью, когда она увидела меня.

Что-то шевельнулось во мне, когда я приблизилась. Мысль. Рассказ, который Нэш поведал несколько месяцев назад. О женщинах, покончивших с собой, чтобы не выдать местонахождение сокровища. Как они были обречены охранять его, пока не убьют другого, чтобы тот занял их место.

Но мысль растаяла, и осталась только она. Её рука, протянувшаяся, чтобы коснуться меня чуть выше сердца.

И боль. Боль острее и беспощаднее всего, что я когда-либо знала. Будто она вонзила нож мне в грудь и делала это снова и снова. Я пыталась отступить, но моё тело было слишком слабым. Я даже не могла закричать. Её лицо, такое спокойное, превратилось в нечто чудовищное от удовольствия, которое она испытывала от моего страдания.

Но ветер заговорил, ледяной и властный, пронзая поле. Снег взвился вихрем под слова, что он пел.

Не её. Не этого ребёнка.

И светящаяся сущность духа подчинилась, угасая, как последний луч солнца, растворяющийся в ночи.

Сон изменился.

Я снова была на пути к внушительным воротам башни, следуя за белым конём без всадника. Пока я шла, густой туман вокруг нас расступался, и мир менялся. Он светился зеленью неудержимой жизни — птицы, рыбы в блестящем рву, маленькие феи, собравшиеся вдоль стен. Ветви Материнского дерева были густо покрыты листьями, окружёнными нежным, обволакивающим туманом.

Копыта коня гулко стучали по камню. На ступенях башни он обернулся, словно проверяя, иду ли я за ним.

Я увидела своё отражение в его чёрном глазу. Из головы коня поднимался спиральный слоновый рог. Что-то словно искрилось под моей кожей, когда он опустил голову у подножия башни, коснувшись рогом земли. И там, через тёмную почву, пробилась белая роза. Её дрожащий бутон раскрылся.

Я резко проснулась, задыхаясь. Прижала ладони к влажному лицу, но призрачный запах лепестков всё ещё витал на моей коже. Я поднялась с постели, наслаждаясь холодом каменных плит под ногами. Это было реально. Это было правдой.

Я вытерла руки о рубашку, одеяло — обо всё, чтобы избавиться от этого запаха. Остановилась, лишь когда заметила, что другая половина кровати пуста, но аккуратно застелена.

Нева уже ушла. Я не винила её.

Головная боль пульсировала, отправляя комнату в водоворот теней. Сквозь окно за мной пробивался серый свет.

День.

Я не стала надевать обувь или поправлять одежду, в которой спала. Я выбежала из комнаты, устремившись наверх, к библиотеке. Я была уверена, что найду Неву за столом, погребённую под горой книг, но комната была пуста.

Я замедлилась у порога. Сдвинутые в сторону гобелены пропускали сквозь стекло острые, как клинки, полосы холодного света. Столы и ковры выглядели изношенными и унылыми.

Я почти боялась смотреть, когда подошла ближе к холодному стеклу. Люди двигались по двору внизу и стояли вдоль стен крепости. Моё сердце екнуло. Огонь рва погас, но создания сгрудились под деревьями, терпя тусклый свет, прячась за валунами и возводя уродливые курганы для укрытия.

Позади раздался вздох. Я резко обернулась, подняв руки в защитном жесте.

Олуэн стояла напротив, прижимая к груди маленький котелок, три подсвечника и венок из сушёной зелени. Её тёмно-синие локоны будто парили вокруг плеч.

— Ты напугала меня, — сказала она с дрожащим смешком. — Я ожидала увидеть здесь только Блоху.

Я бросила взгляд на предметы, которые она опустила на один из столов.

— Уроки? — спросила я.

Олуэн приподняла бровь.

— Если я смогу выманить её из укрытия.

Запах лаванды и щёлока окутал меня, когда она пересекла комнату, подходя ближе.

— Дети так и не отступили, — сказала Олуэн. Вблизи её усталость стала очевидной: кожа под глазами выглядела потемневшей и впалой, а она сама казалась едва держащейся на ногах.

— Как это возможно? — спросила я. — Они раньше так поступали?

Олуэн покачала головой.

— У нас нет ни малейшего представления, что это может значить, но я подозреваю, что ничего хорошего.

Я искривила губы в сухой усмешке.

— Думаешь?

Внезапно идея, что она собирается часами учить Блоху, вместо того чтобы готовиться к следующей атаке Детей, показалась мне нелепой.

Я махнула рукой в сторону стола.

— Какой смысл чему-то её учить, если вы даже не можете гарантировать, что у неё будет завтра?

Выражение лица Олуэн закрылось, словно задвинутая дверь.

— Знаешь, Тэмсин, — начала она, — наша Верховная Жрица, да восстановит богиня её душу, всегда говорила, что если ты ожидаешь провала, то приглашаешь его с распростёртыми объятиями, потому что не можешь вынести боли надежды или возможности успеха. Но скажи, становится ли легче от того, что ты оказалась права?

— Нет, — ответила я, ощущая, как боль в голове с каждым вдохом становится всё сильнее, — но, по крайней мере, ты готова.

***

Пока меня не было в спальне, кто-то успел зайти и выйти. Моя старая одежда — всего лишь свитер и рубашка, так как штаны превратились в лохмотья — была выстирана, как обещали, и аккуратно сложена на столе перед камином.

Но на ней лежало что-то ещё. Я прищурилась, разминая шею, и наклонилась ближе.

Это была маленькая деревянная птичка. Тщательно вырезанная фигурка, едва больше моего большого пальца, но удивительно детализированная. Хохолок перьев на её голове…

Это был жаворонок.

Её деревянные глаза смотрели на меня с какой-то странной осмысленностью, а клюв был приоткрыт, словно она собиралась вдохнуть перед полётом. Фигурка ощущалась тёплой в центре моей ладони, её края врезались в пальцы, когда я сжала её в кулаке и прижала руку ко лбу.

Мне нужно было найти Кабелла, потом собрать остальных, чтобы продолжить разговор — убедить Неву отказаться от нелепой идеи о том, что эту землю можно спасти. Найти карту острова и выяснить, где нас выбросил портал ведьмы. Разработать план побега от Детей, а затем запасной вариант на случай провала первого. Добыть дополнительные припасы и еду, чтобы спрятать в наши сумки, и надеяться, что никто не заметит их исчезновения.

Но ни Кабелла, ни Эмриса не оказалось в их спальне, как и в главном зале башни — там были только мужчины и женщины, занятые за ткацкими станками, плетущие простые ткани или одеяла.

Звяканье металла о металл наконец вывело меня во внутренний двор, где воздух всё ещё пахнул дымом.

Сначала я заметила тёмные волосы Кабелла, затем кожаную куртку. Он стоял один, облокотившись предплечьями на изгородь тренировочного ринга, и пристально наблюдал за тем, как Бедивер ведёт группу мужчин и женщин через серию упражнений с деревянными мечами.

Старый рыцарь показывал движения своим стальным мечом, взмахивая клинком одной рукой с точностью и уверенностью. На потерянной руке он всё ещё носил металлическую перчатку и использовал её запястье, чтобы упираться в рукоять меча.

Я бросила взгляд на неуверенных новичков, подойдя к Кабеллу. Они выглядели озадаченными тем, что объяснял Бедивер, неуклюже держали тренировочные оружия, будто всю жизнь таскали арфы и флейты, а не мечи.

Чуть дальше Кайтриона и ещё несколько человек занимались своей тренировкой. Я ошеломлённо наблюдала, как Арианвен раз за разом попадала в центр своей мишени, выпуская четыре идеально направленных стрелы.

Позади неё Беатрис перекатывалась кувырком по земле, бросая серию ножей в своих мишеней — грубых манекенов, напоминающих человеческие фигуры. Они уже были в плачевном состоянии, с торчащим из тканевых чехлов сеном, но она умудрилась обезглавить один манекен и выпотрошить другой. Солома дождём посыпалась на землю, когда они рухнули.

Кайтриона работала с сияющим длинным мечом, её лицо раскраснелось и блестело от пота. Она двигала тяжёлое оружие плавными восьмёрками снова и снова, меняя только высоту и скорость атаки. Её ноги двигались легко и стремительно, оставляя спиральные узоры на пыльных камнях.

— У тебя случайно не завалялся термос с кофе? — спросила я, больше умоляя, чем просто задавая вопрос.

Кабелл бросил на меня извиняющийся взгляд.

— Ты же брала пакеты с собой?

— Их испортил дождь и грязь, — простонала я.

— Может, у них есть чай? — предложил он.

Я посмотрела на него с таким отвращением, что он понял, что ответом это считать нельзя.

— Утром что-нибудь интересное произошло? — спросила я.

— Видел Неву, она помогала на кухне. Потом познакомился с Лоури — одной из Девятерых. У неё клубнично-рыжие волосы, и она ещё выше Кайтрионы.

Я кивнула. Я видела девушку в башне — её плечи и руки выглядели невероятно мускулистыми.

— Лоури работает в кузнице с гномом Ангарад, — сказал Кабелл, словно читая мои мысли. Потом добавил с сарказмом: — Остальные даже не подходят близко ко мне. Не представляю, почему.

— Ты действительно пахнешь так, будто спал рядом с мокрым ослом, — сказала я ему.

Он не рассмеялся.

— Они тебя примут, — продолжила я, чувствуя, как саднит горло. — Они увидят, кто ты на самом деле.

— Да? — спросил он, вертя на пальце стопку серебряных колец. — И кто же?

— Замечательный человек, которому досталась неудачная карта, — ответила я, бросив взгляд, который явно запрещал ему возражать. — Который, возможно, пахнет ослом, но обладает золотым сердцем.

Он едва улыбнулся.

— Спасибо, Тэмс.

— А теперь, — сказала я, понизив голос, — нам нужен план.

Кабелл отвернулся от тренировочной площадки, скребя пяткой сапога по земле.

— На самом деле нам нужно то, что нам всегда нужно в начале любого дела, — информация. О самой башне и о том, есть ли хоть малейший шанс на длительные вылазки за её стены.

Я предпочитала, когда мы работали вдвоём, но он был прав. В этом случае это было невозможно.

— Ты этим здесь занимаешься? — спросила я.

— Хотел поговорить с Бедивером о вчерашнем, — ответил он, скрестив руки на груди. — О том, как он сумел вернуть меня с края.

Я кивнула, стараясь игнорировать, как сжалось у меня внутри при упоминании о том, что произошло.

— Хорошая идея. На самом деле не помешает сблизиться с ним. Возможно, он знает другие пути отсюда.

— А ты? — спросил Кабелл. — Тебе не нужны советы, как заводить друзей?

— Ха-ха, — закатила я глаза.

— Кабелл!

Мы оба повернулись к тренировочной площадке. Бедивер махнул ему одним из деревянных тренировочных мечей.

— У меня есть для тебя клинок, парень.

— О, нет, — Кабелл покачал головой и сделал шаг назад. — Правда. Мне вполне хватает наблюдать.

Я толкнула его локтем в бок и крикнула:

— Он весь день ждал, когда ты подойдёшь!

Рыцарь оставил своих учеников и подошёл к нам. Его улыбка частично скрывалась за жёсткими прядями бороды. На нём сегодня была кожаная кираса, пропитанная маслом для смягчения, с лёгким запахом конского пота.

— Давай, парень. Нам не хватает одного для спаррингов, а я подозреваю, что это поможет тебе очистить голову от тревог.

Бедивер бросил ему тренировочный меч. Кабелл легко поймал его, но смотрел на оружие с неуверенностью, пока старый рыцарь возвращался к группе.

— Занимайте позиции! — громко приказал он.

— Информация, — напомнила я Кабеллу. — Твоя идея.

С громким вздохом Кабелл снял куртку и повесил её на перила рядом со мной. Он натянул рукава туники, закрывая татуировки, и закрепил их завязками на запястьях.

— Удачи, тигр, — сказала я, похлопав его по спине. — Сделай честь имени Ларков.

— Когда мы вернёмся домой, я выкину весь твой растворимый кофе, — ответил он сквозь сжатую улыбку.

Как бы уверенно и легко мой брат ни справлялся с нашим миром, странно было наблюдать, как он неуверенно присоединяется к группе, будто нервный ребёнок, пытающийся завести друзей на детской площадке.

— Молодец, парень! — послышался радостный возглас Бедивера. — Все, это мой друг Кабелл.

В кармане моей куртки что-то мягко надавило. Я успела вовремя схватить крошечную руку, прежде чем она успела выскользнуть наружу.

— Лучше, — сказала я, оборачиваясь. Губы Блохи обиженно надулись, когда она протянула мне вырезанную птичку. — Лучше пробовать что-то плоское или гладкое, пока не натренируешь ловкость.

Девочка сделала вид, что проигнорировала совет, прислонившись к ограде.

— Это твой брат там? Тот, который похож на пижона, что перепил мёда?

— Только я могу называть его пижоном, — ответила я, интуитивно угадывая значение слова. — К тому же он не так уж плох…

Мы обе обернулись к тренировочной площадке. Кабелл был явно не таким натренированным, как остальные. Его неуверенность выдавала привычка оставаться чуть позади, чтобы следовать за их движениями.

— Если ты так говоришь, — пробормотала Блоха, натягивая вязаную шапку пониже на уши.

С её грязным лицом, волнистыми бело-золотыми волосами и дурным нравом, я должна признать, что чувствовала некое сродство с Блохой.

— Ты не должна быть там с остальными? — спросила я, кивнув на других жриц.

— Кейт говорит, я ещё слишком мала, — буркнула Блоха, а потом, впечатляюще имитируя старшую жрицу, добавила: — «Ты должна учиться глазами, прежде чем руками», — говорит она.

— Ох уж этот… — я прикусила язык. — Ерунда. Лучший способ учиться — это практиковаться.

Блоха энергично закивала.

— Вот и я так всегда говорю!

— Ты говорила с Бедивером об этом? — спросила я, почуяв возможность. — Что у него вообще за история?

— Сэр Бедди? — Блоха оглянулась через плечо, разглядывая его. — Он ничего, пока не раздувает свои трубы о том, как служил этому старому, задрипанному трупу в славных битвах и всякой ерунде.

Я фыркнула, не сдержав смех.

— Это правда? — поняв, что она может не знать версию из смертного мира, я объяснила: — О том, что король Артур был привезён сюда, умирая, и погружён в зачарованный сон?

Всё это ради того, чтобы однажды вернуться, когда Англии понадобится помощь.

Блоха кивнула, грызя уже и так обкусанные ногти.

— У него в лесу есть шикарная гробница и всё такое. Не знаю насчёт возвращения, но он выглядит довольно гнилым. Удивительно, что он не обратился, как остальные мертвецы, но, по словам Олуэн, есть магия, которая защищает его и держит на грани жизни.

— Почему Бедивер всё ещё жив? — спросила я.

— Заклинание какое-то, — махнула рукой Блоха. — Он будет жить, пока королю это нужно, понимаешь.

Я понимала.

— Бедивер всегда жил здесь, в башне?

Она вытерла нос рукавом.

— Нет. Он жил один в маленьком доме рядом с гробницей сотни лет, а пришёл сюда только два года назад.

Впервые Блоха выглядела как ребёнок, которым она была. Её нижняя губа задрожала, когда пальцы крепко ухватились за перила.

— Когда появились Дети, — уточнила я.

Блоха шмыгнула носом.

— Когда Дети впервые восстали голодными, они пришли за людьми в садах и деревнях, которые раньше здесь были. И… за школой.

Когда-то здесь была школа. Эта мысль пробралась в сознание, пробиваясь сквозь ужас её слов, словно ледяная игла. Я не отдавала себе в этом отчёта, пока она не сказала.

Блоха была единственным ребёнком, оставшимся в башне.

Может быть, где-то в одном из зданий башни был спрятан детский сад, но я не видела младенцев и не слышала их плача. Здесь не было и малышей, которые бы шатались вокруг. За всё время нашего пребывания.

Я отчаянно надеялась, что ошибаюсь, потому что сама мысль об этом была почти невыносима. Моё сердце могло быть жестоким, но оно всё ещё билось. Было логично, что никто не решался привнести в этот мир ещё одного ребёнка. Не в таком виде.

— И… ты в тот день не пошла в школу? — осторожно спросила я.

Она покачала головой.

— Не хотела. Там скучно, а другие во всём лучше меня. Поэтому я пришла в башню смотреть, как они готовятся к празднику урожая. А потом…

Блоха замолчала, вытирая нос рукой.

— А потом никакого урожая не было. Моя мамка с папкой были там, в священной роще, и теперь от них ничего не осталось. Вот и всё.

Её слова навалились на меня такой тяжестью, что я не могла пошевелиться. Как бы тяжело ни было моё детство, оно не было… таким. Разорванные остатки жизни, за которые Блоха могла только цепляться, пока её мир окончательно рассыпался вокруг неё.

— Это не всё, что можно сказать, — мягко заметила я. — Мне жаль твоих родителей и друзей. Должно быть, тяжело скучать по ним.

Блоха нахмурилась.

— Всё нормально. У меня есть сёстры. Я теперь не одна. Никто из нас не один.

— Я рада это слышать, — сказала я, взглянув на Арианвен, которая снова натягивала тетиву своего лука. — А их семьи?

— Нет их больше, — подтвердила Блоха. — Один за другим. Тьма была такая густая, будто задушить могла, но Кейт нас всех провела. Остальные всегда шутят, что с её волосами такого странного оттенка её не родили, а выковали в кузнице. Но я знаю, что у неё когда-то тоже были мама и папа.

Я кивнула.

— У Мэри здесь есть тётя и дядя. Старый Алэд и Дилвин, — добавила Блоха. — А у остальных есть только мы. Мы заботимся друг о друге, и только иногда становится больно, когда становится слишком тихо, чтобы не думать об этом.

Я кивнула снова, сжав зубы, пытаясь подобрать слова. Я боялась, что они снова выйдут слишком горькими и резкими.

— А у тебя есть брат, даже если он превращается в зверя? — спросила она, подняв на меня удивительно серьёзный взгляд. — Мне жаль насчёт твоего папы.

Не имело смысла, почему именно эти слова — из всего, что произошло — вызвали неприятное жжение в глазах. Мне нужно было сменить тему.

— Когда тебя призвали быть жрицей? — спросила я.

Блоха шмыгнула носом.

— Незадолго до того, как нашу Верховную Жрицу загрызли через несколько дней после нападения на сады и школу. Это было вот там.

Она указала на место рядом с кухней.

— Опустошители действительно проникли в крепость? — ужаснулась я.

Блоха кивнула.

— Она была стара, как камни, и умерла быстро и кроваво, защищая Мэри и остальных, потому что только несколько стражей умели драться — Авалон ведь был мирным местом. Это напугало Мэри до смерти, и она больше никогда не была прежней — так говорит Олуэн, а она знает, что говорит.

Я хотела сказать что-то утешительное, но у меня никогда не получалось в таких ситуациях. Все слова казались неправильными.

Ты им ничего не должна, даже доброты, — прошептал тот же голос в моей голове.

— Поэтому Кайтриона и остальные научились сражаться? — спросила я. И почему Бедивер помогал им, когда пришёл искать убежище в башне. — Раньше они так не тренировались?

— О, нет, — сказала Блоха. — Они носились в платьях, благословляя землю для Богини, устраивали праздники, пели глупые песенки и плели веночки из цветов. Но это не так уж странно, думаю. Была же Леди Озера.

— Я думала, Леди Озера — это просто другое имя для Богини, — сказала я. — Это кто-то другой?

— Это был титул, который давали всем жрицам, выбранным для защиты острова с помощью меча и магии, — мечтательно ответила Блоха. — Когда он ещё был частью вашего мира, и в этом была необходимость. Экскалибур был мечом, которым пользовалась каждая Леди Озера, пока они не отдали его Артуру, чтобы он стал защитником Авалона, пока правил. Вот почему он должен был вернуть его, когда его пронзили.

— Правда? — Этот взгляд на происхождение Экскалибура был для меня совершенно новым, хотя я могла понять, как неверно истолковала титул Леди Озера в текстах, которые читала.

— Леди Озера не было с тех пор, как остров стал отдельным миром. Последняя осталась в смертном мире со своим возлюбленным, который был кузнецом, так говорит Мэри. Чепуха, если меня спросить. — Блоха наморщила нос. — Кейт говорит, что мы должны показать другим, что ещё есть надежда, поэтому мы и сражаемся. Поэтому они должны учить меня пользоваться мечом, но говорят, что я слишком мала, и считают меня глупой. Рона и Серен соглашаются.

Я не встречала Рону и Серен, но видела, как две жрицы шли под руку между делами. У Роны волосы были чёрные, как крыло ворона, а у Серен — как солнечный свет.

— На самом деле, твои сёстры думают, что ты слишком умна для собственного блага, — сказала я.

Блоха просияла.

— Мне просто нужно раскрыть свою магию, вот и всё. Тогда я буду совсем умной!

— Тебя призвали, но ты пока не можешь использовать магию? — уточнила я.

Блоха нахмурилась, явно понимая.

— Всё забываю, что ты ничего не знаешь.

— Объясни мне, как младенцу, — с улыбкой попросила я.

— Ну… Я спала с остальными в башне, и тут почувствовала, будто тёплое сияние вошло в мою голову. Оно напевало песню, которую могла услышать только я, и велело мне петь. Ну, я и запела. Это тепло заполнило меня, как горячая ванна, стало так хорошо, так приятно, и оно заставило мои ноги принести меня в зал, к образу Богини. Кейт и остальные услышали песню и тоже пришли. Когда одна жрица умирает, другая получает призыв, понимаешь?

Я поняла. Когда-то Авалон был местом, где не существовало болезней и страданий. Но, хотя магия могла продлевать жизнь на сотни лет, она не могла победить смерть. В конце концов, каждый встречал свой конец.

Блоха почесала нос, задумчиво нахмурившись.

— Только не я. Меня призвали слишком рано, и с тех пор всё пошло не так. Олуэн думает, что я просто ещё мала, и всё случится, когда мне исполнится тринадцать, как и остальным. Но я-то знаю одно: великий колодец магии не открывается для меня, а у нас нет лет, чтобы ждать.

— Так с уходом старой Верховной Жрицы, — спросила я, — кто становится новой?

— Кейт, — ответила Блоха. — Остальные решили так, потому что она — это Кейт.

Блоха обернулась посмотреть на Кабелла и Бедивера, которые упражнялись, снова и снова стукая тренировочными клинками в разных позициях. Кабелл почти улыбался. Чуть дальше Кайтриона и Беатрис фехтовали, демонстрируя что-то Арианвен.

Беатрис отступила назад, но Кайтриона, сияя потом и энергией, протянула руку и сказала:

— Я повторю.

— Нет, — возразила Беатрис. — В этом нет необходимости…

— Я сделаю это ещё раз, — сказала Кайтриона, принимая стойку. Её руки напряглись, поднимая меч. — И на этот раз лучше.

— Всё, что ты сделаешь, это уронишь себя на задницу, — сказала Беатрис своим обычным, сухим тоном. — Отдохни, Кейт.

Этот разговор отвлёк Бедивера от объяснений ученикам. Старый рыцарь взглянул на ситуацию и оценил её с впечатляющей скоростью.

— Кайтриона, — позвал он, привлекая её внимание. — Поможешь мне? Мне понадобится твоё умение.

Она замялась, тяжело дыша. Он протянул руку, и жрица наконец кивнула, сделав глубокий вдох.

Она вернула длинный меч на стойку и подошла к нему. Кабелл и остальные следили за ней с неподдельным интересом, оставив Бедивера наблюдать с выражением явной гордости.

— В бою, будь то один враг или сотня, важно помнить одно, — Кайтриона говорила громким, звонким голосом, который было слышно даже на нашем расстоянии. — Если вы уроните оружие, вы умрёте. Сражайтесь, чтобы удержать его в руках, даже если для этого сначала придётся победить собственный страх. А теперь готовьтесь к бою.

Кабелл, стоящий в нескольких шагах от неё, кивнул и бросил взгляд на тренировочное оружие в своей руке.

— У меня вопрос, — сказала Блоха.

Она замерла, и задумчивое выражение на её лице заставило меня умирать от любопытства. И я не разочаровалась.

— Как думаешь, когда Артур вернётся к жизни, он всё ещё будет выглядеть, как сейчас? Такой же восковый и сморщенный, как сушёный виноград? Потому что, если честно, он немного попахивает.

— Надеюсь, что нет, — ответила я со смехом. — Воскрешённого короля и так будет сложно продать современному миру, а если он ещё и выглядит гнилым… Ты вообще его видела?

Она пожала плечами.

— До того, как Опустошители восстали. Мы поспорили. Маме это совсем не понравилось. Пешком далековато.

Прежде чем я успела ответить, на её лице появилась хитрая улыбка.

Блоха подняла монету — современную монету в один пенни, которая, очевидно, затесалась в моём кармане, когда мы попали сюда. У меня челюсть отвисла, но я смеялась, и она тоже.

— Мне больше нечему тебя учить, — сказала я.

— Хочу ли я знать, чему ты её учишь? — раздался голос Невы.

Мы обе обернулись и увидели, что нас наблюдает Нева, с поднятыми бровями и скрещёнными на груди руками. На ней было простое платье с фартуком, испачканным чем-то, что могло быть едой или грязью — в тусклом свете было почти невозможно определить.

— О, ты знаешь, — сказала я. — Просто рассуждения о человеческой природе и большом мире.

— То есть ты любишь пугать детей до кошмаров, — заметила Нева, уперев руки в бока.

— Кто-то говорит «пугает детей до кошмаров», — ответила я. — А кто-то говорит «формирует характер».

— Да, ты настоящий архитектор в этом деле, — сказала Нева.

Я нахмурилась.

— Сарказм — это моё. Ты получила доступ к древней магии, а я — к язвительным ирониям.

Блоха переводила взгляд с одной на другую, её мысли явно бурлили.

— Что с вами обеими не так?

Я посмотрела прямо на Неву.

— Нева узнала, что ей не всё рассказали, и теперь она злится на меня.

— А Тэмсин, — ответила Нева, не отводя взгляда, — всё ещё не научилась извиняться и должна научиться доверять и открываться другим.

— А Блоха, — сказала девочка, — думает, что вы обе чокнутые.

— Блоха!

Девочка выпрямилась при резком оклике Олуэн, которая вышла из-за угла башни. Она бы тут же улизнула, если бы я не ухватила её за спину туники и не удержала на месте, несмотря на её отчаянные попытки вырваться.

— Предательница! — прошипела она, продолжая извиваться.

— Не стоило забирать мою монету, — сказала я ей.

— Ты на час опоздала на урок, — заметила Олуэн, скрестив руки на груди.

— Мне не нужны уроки, — возразила Блоха. — По крайней мере, твои.

— Ах, так? — переспросила Олуэн. — Тебе не нужно учиться призывать свою магию и проводить наши обряды?

Нижняя губа Блохи задорно выпятилась.

— Я бы хотела узнать, как вы делаете такие вещи, — сказала Нева. — Уверена, это отличается от того, как училась я.

Жрица улыбнулась.

— Конечно, Нева. Ты всегда желанная гостья.

— Я так отстаю в своих занятиях, — начала Нева, — мне бы очень помогла вторая, столь же знающая жрица, чтобы помочь мне…

— Ах, — заметила Олуэн, не упустив, как Блоха навострила уши. — Все мои сёстры заняты работой или тренировками, так что не знаю, где бы нам найти такую помощь…

— Ну тогда я и помогу, — буркнула Блоха.

— Правда? — спросила Нева. — Ты бы сделала это для меня?

Девочка бросила на неё взгляд.

— Не делай из этого шумиху. Просто ты такая жалкая.

— Блоха! — воскликнула Олуэн. — Извинись перед Невой.

— Всё в порядке, — сказала Нева, скользнув взглядом в мою сторону. — По крайней мере, она честная.

Блоха пожала плечами.

— Идём или нет?

Я смотрела им вслед, пока они не скрылись за дверью башни, оттягивая момент, когда мне придётся заняться своими делами. Маленькая деревянная птичка в моём кармане казалась всё тяжелее, пока за спиной продолжались уроки.

***

Я нашла Эмриса в огороженном саду рядом с лазаретом. Он стоял на коленях, что-то вкапывая в тёмную землю. Его волосы были растрёпаны, а по щеке тянулась полоска грязи. Когда он наклонился вперёд, ворот туники слегка распахнулся, открывая взгляд не только на мышцы, но и на узловатые шрамы. Рассеянно, он отмахивался от нескольких спрайтов, вьющихся вокруг его головы.

На моих губах появилась лёгкая улыбка, пока я прислонялась к каменной стене, пытаясь рассмотреть, что так полностью захватило его внимание.

Землекоп, зелёный палец, целователь листьев. Среди Опустошителей было так много презрительных прозвищ для таланта Эмриса. Зеленая магия считалась практически бесполезной в нашей работе, и большинство её носителей считали чудаками, которые шатаются по теплицам и воркуют над цветами. Но подход Эмриса был совсем иным — продуманным, почти медитативным.

Эмрис занимался пересадкой увядшей, почти неузнаваемой зелени. Время от времени он останавливался, держа тонкие белые корни растений на ладони, кивая — себе или им, я не была уверена. Затем он добавлял что-то в почву или окунал растения в маленькое ведро с водой, прежде чем вернуть их обратно в землю.

— О, должно быть, вы Тэмсин, — раздался голос позади меня. Это была Серен. Её золотисто-светлые волосы были заплетены, но несколько прядей прилипли к вспотевшему лицу. Тёмно-карие глаза внимательно разглядывали меня, пока она перекладывала корзину с бельём на бедро. — Я всё ждала, когда мы познакомимся.

Эмрис вздрогнул, уши мгновенно покраснели, когда он поднял взгляд и заметил, что я за ним наблюдаю.

— Я как плохая монета, — сказала я Серен. — Подожди достаточно долго, и я рано или поздно появлюсь.

Серен задумалась, переваривая мои слова.

Даже в тусклом дневном свете, когда Дети, казалось, должны были отдыхать, их треск и визг не прекращались. Я обхватила себя руками, пытаясь согреться.

— Можно тебя кое о чём спросить? — начала я.

— Конечно, — ответила Серен.

— Если у вас есть магия и хотя бы какие-то оружия, — сказала я, — почему бы не попытаться сжечь Детей Ночи огнём, пока они так уязвимы? Или хотя бы применить то заклинание, что использовала Нева в первую ночь?

Серен снова перенесла корзину, сжав губы.

— Мы ещё не определили заклинание, которое она использовала. А насчёт Детей… — Она на мгновение замолчала, затем добавила: — Они когда-то были нашими друзьями и семьями. Где-то внутри они всё ещё есть. Если мы уничтожим тьму, охватившую остров, остаётся надежда, что они смогут вернуться к нам.

— Ты действительно в это веришь? — спросила я её. — Ты же видела, как магия, или что бы это ни было, полностью их извратила. Во что именно они должны превратиться обратно?

Выражение Серен стало жёстким, и я поняла, что ответа от неё не дождусь.

— Ты пропустила утреннюю трапезу, — сказала она. — В кухне есть хлеб, если захочешь.

С этими словами она ушла.

— Как всегда, стремишься завести друзей, — заметил Эмрис, поднимаясь. Он вытер руки о тряпку и перекинул её через плечо, подходя к другой стороне стены.

Я подняла вырезанную птичку, не скрывая раздражения.

— Ты получила моё послание, — сказал он, улыбаясь.

— Это твоё представление о шутке?

— Никакая это не шутка, — ответил он. — Это дерево когда-то было птицей, и я освободил его.

Я уставилась на него, пытаясь понять, серьёзен ли он. В итоге решила, что не хочу показывать, что мне настолько интересно.

Эмрис прислонился бедром к стене, скрестив руки на груди. Его серый глаз был бледным, как небо, а зелёный походил на пятна листьев, застрявших на его рукавах.

Он больше не пытался скрывать свои шрамы. На мгновение я сосредоточилась лишь на том, как от него пахло мятой — вероятно, это он и пересаживал.

— Слушай, — сказал он тихим голосом. — Я кое-что нашёл прошлой ночью.

— Что именно?

— Я не мог уснуть после… ну, после всего с Нэшем и Кабеллом, и решил осмотреться. Думаю, ты права, и, возможно, есть другой выход из башни. По крайней мере, такой, который не выведет нас прямо к Детям.

Думаю, ты права. Самые красивые слова на любом языке, именно те, которые я так отчаянно хотела услышать.

— Ладно, — протянула я. — Что ты нашёл?

Эмрис покачал головой.

— Лучше, если ты сама это увидишь. Встреть меня в большом зале, когда остальные лягут спать. Ах да, и прихвати своего сварливого друга. Он ведь действительно Рука Славы, верно? Ты ведь не увлекаешься декоративными восковыми скульптурами отрубленных конечностей?

— Нет, не увлекаюсь, — подтвердила я. — А чем ты вообще занимаешься?

– Это? – Он обернулся через плечо к саду. – Давай заключим пари? Если угадаешь—

– Если ты заставишь меня угадывать, я просто уйду, – перебила я.

– Ну, это совсем не весело.

– Ага, ведь я – Тэмсин Развлечения Ларк.

– Почему не Тэмсин-на-веселухе? – спросил он. – Мог бы добавить в твою жизнь немного веселья.

– Еще слово, и ты окажешься закопанным в той же земле, которую только что перекопал, – пригрозила я.

Он рассмеялся:

– Ладно, ладно. Почва здесь истощена почти так же, как люди. Я добавляю яичную скорлупу и золу – для калия, и чтобы поднять уровень pH. Посмотрим, сработает ли.

Я подняла бровь:

– Эмрис Дай… ты, оказывается, немного ботаник, да?

– А ты поверила, что это не так, – сказал он с самоуверенной улыбкой, слегка смазанной пятнами грязи на его лице.

– Значит, в библиотеке гильдии ты не хвастался тем, что встречаешься сразу с тремя девушками? – спросила я. – Или что можешь пробраться в любой бар Бостона? Или тем, что разбил три отцовских раритетных автомобиля на уличных гонках? Я это выдумала?

– Не вижу, где тут противоречие. Парень может быть многогранным, не так ли? – Его ухмылка стала еще шире, а когда он наклонился ближе, я не отстранилась. Почему-то, пусть это было безумно, глупо или упрямо, я не захотела отступать. – Не знал, что ты присматривала за мной.

Я положила руку ему на грудь и оттолкнула, отчаянно надеясь, что не покраснела:

– Зачем тебе этот садоводческий труд? Всё это зря.

Он наклонил голову, разглядывая аккуратные ряды трав:

– Правда?

Я резко выдохнула через нос, пальцы сжались в кулаки:

– Почему им так трудно принять правду о том, с чем они столкнулись?

– Ты не говоришь им ничего нового, Тэмсин. Они просто пытаются не дать этому раздавить себя.

– Но что они делают? – спросила я. – Что они на самом деле предпринимают, чтобы изменить хоть что-то?

– Может, поэтому мы здесь, – сказал он. – Может, Нева права, и это наша задача – разобраться за них.

– Это совершенно точно не так, – ответила я, – и ты это знаешь. Как ты собираешься объяснить это Мадригаль?

– Пока думаю, но наверняка найдется еще какая-нибудь редкая побрякушка или оружие, которое ей понадобится, – пробормотал он, проводя рукой по волосам. – Надеюсь.

– Мадригаль сказала тебе, зачем это ей?

Не знаю, зачем я это спросила; до сих пор он не был особенно откровенен.

Эмрис нахмурился, машинально пытаясь повернуть отсутствующий перстень:

– Нет. Нева тоже ничего не знает?

Я смотрела на него еще мгновение, пытаясь уловить хоть намек на ложь:

– У Невы было мало контактов с Сестринством.

– Логично, – только и сказал он. Это было похоже на то, как лиса скрывается в своей норе. Его лицо стало безмятежно-отстраненным. Внутри меня еще один камень лег в стену, отделяющую нас.

– Почему ты взял задание от Мадригаль? – снова спросила я. – И почему не можешь рассказать об этом отцу?

– Тут нет никакой истории, Тэмсин, – сказал он. – По крайней мере, не такой, какую ты себе воображаешь.

– Да? – я огрызнулась. – И ты знаешь, о чем я думаю?

Взгляд, который он мне бросил, размывал все вокруг нас:

– Я знаю тебя.

Наши глаза встретились, и, как всё, между нами, это стало борьбой – отказом быть тем, кто первым отведет взгляд.

Внезапный крик разрушил то чувство, что удерживало меня на месте. Несколько человек пробежали мимо сада, устремляясь к башне. Мы с Эмрисом переглянулись, и он уже перепрыгивал через стену, а я следовала за ним туда, где нас ожидало что-то впереди.

У основания лестницы, ведущей к башне, собралась небольшая толпа. Люди перешептывались – но не с тревогой или беспокойством, а с возбуждением. Протискиваясь сквозь толпу к передним рядам, я замечала на их лицах трепет и благоговение, и это нарастало во мне тревогой. Некоторые опустились на колени, склоняя головы. Даже Эмрис внезапно остановился рядом со мной, его лицо исказилось восхищением:

– Оно поет, – прошептал он.

Я повернулась к ступеням и увидела ее.

Одна-единственная белая роза поднялась через трещину в каменной ступени, её изящный, нежный бутон был полон и оплетен струями белого тумана.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 24

Тот вечер ощущался, как сон под действием яда василиска – мрачный и иллюзорный. Сознание металось между острыми вспышками осознанности и тенями моих собственных мыслей. Великий зал был размытым вихрем движений и света свечей вокруг меня, но я не могла отвести глаз.

Роза.

Жрицы положили её в бледные, раскрытые ладони статуи Богини. Светлый цветок оставался там на протяжении всего вечернего ужина.

– Ну что с тобой? – голос Невы вырвал меня из размышлений. – Ты выглядишь ещё более раздражённой, чем обычно. Как сердитая жаба.

Кабелл хмыкнул, но, встретившись с моим взглядом, благоразумно промолчал.

– Сердитая жаба? – повторила я, мысленно сравнивая свои черты с бородавчатым существом, которое явилось за медальоном Колдуньи Гринды. Было странно думать, что это произошло меньше недели назад – казалось, что с тех пор прошла целая жизнь.

– Поверь, тебе не захочется встретиться с одной из них, – сказала Нева, делая ещё один глоток вина. – Они очень грубые.

Её тёмные глаза блестели, а лицо выглядело расслабленным, несмотря на подозрительные взгляды, которые всё ещё бросали на неё со всех концов зала. Когда она снова поднесла кубок к губам, я положила руку на его край и мягко опустила его обратно на стол.

– Разве ты не можешь хоть раз быть счастливой? – спросила она, драматично вцепившись в мою руку. – Это тебя не убьёт. Ольвен говорит, что роза не цвела в Авалоне с тех пор, как появились Дети. Они считают, что это может быть признаком того, что остров исцеляется.

Я почти сказала ей правду, но что бы я могла сказать? Что я видела это во сне?

– Даже сэр Бедивер думает, что это знак, – добавил Кабелл.

– Только не ты, – пробормотала я, переводя взгляд на Эмриса, который тоже смотрел на розу, задумчиво изучая её. – Она всё ещё поёт?

– Поёт? – глаза Невы засияли. – Какая это была песня? Ты понял, о чём она?

Он почесал щетину вдоль острого подбородка, и я на миг задержала взгляд на его губах, пока он говорил:

– Это больше напоминало гудение, но… оно затихает теперь, когда её срезали.

Эмрис повернулся ко мне, подняв брови, заметив, что я смотрю на него. В его глазах блеснуло узнавание, мгновенно показавшееся опасным.

Я покраснела, радуясь теням в зале, и залпом допила последние капли вина из своего кубка. Вокруг меня авалонцы оживлённо разговаривали, а в их настроении ощущалась едва уловимая, но почти настороженная лёгкость, пока они принимались за жидкий ячменный бульон с сушёным мясом.

Каждому досталась маленькая круглая лепёшка, напоминавшая мне поминальный пирог; та, что лежала передо мной, была приправлена корицей и мускатным орехом, с вырезанной на вершине звездой. Это было лучшее, что я ела за последние дни, – и, судя по пустым тарелкам вокруг, остальные были того же мнения. Дилвин, наша эльфийская повариха, сияла от удовольствия, принимая похвалы.

Арфистка села за свой инструмент у изображения Богини и заиграла. Через мгновение другие авалонцы тоже начали петь, их голоса естественно сливались в поток эмоций:

Рождённая весной, что всегда обновляет,

Рождённая из звёздного света, бессмертного и чистого,
Рождённая из туманов, гор, росы,
Прекрасный остров её сердца, пою тебе.
Как бутон распускается в цветок,
Как луна сменяет часы,
Как Владыка Смерти мчится на мрачном жеребце,
Так Богиня возвела башню…

– Здесь есть луна? – прошептала я Неве, пока песня продолжалась. – Или солнце, если на то пошло?

– Я читала в одной из книг библиотеки, что небо здесь – зеркало нашего, – ответила Нева. – Отражает небеса над землёй, которую когда-то занимал Авалон в смертном мире. Хотя, кажется, они не видели никаких небесных тел с тех пор, как появились Дети.

– Не видели, – подтвердил Эмрис. – Это чувствуется по их растительности и почве. Любой солнечный свет, который они получают, создаётся магией, и это лишь бледная подделка.

– О! – Нева чуть не опрокинула оба наших кубка, поворачиваясь к нему, её лицо засветилось от волнения. – Ты говорил с остальными о том, чтобы превратить часть двора в сад? Я могу помочь тебе искать грибы возле башни…

При упоминании грибов я снова повернулась к статуе.

Девятеро собрались вокруг изображения Богини. Они тихо напевали, возлагая травяные дары и наполняя украшенный драгоценными камнями кубок у подножия статуи светящейся водой из священных источников. Все были сосредоточены на своей задаче, кроме Кайтрионы. Она смотрела на нас.

Не на нас.

На Неву.

Поймав мой взгляд, Кайтриона резко отвернулась, её тело напряглось, словно готовясь к удару.

– Ты правда выглядишь встревоженной, – тихо сказал Кабелл, с другой стороны, от меня. – Всё в порядке?

Я бросила на него взгляд:

– Когда в последний раз хоть что-то было в порядке?

Мало, что я скрывала от него, но это – что бы это ни было – казалось слишком сложным, чтобы обсуждать.

– Просто устала. – Убедившись, что на нас никто не смотрит, я понизила голос: – Эмрис думает, что нашёл что-то, и хочет встретиться сегодня вечером.

Нева, которая до этого мечтательно покачивалась в такт балладе, тут же насторожилась:

– Я сказала Ольвен, что встречусь с ней в библиотеке для дальнейших исследований. Если я откажусь, она начнёт что-то подозревать.

– А я сказал Бедиверу, что буду патрулировать стену с ним во время ночного дежурства, – добавил Кабел с извиняющимся выражением лица. – Ты справишься сама?

Если бы я ответила «нет», он бы пошёл со мной, это было очевидно. Но я знала, что нам нужно выведать всё, что можно, у Бедивера.

– Конечно.

– Увидимся утром, – сказал Кабелл, бросив взгляд на Эмриса, как ворон смотрит на червя. – Веди себя прилично.

Эмрис проигнорировал его, перегнувшись через Неву, чтобы прошептать:

– Похоже, сегодня вечером только ты и я.

Я подняла кубок, только чтобы вспомнить, что он уже пуст.

– Отлично.

***

После света и песен за ужином тёмный великий зал показался мрачным в сравнении. Длинные столы теперь пустовали, и лишь свеча у центра идола Богини продолжала гореть. Белая роза с её кремовыми лепестками манила из самого центра её ладоней.

Я медленно двинулась к ней, протягивая руку к до боли совершенным лепесткам. Пламя свечи дрогнуло, и статуя засветилась, будто оживая.

– Это *Роза Альба (сорт розы не знаю надо ли указывать в примечании)*.

Эмрис отделился от теней у входа в зал. Я вздрогнула и толкнула жертвенный стол достаточно сильно, чтобы святая вода из чаши плеснула на меня.

– Ты всегда подкарауливаешь людей, или это что-то особенное для меня? – прошипела я.

– Только для тебя, Птичка, – сказал он, закидывая свою рабочую сумку на плечо. – Надо признать, я не думал, что ты любишь цветы, но ты весь вечер смотришь на эту розу, как будто она вот-вот вспыхнет.

Я пропустила это мимо ушей и спросила:

– Где то, что ты мне так хотел показать?

Он убрал волосы с лица, одарив меня загадочной улыбкой. Ничего не сказав, он оглянулся через плечо, проверяя, не идёт ли кто-то по ступеням или во дворе. Убедившись, что нас никто не видит, он прошёл мимо меня к статуе.

– Куда ты… – начала я, следуя за ним.

Между алтарём и задней стеной оказалось небольшое пространство, достаточное для того, чтобы он мог присесть на корточки. Положив обе руки на одну из деревянных панелей платформы статуи, он сдвинул её вправо, открывая скрытую лестницу, ведущую вниз во тьму.

– Боги, – прошептала я, присев, чтобы заглянуть в проём. Разглядеть, что находилось внизу, было невозможно. Позади меня Эмрис надел налобный фонарь и включил его.

– Я знал, что тебе понравится, – сказал он с заразительной улыбкой.

– Иногда я могу оценить тайный проход, – признала я. – При условии, что по пути не будет проклятий, пытающихся отрубить мне голову.

– Клянусь святой душой своей бабушки, твоей изящной шейке ничто не угрожает, – заверил он. – После вас…

– Шеи не бывают изящными, – ответила я после слишком долгой паузы. – Как ты вообще нашёл это?

– Я увидел, как туда вошёл кто-то, – сказал он. – И, естественно, решил проследить за таинственной фигурой в плаще, чтобы узнать, не замышляют ли они чего-то недоброго.

– Фигура в плаще? Какая банальность, – заметила я. – Ты не видел лица?

– Капюшон был поднят, – ответил он, проползая за мной. От него всё ещё пахло свежестью зелени и сосны. – Как я уже сказал, это было загадочно, а я не особенно люблю загадки.

Иронично, подумала я, учитывая, что сам ты – одна из них.

Дверь заскрипела и закрылась за ним, погрузив нас в тень. Я достала свой фонарик, несколько раз стукнула его, пока батарейки не зазвенели, и свет не перестал мигать. Первые несколько ступеней вниз были тесными, но чем дальше мы спускались, тем больше становилось пространства. Воздух был пропитан запахом старины и чем-то вроде влажного перегноя, но источник запаха открылся только на последней ступени.

Тяжёлые корни прорастали из земли, сжимая камень, словно напрягшиеся пальцы. Коридор был словно кокон из них; они переплетались между собой, некоторые были толщиной с мою руку, другие – не шире нити пряжи.

Я посмотрела на Эмриса, широко раскрыв глаза.

– Знаю, – сказал он. – И это даже не то, что я хотел тебе показать.

– Мы правда так глубоко под землёй, чтобы видеть корни Материнского дерева? – спросила я, осторожно ступая на корни.

– Полагаю, это вторичные корни, – ответил Эмрис. – Они кажутся моложе, скорее всего, их привлекла влага здесь внизу.

– Ты предполагаешь? – Я бросила на него подозрительный взгляд. – Разве они не должны открывать тебе секреты веков или что-то в этом роде?

– Хотел бы я, – пробормотал он, протягивая руку, чтобы поддержать меня, когда мой каблук соскользнул с корня. – Они не говорят на языке, который я могу понять.

Я прищурилась, вглядываясь в него во тьме:

– Как это возможно с Ясновидением?

– Потому что, как и роза, это больше похоже на гудение… – Он тихо напел мелодию, чтобы имитировать это звучание. Глубокие ноты звучали удивительно привлекательно и, каким-то образом, знакомо.

– Пошли, – сказал он. – Нам ещё идти и идти.

Мы следовали за корнями, пока они не начали редеть. Я отступила на несколько шагов, направив фонарик на место на стене, где корни были настолько плотными, что образовали сплошную массу. Сделав ещё шаг назад, я опустилась на колено, чтобы посмотреть на это под другим углом.

– Это ещё один коридор, – сказала я Эмрису, освещая место, где едва заметно просматривался стык путей. – Кажется, корни идут оттуда.

Я приблизила руку к одному из корней, давая пальцам скользнуть по его грубой поверхности. Он пульсировал, чуть подвинувшись вперёд.

Я отскочила назад, ударившись о тёплую твёрдость груди Эмриса. Он протянул руку из-за моей спины и сам коснулся стены из корней. Те обвились вокруг его пальцев, заползая на запястье. Эмрис наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то. Сквозь корни пробежали голубоватые огоньки, словно отблески небесного света.

Глаза Эмриса утратили фокус, а улыбка исчезла с его лица. Один из корней медленно заполз под его рукав, обвивая кожу.

Когда он не попытался отдёрнуть руку, это сделала я, потянув его за локоть:

– Что ты делаешь?

Он покачал головой:

– Прости, я просто… Мы не можем пойти туда. Нам не стоит.

– Хорошо, – ответила я. – Потому что я и сама не хочу туда идти.

Любое существо, которое выжило в тьме этого острова, скорее всего, сделало это, впитав в себя его зловещую сущность.

На лице Эмриса появилось странное выражение, словно он ещё не до конца вернулся к реальности.

– Серьёзно, ты в порядке? – спросила я.

– Да, всё нормально. – Он цокнул языком и кивнул на основную тропу: – Сюда.

Когда корни начали редеть, и под нашими ногами снова появился каменный пол, напряжение немного ослабло. Но время от времени я оглядывалась, направляя фонарик назад. Просто чтобы убедиться – полностью убедиться, – что звук, который я слышала, был лишь шорохом наших шагов, а не медленным скольжением корней, следовавших за нами, как послушный слуга.

Или как самый терпеливый из охотников.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 25

Мы шли по извилистому тоннелю так долго, что появление зала стало неожиданностью.

Эмрис приоткрыл тяжёлые дубовые двери, направив свет налобного фонаря внутрь, прежде чем открыть их шире, чтобы пропустить меня. Я провела лучом фонарика по огромному пространству. Зал оказался просторным, но заваленным мебелью, коврами и стопками сундуков, которые, судя по всему, оставили здесь – специально или случайно – и забыли.

– Ты привёл меня на… склад подвала? – спросила я.

– Именно сюда прошлой ночью пришла фигура в плаще, – ответил Эмрис. – Я успел спрятаться за одной из дверей, пока они были внутри, но не смог рассмотреть, что они делали. Я не рискнул войти один – вдруг меня бы заперли.

– Умереть здесь в одиночестве, где никто не услышит твоего крика, – я кивнула. – Ужасная перспектива. Они что-то искали?

– Нет, вот что странно, – сказал он. – Не похоже, чтобы они что-то рылись. Когда они вышли, у них ничего не было в руках. Всё, что я слышал, – это звук сдвигающихся камней.

– Они что-то строили? – предположила я, коснувшись пыльной крышки ближайшего сундука. На деревянной поверхности были инкрустированы серебряные звёзды, но в остальном она была в ужасном состоянии. Влажный воздух был пропитан запахом гнили.

– Или убирали что-то с дороги, – сказал Эмрис, почесав подбородок. – Думаю, здесь может быть ещё один проход или дверь.

Я резко обернулась:

– Дверь, ведущая в лес?

Теперь я поняла, почему он просил принести Игнатиуса.

Зажав фонарик зубами, чтобы освободить руки, я достала из сумки свёрток фиолетовой ткани. Тьма проникала в мои мысли, как чернила, растекающиеся в воде.

Сжав Руку Славы в одной руке и вернув фонарик в другую, я спросила:

– Мы вообще за пределами стен башни?

– Вот в чём вопрос, – сказал Эмрис. – По ощущениям, должны быть, так ведь?

– Будем надеяться, что нет.

– И почему? – спросил он.

– Потому что зачем кому-то нужен тайный выход в лес, кишащий Детьми? – сказала я. – Там ничего нет – ни урожая, ни пресной воды, ни животных, за которыми стоило бы рисковать жизнью, особенно ночью.

– Ты никогда не разочаровываешь, Птичка, – покачал головой Эмрис. – Ты всегда находишь способ сделать ситуацию ещё страшнее.

Я проигнорировала его.

– Думаю, все мы согласны, что здесь происходит какое-то проклятие. Но почему оно дало о себе знать только два года назад?

– Возможно, оно было наложено так, чтобы начать действовать в определённую годовщину, – предположил Эмрис. – Или кто-то случайно активировал его.

– Случайно? – я фыркнула. – Что более вероятно – это или то, что проклятие было наложено кем-то из своих?

– Ты думаешь, кто-то из этой башни наложил проклятие? – Эмрис повернулся ко мне, и на его лице больше не осталось и следа от шутливого выражения.

– Не говори, что эта мысль не приходила тебе в голову, – сказала я.

– Было бы ложью утверждать обратное, – признал он. – Но чего не хватает – так это ответа на вопрос «зачем». Из-за симпатии к друидам? Или тайного поклонения Владыке Смерти? У нас нет доказательств, правда?

– Есть кое-что, – сказала я, удивляясь тому, как легко оказалось обсуждать с ним теории. – Я не заметила этого в первую ночь.

– Такое бывает, когда бежишь, спасая свою жизнь, – великодушно заметил Эмрис.

– Но эти существа, – резко продолжила я, – охотятся сообща. Посмотри, как они координируют свои действия вокруг рва. Не думаю, что у них есть достаточный уровень сознания или осознанности, чтобы действовать как стая, понимаешь?

– Значит, ты думаешь, что кто-то управляет ими, – закончил он.

Я поставила Игнатиуса на пол и достала зажигалку.

– Первые несколько секунд задержи дыхание, – предупредила я Эмриса. – Если только не хочешь вдохнуть запах горящих волос.

Он послушался, на его лице отразилась смесь тревоги и любопытства, пока Игнатиус не хрустнул своими неподвижными суставами, а кожа над его глазом не раздвинулась. Открытый глаз осмотрел всё вокруг, сонно моргая, а затем прищурился, устремив взгляд на меня.

– Я только и держусь, чтобы тебя позлить, – сказала я ему. – Давай, пора заслужить свою следующую жировую ванну.

Рука Славы осветила нас ореолом. Подняв его за рукоять, я задумалась, как я когда-то могла быть довольна теми проблесками магического мира, что он мне давал.

– Мы ищем скрытые проходы, Игнатиус, – сказала я.

– Ты… дала этой штуке имя? – Эмрис держался на шаг позади, наблюдая за Рукой Славы у меня через плечо. – Она вообще тебя понимает?

– Настолько, насколько кто-то может, – ответила я, поднося Игнатиуса к ближайшей стене. Свет осветил камни, и я медленно пошла вдоль неё.

– Всегда задавался вопросом, как ты умудряешься работать без Ясновидения, – сказал Эмрис. – Думал, Кабелл просто тщательно говорит тебе, куда ступать. Очевидно, теперь ты его получила, хоть для этого и пришлось почти безрассудно угробить себя.

Да, теперь оно у меня было. Было странно, что свет Игнатиуса больше не показывал ничего, чего бы я уже не видела. Видимо, тяжесть ситуации давила на меня, потому что я почувствовала лёгкое тепло ностальгии, когда Игнатиус закатил на меня глаз.

– Хотя цвет твоих глаз изменился, – добавил Эмрис, всё ещё осматривая стену.

Я нахмурилась. Да, давно не видела своего отражения, но…

– Нет, не изменился.

– Раньше они были темнее. Как сапфиры, – сказал он, продолжая ощупывать камни.

Я замедлилась, закусив нижнюю губу, пытаясь понять, как на это реагировать. Когда он обернулся, наши взгляды столкнулись в мягком тепле света.

– Эта штука, кажется, ворчливая, – сказал Эмрис, быстро отвернувшись. – У него вид, будто он хочет меня задушить.

Игнатиус капнул горячим воском мне на руку, и я зашипела:

– Ты ещё половины не знаешь.

Мы дважды обошли стены, но если дверь и была здесь, то либо она не была заперта, и Игнатиус оказался бесполезен, либо фигура в плаще очень тщательно её замаскировала. В конце концов, тяга к разграблению сокровищ стала слишком

сильной для двух Опустошителей, чтобы её игнорировать, и мы переключили внимание на сундуки, дожидавшиеся своего часа.

– Не могу поверить, что всё это время ты пользовалась Рукой Славы, – сказал Эмрис, поднимая крышку одного из сундуков. – Эти штуки невероятно редки. Колдуньи находят их настолько отвратительными, что больше не создают – и поверь, мой отец спрашивал. Много раз.

– Нэш подарил её мне, когда я была маленькой, – сказала я, чувствуя, как что-то внутри напрягается от воспоминаний – и оттого, что я вообще обсуждаю это, да ещё с Эмрисом. – И прежде, чем ты спросишь, я не знаю, у кого он её украл.

Эмрис вернул в сундук заплесневелые одеяла, которые вытащил. Его лоб нахмурился:

– Почему ты всегда так делаешь?

– Что делаю?

– Ты всегда предполагаешь худшее, – сказал он. – И ждёшь того же от всех остальных. Но всё, что ты на самом деле делаешь, – это сражаешься с фантомами, которых никто, кроме тебя, не видит.

– Не могу представить, почему я так делаю, – отозвалась я, слова сорвались с языка раньше, чем я успела их обдумать. – Конечно, это никак не связано с годами опыта, которые снова и снова доказывали мне обратное.

– Или это просто очередная отговорка, чтобы оттолкнуть людей? – спросил он.

Тьма ласкала его лицо, пока он смотрел на меня. Шёпот в голове наконец дал имя неприятному теплу, что разливалось под кожей.

Стыд.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – сказала я, ненавидя то, как снова разгорается это чувство, неконтролируемое жжение в глазах. – Ни обо мне, ни о моей жизни.

Возьми себя в руки, велела я себе. Успокойся.

Он тихо, почти с сожалением рассмеялся, открывая потускневшую серебряную шкатулку, внутри которой ничего не оказалось.

– Иногда я хотел бы, чтобы это было правдой, Птичка.

Он знает цвет твоих глаз, прошептал тот же голос.

– Я понимаю, что твоя жизнь была нелёгкой, – продолжил он. – Особенно после того, как Нэш исчез. Но хотя бы…

– Только не говори мне, что ты сейчас попробуешь найти светлую сторону в детской травме и пренебрежении, – перебила я. – Уверяю тебя, её не существует.

Нэш был мёртв. Я не хотела говорить об этом. О нём. Вообще ни о чём. Но это было похоже на клубок, который разматывался всё быстрее с каждым новым оборотом.

– Я бы никогда такого не сказал, – возразил Эмрис, переходя к другому металлическому сундуку. Внутри оказались книги, разбухшие от воды и непригодные для чтения. – Но хотя бы ты можешь делать, что захочешь. Быть кем захочешь. Ты думаешь, что моя жизнь так проста, но ты не представляешь. Ты просто…

Он умолк.

– Бедный маленький наследничек, – язвительно заметила я. – Так сложно, когда всё подаётся на блюдечке, правда?

Было приятно выплеснуть на него эти слова, избавиться от разъедающего жара, гнева и обиды, которые горели во мне, как самая злая желчь.

– Хотя бы тебе не нужно беспокоиться о наследии, – выплюнул он это слово, словно оно оставило горечь во рту. – Нет правил, границ или ожиданий, которым ты никогда не сможешь соответствовать. И уж точно нет…

– Нет чего? – спросила я. – Не останавливайся. Ты как раз собирался рассказать, насколько тебе тяжело за стенами своего особняка.

– Вот об этом я и говорю! – воскликнул он. – Ты – единственный человек из всех, кого я знаю, кто вообще замечает или заботится о деньгах.

На мгновение я замерла, потрясённая его словами, не в силах ответить.

– Сам факт, что тебе не нужно об этом думать, – привилегия, которой лишены остальные, – наконец произнесла я.

Я отслеживала каждый потраченный цент. Каждый вечер, пытаясь заставить себя заснуть, я утопала в мыслях о том, как найти больше денег и что будет, если я не смогу.

– У тебя есть всё, – сказала я, слыша хрипоту в своём голосе. У него не было мёртвого опекуна или проклятого брата. У него была стабильность, мать, которая относилась к нему как к принцу, дома по всему миру, друзья, машины, новая одежда, лучшие инструменты и снаряжение для Опустошителей.

Я не собиралась жалеть его только потому, что плата за всё это заключалась в необходимости соответствовать своей фамилии или жить жизнью, расписанной за него с рождения.

Это называлось безопасностью. У него было будущее.

И прошлое, подумала я, сжимая веки. У некоторых из нас не было даже этого. Я бы убила, чтобы узнать хоть что-то о своих родителях. Хоть их имена.

– Слушай, – спустя некоторое время сказал Эмрис, подняв голову от тома, размокшего и покорёженного водой. – У нас классический случай тяжёлого старта, и, честно говоря, это недостойно нас. Если ничего другого, можем ли мы хотя бы согласиться оставаться профессионалами? Кольцо пропало, Авалон превратился в гниющий ад, а нас окружают незнакомцы. Заключим перемирие?

– Ладно, – ответила я.

Я могла признать, что наш лучший шанс выжить и вернуться в наш мир – это работать вместе. Могла даже признать, что в словах Эмриса была правда. День за днём я могла решать, что хочу делать, и мне не нужно было отчитываться ни перед кем, кроме Кабелла.

Мы работали молча, аккуратно возвращая всё на места. Вазы, будто привезённые из других древних земель, шлем с короной из звёзд, щит в форме дракона. Я подняла потускневший шлем, изучая странные созвездия, выгравированные на нём.

– Может, стоит вынести это наверх, – тихо предложил Эмрис, – и оставить у кузницы. У них нет здесь шахт, и у них почти не осталось руды для создания новых оружий и доспехов.

– И откуда ты это знаешь? – спросила я.

– Я спросил, – пожал он плечами. – Они просто переплавляют металл, который у них есть, и используют его заново.

– Вы с Невой сразу устроились как дома, да? – сказала я.

– Если под этим ты подразумеваешь задавать вопросы по мере их возникновения, то да, я как дома. – Эмрис сдул пыль с предмета у себя на ладони. – Советую попробовать, но предупреждаю: это может заставить людей подумать, что тебе не всё равно.

Я поставила шлем обратно.

– Да уж. Не хотелось бы этого.

– Это… – Эмрис поднял маленький кусок металла к свету Игнатиуса. Его взгляд переместился к большому шкафу, у которого покосились дверцы, а рядом лежало

несколько деревянных посохов с завитыми и спиралевидными навершиями. – Кажется, это друидская ложка. Такое возможно?

Он передал её мне и направился к шкафу, лавируя среди разбитых статуй и сундуков, чтобы взять один из посохов.

– Похоже на часть ложки, – сказала я. – У Нэша были рисунки таких в одном из его журналов. Обычно у них две половинки…

Черпак ложки напоминал лист, с коротким плоским выступом для удержания. На потемневшем от времени металле были выгравированы четыре сектора. Другая половина, зеркальное отражение этой, должна была иметь маленькое отверстие для того, чтобы вдувать кровь, костяную пыль или что там ещё они использовали для гаданий. Послания божественного зависели от того, куда попадут эти частицы – нечто вроде чтения по чайным листьям.

– О, а это что? – послышался голос Эмриса.

Когда мы вошли в комнату, я заметила огромное сооружение, укрытое сползающим гобеленом, – его размеры выделялись даже на фоне покосившегося шкафа. Эмрис ухватился за потрёпанную ткань и резко дёрнул, сбросив её.

Я отступила на шаг, глядя вверх на бледный камень.

Тело статуи было массивным, с широкими плечами и мышцами, словно вырезанными из канатов. Венец из настоящих оленьих рогов, мха и листьев падуба был каким-то образом сохранён на её голове, излучая зловещую энергию, от которой не хотелось даже прикасаться к ней. Ещё хуже было то, что лицо статуи было разбито, оставляя от него лишь уродливые остатки. Плащ, вырезанный так, чтобы напоминать звериные шкуры, спадал с плеч и пересекал грудь, где находилось углубление. Подсвечник, как у статуи Богини, поняла я.

Но взгляд снова и снова возвращался к разрушенному лицу, где ответы на не озвученные вопросы были уничтожены в приступе ярости.

– Тэмсин? – позвал Эмрис. – Что случилось?

– Кто это? – спросила я. – Похоже на…

Голос Нэша эхом отозвался в памяти, его лицо было освещено нашим костром. *Он скачет на огненном скакуне, прочесывая Потустороньe в поисках блуждающих душ, но больше всего он любит наш мир…*

Я не смогла заставить себя произнести это, но Эмрис уже всё понял.

– Владыка Смерти. Вероятно, эта статуя должна была составить пару со статуей Богини в большом зале. Или, скорее всего, заменить её.

Я заставила себя подойти ближе, пытаясь представить их бок о бок. Одна рука статуи была протянута вперёд, ладонью вверх, будто чтобы поддержать руку Богини.

– Владыка Смерти. Редко, упоминаемый в *Бессмертиях*, да и в легендах его имя звучит редко – словно само оно было проклятием, – произнёс Эмрис, обходя статую кругом и что-то напевая. – Иногда его называют Королём Падуба, воплощением…

– …тьмы и зимы на Колесе Года, – закончила я. – Вынужденный сражаться с Королём Дуба, светом и летом, за руку девушки, которую они оба желали. Каждый год, вечно, цикл сезонов.

– Хвастунишка, – усмехнулся Эмрис. – Но, судя по всему, это была особенная дама.

– Эта легенда – всего лишь метафора смены времён года, – сказала я, покачав головой. – Ничто из неё не объясняет, почему они не уничтожили статую после Отречения.

– Вероятно, из-за суеверий, – сказал он. – Ты бы рискнула уничтожить икону могущественного божества? Они могут не поклоняться ему, но явно верят в его существование.

Я наклонилась под руку статуи, заметив что-то выгравированное на её тыльной стороне. Это напоминало фрагмент какого-то знака. Или полумесяц? Нет. Я наклонила голову. Это выглядело как часть узорного плетения.

– Ты узнаёшь этот знак? – спросила я, задаваясь вопросом, почему память меня подводит.

Эмрис тоже пригнулся под руку статуи.

– Может быть. А может, это просто трещина?

Я покачала головой.

– Нет… тут что-то есть…

Что со мной не так? Это не могло быть всего лишь стрессом или усталостью последних дней. Каждый раз, когда я пыталась сосредоточиться на этом символе, память, которая должна была восполнить недостающую часть, растворялась, словно туман.

– Не могу поверить, что сейчас скажу это вслух, – произнёс Эмрис. – Но начинаешь немного сочувствовать колдуньям. Это ведь они решились сражаться за то, во что верили – даже против дитя старых богов, которое правила проклятыми.

По спине пробежал холодок. Я вздрогнула, пытаясь избавиться от ощущения.

– Они, должно быть, боялись, что поклонение Владыке Смерти отправит их души в Аннун. Ведь это Богиня запускает цикл жизни, смерти и перерождения.

– Верно, – кивнул Эмрис, потирая затылок. – Аннун. Потусторонье, куда не может добраться живой смертный и куда бы он не рискнул отправиться, разве что несколько смельчаков… Спорим на правду или действие, что ты не назовёшь их?

– Артур и несколько его рыцарей, – ответила я с подчеркнутой скукой, – чтобы либо спасти пленника, либо похитить котёл правителя Аннуна, как описано в *Книге Талиесина*.

И как рассказывал Нэш, который любил каждую версию легенды, где великий король Артур путешествовал в страну мёртвых и возвращался назад живым.

– Ух ты, – выдохнул Эмрис спустя мгновение. – Сам напросился. Кабелл всегда говорил, что у тебя идеальная память… Ты собиралась позволить мне вечно заключать с тобой глупые пари, да?

Я пожала плечами.

– Хотела посмотреть, сколько смогу из тебя вытянуть.

Он покачал головой:

– Ты точно не такая, как все, Птичка.

– Можем…? – начала я, всё ещё смотря на разбитое лицо статуи. – Давай укроем его. Я больше не хочу на него смотреть.

– Не то, чтобы ты смогла его забыть, – почти извиняющимся тоном сказал Эмрис.

Мы снова набросили гобелен, и, как будто Эмрис наложил на меня проклятие, образ статуи отпечатался в моей памяти, словно негатив фотографии.

– Я выбираю правду, – сказала я, играя с бахромой ткани и распуская ряд алых нитей.

– Что?

– Ты сказал, что я могу выбрать правду или действие, – напомнила я. – Я выбираю правду.

Эмрис замер рядом.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас, – подтвердила я. – Почему ты взялся за эту работу?

Он покачал головой.

– Это ты хотел заключить пари, – напомнила я.

После небольшой паузы он издал тихий звук раздражения.

– Потому что… я не знаю, – сказал он, проводя рукой по волосам. – Потому что за всю свою жизнь я никогда ничего не делал сам, без помощи. Я никогда не работал отдельно от отца. Я никогда не добивался ничего, что соответствовало бы наследию великого Эндимиона Дая или всех тех предков, чьи портреты выстроились на стенах.

– Ты хочешь добиться чего-то подобного? – спросила я. – Или чувствуешь, что должен?

Его брови нахмурились. Я задумалась, спрашивал ли кто-нибудь его об этом раньше.

– Насколько я могу судить, – продолжила я, – наследие – это всего лишь инструмент, с помощью которого родители контролируют своих детей.

– Ты не поймёшь, – сказал Эмрис, облокотившись на шкаф.

– Нет, не пойму, – согласилась я. – Я уже превосхожу существование Нэша хотя бы тем, что не напиваюсь до комы.

Я услышала горечь в своих словах, снова почувствовав этот вкус желчи. Семь лет я жила без этого человека. Я приняла, что он никогда не вернётся. И теперь, когда он ушёл окончательно, когда он умер… он снова перевернул всё вверх дном, и я позволила ему взять контроль. Позволила ему вновь открыть ту сырую рану, которую я так старательно закрывала.

Я ненавидела его. Ненавидела Нэша за пределами слов и миров. Лучше бы он оставался мёртвым, а мы с Кабеллом остались бы одни.

Ты останешься одна, прошептал тёмный голос в моём разуме. *Кабелл тоже оставит тебя в конце концов.*

Мои пальцы сжались в кулаки, когда я резко втянула воздух.

– Что с этим связано? – спросил Эмрис. – Ты рассказала остальным, как он нашёл твоего брата, но как ты оказалась у него под опекой?

– Опека – не то слово, которое я бы использовала, – сказала я, заставив себя рассмотреть ещё одну стопку сундуков, изучая их гравировки в поисках знакомых символов. Это чувство вращения вернулось, всё быстрее и быстрее, поднимая все воспоминания, которые я прятала. Каждое из них было ножом.

– Это не ответ, – заметил Эмрис.

Униженное чувство всё ещё жгло меня, даже спустя столько лет. Я знала, что это сделает меня лицемеркой, но сама мысль о том, чтобы рассказать ему, вызывала во мне желание вывернуть всё наружу.

– Ты не обязана мне ничего говорить, – мягко сказал Эмрис. – Честно.

– Как великодушно с твоей стороны.

– Нет, я просто… – он покачал головой. – Прости.

Я вдохнула холодный воздух, провела рукой по потрёпанному щиту передо мной. И вдруг это вращение прекратилось, и нить сорвалась с катушки. Больше не оставалось ничего, чтобы удерживать контроль.

Осталась только потребность быть понятой, быть увиденной.

– Моя семья бросила меня в Бостоне, и Нэш взял меня к себе, – услышала я свой голос. – Так что давай просто скажем, что я знаю, каково это – расти без наследия, и я бы не рекомендовала это никому.

Слова прозвучали так, словно кто-то пытался вытянуть мои лёгкие через горло. Я позволила ему заполнить пробелы в истории так, как ему захочется. Все всё равно делали именно это.

– Всегда хотел спросить, – сказал он, усаживаясь на один из сундуков. – Что с тобой произошло в те годы, что прошли между тем, как Нэш исчез, и тем, как ты вступила в гильдию? Куда ты тогда делась?

Я знала, что эти шесть лет, с тех пор как нам с Кабеллом исполнилось по десять, до того, как мы могли официально заявить свои права на членство Нэша в шестнадцать, всегда были предметом спекуляций в гильдии. Наше молчание объяснялось не только тем, что они не заслужили ответа, но и тем, что могло случиться, если бы они узнали.

– Если я расскажу тебе, – сказала я, – ты не сможешь рассказать об этом никому. Особенно твоему отцу.

– Теперь мне ещё интереснее, – протянул Эмрис.

– Я серьёзно, – сказала я. – Если ты расскажешь кому-нибудь то, что я собираюсь сказать, тебе не поздоровится. Я обрушу на тебя проклятие хуже любого из известных.

– Это только подогревает интерес, – сказал он.

Я покачала головой, глубоко вдохнув.

– Чердак библиотеки.

– Чего? – он даже моргнул несколько раз, будто не веря услышанному. – Чердак гильдейской библиотеки?

Я осторожно поставила щит на место.

– Библиотекарь нарушил правила и впустил нас, даже несмотря на то, что мы не были членами гильдии.

– Я даже не знал, что Библиотекарь может нарушать правила, – удивился Эмрис.

– Он спрятал нас на чердаке, среди малозначительных реликвий, которые не выставлены на показ, – продолжила я. – Позволял нам спускаться по ночам, чтобы поесть и поиграть с кошками. Приносил нам *Бессмертия* и разные справочники, а также еду и воду, пока мы не стали достаточно взрослыми, чтобы доставать их сами. Хотя я до сих пор не знаю, откуда он брал еду.

– Из шкафчиков всех подряд, – отозвался Эмрис. – Никодемус Лот и Астри Каллен целых четыре года устраивали между собой войну, будучи уверенными, что друг у друга воруют запасы. Я думал, это проделки кошек, но, похоже, нет.

Его брови нахмурились, словно он пытался представить нас с Кабелом, ютящихся в тесном чердачном помещении.

– Почему вы просто не обратились к кому-нибудь из членов гильдии?

Я поморщилась.

– Что заставляет тебя думать, что мы не пытались?

Вот и вся правда. У Библиотекаря не было человеческого сердца или разума, но даже он понимал, что нужно защищать и заботиться о двух беззащитных детях.

– В любом случае, – сказала я, – всё стало намного проще, когда мы выучили древнегреческий и смогли с ним говорить. Ну, я выучила. У Кабелла было Ясновидение.

– Хорошо, что у тебя был Кабелл, – спустя паузу сказал Эмрис. – Тебе повезло.

Меня всегда удивляло, что у Эндимиона и Кэрис Дай был только один ребёнок, но если всё, что тебе нужно, – это сын, чтобы продолжить род, то зачем больше?

– Да, – согласилась я. – Без Кабелла я бы не выжила.

Хотя это было не совсем так. Без Кабелла у меня просто не было бы причины выживать. И если проклятие заберёт его у меня, оно заберёт и этот кусок моего сердца.

– Прости, – тихо сказал Эмрис. – За всё, что случилось. За всё, что я говорил о Нэше, тебе и твоём брате за все эти годы…

– Всё нормально, – перебила я, закрывая эту тему раз и навсегда. – Это ведь не твоя вина.

Из коридора послышался звук – царапанье, шорох, почти как…

Корни двигаются, подумала я.

Гулкие шаги эхом раздались в помещении, просачиваясь через щель, оставленную приоткрытыми дверями. Я дунула на Игнатиуса, гася его свет, и быстро сунула его в сумку, чтобы не выдать нас дымом. Запах мог нас выдать…

Эмрис схватил меня за руку и потащил к шкафу. Полки внутри давно были либо сняты, либо обрушились, оставив едва достаточно места для двоих, когда он закрыл двери за нами.

Я выключила фонарик и постучала по налобному фонарю Эмриса, чтобы тот тоже погасил его, как раз в тот момент, когда тяжёлые дубовые двери зала распахнулись.

Сердце грохотало в ушах, дыхание замерло в груди. Мои ноги переплелись с его длинными ногами, тело плотно прижалось к его боку. Ткань его туники была мягкой, касаясь моей щеки, а в тишине я слышала лишь быстрый, скачущий ритм его сердца, даже быстрее моего.

Я не сразу поняла, что его рука лежит у меня на плече, пока он не наклонился вперёд, пытаясь разглядеть что-то через узкую щель между дверями. Только тогда я заметила, что обвила его для равновесия. Мои пальцы распластались на его талии, а тепло его кожи пробивалось сквозь тонкий лен, посылая волну жара через всё тело.

Фигура в темноте вошла в зал, подняв свечу на кованом подсвечнике. Эмрис оказался прав – плащ с капюшоном был настолько огромен, что полностью скрывал лицо и фигуру незнакомца. Он повернулся к брошенным вещам, в сторону шкафа, и вдохнул.

Мы замерли, мои пальцы вцепились в твёрдые мышцы под ними. Дыхание Эмриса тоже замерло.

Но фигура лишь повернулась обратно к стене напротив нас. Бледная рука потянулась к группе из трёх белых камней, которые я едва заметила раньше. Незнакомец дважды нажал на каждый камень, и те вокруг ожили, отодвигаясь, словно убегающие мыши, чтобы открыть проём в стене. Когда камни сдвинулись, в помещение вырвалось облако тумана.

Фигура вошла в проём, а в темноте шкафа глаза Эмриса встретились с моими.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 26

– Тэмсин.

Манящая тьма выдохнула моё имя, следуя за моим собственным медленным дыханием. Я оставалась в этом сладком, медовом коконе усталости, пока жаркая полоса вокруг моей спины не сжалась мягким движением. Мои глаза распахнулись.

Бледное лицо Эмриса мерцало у щели между дверцами, и почему-то факт, что он не смотрел на меня, не замечал, как я задремала на нём, делал это ещё более унизительным.

– Мы официально выждали их, – пробормотал он.

Не было никакого ощущения времени – только звук вновь двигающихся камней. Через мгновение фигура в плаще появилась из проёма и направилась к выходу. Закончив с тем, что скрывалось за стеной.

Тяжёлые дубовые двери с грохотом закрылись, петли завыли в протесте. Зал погрузился в непроглядную тьму. Я начала отсчитывать в уме от двухсот, ожидая, не вернутся ли шаги.

Но даже когда стало ясно, что их больше не будет, никто из нас не пошевелился.

Я снова закрыла глаза, пытаясь думать о чём угодно, кроме того, как моя щека была прижата к его груди, как его сердце отбивало единственный звук в моих ушах, как его пальцы машинально скользили по моему боку, предлагая и принимая утешение.

В этом тёплом, тёмном месте мы сами стали тенями. Дышали в унисон, наши тела переплелись, и каждый контакт был похож на вспышку искр по моей коже – за пределами этого ощущения не существовало ничего. Ни магии, ни монстров, ни самого мира.

Воздух пропитался сладостью кедра, но сквозь него пробивался запах его самого. Его пальцы сильнее сжались на моей талии, и, невероятно, я прижалась к нему ещё ближе. Я не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то держал меня так близко. Когда я этого хотела.

Если он повернёт голову… Мысль проскользнула во мне, согревая кровь, как глоток виски, и разлилась жаром внизу живота.

Нет.

Я резко отстранилась, и перед глазами замелькали огоньки. Я выбралась из шкафа и шатко сделала шаг вперёд, едва удержав равновесие после столь долгого сидения. Сырой холод зала вновь обвил меня, будто с нетерпением ждал, чтобы вернуть в свои тенистые объятия. Я вздрогнула и включила фонарик.

Спустя мгновение Эмрис последовал за мной, стоя ко мне спиной, пока закрывал дверцы шкафа.

– Давай… – я прочистила горло. – Попробуем открыть.

Он кивнул, кадык дёрнулся на его горле.

Я остановилась перед белыми камнями, бросив на него быстрый взгляд, затем открыла свою сумку, проверяя оставшиеся припасы и прокручивая в голове список. Кристаллов, настоек или верёвки не было. Топора тоже, но у меня были рабочие перчатки из драконьей чешуи, которые я тут же надела.

– Думаешь, там проклятие? – спросил он с удивлением.

– Думаю, мы не знаем, что там, – ответила я, – или кто создал этот проход. И осторожность ещё никому не повредила. Что у тебя есть? Кристаллы?

Эмрис открыл свою рабочую сумку – с монограммой его инициалов, конечно. Он вытащил небольшой мешочек с аметистами, кварцем, лабрадоритом и турмалином, а

также складной топор, который он раскрыл одним движением запястья, и протянул мне. Затем из его сумки появился бархатный чёрный мешочек.

Длинная серебряная цепочка упала ему на ладонь первой, за ней последовал чёрный кристаллический наконечник. Но когда он поднял цепь, позволив наконечнику свободно висеть в воздухе, чёрный цвет внутри начал двигаться, закручиваясь, как вода, открывая крошечный белый цветок внутри.

Это был кристаллический маятник, обычно используемый для ответов на вопросы или обнаружения энергетических вибраций, вызванных магией или присутствием злонамеренных духов. Я никогда не могла заставить такой работать, и с Кабеллом он мне не требовался.

Кристалл не двигался.

– Проклятий нет, – сказал Эмрис, поднимая камень на уровень глаз. Чёрная жидкость внутри взвилась, закручиваясь вихрем вокруг цветка. – Но магии, как и следовало ожидать, много.

– Что это за кристалл? – спросила я, пока он подносил цепочку ближе к стене. Заметив, как на его лице растёт улыбка, я добавила: – Если скажешь, чтобы я догадалась, я ударю тебя.

Его улыбка стала загадочной – в самом раздражающем смысле.

– Семейная реликвия.

Я раздражённо фыркнула и щёлкнула выключателем его налобного фонаря.

– Хочешь открыть сам? – спросил он.

Я передала ему фонарик и повернулась к камням, закрыв глаза и вспоминая узор прикосновений, который использовала фигура в плаще. Камни под пальцами казались ледяными, и мне даже почудилось, что они дрожат от каждого прикосновения.

Камни вокруг начали двигаться, стуча и скрежеща, ползли, освобождая проход. Забрав фонарик у Эмриса, я глубоко вдохнула влажный воздух и шагнула в открывшийся проём.

За ним оказалась лестничная клетка. Стена закрылась за Эмрисом. Я обернулась, убедившись, что белые камни видны и с этой стороны. Теперь оставалось только одно направление – вверх.

– Где мы? – прошептала я. – Это всё ещё башня?

Луч налобного фонаря Эмриса скользнул вверх по ступеням.

– Сейчас узнаем.

Мы начали подниматься. Я считала пролёты между крутыми и пологими лестницами. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь… девять.

– Это не может быть башня, – сказала я, вспоминая, как она выглядела снаружи во дворе. – У неё пять уровней, и библиотека находится на самом верху.

– Мы спустились на три этажа, – напомнил Эмрис. – Возможно, главная лестница ведёт только на пятый уровень, потому что это всё, что позволено видеть остальным авалонцам?

– Или никто из ныне живущих не помнит, что есть ещё один этаж, или как туда попасть, – сказала я, тяжело дыша от подъёма. – Кроме нашего друга в плаще.

Последний пролёт оказался короче остальных, что подтверждало нашу теорию о том, что над библиотекой есть небольшой скрытый этаж. Головокружительный извилистый путь привёл нас именно туда, куда я ожидала: к запертой двери.

Чёрное железо, дверная ручка находилась внутри металлического рта, похожего на кричащий человеческий череп.

Дверь была заперта, но замочной скважины не было, так что взломать её было невозможно. Однако запирающее заклинание раньше никогда не останавливало моего сварливого спутника.

Игнатиус, всё ещё явно обиженный за грубое обращение, тратил вечность на то, чтобы открыть глаз, даже после того, как его фитили зажглись.

– Прости, что отвлекаю в неподходящий момент, но, если ты не слишком занят… – сказала я раздражённой руке, указывая на замок.

Когда его свет упал на дверь, появилось туманное золотое сияние – магические нити, будто свет Игнатиуса снял слой тени, обнажая структуру запирающего заклинания. Только когда Эмрис протянул руку, чтобы осторожно коснуться одной из нитей, с удивлением на лице, я поняла, что это было что-то необычное.

Засов сдвинулся, и тяжёлая дверь открылась наружу.

– У тебя сложные отношения с этой штукой, правда? – заметил Эмрис.

Я подтолкнула его вперёд, заставив первым войти в комнату. Нагнувшись, чтобы пройти через проём, он остановился, блокируя вход.

– Что? – спросила я, встав на цыпочки, чтобы заглянуть за широкую спину Эмриса. Казалось, каждая мышца на его спине одновременно напряглась. – Что там?

Странная вибрация прошла через мою левую руку. Это был Игнатиус. Рука дрожала, а молочно-бледный глаз был распахнут.

Наконец Эмрис отступил в сторону.

Стены по обе стороны от нас были уставлены деревянными полками, на которых покоились небольшие предметы, белые, как обожжённый фарфор. Но когда я шагнула внутрь, позволяя свету Игнатиуса заполнить тесное пространство, холодная, липкая волна тревоги прокатилась по моей груди. Формы – эти скульптуры – были отвратительными, искажёнными муками.

Они были сделаны из человеческих костей.

– Святые боги, – выдохнула я, осторожно сделав шаг ближе к ближайшей полке. Пальцы Эмриса скользнули по моей спине, словно он инстинктивно хотел удержать меня за плечо.

– Ты когда-нибудь видела что-то подобное? – спросил он.

– Нет, – ответила я. – Ни в книгах, ни в хранилищах, ни в гробницах, нигде.

– Это… – Эмрис, впервые, казалось, лишился слов. По его телу пробежала заметная дрожь, пока он потирал руки. – Кому принадлежат эти кости? Какой больной разум мог осквернить их таким образом?

– Это похоже на коллекцию, правда? – сказала я.

– Неужели тот, кто это создал, убил столько людей? – Эмрис говорил так тихо, будто боялся, что кто-то подслушает.

Я покачала головой.

– Даже до проклятия здесь не жило столько существ, чтобы кто-то мог не заметить их исчезновения. Думаю, кто-то копался в могилах.

Поставив Игнатиуса на пол, я приблизила фонарик к первой скульптуре. Верхняя часть рта, сразу за зубами, была аккуратно подогнана под тазовую кость. Обе были покрыты крошечными, едва читаемыми символами.

– Это символы проклятий? – спросил Эмрис, наклоняясь над моим плечом. Тепло его тела окутывало мою спину, дыхание касалось выбившихся прядей волос.

– Нет, – сказала я. – Формы более округлые, переплетённые. Я таких никогда не видела. Думаешь, это осталось со времён друидов?

– Колдуньи создали собственный язык для управления магией, – заметил Эмрис. – Логично предположить, что могли существовать и другие. Или это чисто декоративные знаки.

Следующая скульптура представляла собой грудную клетку, установленную на две бедренные кости. Они были соединены точно вырезанными разрезами, чтобы идеально подходить друг к другу. От центра рёбер свисала рука, чьи фаланги были скреплены серебряными суставами. Все кости были покрыты символами.

В горле у меня встал комок, пока я осматривала всё вокруг. Это было отвратительно, ужасно; я едва могла смотреть на них, не чувствуя холодного ужаса, заложенного в моей крови поколениями.

Я потянулась, чтобы поднять Игнатиуса, но замерла. Свет его маленьких огоньков упал на ближайшую скульптуру на нижнем ряду полок, проецируя её символы на каменный пол. Когда я присела, знаки задвигались, начали вращаться.

– Тэмсин, – раздался резкий голос Эмриса.

Я подняла голову, но его не увидела – он обошёл лестницу, поднимающуюся из центра комнаты. Пробираясь к нему, я прошла мимо ржавеющих доспехов и застеклённого шкафа, заполненного склянками и увядшими чёрными травами.

Узкая лестница, едва лучше скрипучей лестницы, вела на свежий воздух. У её подножия стоял огромный котёл. Первый серый свет рассвета Авалона падал на него, сверкая на серебряных ножках и заставляя выгравированные стороны сиять, как полированные клинки.

Эмрис стоял, глядя в котёл, его лицо было болезненно бледным. Я подошла ближе, готовясь увидеть что-то ужасное внутри.

Вместо этого я обнаружила, что смотрю в мерцающую массу расплавленного серебра.

Оно бурлило под каким-то незаметным ветром, образуя вихри. Запах металла исходил от котла, но, когда я подвела к нему руку, никакого тепла не ощущалось. Только обжигающий холод.

Когда я вгляделась в глубины котла, осколки воспоминаний невольно поднялись на поверхность, чтобы разбиться вновь. Бледное лицо Белой Леди на заснеженном поле, зовущей меня присоединиться к ней в смерти. Вспышка тьмы, камень, сталь маленького клинка. Единорог под мёртвым деревом, падающий, пронзённый стрелой.

Я отступила, заставив себя отвести взгляд. Эмрис выглядел ужасно, хуже, чем я когда-либо видела его – кожа без капли крови, влажная.

– Ты в порядке? – спросила я. – Эмрис?

Прошло мгновение, прежде чем он поднял глаза, и они были наполнены ужасом. Настоящим, чистым ужасом. Он словно не понимал, где находится, пока не отступил от котла, прижавшись к стене.

– Эмрис? – я повысила голос. – Что случилось? Что ты видел?

Он поднял руку, горло с трудом пропускало воздух, пока он сгибался пополам:

– Всё… нормально. Дай мне… секунду.

Ничего не было нормально. Я снова посмотрела на котёл, разум разрывался от тысяч мыслей. Я обшаривала память, ища любую зацепку – строчку из книги или легенду, в которой упоминался бы котёл в Авалоне.

– Что это? – прошептала я.

Расплавленное серебро побулькивало, пока я склонялась над котлом. Необъяснимое чувство пробежало по всему телу, от макушки до кончиков пальцев ног,

какой-то животный инстинкт, предупреждающий, что за этой зеркальной поверхностью есть нечто большее. Что кто-то смотрит с другой стороны.

Прежде чем я успела остановить себя, прежде чем успела напомнить, какая это глупая идея, я опустила самый конец держателя Игнатиуса в серебряную жидкость.

Сначала ничего не происходило. Несколько ударов сердца – и началась тяга.

Держатель потянуло вниз, серебро жадно засосало его, даже когда я пыталась вытащить обратно. На поверхности появились небольшие острые формы, всплывающие, словно…

Словно тянущиеся пальцы.

Глаз Руки Славы выпучился, её горящие фитили заскрипели, словно от ужаса, и забились диким пламенем. Эмрис тут же оказался рядом, помогая мне выдернуть руку и Игнатиуса из ловушки.

– Что ты делаешь? – едва выдохнул он.

Сильный порыв ветра ворвался вниз по лестнице, пронёсся мимо нас и окончательно погасил огонь Игнатиуса. Я подняла держатель перед собой. Его конец был покрыт затвердевшим серебром.

– Кости Детей… – прошептал Эмрис.

Они были такими же.

Я наклонилась, обошла котёл, проводя пальцами по его краю, пока не наткнулась на небольшой выступ. Казалось, он был стёрт до такой степени, что невозможно понять, что это было.

Почти невозможно.

Я видела это раньше.

Я потянулась к сумке и достала журнал Нэша. Впервые в жизни я хотела оказаться неправой. Мои руки дрожали – совсем чуть-чуть – пока я пролистывала страницы. Нашла страницу с символами, которые Нэш зарисовал и подписал, и подняла её рядом с меткой.

Это был спиральный узор с грубо очерченным мечом, прорезающим извивающиеся линии. Теперь было понятно, почему знак на руке статуи показался мне знакомым – он был частью этого узора.

– Скажи мне, что это не то, о чём я думаю, – прошептал Эмрис, его голос едва слышен.

– Это эмблема короля Аннуна, – ответила я.

Он выглядел немного бледным. Я осмотрелась по комнате – на ужасные скульптуры, на проклятые символы – и почувствовала, как холод, пробирающийся по моей коже, парализует тело.

Ни один из нас не осмелился назвать его имя вслух. Владыка Смерти.

Знакомый звук скрежета камней эхом донёсся снизу. Обменявшись полным ужаса взглядом, мы с Эмрисом развернулись, лихорадочно ища место, где можно спрятаться. За доспехами не было места, шкаф тоже не подходил. Полки были слишком открыты и прижаты к стене. Единственный путь – наверх.

Я пошла первой, выключив фонарик и убрав Игнатиуса в сумку. Верхний уровень оказался крытым помещением с четырьмя стенами и большими открытыми окнами, выходящими во двор. Мы были на самой вершине башни – на той, что я раньше считала всего лишь декоративным украшением.

Замок двери щёлкнул, открываясь. Я тут же упала на живот на одной стороне лестницы, отползая достаточно далеко от края, чтобы меня не заметили снизу. Эмрис сделал то же самое с другой стороны.

Не поднимайся, – думала я. – Не иди вверх…

Лёгкий топот шагов сопровождался шёпотом ткани, скользящей по камню. Очевидно, мне не хватало глупостей за эту ночь, потому что я придвинулась ближе к отверстию в полу, пытаясь разглядеть, кто вошёл.

Это была та же фигура в плаще. Светлеющее небо обнажило глубокий синий оттенок ткани, волочившейся за ней, пока она подходили к котлу. Теперь, когда я смотрела ближе, можно было заметить и другие детали.

Фигура подняла небольшой изогнутый кинжал, вонзив его острый кончик в свою ладонь и, с тихим шипением боли, провела вниз. Капли крови стекли с бледной руки в серебряное озеро.

Где-то в лесу вой Детей Ночи сменился пронзительным визгом. Этот звук пронзал уши, разрывал каждую мысль, пока я не захотела зажать ладонями голову.

Ими управляют. Эта мысль словно молотом билась в моём сознании. И если ими можно управлять, что мешало их создать – породить в тёмной комнате под нами?

Фигура в плаще задержалась у котла, прислушиваясь. Очевидно удовлетворённая, она направилась к двери. Проходя мимо доспехов, её движение заставило край капюшона сдвинуться, обнажая намёк на косу.

Мне понадобилось мгновение, чтобы понять, почему так сложно разглядеть её в отражении на поверхности нагрудника.

Она была того же цвета, что и мутный металл.

Серебро.

Холодное, смертоносное серебро.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 27

Зная, что наступит ещё один мрачный рассвет, а в главном зале вскоре начнут работать люди, мы с Эмрисом поднялись спустя лишь несколько минут и, не издав ни звука, направились вниз, в галерею смерти. Моё сердце колотилось в груди, пока мы пробирались через кладовую и в тоннель.

Тыльная сторона ладони Эмриса снова и снова касалась моей, когда мы спешили по коридору, переступая через корни. Я не могла отстраниться, как не могла подобрать слов, чтобы описать увиденное.

Мы вышли из потайной двери как раз в тот момент, когда в главный зал начали заходить женщины с ткацкими станками. Их брови удивлённо поднялись при виде нас вдвоём, но мне было уже всё равно. Пытаться что-то объяснять не имело значения. Всё, что имело значение, – это найти путь обратно в наш мир.

Наши взгляды встретились в последний раз на ступенях, ведущих во двор. Молчаливое обещание промелькнуло, между нами. С наступлением дня Дети утихли, но относительная тишина, лишённая даже пения птиц, казалась всепоглощающей. Это оставило во мне странную пустоту – тоску по обычной жизни, которой я раньше никогда не ценила.

– О, я как раз шла вас искать! – Радостный голос Олвен вывел меня из задумчивости, словно удар по нервам. Она появилась словно из ниоткуда, её серое платье и белый передник сливались с бесцветным утренним светом. Её сине-чёрные волосы колыхались вокруг, словно плыли в воде.

– Мы собираемся убрать камни, чтобы проверить, примет ли земля под ними посевы, – продолжила она. – Если, конечно, вы чувствуете себя достаточно хорошо для этого?

Эмрис колебался, но всё же изобразил улыбку.

– Конечно.

– Ты уверен? – Тёмные глаза Олвен сузились в пристальном разглядывании. – Ты выглядишь немного бледным.

– Просто плохо спал, – заверил он её.

Или не спал вовсе, подумала я.

– Дети этой ночью были беспокойны, а под утро с ними вообще стало что-то не так, – сказала Олвен, покачав головой.

– Они… что-нибудь сделали? – спросила я.

– Они не двигались совсем, – ответила она. – Кейт предложила попробовать рассеять их огнём и стрелами, если они всё ещё будут там к ночи.

– И это сейчас невозможно, потому что…?– подтолкнула я.

Лицо Олвен стало жёстче.

– Потому что у нас мало стрел, чтобы ими разбрасываться.

Мне оставалось лишь пробормотать жалкое:

– Понятно.

– Я готов засучить рукава – и буквально, и фигурально, – вмешался Эмрис, плавно переводя тему. – У вас найдётся для меня ещё одна лопата?

– Конечно, – сказала Олвен, уводя его прочь. – Я попросила остальных собрать всё, что есть из золы…

Её голос становился всё тише, пока они присоединялись к растущей группе мужчин и женщин у кузницы. Эмрис оглянулся на меня, беззвучно шепнув:

– Позже?

Я кивнула.

Кабелл и Нева, напомнила я себе, разворачиваясь к башне и множеству ступеней, которые отделяли меня от спален. Им нужно знать, что мы нашли, – а, возможно, у Невы будет идея, для чего использовались те скульптуры.

Звон металла привлёк моё внимание обратно на улицу. Я решила рискнуть и направилась туда. Ожидала увидеть очередную группу нервных новичков или хотя бы кого-нибудь из Девятки, но там были только Кабелл и Бедивер.

Мой брат отрабатывал серию блоков и парирований, на этот раз с двуручным мечом, а не с тупым тренировочным оружием.

Я замерла, почти не веря своим глазам. Кабелл всегда оживал по ночам, и не раз возвращался домой после ночных гуляний по улицам Бостона или собраний гильдии в то время, как я только вставала. Для него рано встать означало проснуться в полдень.

Но сейчас он был здесь достаточно долго, чтобы успеть взмокнуть от пота. Его лицо покраснело, а в глазах читались настоящие эмоции, когда он улыбнулся какому-то замечанию Бедивира.

– Да, хорошо, хорошо! Молодец, парень! – похвалил его пожилой мужчина, хлопнув Кабелла по спине, когда тот остановился передохнуть. Стремление заслужить одобрение, отражавшееся на лице брата, его ответная улыбка – это было почти больно видеть.

Я чувствовала себя странно отстранённой, словно туман уносил меня куда-то прочь, делая бесплотной и исчезающей. Кабелл поднял меч вновь, но, заметив меня, замер. Его лицо напряглось от беспокойства.

Я прижала два пальца к ладони. Позже. Затем сложила руками небольшой квадрат. Библиотека.

Он кивнул, поворачиваясь обратно к Бедивиру, чтобы продолжить тренировку. Старый рыцарь поднял руку в приветствии, и я ответила тем же жестом, изо всех сил стараясь изобразить улыбку.

Я могла бы попытаться поговорить с Кайтрионой или хотя бы следить за ней, но это лишь окончательно настроило бы остальных против меня. Нет, лучшее, что я могла сделать сейчас, – это продолжить собирать информацию и убедить Кабелла и Неву взглянуть на комнату собственными глазами. Возможно, это наконец заставило бы их искать другой выход из Авалона.

Возможность представилась в виде мягкого вздоха удивления позади меня на ступенях. Лицо Мари, цвета листвы, выглянуло из-за груды сложенного белья в её руках.

– Прошу прощения, я вас не заметила.

– Не понимаю, как вы вообще что-то видите, – сказала я. – Вам помочь?

Лицо Мари напряглось, и я задумалась, не вспоминает ли она сейчас мои резкие слова из библиотеки.

– В библиотеке я была с вами груба, – продолжила я, быстро обдумывая, что сказать. – Хотела бы загладить вину…

Через мгновение её выражение лица смягчилось, но она всё ещё избегала смотреть мне в глаза, позволяя взять у неё половину простыней из её неустойчивой стопки. Ткань всё ещё была холодной после того, как её сняли с верёвки на южной стене.

Мари не любила пустых разговоров. В течение нескольких минут стало очевидно, что моя обычная тактика – позволить собеседнику заполнять тишину нервной болтовнёй – здесь не сработает; казалось, Мари наслаждается этим редким покоем. Мне пришлось искать подход к ней на её условиях.

– Итак… – начала я, лихорадочно подбирая слова, чтобы хоть что-то сказать, пока торопливо следовала за ней. Для такой маленькой она двигалась с грацией и скоростью кошки. – Что вы знаете о единорогах?

Сон маячил где-то в глубине сознания, умоляя признать его значимость, но мне было немного стыдно, что этот бессмысленный вопрос оказался лучшим, на что я была способна в данный момент. Вот почему я не люблю вести пустые разговоры.

Брови Мари удивлённо приподнялись.

– Вы их встречали?

– Нет, – ответила я, чувствуя раздражение из-за собственной неловкости. Я ведь могла бы справиться лучше. – Просто подумала, что… в библиотеке вы столько узнаете о легендах. Мне было интересно, существуют ли они на самом деле. Или они выдуманы… ну, знаете, из снов.

– Сон о единороге – это чудесное предзнаменование грядущей удачи, – сказала Мари, начиная отворачиваться, но затем обернулась, не удержавшись от объяснений. – Они когда-то существовали. Одни из самых любимых созданий Богини, такие же кроткие, как и свирепые.

– Когда-то? – переспросила я. – Что с ними стало?

– Никто точно не знает, только то, что они перестали являться жрицам и больше не помогали исцелять больных, – ответила Мари, снова двинувшись по коридору. – То же самое случилось с драконами.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное.

– Постойте… драконы? – окликнула я, поспешив за ней.

После того как мы сняли постельное бельё в зале и оставили чистые простыни, мы понесли грязное бельё к священным источникам. Их стирали в отдельном бассейне, глубоко в пещере. Именно там я увидела первую настоящую возможность получить ответы.

– Есть ли под башней другие комнаты или тоннели, как этот? – спросила я у Мари, когда мы поднимались по ступеням обратно во двор.

– Конечно, – ответила она своим мелодичным, словно парящим, голосом. – Их столько же, сколько у тела вен. Некоторые обрушились с течением времени, другие просто забыты, ожидая, чтобы их вновь нашли.

– И нигде не сохранилось упоминаний о них? – спросила я, следуя за ней через двор. Она была такой хрупкой – словно росток по сравнению с остальными из нас. Неудивительно, что остальные авалонцы едва замечали её, когда она спешила мимо с опущенной головой.

– О, как бы я хотела, – вздохнула Мари. – Эти знания умерли вместе с верховной жрицей Вивиан. Она была… – Она замялась, собирая мысли. – Она была верховной жрицей, когда волшебницы восстали против друидов, и именно она научила меня почти всему, что я знаю о магии, ритуалах и истории Авалона.

– Блоха говорит, что теперь ваша верховная жрица – Кайтриона, – заметила я. – Успела ли она чему-нибудь научиться у последней перед её смертью?

– Да, но не слишком долго. – В этот момент в Мари что-то изменилось. Она выпрямилась, расправив плечи, ведя нас вверх по лестнице. Даже голос её прозвучал яснее. – Кейт была первой, кого призвали из нашей Девятки, но мы выбрали её, потому что она лучшая из нас.

– Никто не идеален, – выдавила я.

– Кейт – идеальна, – возразила Мари, бросив на меня дерзкий взгляд. – Она самая храбрая душа из всех, кого я знаю, и самая добрая.

– Она не была доброй к Неве, – заметила я.

– Только потому… потому что она так хорошо знает древние истории, – возразила Мари, убирая за ухо прядь белых волос. – Предательство сестёр нелегко забыть и простить.

– Вы думаете, верховная жрица могла научить её чему-нибудь о магии Повелителя Смерти? – спросила я.

Мари уставилась на меня, её широко посаженные глаза выражали чистое изумление.

– С чего вы это взяли?

Мой желудок сжался, наполняясь чувством вины за всё, что я должна была сказать, но так и не произнесла. Не рассказать ей, зная, какая угроза нависла над жрицами, казалось неправильным. Я всего лишь хотела посадить зерно сомнения в её сознание, чтобы оно проросло и заставило её самой искать ответы, но теперь это ощущалось жестоко до невозможности.

Девятка были преданы Кайтрионе и друг другу, возможно, непоколебимо, после всего, что им довелось пережить вместе. Впервые, глядя на Мари, я начала сомневаться в том, что вижу собственными глазами.

Почему Кайтриона вообще пошла бы на это, зная, что это угрожает её сёстрам и унесло жизни сотен, если не тысяч авалонцев?

Может, она служит другому, подумала я, а всё это – их замысел…

Но эта мысль лишь породила ещё больше вопросов, с которыми мой усталый разум уже не мог справиться. Вместо этого я спросила:

– Что дальше?

– Боюсь, если я скажу, вы не захотите помогать, – с улыбкой ответила Мари.

Я уже слишком хорошо знала гардеробы – по сути, средневековые уборные, выступающие из задней части башни. Они представляли собой всего лишь отверстие в деревянной скамье, которое вело к зловонному, застоявшемуся рву внизу. И, к моему нескончаемому удовольствию, мне пришлось осмотреть каждую из них, опустошая ночные горшки и выливая использованную воду.

Мари всегда держалась на краю – лестницы, стены комнат, двор. Чем дольше я за ней наблюдала, тем яснее понимала: она была невидимым двигателем башни, тихо распределяя дневные задачи между всеми и беря на себя самую неблагодарную, незаметную работу. В её природе эльфинки было заботиться о животных, и, казалось, это распространялось и на людей.

Несколько часов спустя Мари перешла к своей последней задаче дня – учёту запасов пищи и других припасов, а затем распределила их среди тех, кто готовил вечернюю трапезу. Среди них оказалась и Олвен, которая пришла за припасами сама.

Кладовая находилась в комнате в глубине зала для сна, где всё ещё сновали люди, приветствуя Олвен, пока сворачивали матрасы и складывали одеяла в дальнем конце комнаты.

Улыбка жрицы стала шире, когда она заметила меня. Простое платье цвета увядшей розы облегало её пышные формы, его свободные рукава-колокола были закатаны и закреплены, чтобы не мешать работе.

– Просто любуюсь видами, – весело сказала я.

Олвен передала маленькую корзинку Мари, которая подняла её с явным удовольствием. Внутри, свернувшись калачиком, сидел лохматый серый котёнок, который смотрел на неё с таким же интересом, как и она на него, внимательно изучая её лицо своими необычайно яркими голубыми глазами.

– Я подумала, что вам может пригодиться новый мышелов для кладовой или просто друг, который будет составлять вам компанию, – сказала Олвен с улыбкой. – Не знаю, что случилось с его матерью и братьями. Он просто пришёл на кухню и выпил немного козьего молока.

– Ох, какой же ты милый, – пробормотала Мари, поднимая котёнка из корзинки. – У него есть имя?

– Раби? – предложила я. Но, глядя на его очаровательную мордашку, я с невыносимой тоской вспомнила проказливых котов в библиотеке гильдии.

– Странное имя, – заметила Мари, заметно расслабившись, когда прижала котёнка к себе. Тот с мягким мурлыканьем с готовностью принял ласку. – Мне кажется… да, ты больше похож на Грифлета. Спасибо, Олвен!

– Не забудьте что-нибудь поесть перед вечером, – напомнила Олвен. – Вы оба. Если придётся, я вас найду и покормлю кусочками сыра.

– Для справки: вы можете делать это в любое время, – сказала я.

Кладовую освещали три стеклянных окна, сквозь которые открывался безжалостный вид на происходящее внутри. Я оглянулась.

Комната была такой же просторной, как спальни, и пахла сладостью сушёных фруктов, но еда была сложена только на одной стене с полками. Мой желудок сжался при этом виде.

– А где вы храните остальное? – спросила я.

Мари поставила котёнка на пол, позволяя ему исследовать комнату. Олвен быстро закрыла за нами дверь и прижала палец к губам.

– Они не знают? – вырвалось у меня. Я снова обвела взглядом полки. – Этого хватит на недели, а не на месяцы.

– Теперь вы понимаете, почему так важно вырастить урожай во дворе, – сказала Олвен, бросив взгляд на Мари, которая хлопотала с почти пустой банкой сушёных ягод. Вид этих ягод напомнил мне о почти излишне сладком хлебе, который они подали нам вчера вечером.

Угроза нависла надо мной, словно тень. Не было никакой возможности, чтобы эти запасы продержались до появления съедобного урожая. Если только…

– Вы можете использовать магию, чтобы ускорить рост урожая? – спросила я.

– Да, – ответила Олвен. – Но мы избегаем этого, учитывая, что магия острова сейчас такая… нестабильная.

Я быстро прикинула в уме, сколько еды потребуется двумстам людям каждый день.

– Думаете, они смогут созреть полностью за две недели?

Зачем ты это делаешь? – прошептал мой внутренний голос. – Это ведь не твоя проблема…

А разве нет? Я не собиралась дать нам умереть от голода до того, как мы найдём путь обратно в наш мир.

– Возможно, – сказала Олвен. – А что?

– Вам повезло, – заявила я, потянувшись к первой корзине с зерном. – Потому что, если есть что-то, что я умею, так это растянуть немного еды, чтобы она продержалась как можно дольше.

А если понадобится, я буду юлить и врать, пока не погаснет последняя искра их надежды.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 28

Неудивительно, что Нева снова вернулась в библиотеку. К тому моменту, как я с трудом дотащила своё уставшее тело наверх, чтобы поговорить, стопка книг рядом с ней выросла настолько, что я чуть было не прошла мимо, не заметив девушку за столом.

На ней были наушники, и её мечтательная синтезаторная музыка словно бродила между рядами полок, любопытствуя, какие книги ей встретятся.

Я рухнула на стул прямо напротив неё.

С тяжёлым вздохом Нева нажала на паузу и опустила наушники.

— Мне каждый раз приходится морально готовиться к этому вопросу, — сказала она. — Но всё в порядке?

— Готовься радоваться, — ответила я. — Всё ещё хуже, чем ты можешь себе представить.

— Я представляю, что ты выяснила: Материнское Дерево погибнет через несколько дней, лишив мир последних крох магии, и мы останемся лёгкой добычей для Детей и всех червей, что копошатся в почве, — сказала Нева.

— Окей, — выдохнула я. — Вау. Я… даже не уверена, что у меня новости хуже.

— Ты расскажешь мне? — спросила Нева. — Или я должна угадывать? Потому что следом в моём списке — высыхание священных источников.

Я вывалила на неё всю историю так быстро, что к концу мне пришлось ловить дыхание. Всё это время Нева молча смотрела на меня, её хмурый взгляд становился всё тяжелее.

— Что думаешь? — спросила я.

— Думаю, ты убеждена, что видела кого-то с серебристыми волосами, — сказала Нева. — И ты предполагаешь, что это Кайтриона, так же как предполагаешь, что всё это связано с друидами и Владыкой Смерти.

— Ты вообще слышала про статуи из человеческих костей? — возмутилась я. — И про метку короля Аннвна?

— Эти “статуи” могли быть чем угодно, например, памятниками умершим, — Нева вытащила из стопки одну из книг. — А котёл мог быть подарком.

— Ты не чувствовала ту комнату, — сказала я. — В ней было что-то не так. Что-то тёмное. А котёл…

— Смотри, — Нева подняла палец. — Легендарных котлов немало, как ты, полагаю, знаешь. И не все из них несут тьму. Есть, например, тот, что наполняется едой без конца. Кстати, интересно, где он… Как думаешь, он мог бы делать кислые мармеладки? Или макароны с сыром? Я бы отдала за это палец на ноге. Только не большой.

— Это должна быть она, — я упрямо покачала головой. — Её рост, движения… это она.

— Почему ты так уверена, что это Кайтриона? — спросила Нева.

— А почему ты так уверена, что нет? — парировала я. — Не понимаю, зачем ты её защищаешь, после всего, как она с тобой обращалась.

— Почему бы и нет? — рассеянно сказала Нева, снова уткнувшись в книгу. — Я ведь защищаю тебя перед другими.

Она осознала, что сказала, через мгновение и посмотрела на меня.

— Даже не думай смягчить это или взять слова назад, — сказала я. — Я заслужила. И, если что, мне правда жаль, что мы не сказали тебе правду. Но, зная, как передаётся кольцо, ты можешь меня винить?

— Я не виню тебя за желание защитить своего наставника и тем более не виню за попытку помочь брату, — сказала она, с шумом захлопнув книгу. — Но я злюсь из-за того, что меня выставили дурой, хотя ты и я прекрасно знаем, что я ей не являюсь.

— Я понимаю, — сказала я.

— И что ещё хуже, даже после того, как ты меня узнала, ты всё равно считала, что я способна убить Нэша ради своей выгоды, — продолжила Нева. — Так кто я для тебя? Безмозглая марионетка, которой можно манипулировать, или безжалостная колдунья?

Под столом мои руки сжались в кулаки.

— Ни то, ни другое. Я знаю, что порой бываю…

— Сложной? Колючей? Упрямой? — подсказала она.

— Всем этим, — согласилась я.

— И ты этим гордишься, — покачала головой Нева. — Почему? Я знаю, ты считаешь, что я слишком доверчивая, слишком мягкосердечная или что-то там ещё. Но что героического в том, чтобы отталкивать всех, кто приближается слишком близко?

— Я думаю, ошибка — пытаться помочь всем подряд. Нужно ставить себя на первое место, потому что никто другой этого не сделает, — возразила я. — И хотя в твоей доброте нет ничего плохого, рано или поздно каждому приходится закаляться, иначе мир найдёт, чем его разрезать.

— Тэмсин, у тебя не закалённая кожа, у тебя броня, — сказала Нева. — И броня, конечно, защищает от ударов, но и не даёт никому разглядеть, кто ты под ней на самом деле.

— Это неправда, — возразила я, чувствуя, как сердце в груди забилось слишком быстро.

— Со временем все перестают пытаться, не так ли? — продолжила она. — Думают, что ты к ним равнодушна. Устают от твоего негативизма. И что в итоге? Чувство безопасности? Или пустота?

Я хотела отодвинуться, выйти из комнаты, но её слова будто вдавили меня в кресло. Я не могла вдохнуть достаточно глубоко. Холодный пот выступил на груди и спине.

— Знаю, в это трудно поверить, но я тебя понимаю, — сказала Нева. — Если показать, что тебе кто-то или что-то небезразлично, это делает тебя уязвимой. Мир получает ещё один способ тебя ранить. Но наступает момент, когда нужно решить, что лучше: пустота или риск быть сломанной.

Она протянула мне руку, ладонью вверх. После всего, что я сделала, она всё ещё предлагала.

Я замялась, но всё же протянула руку в ответ, сжав её предплечье так же, как она сжала моё.

Нева улыбнулась. В свете свечей зелёные крапинки в её карих глазах сверкали.

— Ты умная, преданная и заботливая, — сказала она.

Её хватка чуть усилилась, наигранно, почти поддразнивающе, и улыбка стала шире, когда я попыталась не заёрзать.

— Вот так. Ты примешь этот искренний, сердечный момент и будешь мучиться от него, хотя внутри тебя всё будет умирать, да?

Я поморщилась.

— Ага.

— Отлично, — сказала она с деланой строгостью и, напоследок сжав мою руку, отпустила её. — В качестве искупления тебе придётся вынести ещё несколько таких трогательных моментов и смириться с тем, что ты моя подруга.

— Сжалься, — взмолилась я. — Может, я просто украду для тебя что-нибудь, что ты сможешь отнести в Совет Сёстриц, и мы будем квиты? Может, им впечатлит одна из этих жутких костяных статуй…

— Тэмсин! — Она метнула в меня перо. — Даже не думай.

— Почему? — удивилась я. — Меня же ни разу не поймали. Ну, кроме того раза. Но там был форс-мажор, попугай выдал меня с потрохами.

— Послушай, — начала она, но запнулась, словно подбирая слова.

— Ты хочешь узнать про попугая, да? — спросила я.

— Да, — призналась она с виноватым видом. — Ничего не могу с собой поделать. Расскажи всё.

— Его звали Каррот, и он жил в антикварной лавке в Праге, — сказала я. — И он был предателем, хоть и красавцем.

Нева закрыла глаза и мечтательно вздохнула.

— Каррот-попугай… Это гениально.

— Моё предложение в силе, — сказала я, скрестив руки и откинувшись на спинку стула.

— Ответ всё равно нет, — ответила она. — Но я ценю твоё рвение послужить Опустошителям.

Она осеклась слишком поздно.

— Я имею в виду… не то чтобы я считала Опустошителей ворами, просто… ну… ты понимаешь…

— Опустошители — воры, — сказала я. — Мы просто придумали себе другое название, чтобы спалось спокойнее.

Нева покачала головой и снова углубилась в книгу.

— Можно спросить? — начала я.

— Если это о том, чтобы сбежать из Авалона, прежде чем мы найдём способ помочь, то нет, — отозвалась она, даже не взглянув на меня, и перевернула страницу.

— Почему тебе так важно быть принятой в Совет Сестриц? — спросила я. — Я понимаю желание учиться, честное слово, уважаю твоё стремление, но ты и так добилась огромного успеха, обучая себя самостоятельно. А теперь у тебя ещё и Девятеро помогают. Насколько я знаю Совет, они скорее попытаются вытравить из тебя всю творческую жилку и доброту. Ты не боишься идти своим путём, так зачем тебе их одобрение?

— Всё не так просто, — сказала она, и её пальцы едва заметно сжались на книге. — В том мире — в нашем мире — я буду никем.

— Ты никогда не будешь никем, — резко сказала я. — Тебе не нужны их деспотичные законы и устаревшие заклинания.

— Нет, ты не поняла, — сказала она. — Я в буквальном смысле буду никем.

Я откинулась на спинку стула, обдумывая её слова, но она не стала объяснять. Вместо этого она залезла в лиф платья, вытянула цепочку и сняла её через голову, впервые показывая то, что всё это время скрывала.

Подвеску.

Она положила её между нами, глядя на неё с такой напряжённостью, будто перед ней затаилась змея. В простой серебряной оправе покоилась овальная белая… нет, не белая, а переливчатая, таящая в глубине россыпь цветов.

— Этот камень называют Глазом Богини, — тихо сказала Нева.

И память сама подбросила мне ответ.

— Ужасно редкий артефакт, способный усиливать магию.

Я едва удержалась, чтобы не взять его в руки и не рассмотреть поближе.

— Он принадлежал моей матери, — сказала Нева. — Я нашла его, когда помогала тёте убираться на чердаке. И сразу поняла: по выражению её лица, по тому, как она замерла. Я не должна была его находить. Как, впрочем, не должна была узнать, кто я такая.

Меня пронзил шок.

— Она скрывала, что ты ведьма?

— Не совсем. Меня подбросили к её дверям младенцем — классика, — усмехнулась Нева, но в её глазах была боль. — Тётя всегда утверждала, что не знает, кто меня оставил и кто была моя мать. Она чувствовала во мне магию, но не была уверена, проявятся ли у меня полные силы. Я могла с таким же успехом оказаться Одарённой, как и она.

— Но потом тебе исполнилось тринадцать, — мягко сказала я.

Нева кивнула.

— Это сложно объяснить… Однажды ты просто просыпаешься, и кажется, что тебя разрывает на части электрический ток. Если магию не обуздать и не направить в заклинания, она вырывается наружу. Пожары. Взрывное стекло. Проклятия, насылаемые на врагов…

— Последнее ты сказала слишком буднично, — нервно рассмеялась я. Но Нева не ответила тем же.

— Тётя… я не знаю, что она думала, — продолжила она. — Что если мы будем её игнорировать, она исчезнет? Но даже когда я положила подвеску обратно, она продолжала звать меня. Я чувствовала, что она должна быть моей. Клянусь, она шептала мне сквозь стены.

Я молчала, позволяя ей продолжать, когда она будет готова.

— Я не хотела расстраивать тётю и сопротивлялась целый год, убеждая себя, что не нуждаюсь в ней. Но однажды, когда она ушла на работу, я больше не смогла себя обманывать. Вернулась на чердак… и нашла не только подвеску. Там были книги моей матери. И её палочка.

Мне не нужно было спрашивать, она и так знала, о чём я подумала. Это была та самая палочка, которую Кайтриона забрала в нашу первую ночь здесь.

— И тогда я поняла, что тётя мне лгала, — голос Невы стал совсем тихим. — Она знала, кто моя мать. Они были подругами. Я нашла письма, которые та ей писала. В одном из них она рассказывала, что мой отец умер. Но нигде не было подписи — только буква «С». И последнее письмо расставило все точки над i.

Я подняла брови.

— Что в нём было?

— «Её зовут Нева. Не позволяй им забрать её».

— «Ими» могли быть кто угодно, — сказала она. — Семья отца, кто бы они ни были, Совет Сестриц, государство Южная Каролина… Всё, что я знала наверняка, — что тётя всё это от меня скрывала. А ведь это было моё.

Она вздохнула и продолжила:

— Так что, когда тётя уходила на работу, я тоже работала. Перелопачивала мамины книги, пытаясь узнать больше о ней, повторяла заклинания, которыми она пользовалась. И подвеска делала всё в разы проще.

— Ты думаешь, она могла сыграть роль в защитном заклинании, которое ты наложила, когда мы впервые сюда попали?

— Олвен считает, что она усилила его, — кивнула Нева. — Но ещё… Знаешь, я столько раз читала, что магия — это то, что нужно контролировать, подчинять, направлять в определённые формы. Её так много, она так дикая и бесконечная, что система установленных символов-ключей должна её сдерживать. Но для меня она никогда не ощущалась именно так, пока Олвен не объяснила, что жрицы используют магию иначе. Для них она… интуитивная.

Я нахмурилась.

— Интуитивная в каком смысле?

— Ты призываешь магию так, как тебе удобно, как кажется естественным, — сказала Нева. — Она откликается на твою волю, на то, как ты её представляешь. Хотя заклинания не всегда выходят точно такими, какими ты их задумала. Думаю, именно поэтому ведьмы разработали свой язык — чтобы всё стало конкретнее. И предсказуемее.

— Логично, — сказала я. Лично я в любой день предпочла бы надёжность метода ведьм.

— Олвен использует для этого напевы, другие — песни, — продолжила Нева. — Мари молится прямо Богине, а Лоури, сестра, что работает в кузнице, использует жесты.

— А ты закричала, — вспомнила я.

— Именно, — кивнула Нева. — Я знала, какое заклинание нам нужно, и крик просто вырвался сам — без раздумий, чистый инстинкт. Я сотворила заклинание.

— Это… — я даже не сразу нашла слова. — Это делает тебя ещё более впечатляющей. Но, зная, что есть и другой способ владеть магией — и тебе он явно даётся, — зачем тебе Совет Сестриц?

Вздох Невы был таким тяжёлым, будто вырвался не только из её груди, но из самой души.

— Это так глупо, я знаю. Я не должна хотеть их признания. Но хочу.

Она закрыла глаза, словно прокручивая в голове воспоминание.

— Несколько недель назад тётя вернулась с работы раньше обычного. Мы поссорились. По-настоящему. Так, как никогда раньше… — сказала Нева. — Я люблю её больше всех на свете, но тогда наговорила ужасного. Что она пытается меня сдерживать, что хочет, чтобы я была такой же слабой, как она… Она уверяла, что все её ложь и полуправда были ради моей защиты, но так и не сказала, от чего. Умоляла меня не идти в Совет Сестриц. Просто оставить всё это.

— Но ты не смогла.

Нева покачала головой и открыла глаза.

— В тот же день я ушла на вступительные испытания в их школу колдовства. Я говорила тебе правду — мне даже не дали попробовать. Едва позволили сказать слово. Но я не рассказывала тебе, что дело было не только в отсутствии наставника.

— Что ты имеешь в виду?

В её взгляде вспыхнула тихая, но неумолимая злость — та, что превращает железо в сталь.

— У меня не было доказанного происхождения. Не было документов, подтверждающих мою материнскую линию. Я даже не могла назвать имя своей матери. Я до сих пор вижу, как они сидят за столом и смеются…

Мои челюсти сжались так крепко, что я не могла говорить. Я чувствовала это, будто стояла рядом с ней в тот момент. Унижение. Отчаяние оттого, что ты абсолютно одна в своей истории и не можешь сложить из разрозненных обрывков хоть какое-то прошлое. Потребность в признании.

Я никогда не смогу по-настоящему понять многое из её жизни, но это… это я понимала.

— Пусть сгниют в адской бездне, — сказала я с яростью. — Они тебе не нужны. Ты слишком хороша для них во всём.

— Но они мне нужны, — возразила Нева. — Дело не только в принятии. И даже не в том, чтобы лучше овладеть своей силой. Я думаю… кое-что, что тётя сказала перед моим уходом, заставляет меня верить, что в архивах Совета Сестриц может храниться Бессмертие моей матери.

И ответы о том, кто я.

Она не сказала этого вслух, но мне и не нужно было. Я потеряла своё прошлое. А она ещё могла найти его. Нева была готова на всё, даже отправиться в Чужеземье, ради этих ответов.

Я понимала это тоже.

— Может, это и правда глупо, — вздохнула Нева. — Я даже не знаю её имени. С чего мне начать поиски?

— Ну, у тебя есть подруга, которая довольно искусна в поисках, — напомнила я. — Даже сделаю тебе скидку для друзей и семьи.

Нева фыркнула, но в её глазах стало ещё больше печали.

— Колесо Фортуны в перевёрнутом положении, Пятёрка Жезлов, Тройка Мечей, — пробормотала она.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: она говорит о своём последнем гадании в Mystic Maven. Сколько бы она ни говорила о том, что не сдаётся, какая-то часть её приняла холодный приговор карт.

Её вопрос эхом отозвался во мне. *Я найду то, что ищу?*

И вот теперь я по-настоящему поняла, почему она так верит в благоприятный исход. Не потому, что в ней не было сомнений. Не потому, что она была наивной. А потому, что она была достаточно сильной, чтобы удерживать свою веру и надежду даже перед лицом потерь и отторжения.

— А как же «Это всего лишь мнение карт»? — спросила я. — Напоминаю, у меня ноль магических способностей. Ты получила бы тот же расклад, если бы спросила, подарят ли тебе пони на день рождения.

Это, по крайней мере, заставило её рассмеяться.

— Я люблю пони.

— Никогда бы не догадалась, — сказала я. — Но слушай, у меня есть связи среди ведьм, с которыми я работала. Не могу обещать, что кто-то из них согласится помочь, но нужна всего одна, чтобы проверить архив на наличие Бессмертия твоей матери.

— Ты правда думаешь, они могут? — спросила Нева, подалась вперёд и театрально округлила глаза. — Тэмсин… ты что, настроена оптимистично?

Я изобразила содрогание.

— Тебе придётся пойти со мной. Шансы, что меня не убьют за дерзость, будут выше, если ты будешь рядом.

— Думаю, это можно устроить, — сказала она, старательно пряча улыбку. — Если мы вообще выберемся к порталу живыми.

— Если.

Я посмотрела на стопку книг перед ней и вытащила одну. *Путь Целителя.*

— Что ты делаешь? — спросила Нева.

— Может, свежий взгляд поможет, — сказала я.

— Я уже прошлась по этой стопке.

— Тогда принесу ещё, — пожала я плечами. — Или просто посижу и буду восхищаться твоим умом и усердием.

Нева рассмеялась и сдвинула ещё одну книгу ближе ко мне.

— Это исследование оборотней Чужеземья.

У меня сжалось сердце.

— Ты изучаешь проклятие Кабелла?

— Да. И Олвен тоже.

Я открыла кожаный том, наслаждаясь запахом старого пергамента.

— Но вы ничего не нашли?

— Пока нет, — сказала Нева, перелистывая страницы. — Но у меня появилась мысль: а что если он вовсе не человек, превращённый в чудовище? Что, если его человеческая форма *и есть* проклятие?

В висках нарастал гул. Я молча уставилась на неё. Нева подняла взгляд.

— Ты когда-нибудь рассматривала такую возможность?

— Нет, — выдавила я.

— Ну, вот тебе и свежий взгляд, — сказала она. По моему лицу явно читалось недоверие, потому что она поспешила добавить: — Это всего лишь теория. У меня нет доказательств.

Я всё ещё мотала головой, стискивая книгу.

— Разве это так плохо? — мягко спросила она. — Это дало бы ему хоть каплю покоя.

— Разрушение проклятия даст ему покой, — возразила я.

Нева взглянула мне в глаза.

— Ты не представляешь, каково это — знать, что ты должен быть кем-то другим, — сказала она. — Это разъедает тебя изнутри, пока не останется только пустота, которую может заполнить лишь правда.

— Он человек, — сказала я. — У него человеческое сердце и человеческий разум.

А если нет? Тогда он принадлежал *другому* миру. И часть его всегда будет тянуть туда. Даже если он сам не поймёт почему.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 29

Минуты сплетались в часы. Каждая перевёрнутая страница затягивала меня всё глубже в манускрипт, над которым я корпела, и я настолько погрузилась в чтение, что только звук прочищенного горла смог вырвать меня из этого транса. Я подняла голову и увидела в дверном проёме библиотеки Эмриса — его лицо было мрачным, как грозовое небо. Позади него маячил Кабелл, в явном замешательстве.

— Что случилось? — спросила я.

Нева тоже очнулась от чтения, моргнув.

— Это из-за почвы?

— О, почва под камнями в порядке, а семена уже вовсю прорастают, благодаря небольшому вливанию магии от Дери, — сказал Эмрис, переминаясь с ноги на ногу. — Но, кажется, я нашёл кое-что. Совсем другое.

Его глаза горели лихорадочным блеском, который резко контрастировал с тёмными впадинами под ними.

— «Кое-что другое» — это значит, что я уже отстаю? — спросил Кабелл. — Может, кто-нибудь просветит меня? Я пытался прийти раньше, но Сэр Бедивер попросил о помощи.

— Кстати, о Сэре Бедивере… — начала я.

Лицо Кабелла исказилось ужасом, пока я быстро и тихо рассказывала ему о том, что Эмрис и я обнаружили прошлой ночью.

— И какая у Бедивера ко всему этому связь? — спросила Нева.

Но Кабелл, конечно же, уже всё понял. Он помнил рассказы Нэша о путешествиях Артура в Аннвн так же хорошо, как и я.

— Говорят, Сэр Бедивер был одним из рыцарей, сопровождавших короля Артура в Аннвн. Но я думал, что тот котёл, который они привезли, был связан с пищей?

— Вот! — воскликнула Нева.

— Сможешь попробовать что-нибудь разузнать? — спросила я. — Просто… прощупай почву.

— Прощупать бессмертного рыцаря Круглого Стола, — пробормотал Кабелл, потирая лицо руками. — Почему бы и нет.

Эмрис буквально вибрировал от нетерпения, пока я вводила Кабелла в курс дела, и было очевидно, что его терпение на исходе.

— Мы можем, наконец, двинуться? Вам это *действительно* нужно увидеть.

— Ты вообще спал с тех пор, как мы сюда попали? — спросила Нева, склонив голову набок и внимательно разглядывая его. — Может, тебе сначала вздремнуть? У меня есть зелье, которое вырубит тебя за секунду. На вкус, как шерсть летучей мыши, но, знаешь, ночные заклинания — ночные создания и всё такое.

Эмрис бросил на меня умоляющий взгляд, и часть меня — та, которую я не хотела признавать — дрогнула. Я изо всех сил старалась не думать о том, что произошло между нами в гардеробной, но сейчас это нахлынуло с новой силой.

— Ладно, — вздохнула я, закрывая книгу. — Что бы ты ни нашёл, это вряд ли хуже того, что было прошлой ночью.

***

Пустота башни дала понять, что время было позднее, даже позже, чем я думала. Двери спального зала были приоткрыты, и я смогла разглядеть внутри Олвен, Блоху и Арианвен, сидящих вплотную друг к другу.

Эмрис повёл нас вниз, к выходу из башни, дождавшись, пока Беатрис и другие стражники отвернутся, прежде чем мы рванули через двор. Я оглядела результаты их дневной работы: половина камней была убрана, открывая чёрную, тщательно обработанную почву, засеянную ровными рядами.

Кабелл бросил последний взгляд на дозорных наверху.

— Чисто.

Эмрис махнул нам, указывая следовать за ним в оружейную.

Небольшое здание было на удивление хорошо освещено, и, если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что когда-то это была сторожевая башня. Теперь же воздух был наполнен запахом животного жира и льняного масла, которыми полировали инструменты и клинки.

Рядом со мной Кабелл сморщил нос.

— И что теперь, Дай?

Старый, побитый доспех, кроваво-красный от ржавчины, застыл молчаливым стражем комнаты. Эмрис поставил нас с Невой прямо перед ним, затем замер, ожидая чего-то.

И через несколько секунд я это почувствовала.

Из-под пола дохнуло ледяным сквозняком.

Нева вздрогнула, когда ветерок взметнул подол её юбки.

— Что это? — спросила она.

— Тот же вопрос задал и я, — сказал Эмрис. — Кто-нибудь хочет…

— Никто не хочет спорить или играть, — перебила я. — Мы устали.

— Ладно, ладно, — проворчал он.

Он поднял забрало шлема ржавых доспехов и залез в пустоту за ним. Потянул что-то с силой — и пол под нами задрожал.

Кабелл протянул мне и Неве руки, чтобы мы не потеряли равновесие, когда секция пола начала опускаться.

— Чёрт возьми… — выдохнул он.

Моё тело напряглось, когда платформа опустилась в темноту туннеля — такого же древнего и грубо высеченного, как тот, что вёл под главным залом.

— Ого, — сказала Нева, пытаясь разглядеть, что скрывается в тенях впереди.

Как только мы сошли, пол поднялся обратно.

— Нам стоит волноваться? — спросила я слабым голосом.

— Внизу есть другой рычаг, чтобы снова её опустить, — уверил меня Эмрис. — Я потратил на его поиски целый час своей жизни.

Когда платформа заняла место, блокируя последний луч света сверху, я поняла, что забыла в спешке.

— Моя рабочая сумка… — пробормотала я, прижимая ладонь ко лбу.

— Не бойтесь, дамы и господа, — сказал Эмрис, надевая налобный фонарь и включая его. — Я обо всём позаботился.

Рядом со мной Нева закрыла глаза и вдохнула, словно делая последний мягкий вдох перед поцелуем. Её губы двигались, но прежде чем я услышала песню, прошло несколько мгновений.

Слова, которым не было перевода. Напев, рождённый из самой глубины её души.

Он подхватывался камнями вокруг нас, сплетаясь с эхо, пока голос Невы не превратился в саму магию, а магия — в её голос.

Мелодия была неземной, полной обещаний, словно откровение.

На кончиках её пальцев собрались всполохи бледно-голубого света. Она поднесла руки к губам и мягко подула на них, рассыпая мерцающие искры вдоль туннеля, словно одуванчиковые семена. Их свечение наполнило меня ощущением, будто я парю в одном из водоёмов подземной пещеры.

— Это невероятно, — сказала я ей.

И для этого ей не понадобился ни сигил, ни даже её палочка. Она просто сделала то, что было естественным, и результат оказался ошеломляющим.

Нева засияла улыбкой, проводя пальцем по одному из светляков.

Стараясь сохранить хоть каплю достоинства, Эмрис поднял руку и выключил налобный фонарь.

— Ну, этот вариант тоже работает.

— Куда мы идём? — спросила я. — Неужели ты притащил нас сюда просто ради этой парадигмы холодного, сырого туннеля?

— Это, скорее, древний путь в мрачное ненаступающее утро, — отозвался Эмрис, направляясь вперёд. — Но да, он действительно сырой и холодный.

Проход был коротким, но зловонным — разложение острова ощущалось здесь сильнее, чем в предыдущем туннеле. Воздух был густым от влаги, а с каждым нашим шагом вонь лишь усиливалась. Я напрягала слух, стараясь уловить что-то за пределами наших шагов и капель воды, просачивающейся сквозь каменные стены.

В конце тропы света, проложенной Невой, я различила что-то вроде грота. Настолько сосредоточилась на нём, что не заметила перед ним небольшую комнату.

По спине скользнул холодок, дрожащий и липкий, когда я повернулась направо.

За решётчатой железной дверью виднелась крипта. Сквозь ржавые прутья можно было разглядеть три простых каменных саркофага. В этом безжизненном уголке не было ни красок, ни украшений — только выбитые на крышках имена.

Ближайший ко мне гласил: **МОРГАНА.**

— Можем ли мы предположить, что речь о той самой Моргане, что Моргана ле Фэй? — спросил Эмрис.

— Да, — тихо ответила Нева. — Олвен рассказывала мне об этом. Когда выживших ведьм изгнали, Верховная Жрица Вивиана не знала, что делать с телами тех, кто умер, мстя друидам. Она решила не хоронить их в земле, чтобы не дать им переродиться, но не смогла сжечь.

Я кивнула, чувствуя, как что-то тяжёлое застревает у меня в горле. Несмотря ни на что, Верховная Жрица всё ещё любила своих сестёр, даже после их предательства. Она не оставила их гнить в земле.

Как это сделала я с останками Нэша.

— Кто-то недавно навещал их, — сказал Кабелл.

Он просунул руку между прутьев и указал на букет засохших роз, оставленный у головы саркофага Морганы.

Нева прищурилась, стараясь разглядеть его получше.

— Это невозможно. Олвен говорила, что даже не знает, где находится крипта.

— Может, она и не знает, — сказала я. — Но кто-то помнил.

— Всё это, конечно, жутко и таинственно, — сказал Эмрис. — Но поверьте, я привёл вас сюда не ради этого. За мной.

По мере того, как мы продвигались вперёд, зловоние становилось таким густым, что я едва могла вдохнуть, не подавившись тошнотой. Мы вышли на широкую

каменную платформу с видом на часть рва, окружающего башню. Вода текла по гроту, её мутная жижа фильтровалась сквозь решётки.

— Вот, — сказал Эмрис, — почему я привёл вас сюда.

Я оглянулась через плечо… и застыла.

Нева сделала шаг ближе ко мне, её дыхание стало прерывистым.

Платформа простиралась вокруг нас, заполняя просторную пещеру.

По обе стороны от входа, через который мы пришли, стояли клетки.

Четыре.

Грубые, кованные из железа.

Две выглядели так, будто их разорвали изнутри — прутья были скручены, словно верёвки, а не металл. В третьей покоился груда серебряных костей.

А вокруг четвёртой земля была испачкана засохшей тёмной кровью.

Именно этой же кровью, скорее всего, были выведены символы на камнях у ног Невы. В этих знаках было что-то отчаянное, безумное, будто их наносили в спешке, не думая.

Кабелл тоже заметил их и мягко потянул Неву в сторону. Его ноздри раздулись, когда он осмотрел место.

— Итак, — сказал Эмрис, облокачиваясь на одну из клеток. — Какие-нибудь теории?

— Может, они держали здесь нескольких Детей, когда те только начали превращаться, чтобы выяснить, можно ли отменить тёмную магию? — предположил Кабелл.

— Я тоже так думал, но посмотрите, — Эмрис шагнул в клетку с костями и, поморщившись, поднял одну. Это была человеческая бедренная кость, но она была не полностью покрыта серебром — лишь испещрена пятнами, словно превращение было прервано. — Возможно, кто-то пытался превратить людей в Детей? Может, на создание проклятия ушло время?

— Нет, — резко сказала Нева.

Что-то в том, как она избегала нашего взгляда, вызвало у меня тревогу.

— Здесь нет никого, кто способен на такую магию, — продолжила она. — Чтобы создать этих существ, нужна по-настоящему тёмная душа.

Были немногие области магии, запрещённые Советом Сестриц — воскрешение и прочая магия смерти входили в их число. Слишком велик был риск создания буйных призраков — случайно или намеренно.

— Это верно для той магии, которой владеешь ты, — сказала я. — А что насчёт магии Владыки Смерти?

Нева молчала.

И вдруг в моей голове вспыхнула догадка.

— Ты узнала эти знаки на земле, да?

— Нева, если ты что-то знаешь… — начал Кабелл.

Наконец, она повернулась к нам.

— Я видела их в книге, которую мне нельзя было читать в лазарете Олвен, — призналась она. — На ней не было названия, и она была спрятана за её банками… я не хотела предавать её доверие, но…

— Ты говоришь с тремя Опустошителями, — вмешался Эмрис. — Здесь не осуждают за любопытство.

Нева выглядела так, будто её вот-вот стошнит.

— Это знак друидов. Как ведьмы, они использовали письменный язык, чтобы управлять магией, данной им Владыкой Смерти. Этот символ разрывает душу и тело.

Меня передёрнуло.

— Ты уверена?

— Абсолютно, — прошептала она.

В висках застучала кровь.

— Значит, мы были правы, — сказал Эмрис. — Кто-то в Авалоне *до сих пор* использует магию смерти. Всё, что произошло с островом, было сделано *намеренно*. Вопрос в том, почему? Из-за симпатии к друидам? Или потому, что они служат Владыке Смерти?

У меня закружилась голова, тело казалось пустым внутри. Тошнота накрыла меня волной, и я вынуждена была опереться на Кабелла, чтобы не согнуться пополам.

— Ты в порядке? — спросил он, сжимая мою руку.

Я отмахнулась, но он не отпустил.

— И ты считаешь, что за этим стоит Кайтриона? — спросила Нева, качая головой. — Ты пытаешься сложить все эти так называемые улики, но какой у неё мотив? Зачем ей уничтожать Авалон?

— Может, Владыка Смерти что-то ей обещал, — сказал Эмрис. — Завершить то, что начали друиды.

— Кайтриона тут ни при чём, — возразила Нева. — Это невозможно.

— Я вижу, как ты ненавидишь эту теорию, — сказал Эмрис. — И поверь, я тоже. Но мы не можем исключить возможность, что Кайтриона управляет Детями. Или, по крайней мере, работает с тем, кто это делает.

— Как мы вообще можем быть уверены, что ими кто-то управляет? — спросил Кабелл, почесав щетину на челюсти.

— Они всё ещё там, и ничего не делают, — сказал Эмрис. — Не охотятся, не роют землю, не ведут разведку. Просто ждут. Ждут приказа.

— Это просто невозможно, — возразила Нева, но её слова стали приглушёнными, будто доходили до меня сквозь толщу воды. Потом они совсем растворились в воздухе, перекрытые голосом Эмриса, и я почувствовала, как сознание начинает ускользать…

Моё тело словно оказалось в ледяном гробу — замкнутом, без единого сантиметра пространства, чтобы пошевелиться.

Пещера вокруг нас раскрылась, завуалированная густым туманом. Но этот туман прорезал рог.

С той стороны мутной жижи рва на меня смотрели блестящие чёрные глаза единорога.

На мгновение мы просто смотрели друг на друга, и я не смела дышать, боясь разрушить этот миг.

Но всё равно он разбился вдребезги.

Единорог встал на дыбы, и видение стремительно изменилось, каждый новый образ становился всё ужаснее.

Единорог растаял в тумане, и на его месте появились гладкие серые черепа, затем длинные, паучьи конечности. Когти впивались в мокрый камень.

Тэмсин? Мне показалось, что я слышу своё имя, но откуда?

Дети поднимались из густой трясины рва, вырываясь на платформу, их искажённые тела неслись по туннелю, к скрытому входу…

Я резко вдохнула, распахнув глаза.

— Тэмсин? — Кабелл держал меня за плечи, его хватка была железной, он слегка встряхивал меня.

— Что случилось? — спросил Эмрис.

Желчь стояла в горле, не давая говорить. Я покачала головой, опустившись на корточки.

— Пойдём, — сказала Нева, помогая мне подняться вместе с Эмрисом, поддерживая меня с обеих сторон. — Надо наверх, на воздух. Я позову Олвен…

Я яростно замотала головой, но как только веки сомкнулись, картина снова развернулась передо мной. Гнилостный, горячий выдох Детей обжёг моё лицо…

Я заставила себя открыть глаза. Передо мной было лицо Эмриса, он склонился так близко, что я видела тревогу в его взгляде.

— Ты выглядишь так, будто тебя сейчас вырвет, — сказал он. — Нева права, нам надо уходить.

— Когда ты уже поймёшь, что я всегда… — начала Нева, но вдруг оборвала себя. Она перекинула мою руку себе на шею, осматриваясь, вглядываясь в тени. — Вы слышите это?

Позади нас, там, где мутная жижа рва плескалась о камень, затхлая вода начала булькать. Клокотать.

Туман взметнулся, пронёсся мимо нас с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

И в его глубине, карабкаясь на платформу, вынырнули четыре тени.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 30

Мир вокруг меня словно укутало в тонкую, призрачную вуаль. Почти так же нереально, как кошмар, из которого я только что очнулась.

Нет. Это было… это было…

— Бежим, — выдохнул Эмрис. — Бежим!

Мы пробежали всего пять шагов, прежде чем первый из Детей взвизгнул и рванул за нами. Десять — прежде чем Кабелл понял, что я не успеваю, и, не раздумывая, закинул меня себе на плечо.

От каждого толчка моё тело отзывалось болью, но всё моё внимание было устремлено назад.

Когда мы прорвались через предкамеру обратно в туннель, Дети сломали строй, полезли вверх по стенам, цепляясь когтями за камень. Их челюсти щёлкали, пожирая огоньки, что оставила Нева, поглощая их один за другим. Позади нас туннель погрузился в кромешную тьму, и казалось, что существа мчатся по волне живой тени.

Туннель обрывался там, где платформа должна была опуститься из оружейной. Кабелл резко остановился. Слева я увидела, как Эмрис бросился к железному рычагу на стене. Платформа застонала, медленно приходя в движение.

— Сейчас, Нева! — крикнул Кабелл.

Её крик прорезал воздух, и сразу за ним вспыхнул свет заклинания. Он хлынул по камню, рванулся к Детям, разрывая их тела на прах.

Как только платформа опустилась достаточно низко, Кабелл бросил меня на неё и развернулся к остальным.

Нева пошатнулась, её лицо побелело от истощения. Эмрис подхватил её за руку, и вместе с Кабеллом они затащили её, а затем себя на медленно поднимающуюся платформу.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — выдохнул Кабелл, глядя на Неву.

— Как… — она тяжело дышала, едва проговаривая слова, — …как они пробрались внутрь?

— Должна быть какая-то брешь в стенах вокруг рва, — сказал Эмрис, запустив пальцы в волосы и сжав их в кулак. — Нужно предупредить остальных. Немедленно.

Но когда платформа достигла оружейной и замерла на уровне пола, крики Детей не смолкли. Они стали громче.

Они переросли в вой, оглушающий, как гроза, захлестнувший нас с головой.

Я вскочила на ноги и бросилась к ближайшему окну.

За мутным стеклом я увидела Беатрис — она крепко сжимала меч, её спина была прижата к стене.

А затем она рванула в центр двора с боевым кличем.

— Святые боги ночи… — выдохнул Кабелл и бросился к двери, распахнув её, прежде чем я успела его остановить.

Наконец мой разум сложил в единую картину то, что я видела.

Оружейные стойки вокруг нас были пусты.

Во дворе полыхал огонь.

Полосы пламени змеились вдоль стен крепости и между зданиями, разбивая пространство на сектора и загоняя Детей в огненные ловушки. Некоторые бросались в пламя, не ведая страха, стремясь прорваться туда, где Кайтриона, Арианвен и Рона защищали главный вход в башню, сокрушая каждого из Детей, кто пытался прорваться внутрь.

Эмрис поддерживал пошатывающуюся Неву. Я метнула на неё отчаянный взгляд.

— Мне… — она с трудом подняла руку, лицо её исказилось от боли, — мне нужно несколько минут, чтобы снова сотворить заклинание…

— Оставайся в оружейной, — сказала я, бросив взгляд на Эмриса.

Он кивнул, его взгляд вспыхнул решимостью.

— Мы выиграем тебе время.

Мы рванули вперёд, в бушующий хаос битвы, разыскивая факел или хотя бы какое-нибудь оружие.

— Блоха! — голос Кайтрионы привлёк моё внимание.

Девочка выскочила из башни, волоча за собой меч, почти равный ей по росту, и бросилась на стены, в гущу сражения.

Холодный ужас стиснул мою грудь, когда Кайтриона сорвалась с места, бросившись за ней.

Другие авалонцы были раскиданы между лазаретом, кухней и стойлами, сражаясь, отбиваясь пылающими стрелами и посохами.

Одно слово эхом стучало в моём сознании, пока я искала в дыму, в пламени, во тьме.

Кабелл.

Я снова увидела его у конюшни, рядом с Бедивером.

Тот загораживал вход, защищая лошадей и коз от жадных тварей, что сыпались с крыши, как пауки.

Повсюду лежали мёртвые — и Дети, и люди.

Кровавое побоище пригвоздило меня к месту.

Раскалённая стрела свистнула у меня над головой, вонзившись прямо в череп существа, которого я даже не успела заметить.

Серен, её золотые волосы были перепачканы тёмной кровью, натянула новую стрелу и крикнула сверху:

— К башне!

— Тэмсин!

Я обернулась в тот момент, когда Эмрис метнул мне свой топор.

Он опустился на колено, подбирая меч у павшего воина.

— Выиграйте мне несколько минут! — с трудом выдохнула Нева, её дыхание сбилось. — Я попробую понять, что сделала в прошлый раз, но мне нужно время!

Без слов Эмрис и я заняли позиции вокруг неё. Глаза щипало от дыма и жара, исходящего от пожаров, но хуже был запах крови и горящей плоти.

С криком я размахнулась топором, рубя тьму вокруг себя — удар в камень, удар в чудовищную плоть, снова, снова, снова, пока мне не показалось, что моё собственное тело тоже охвачено огнём.

Справа раздался страшный рык.

Я резко обернулась, лезвие моего топора рассекло мрак, но меня встретило не серое лицо нежити.

Это была оскаленная пасть огромного чёрного пса.

Я разжала пальцы в последний миг, едва избежав удара по его голове. Зубы чудовища сверкнули белыми кинжалами, прежде чем оно рванулось вперёд и сомкнуло челюсти на моём сапоге.

Воздух вырвался из лёгких, когда я ударилась спиной о землю.

Я попыталась перевернуться, вцепиться в камни, но оно волокло меня вперёд — прочь от других хищников, которые уже нацелились на свою добычу.

— Тэмсин!

Эмрис бросился ко мне, но я вскинула руку, останавливая его.

Пёс тащил меня к разрыву в линии огня, туда, где только что высаженные побеги раздирали Дети, оскверняя почву своей гнилой кровью.

— Нет, Кабелл, пожалуйста! — закричала я. — Пожалуйста!

Эмрис метнулся вперёд, пытаясь разжать пасть чудовища, но безуспешно. Тогда он схватил валявшийся камень и швырнул его прямо в одно из красных глаз.

Пёс взвизгнул, дёрнулся назад, отпустив меня.

Эмрис обхватил меня за плечи, поднимая. Я резко вдохнула, но как только поставила ногу на землю, мир перед глазами потемнел от боли.

Пёс взвыл, почуяв новую беззащитную жертву.

Неву.

Она стояла с закрытыми глазами, сосредоточенная.

Не защищённая.

Голос Кабелла затопил сознание, заглушая всё вокруг.

Не дай мне причинить кому-то вред.

— Нет! — закричала я.

Я рванулась вперёд, но пёс был слишком быстр, слишком силён. Он перепрыгнул огонь, тела, его взгляд ни на мгновение не отрывался от ведьмы.

Кто-то другой оказался рядом с ней первым.

Кайтриона спрыгнула со стены, приземляясь на корточки перед Невой. Её доспехи сияли золотом в свете пожарищ. Она вскинула меч, её лицо было высечено из стали.

Я не могла этого допустить.

— Кейт! — завизжала Блоха со стены.

— Держи её, Серен! — крикнула Кайтриона в ответ.

Остановите меня любой ценой.

Серен что-то закричала в ответ, но я не слышала ни слова за ревущей в ушах кровью.

Любой ценой.

— Не убивай его! — взмолилась я. — Не убивай его!

Кайтриона не подала виду, что услышала меня. Её взгляд был острым, оценивающим. Когда пёс прыгнул, она сделала резкий вдох. И разжала пальцы. Меч выпал из её руки. Полная масса зверя сбила её с ног, швырнув на камни рядом с Невой.

Её доспехи с лязгом покатились по земле. Но этот звук не был так страшен, как победный вой чудовища. И крик Кайтрионы. Пёс вцепился зубами в её стальной наруч.

Эмрис и я попытались схватить его за содрогающийся бок, оттащить, но он бился, извивался, ярился, становясь неуправляемым.

Жар исходил от его шкуры, его пульс учащался в жажде убить.

Кайтриона врезала кулаком в бок зверя, и тот зарычал от ярости.

Когти вытянулись на его лапе, что прижимала её грудь к земле, впиваясь в металл.

Любой ценой.

Свободной рукой она потянулась к кинжалу в сапоге. Эмрис полоснул по лапе, но пёс уже погрузился в свою жажду крови. Он разжал челюсти от её груди — и я увидела это слишком поздно. С ужасом наблюдала, как пасть смыкается там, где её шея соединялась с плечом. Зубы пробили броню, впиваясь в плоть.

Кайтриона закричала.

Стрела вонзилась в спину пса, но даже боль не заставила его разжать пасть.

Он тряс её, как тряпичную куклу.

Кровь залила её лицо, когда она попыталась ударить его по морде, по глазам.

Любой ценой.

Чья-то сильная рука толкнула меня в сторону, и в следующий миг передо мной уже был Бедивер. Он обхватил извивающееся чудовище за бока и с силой оторвал его от распростёртого тела Кайтрионы.

Мир вокруг меня треснул, раскалываясь на осколки.

Серен и Блоха бежали к нам.

Эмрис прижимал свою куртку к плечу жрицы, пытаясь остановить кровь, и выкрикивал имя Олвен.

Бедивер закричал:

— Подчини его! Держи его!

Пёс начал меняться.

Его тело искривилось, вытягиваясь, превращаясь во что-то… похожее на человека.

И тогда свет заклинания Невы хлынул во двор, сжигая Детей, смывая всё это… и нас вместе с ним.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 31

Тьма вернулась, как удушающая ладонь. Вокруг всё сливалось в размытые всплески движения.

Блоха всхлипывала, прижимаясь лицом к груди Кайтрионы, её дыхание запотевало на доспехах, там, где они ещё не были покрыты кровью. Она брыкалась, кричала, но Лоури, с застывшим лицом, оттащила её в сторону. Она обняла девочку, не давая вырваться, пока Рона, Серен и Эмрис поднимали обмякшее тело Кайтрионы.

Олвен уже направляла раненых в большой зал. Увидев их, она вскрикнула и бросилась вниз по ступеням.

Другие лишь молча замерли. Кто-то начал плакать, кто-то вскрикнул, не веря своим глазам.

— Начинайте прочёсывать башню и подземные пути! — выкрикнула Беатрис тем, кто застыл в ужасе на стенах. — Я найду Ари и встречусь с вами у источников.

Магия, что подпитывала огненные линии во дворе, разрядилась со злым шипением.

Сквозь дым я увидела, как Беатрис и Арианвен вытаскивали мечи из ещё подёргивающегося тела одного из Детей. Арианвен, плача, осторожно коснулась одной из его уродливых конечностей.

Позади меня раздался низкий стон ужаса.

Кабелл стоял, белый, как мел, едва держась на ногах. Его дыхание стало прерывистым, шок накатывал, но сквозь бурю смерти, что бушевала вокруг, его взгляд нашёл Неву.

Она сделала несколько шагов назад, её лицо было искажено страхом.

— Нет, — простонал он снова.

Кабелл вцепился пальцами в лицо, в волосы, когтистые руки оставляли на коже багровые полосы. В какой-то момент уже было невозможно понять, кровь на его руках принадлежала Кайтрионе или ему самому. Его одежда висела на нём лохмотьями после превращения.

— Теперь всё кончено, парень, — тихо сказал Бедивер.

— Каб…

Его голова резко дёрнулась вверх.

Взгляд, который он бросил мне, был полон такой злобы, такой боли, что у меня перехватило дыхание.

Любой ценой.

Бедивер положил руку ему на плечо.

Но прикосновение лишь разбило его окончательно.

Кабелл дёрнулся, вырвался из хватки и бросился прочь, растворяясь в колышущихся клубах дыма.

Я последовала за ним, пробираясь сквозь руины битвы, хватая ртом воздух, который не наполнял лёгкие. Живые двигались вокруг, словно лунатики, ковыляя в сторону башни.

Впереди Кабелл исчез в конюшне.

Я бросилась следом.

Животные метались в панике. Лошади били копытами по стенам стойл, не понимая, что угроза уже миновала. Козы носились по загону, визжа от ужаса, который я сама недавно ощущала во дворе.

Я услышала хриплое дыхание Кабелла в конце стойла.

Он осел по стене вниз, сжавшись в комок.

— Нет… нет… нет…

Это был не просто шёпот, а молитва, полная боли.

Я осторожно подошла ближе.

И тогда я почувствовала запах крови.

Кабелл лихорадочно раздирал ногтями порез, оставленный клинком Эмриса, разрывая кожу, и тёмная кровь струилась по его руке.

— Перестань—Кабелл! — Я рухнула перед ним на колени, пытаясь перехватить его руку.

Он сопротивлялся с такой силой, что сбил меня с ног.

— Прекрати!

— Я должен увидеть… я должен увидеть… — его зубы стучали, он бормотал это снова и снова.

Кровь всё ещё запёклась у него на подбородке.

Я подползла ближе, снова вцепилась в его запястье, покрытое кровью, вклинила своё тело между его руками, мешая когтям достичь цели.

— Увидеть что? Что ты ищешь?

Я повернула его лицо к себе.

И застыла.

Его глаза были пустыми.

Волны раскаяния, боли, что сотрясали его тело, вдруг стихли.

Он стал неподвижен.

Его взгляд умер.

И я знала, *знала* без слов, что сейчас я стала свидетельницей того, как в нём угас последний свет.

— Увидеть, серебряная ли она, — прошептал он. — Если я один из них.

Сердце глухо ударило в груди.

Я обхватила его за плечи, прижала ладонь к ране, пытаясь удержать кожу вместе.

Держать его вместе.

— Нет, ты не такой, — сказала я. — Я клянусь.

— Клянусь, что нет.

— Я убил её.

Это не был вопрос.

— Нет, ты… — я хотела возразить, но правда была в том, что я не знала.

Я не знала, что будет дальше.

Или что они с ним сделают.

И это пугало меня до смерти.

У меня не было оружия, чтобы его защитить.

Не было знаний, чтобы понять.

Я даже не могла бы вывезти его из башни — не выдав ещё больше, не бросив в ещё большую опасность.

Если авалонцы верили, что тьма медленно разъедает всю магию острова… решат ли они, что Кабелл так же осквернён, как Дети?

Кто сказал, что нет?

Тёмный голос в глубине сознания зашептал.

Он теряет контроль всё больше и больше…

— Твоя нога… — прошептал он, увидев кровь, следы укуса. — Я снова причинил тебе боль…

— Я…

Я крепче прижала его к себе, не давая погрузиться в пустоту.

Но это ничего не значило.

Ничего из этого больше не значило.

— Ты обещала, — с болью выдохнул он. — Ты обещала.

— Мы это исправим, — прошептала я, обнимая его, пока он дрожал в моих руках. — Я клянусь, мы найдём способ.

— Девочка.

Я подняла голову и увидела Бедивера.

Лицо его было исполосовано ранами, кожа потемнела от синяков, но в глазах отражалась лишь мягкость. Он едва заметно наклонил голову в сторону, указывая на дальний конец конюшни.

Я не двигалась, всматриваясь в лицо Кабелла, ища хоть проблеск эмоций за этой бесконечной пустотой в глазах.

Разорвав подол своей туники, я намотала ткань на его рану, затянув узел там, где кожа расходилась.

Он не отдёрнулся. Даже не вздрогнул.

— Я скоро вернусь, — пообещала я.

Когда старый рыцарь направился к выходу из конюшни, он осторожно коснулся каждого животного, умиротворяя их своим прикосновением. Лошади провожали его тёмными, внимательными глазами.

Бедивер выглянул во двор.

Беатрис поддерживала мужчину с глубокой раной на ноге, помогая ему добраться до башни.

Я схватила рыцаря за руку, заставляя его снова посмотреть на меня. Мне было всё равно, как отчаянно я выглядела или звучала.

— Он не хотел этого. Он никогда бы не причинил ей вред… никому.

Бедивер накрыл мою руку своей. Кожа его была загрубевшей от работы, но удивительно холодной.

— Тебе не нужно убеждать меня, девочка. Я видел своими глазами, как он боролся с превращением.

И в этот миг я поняла, почему Девятеро смотрели на него с таким доверием и уважением.

Его спокойствие было якорем в шторме, бушующем во мне.

Он не пытался скрыть проблему.

И не раздавал ложных обещаний.

Его долгие годы, всё, что он видел, сделали его тем, на кого можно было *по-настоящему* положиться в этом проклятом Авалоне.

— Я не знаю, что делать, — сказала я, горло сдавило.

— Я вижу твою боль, — тихо ответил он. — Ты заботилась о нём все эти годы. Он рассказывал мне, как ты защищала его. Как честно пыталась найти ответы.

— Он мой брат, — сказала я. — Моя ответственность.

— Да, — кивнул Бедивер. — Но я работал с ним последние несколько дней и вижу в нём потенциал. Верю, что со временем смогу помочь ему обрести хоть частичный контроль над его магией. До того благословенного дня, когда проклятие будет снято.

Я знала, что надеяться — опасно.

Но как же трудно было не ухватиться за эту надежду.

Ещё немного времени.

— Как?

— Превращение вызывают страх и боль, — сказал Бедивер. — И оба можно покорить. Я научу его тому, что знаю.

Я колебалась, взглянув на Кабелла.

— Ты так долго была в этом одна, — продолжил рыцарь. — Позволь мне снять с тебя хотя бы часть этого груза. Хоть ненадолго. Я забочусь о парне, и верю, что это то, чего он сам хочет.

Может, в этом и была проблема.

Что именно Бедивер смог ему помочь.

А не я.

Я потратила годы на поиски, на попытки — и всё равно потерпела неудачу.

Но, возможно, у Бедивера получится.

— Что, если он снова обратится? — спросила я.

Адреналин уже выветрился из крови, и теперь меня накрыла усталость.

— Что, если другие захотят его убить за то, что он сделал?

— Я клянусь тебе, девочка, жизнью своей и жизнью моего лорда, — сказал Бедивер, преклоняя колено в клятве. — Никто не причинит ему вреда.

— Думаю, я смогу подавлять большую часть его превращений с помощью той малой магии, что у меня есть. Это поможет остальным побороть страх.

Он был прав.

Остальные слушали его.

Даже Кайтриона уважала его.

Они не посмеют тронуть Кабелла, если за ним стоит рыцарь Круглого стола.

Если я не могла вытащить нас отсюда…

Я хотя бы могла дать ему шанс выжить.

Я могла сделать *это*.

— Это его выбор, — заставила я себя сказать.

Бедивер склонил голову, касаясь груди рукой, прежде чем подняться.

— Я поговорю с ним.

Я сделала шаг, но он остановил меня протянутой рукой, взгляд его был полон извинений.

— Думаю, лучше, если я поговорю с ним наедине.

Меня передёрнуло, но я кивнула.

Нет ничего более неправильного, чем передавать заботу о нём *другому*.

О единственном человеке, который по-настоящему значил для меня что-то в этом мире.

— Его рана…

— Я позабочусь, — пообещал Бедивер. — А тебе нужно помочь остальным очистить двор и похоронить павших.

***

Я покинула конюшню в полубреду.

Казалось, моё тело сложится пополам и рухнет, прежде чем я доберусь до башни.

Серый дым смешался с туманом, сверкая серебром, как кости мёртвых существ вокруг.

Он рассеялся, открывая передо мной Эмриса.

Он ждал.

Его лицо было напряжённым, глаза мерцали тревогой.

Я шагнула к нему, отчаянно желая почувствовать *что-то*, *что угодно*, кроме этой жгучей боли в груди и холода, что скапливался под кожей.

Но когда он поднял руки, будто хотел коснуться меня, я остановилась.

Я заставила себя остановиться.

Пепел медленно оседал, цепляясь за пряди его волос.

Я видела, как отчаяние проступает в его лице, затмевая даже яркий свет в глазах.

Кровь и пот впитались в его тунику, обтягивая мышцы груди.

По его телу уже было немало шрамов, но я знала: этой ночью их стало ещё больше.

Эмрис сглотнул, его горло дёрнулось, плечи чуть опустились.

В груди поднялось пугающее чувство — пугающее в своей *ясности*.

Я хотела утешить его.

Так же сильно, как хотела, чтобы он утешил меня.

Но сама мысль о такой уязвимости — особенно перед *ним* — лишь усилила тошноту.

Я — Тэмсин Ларк.

Он — Эмрис Дай.

И всё, что *могло бы* случиться между нами, прошло мимо.

— С Кабеллом всё в порядке? — осторожно спросил он.

— Ты знаешь, где Кайтриона? — парировала я.

Он выдохнул и кивнул.

У кузницы сложили тела погибших.

Их изувечили так сильно, что некоторые уже невозможно было узнать.

Двенадцать.

Меньше, чем я боялась.

Лоури, Беатрис и Арианвен работали в тишине, помогая нескольким мужчинам выкладывать тела.

Они омывали мёртвых в последнем жесте милосердия.

Некоторых уже накрыли белыми саванами.

— Их нужно сжечь, — тихо сказал Эмрис, ведя меня к большому залу.

— Чтобы они не обратились.

— Их должны вернуть земле, — возразила я. — Чтобы они смогли переродиться. Так говорят Бессмертия.

— Я знаю, — ответил он так же мягко. — Знаю.

Раненых было несколько десятков. Большинство уже стояли на ногах, помогая тем, кто находился в критическом состоянии. Их уложили на длинные столы.

Нева ходила между ними, раздавая воду и перевязки.

Мари принесла корзину с травами и инструментами для Олвен, оставаясь рядом с лекарем, пока та склонилась над мужчиной, потерявшим нижнюю часть ноги.

Блоха сидела у изголовья Кайтрионы, словно стоя на страже. Она всё ещё плакала, упрямо вытирая слёзы рукавом.

Её маленькие пальцы осторожно приглаживали волосы Кайтрионы, спутанные и покрытые кровью, касались перевязанной щеки.

Только когда веки Кайтрионы дрогнули и приоткрылись, я поняла, что она действительно жива.

От этого момента у меня в груди что-то сжалось, как будто лёгкие превратились в камень.

Как поверить, что именно Кайтриона могла принести на остров эту тьму?

Но что-то в глубине меня подсказывало: её планы были сорваны превращением Кабелла.

Но она не убила его, подумала я. *Хотя могла бы. Легко.*

Разве это не значило что-то?

Рона и Серен заняли позиции по обе стороны от стола.

Рона держала руку Кайтрионы, нежно поглаживая её.

— Теперь ты будешь выглядеть ещё грознее, — заметила Серен. — Шрамы лишь добавят величественности твоему устрашающему взгляду.

— Это будет по-настоящему грандиозно, — согласилась Рона.

— Как у героев прошлого, — продолжила Серен.

— И у лучших спутников Сэра Бедивера, — закончила Рона.

— Я… потеряю… руку? — с трудом прохрипела Кайтриона.

— Олвен так не думает, — ответила Рона, но затем замялась.

— Скажи… всю… правду… — Кайтриона едва выговаривала слова.

Жрица с тёмными волосами тяжело вздохнула.

— Она не уверена, что ты сможешь полностью восстановить подвижность. Время покажет, как и всегда.

Кайтриона судорожно вдохнула, обдумывая это.

Первая заметила нас Блоха.

— Убирайся! — зарычала она, глядя прямо на меня. — Тебе здесь не место, никогда не было!

Все взгляды устремились на меня.

Комната будто сгустилась, тяжесть этих взглядов нависла, словно грозовое облако.

Эмрис придвинулся ближе, Нева тоже подошла, нервно разглаживая окровавленный фартук.

На её лице были следы слёз, засохших среди копоти и пыли.

— Хватит, Блоха, — осадила её Серен.

— Я… — слова застряли в горле.

Я сделала шаг к Кайтрионе, но Рона тут же двинулась, словно пытаясь меня заслонить.

Кайтриона лежала, её волосы разметались по столу, освободившись из привычной тугой косы.

Правая сторона её лица была покрыта какой-то лечебной мазью, через неё шли кровавые бинты, тянущиеся вниз, к порванному плечу.

Доспехи сняли, чтобы перевязать неглубокие порезы на её теле.

Она следила за каждым моим движением.

— Прости, — выдохнула я.

Грудь сжало так сильно, что казалось, я не смогу больше говорить.

— Мне так жаль.

— С… твоим братом… всё… хорошо? — хрипло спросила Кайтриона.

— Не делай этого, — сказала я. — Будь ужасной, прошу. Это единственное, что я сейчас вынесу.

— Он… — её голос был слабым. — Не виноват.

Она перевела взгляд на Блоху.

Девочка сердито выдохнула, но её губы задрожали, когда она продолжила осторожно очищать волосы Кайтрионы влажной тряпкой, смывая грязь и кровь.

Нева приблизилась, опустилась на колени рядом.

Напряжение в теле Кайтрионы чуть ослабло, когда её взгляд нашёл ведьму.

Бледная рука с веснушками, покоившаяся у неё на животе, сжалась в кулак.

— Спасибо, что спасла мне жизнь, — сказала Нева.

— Ты была так храбра.

Кайтриона покраснела.

Мы все сделали вид, что не заметили.

Она сжала пальцы Роны, привлекая её внимание.

— Её… палочка… — прошептала она, сознание уже ускользало. — Верни… её…

— Серьёзно? — Нева посмотрела на неё, потом на Рону.

— Ты уверена? Что изменилось?

Глаза Кайтрионы сомкнулись, и с последним выдохом она произнесла единственное слово:

— Всё.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 32

Я не знаю, почему никому не рассказала о том, что случилось в туннеле.

Возможностей было предостаточно.

Всю оставшуюся ночь и на рассвете, когда серый свет заползал в окна.

Когда я помогала Мари отмывать кровь со столов и полов в большом зале.

Когда проходила мимо Эмриса, Дери и остальных, которые пытались заново засеять участок двора, изрытый когтями во время боя.

Когда сидела рядом с почти невменяемым Кабеллом и безуспешно пыталась заставить его поесть.

Когда стояла на погребальных церемониях, наблюдая, как тела превращаются в пепел, а души взмывают в небо, смешиваясь с огненными искрами.

Часть меня убеждала, что это была просто галлюцинация, вызванная усталостью и стрессом.

Но другая часть… боялась, что всё было куда хуже.

А пока я не могла объяснить это *себе*, не могла объяснить *никому*.

***

На следующее утро я оказалась у двери комнаты, где жили Эмрис и Кабелл.

Оставила на защёлке небольшую вырезанную фигурку птицы.

А несколько часов спустя, когда башня, наконец, затихла, погрузившись в сон, я направилась в большой зал.

Эмрис уже был там, сидел на одном из длинных столов.

Я просто смотрела, как его сильные пальцы ловко работают с ножом, сосредоточенно вырезая что-то из дерева.

Он поймал мой взгляд и едва заметно усмехнулся.

Я надеялась, что темнота скроет румянец, ползущий к моим щекам.

— Получил твоё сообщение, — сказал он, убирая нож и кусочек дерева. — Что случилось?

После того как я весь день следовала за Мари, помогая ей, а затем часами сидела в библиотеке с Невой, роясь в древних текстах о проклятиях, я должна была радоваться.

Мне открылись книги, о которых в смертном мире никто даже не слышал.

Но вместо этого я всё больше ненавидела их бесполезность.

— Нам нужно убираться отсюда, — взмолилась я. — Найти выход из башни. Добраться до портала.

— Знаю, — сказал он, потирая лицо.

Он выглядел так, словно его преследовало само истощение.

— Еды осталось меньше чем на десять дней, — напомнила я. — Дети могут атаковать в любой момент!

— Знаю, — повторил он. — Тэмсин, я *знаю*.

Я села рядом, глядя на статую Богини.

С каждым днём внутри накапливалась горечь.

Я больше не контролировала ситуацию.

Я теряла контроль над *собой*.

Эмрис провёл рукой по каштановым волосам.

Теперь они были растрёпанными, завивались по краям.

Мне нравилось.

Я подняла руку и вытащила из его грубых прядей маленький зелёный лист.

Поднесла к свету его налобного фонаря.

— Шалфей, — сказал он машинально. — От простуды и кашля. Но в рагу тоже хорош.

Я невольно рассмеялась.

Он наклонил голову, уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. — Кажется, я начинаю тебе нравиться, Пташка?

— Как один из твоих любимых сорняков, — ответила я.

Но ни я не отдёрнула руку, ни он, и мы оба, казалось, цеплялись за любую возможность *не* замечать этого. Спокойная темнота зала, отгороженного от внешнего мира, слишком легко заставляла забыть, зачем мы здесь.

— А если попробовать поймать того, кто в плаще? — спросила я, понизив голос. — Кто бы он ни был. Думаю, это единственный способ доказать что-то остальным. Узнать, действительно ли он управляет Детьми.

Эмрис усмехнулся.

— Ты же знаешь меня. Не могу устоять перед хорошей игрой. Даже если это просто прятки.

Так мы и сделали. Мы прочёсывали башню и стены, пока не падали от усталости, пока не выкраивали несколько часов на сон. На следующее утро я нашла маленькую птицу у своей двери. И оставила её у его двери на следующее. Сообщение переходило между нами, хрупкое, как перо. *Сегодня ночью? Сегодня ночью.*

В этих поисках было неожиданное утешение. Иногда мы шёпотом обсуждали, что видели за день: он рассказывал, как идут дела с посевами, я делилась тем, что узнала, работая в библиотеке с Невой. Мы даже вспоминали старые дела Опустошителей. Но чаще между нами царило молчание — спокойное, не требующее суеты, не заполненное пустыми словами. Достаточно было просто *знать*, что ты не один.

Жизнь текла в ритме, похожем на детские уроки плавания. Каждый вечер мы делали последний глубокий вдох перед тем, как нырнуть в темноту, а потом боролись с холодной глубиной ночи, пока первые лучи не вытаскивали нас обратно на поверхность.

На третью ночь поисков я пришла в зал раньше, чем собиралась. Эмриса там не было. Только горстка древесных стружек на полу под его обычным местом. Они вели к потайной двери, оставленной приоткрытой.

Он ушёл без меня.

Что-то внутри болезненно сжалось. Я не знала, почему это так удивило меня. Мы могли заключить временное перемирие, но это никогда не было партнёрством. Никогда не будет. Очевидно, он нашёл что-то и не собирался со мной делиться.

Мои мысли крутились по замкнутому кругу, пока я проскользнула внутрь и закрыла за собой дверь.

Я не взяла с собой фонарь. Но теперь я знала путь. Спускалась на ощупь, мои ноги уже запомнили каждую корневую петлю. Но зрение мне не понадобилось. Впереди, за поворотом, мелькнул узкий луч света.

Эмрис.

Я ускорила шаг, лёгкая на поворотах. Один раз даже захотела позвать его, напомнить, что он не сумел от меня ускользнуть. Но передумала. Я хотела узнать, что он делает. Что именно он пытался от меня скрыть.

Он не пошёл в сторону склада. Он свернул в коридор, задушенный корнями. Протянул к ним руку — и в этот раз они не оттолкнули его. Они расступились, приглашая.

Он шагнул вперёд. Корни сомкнулись за ним.

Я издала хриплый звук, рванулась вперёд, вдавливаясь в них плечами, грудью. Они скользили по моей коже, сжимая со всех сторон. Я видела, как силуэт Эмриса уменьшается, зажатый между переплетающимися ветвями. Они закрывали его. А затем начали смыкаться и вокруг меня.

На мгновение мне показалось, что они раздавят меня заживо.

— Эмрис! — закричала я.

Корень скользнул вокруг моего горла, сжался… и тут же разжал хватку. Корни треснули, закручиваясь, поднимаясь, и передо мной предстал поражённый Эмрис. Я рванулась вперёд и врезалась в него. Он охнул, успев поймать меня.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— *Что я здесь делаю?* — хрипло повторила я, отталкивая его. — Что *ты* здесь делаешь? Я думала, мы…

Я не могла закончить фразу, но слова застряли в горле, болезненно сдавливая его изнутри. *Я думала, мы делаем это вместе.*

Он покачал головой, и только теперь я заметила, что он выглядел ошеломлённым — так же, как в ту первую ночь, когда привёл меня сюда.

— Я просто… Я услышал что-то…

— Ты *всегда* что-то слышишь, да? — бросила я. — Материнское древо, наверное, говорит с тобой каждую секунду каждого дня.

— Нет, — он снова схватил меня за руку, заставив замереть. — Нет, я услышал *голос*. Мужской голос.

Я сжала губы в тонкую линию и склонила голову, вглядываясь в углубляющиеся тени под его глазами.

— Ты вообще спал, с тех пор как мы сюда попали?

Эмрис промолчал и просто повёл меня вперёд. Он вытянул руку, и корни, спутанные перед нами, осыпались к ногам, отступая, скользя по камням с сухим треском.

Луч его фонаря прочертил пространство. Полы и стены были покрыты следами ожогов, камни выбиты, словно здесь бушевала страшная битва. Вперёд, пока коридор не обрывался, упираясь в выпуклый, шершавый массив дерева.

— Это… — начала я.

— Часть Материнского древа? — закончил он, делая шаг вперёд. — Думаю, да.

Мы обменялись быстрым взглядом и двинулись к нему. В полутьме приподнятые края коры в центре начали приобретать форму. Две руки, прижатые к поверхности, будто в отчаянной попытке выбраться. Искривлённый торс. То, что могло быть головой.

— Я видела немало жутких вещей за свою жизнь, — сказала я. — Но это будто из их кошмаров.

Эмрис сделал ещё один шаг.

И существо открыло глаза.

Сухая кора осыпалась на пол, когда оно — *оно*, это создание, этот монстр, что бы это ни было — попыталось повернуться к нам. Попыталось открыть рот.

Я вцепилась в руку Эмриса, дёрнула его назад. Он не шелохнулся. Он, казалось, даже не дышал.

Губы существа разомкнулись с отвратительным хрустом, и через тягучий сок наружу хлынули блестящие жуки. Я вжалась в Эмриса, наблюдая в ужасе, как насекомые разбегаются вокруг нас.

— Кто… идёт… сюда…? — прохрипело оно. — Кто… ищет знание… веков…?

Мы молчали.

— Тот, кто ищет то, что должно… остаться… забытым… — продолжило существо. — И тот, чьё сердце… он украл…

Я вспыхнула от жара и тут же сделала шаг в сторону от Эмриса.

— Никто не хочет разгадывать бредовые загадки, — бросила я.

— Кто ты? — потребовал Эмрис.

— Я один из трёх… трёх, кто спит… но не видит снов… — существо остановило на мне пугающе человеческий взгляд. — Один, кто умер, но может ещё жить… один, кто жив, но жаждет смерти… и один, оставленный позади, ждущий…

— Оставленный позади? — повторила я. — Ты говоришь о жрице? Или о друиде?

— Когда дороги обратятся в лёд… когда мир задрожит и заплачет кровью… когда солнце поглотит тьма… — прохрипело оно, снова закрывая глаза, — миры воспоют пришествие, цепи смерти падут… новая сила родится в крови…

В тусклом свете Эмрис напрягся, словно струна.

— Какого чёрта это должно значить?

— Когда солнце поглотит тьма… — Воспоминание вспыхнуло внутри, резкое, как удар кнута. Вспышка понимания. — Как то, что случилось в Тинтагеле?

И те странные заморозки в Британии, о которых я слышала ещё до отъезда.

— Что ты имеешь в виду под тем, что цепи смерти падут? — спросила я.

— *Она* сделала это… — прохрипело существо. — Она думала… подчинить смерть… но стала её слугой…

— Кто? — резко спросила я.

— Это судьба… — едва слышно донеслось в ответ, — но что есть судьба, если не невыгодный торг… со временем…?

Существо затихло. Замерло.

Эмрис метнулся к нему, коснувшись, пытаясь вернуть его к жизни.

— Кто ты? Что ты такое?!

Корни дрогнули, снова разливаясь по полу, потрескивая, треща в протесте. Я обернулась и наткнулась взглядом на тёмный силуэт.

Фигура подняла свечу выше, освещая своё лицо.

Бедивер.

— Раз уж мы занялись вопросами, — сказал он, — возможно, вы оба объясните, что именно делаете здесь внизу?

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 33

Мне понадобилось больше мгновения, чтобы сердце снова забилось в нормальном ритме, но даже тогда я не смогла придумать хорошую ложь.

— Мы услышали голос и пошли за ним, — спокойно сказал Эмрис.

Хорошо. Это было хорошо. И, технически, это было правдой.

Рыцарь скрестил руки на груди.

— Полагаю, это никак не связано с вашими ночными вылазками по башне, пока все спят? Не оскорбляйте меня ложью — ваш собственный брат сказал мне, что это так.

Ваш собственный брат сказал мне.

Слова вонзились под рёбра, точно нож.

Мои пальцы сжались в кулаки. У Кабелла не было причин говорить ему это. Предавать нас.

— Вы ищете выход из башни, как он сказал? — спросил Бедивер.

Может, это был обман света в туннеле, но его выражение показалось мне омерзительным, словно он испытывал к нам отвращение. К нашей трусости.

Недоверие пронзило меня.

Кабелл действительно рассказал ему.

Я даже не догадывалась, что они настолько близки.

— Эй? — донёсся голос из глубины туннеля. — Кто здесь?

— Это Бедивер, моя леди Олуэн, — ответил рыцарь.

Через мгновение показалась жрица, осторожно ступая между спутанных корней. Её взгляд скользнул по нашим лицам, как всегда мгновенно оценивая ситуацию.

— Дверь была открыта… Что случилось?

— Я застал наших гостей там, где им быть не следовало, и как раз собирался выслушать их объяснение, — сказал Бедивер.

Олуэн глубоко вздохнула.

— Я сама разберусь. Благодарю вас, сэр Бедивер.

— Моя дорогая… — начал он возражать.

Она подняла руку.

— Всё в порядке. Они не причинят вреда. А я уверена, что на дозоре вас ждут.

Старый рыцарь поколебался, но, в конце концов, кивнул и развернулся, уходя тем же путём, откуда пришла Олуэн.

Жрица дождалась, пока его шаги не стихнут, прежде чем заговорить:

— Теперь, — сказала она, уперев руки в бока, — какого, прости Великая Мать, вы здесь делаете?

В итоге мы рассказали ей всё.

Я не собиралась этого делать, и, думаю, Эмрис тоже. Но чем дольше выражение предательства оставалось на лице Олуэн, тем отчаяннее мы пытались найти верный аргумент, который его сотрёт.

— То есть я должна поверить, — сказала она, — что вы двое заподозрили, что кто-то — возможно, Кайтриона — создал Детей Ночи, и ни один из вас не подумал рассказать об этом хоть кому-то?

— Мы сказали Неве и Кабеллу, — слабо вставила я.

Олуэн покачала головой, сорвала со стены факел и направилась дальше по туннелю.

— Идите за мной, дурни.

Корни, покрывавшие проход, попятились от её осуждающего цоканья языком, словно провинившиеся щенки.

— *Это,* — сказала она, кивнув назад, на спутанные лозы, — *был Мерлин.*

— Мерлин? — переспросила я, сама удивившись, почему это вызвало у меня шок. — Но я думала… разве он не был друидом? Почему его не убили вместе с остальными во время Отречения?

— О, они, конечно, *пытались*, — сказала Олуэн, ускоряя шаг. — Он был самым могущественным среди них, всегда с самыми важными пророчествами и мудростью, которыми великодушно делился. Он сражался с Морганой, и прежде чем она смогла его убить, он слился с Материнским древом, чтобы спастись, зная, что она никогда не причинит ему вреда.

— Он казался… — Эмрис искал нужное слово.

— С тех пор как он слился с древом, магия стала в нём дикой, — сказала Олуэн. — И теперь большая часть того, что он говорит, — бессмысленный бред. Не забивайте себе голову.

— Но он сказал, что их трое, — настаивала я. — Трое, кто спит. Думаю, он имел в виду себя, затем короля Артура, зависшего между жизнью и смертью, но кто третий?

— Мы бы знали, если бы на острове был ещё один заколдованный спящий, — ответила Олуэн. — Как я уже сказала, думающая часть его сознания исчезла века назад. Он превращает беспокойные сны в бессмыслицу. Цепи смерти — его любимая тема, но история меняется каждый раз, когда он её рассказывает.

Я глубоко вздохнула и посмотрела на Эмриса. Он, похоже, удовлетворился объяснением Олуэн, но я — нет.

— Он твердил о какой-то женщине, пытавшейся подчинить смерть, но ставшей её слугой, — сказала я. — Может, это и есть тот, кто наложил проклятие на Авалон? Почему ты так уверена, что это не Кайтриона?

— О, глупые дети, — покачала головой Олуэн. — Следуйте за мной.

Вместо того чтобы вернуть нас в главный зал, она повела по знакомому пути к залу оставленных вещей. Бормоча что-то себе под нос, она распахнула массивные двери.

Когда мы добрались до скрытого входа в комнату костей, она резко развернулась, одарив нас обоих жёстким взглядом.

— Знайте, я бы никогда не показала вам это, если бы не хотела доказать невиновность своей сестры, — сказала она. — И если услышу хоть слово, что вы проболтались об этом, в следующий раз вас угостят чаем из болиголова.

Эмрис наклонился ко мне, пока она поворачивалась к белым камням.

— Болиголов — это…

— …ядовитое растение, — закончила я. — Да, угроза получена.

Камни раздвинулись, открывая нам проход вверх по лестнице. Мы поднимались молча, пока не услышали это.

Песнь.

Хриплый, отчаянный голос — больше молитва, чем песня, больше мольба, чем благодарение. От её надрывных слов, от всхлипов, превращающих язык Богини из хвалы в плач, волосы у меня на руках встали дыбом.

Рядом со мной у Эмриса дёрнулся кадык, когда он попытался сглотнуть. Оголённые эмоции Кайтрионы были невыносимы. Олуэн стояла ступенью ниже, не давая мне отвернуться.

Слушай, говорили её глаза. *Стань свидетельницей.*

Через несколько мгновений она всё же уступила, и мы последовали за ней в зал.

— Кайтриона приходит сюда каждую ночь, когда может, чтобы в роли Верховной Жрицы произнести Лунную Молитву — благодарность Богине за её дары и просьбу о защите на грядущий день, — сказала Олуэн. — Вы нашли внутреннее святилище башни. Оно скрыто от всех, кроме Девятерых… и теперь, похоже, от вас двоих и Невы.

— Это останется тайной, — пообещал Эмрис.

— Я знаю, что Кейт может казаться такой же непреклонной, как её клинок. Что, когда она говорит, то сразу разит в самое сердце, вместо того чтобы смягчать удар красивыми словами, — продолжила Олуэн. — Но я прошу вас понять её положение. Она несёт на себе груз ответственности за наш образ жизни. И всё это ускользает, как бы она ни сражалась за его спасение. Она винит себя в каждой смерти.

Горечь встала у меня во рту. Я задумалась, каждую ли ночь она приходит сюда — и не здесь ли единственное место, где позволяет себе показывать боль. Я думала, что они отрицают происходящее, что это признак их слабости, но та сила, которая требовалась, чтобы просто прожить каждый день, не рассыпаясь на части, была почти непостижимой.

— А как насчёт статуй? — спросил Эмрис. — И котла, и клеток?

Камни за нами разошлись, и Кайтриона вошла в зал, подняв капюшон левой, неповреждённой рукой. Завидев нас, она замерла, её тело напряглось, готовясь к бою.

— Похоже, по подземным ходам пробежались любопытные мыши, — сказала ей Олуэн.

— Это были вы той ночью, да? — голос Кайтрионы охрип. — Я чувствовала запах дыма. Есть тайны, которые не для вас. Вы не имели права сюда приходить!

— Мы имели *полное* право, когда, как оказалось, *вполне обоснованно*, решили, что вы от нас что-то скрываете, — ответила я.

— Вы ставите под сомнение нашу честь? — спросила Кайтриона.

— Никто не сомневается в вашей чести или честности, но они всё видели, — сказала Олуэн. — Всё. И даже ты должна признать, как тёмно это может выглядеть для несведущих.

Кайтриона шумно вдохнула, её плечи опустились в безмолвной покорности.

— Оно всё ещё в лазарете?

— Да, — ответила Олуэн. — Я ещё не закончила с ним.

— *Оно*? — переспросил Эмрис, переводя взгляд с одной на другую.

Кайтриона направилась к массивным дубовым дверям.

— Идите со мной, я всё объясню.

***

Как оказалось, мы были не единственными, кто хотел поговорить с Олуэн. Нева уже находилась там, мерила шагами короткое пространство лазарета. Большой фолиант, *Обряды Королевства*, покоился рядом с небольшим стеллажом с бутылочками и склянками на рабочем столе Олуэн. Мерцающие свечи выхватывали из темноты вихревые движения воздуха.

При скрипе открывающейся двери Нева рванулась вперёд.

— Олуэн, почему ты не… — она замерла, окидывая нас взглядом. — Подождите, что здесь происходит?

— И тебе добрый вечер, Нева, — сухо ответила Олуэн. — Как удачно, что ты уже здесь.

Нева быстро оглядела Эмриса и меня, но её настоящее удивление вызвала Кайтриона, которая решительно закрыла за собой дверь.

— Выходи, Блоха, — сказала Кайтриона.

Нева вздрогнула, когда девочка выползла из-под нижних полок.

— Давно ты там сидишь? — спросила Нева, прижимая руку к груди.

— Достаточно, чтобы услышать, как ты бормочешь себе под нос, накачивая себя смелостью, как гусь перед боем, — ответила Блоха и зыркнула на старшую жрицу. — Да ни за что ты меня не видела, Кейт!

— В самом деле, не видела, — признала Кайтриона. — Но Беатрис пожаловалась мне, что одна из её молитвенных камней исчезла. И случилось это ровно в тот момент, когда ты пропала с её занятия.

Девочка надменно надула нижнюю губу и скрестила руки на груди.

— Это была не я.

— Нам обязательно устраивать этот спектакль *каждую* ночь, Блоха? — спросила Кайтриона, и сквозь её усталость прорвалось раздражение.

— Только потому, что ты меня заставляешь, — огрызнулась та.

— Опустоши карманы и докажи, что твои слова — правда, — велела Кайтриона.

Блоха лишь упрямо опустила голову.

— Я верну.

— Спасибо, — спокойно сказала Кайтриона. — Сделай это сейчас и извинись перед ней. Так поступать нехорошо, тем более с собственной сестрой.

— Но…

— *Сейчас*, Блоха, — Кайтриона открыла перед ней дверь.

Девочка напоследок зыркнула на меня с ноткой самодовольства в улыбке, но подчинилась. Когда дверь захлопнулась, Кайтриона заперла её и с тяжёлым вздохом прислонилась к косяку.

— Я знаю, зачем я здесь, — сказала Нева, переводя взгляд с одного на другого. — А вы-то все что здесь забыли?

— Ждём объяснений, которые нам давно должны, — ответила я, усаживаясь на край рабочего стола.

— Значит, вас, наконец, поймали за шпионажем? — догадалась Нева.

— Это была бы самая мрачная трактовка событий этого вечера, да, — кивнул Эмрис.

— С чего мне начать? — спросила Олуэн. — С костяных скульптур, как вы их называете?

— Вполне меня устраивает, — сказала я.

Олуэн присела на корточки, откинула занавеску из потрёпанной ткани, закрывавшую нижние полки, и извлекла оттуда корзину. Поставив её рядом со мной, она осторожно развернула несколько слоёв льняной ткани, обнажая одну из скульптур.

Основанием служил перевёрнутый череп, из которого веером расходились длинные тонкие кости, образуя жуткий, устрашающий цветок. Нева ахнула, и было невозможно понять, было это удивление или восторг. Она наклонилась ближе, вглядываясь в выгравированные узоры.

— Можно? — тихо спросила Кайтриона.

Нева отступила, позволяя ей поднять скульптуру и поставить её на деревянное основание, покрытое застывшими восковыми каплями. Олуэн протянула ей небольшую свечу, и Кайтриона осторожно установила её внутрь. Проведя ладонью над фитилём, она зажгла огонь.

Пальцы её скользнули по краю подставки, и вокруг разлился туман, закружился, закружился, закручивая её верхушку. Пламя внутри костяной чаши металось, отбрасывая на стены пляшущие тени и мерцающие магические знаки.

— Наши воспоминания живут не только в разуме, но и в крови, и в костях, — сказала Олуэн. — После смерти старшего друида его кости превращали в подобный сосуд, чтобы его память сохранялась и к ней можно было обращаться в грядущие века. Когда форма готова, её кладут в котёл, который вы видели, чтобы напитать ещё большей памятью и магией. Это сосуд нашей Верховной Жрицы Вивиан.

— Его создал последний из друидов, владеющих этим искусством, — добавила Кайтриона. — И по милости Великой Матери он успел научить нас пользоваться им всего за несколько дней до собственной гибели.

Я повернулась, пытаясь разобрать символы, струившиеся вокруг нас.

— Эти знаки… они не такие, как у чародеек. Что они означают?

— Увы, я не имею ни малейшего представления. Это язык магии друидов, — ответила Олуэн. — Они принесли его сюда вместе с котлом, когда покинули смертный мир.

— Значит, кости в этих скульптурах принадлежат друидам? — уточнила я.

— Да, — кивнула Кайтриона. — Мы храним их, потому что в них заключены важные воспоминания — как об острове, так и о вашем мире.

— Но среди них только сосуд Вивиан принадлежит жрице, — заметил Эмрис.

— Да, — Олуэн посмотрела на него с едва заметной мягкостью. — Он не такой искусный, как остальные, потому что я боялась, что если сохранить слишком много её костей, это может сделать её останки… тем, чем стали Дети.

Нева наклонилась над сосудом, её тень упала на мерцающий свет.

— Как он работает?

Олуэн ответила вопросом на вопрос:

— Что бы ты хотела узнать о жизни Вивиан?

— Я не знаю… как она стала Верховной Жрицей? — предположила Нева.

— Закройте глаза, — велела Олуэн.

Мы подчинились, и вскоре из её груди вырвалось глубокое гудение, переходящее в незнакомый мне язык. Гортанный, тягучий звук, будто рождённый самой землёй, а не горлом девушки. По спине пробежал холодок, когда в моём разуме сложился образ.

Юная девочка, светлая, как лунное сияние, поднимается с постели, словно во сне, нараспев выводя незнакомую мелодию. Её силуэт мерцает жемчужной дымкой, когда она проходит мимо спящих родителей и направляется к приоткрытой двери. За порогом её ждёт изумрудный лес, деревья склоняются перед ней…

Я резко распахнула глаза и судорожно вдохнула. Эмрис и Нева ещё на мгновение задержались в воспоминании, прежде чем вернуться в реальность.

— Мы называем это *эхом* памяти, — пояснила Олуэн. — Хотя многие наши обряды записаны, иногда мы обращаемся к прошлому таким образом.

— Думаю, ты уже пыталась отыскать в её воспоминаниях хоть какое-то упоминание о проклятии острова? — спросила Нева.

— Я изучила всё, что связано с событиями Падения, — кивнула Олуэн. — И даже искала её воспоминания о Моргане, но тщетно. Именно она возглавила восстание против друидов, и я надеялась, что могла поделиться с Вивиан чем-то о их магии.

— Всё, что знала Моргане, умерло вместе с ней, — фыркнула Кайтриона. — Она окончательно отвернулась от Богини и своих сестёр.

— Она герой, — возразила Нева, с вызовом вскинув голову. — Она спасла Авалон от захвата друидами, и именно так её должны помнить.

— Прошу вас, — перебила их Олуэн, поднимая руки в примиряющем жесте. — Дайте мне договорить.

Кайтриона и Нева отвернулись друг от друга, словно зеркальные отражения.

— После того как она едва не уничтожила Мерлина, Моргана была убита другим друидом в последнем бою, — продолжила Олуэн. — Она умерла на руках Вивиан. Наша Верховная Жрица так и не оправилась после этого… Они были любовницами.

Я кивнула. Тёмная магия рождалась и из меньших ужасов.

— Наша проблема в том, — Олуэн вздохнула, — что сосуд утратил несколько лет воспоминаний, включая саму битву между чародейками и друидами. Последнее, что сохранилось, — её ссора с Морганой.

Олуэн остановила вращение пьедестала рукой и задула свечу внутри. Осторожно вынув её и отложив в сторону, она перевернула сосуд. На дне черепа зияло неровное отверстие, частично залитое воском свечи.

— Когда это случилось? — спросила Нева.

— Трудно сказать, — ответила Олуэн. — Я знаю только, что он был таким с самого первого раза, как мы попытались вызвать эхо.

— Так же, как невозможно сказать, было ли это случайным повреждением, нанесённым создателем, который теперь мёртв, или же кто-то намеренно разрушил его, чтобы эти воспоминания никогда не были возвращены, — заметила я.

Остальные посмотрели на меня с разной степенью тревоги.

— Только не говорите, что я одна подумала об этом, — сказала я. — Мерлин упомянул *её*, кто пытался подчинить смерть, и это звучит как завуалированное указание на кого-то, кто изучал магию смерти друидов. Возможно, Кайтриона и не управляет Детьми…

Жрица вся словно напряглась от негодования.

— Ты думала, что это я контролирую их?

— Да, — призналась я.

— Прости, — добавил Эмрис.

— А я так не думала, — вставила Нева.

Глаза Кайтрионы метнулись к ней, но тут же отвернулись. Она покачала головой и заставила себя глубоко вдохнуть.

— Ещё раз повторю, Мерлин — это всего лишь болтливый призрак прошлого, — сказала Олуэн. — Он мог говорить о Моргане, ведь, в конце концов, она действительно погибла в попытке победить друидов.

— Последнее воспоминание, оставшееся в сосуде о том времени, — это Верховная Жрица Вивиан, говорящая Моргане, что нет магии сильнее, чем магия смерти, — сказала Кайтриона, обернувшись к Неве. — Возможно, ты считаешь её трусихой, но Вивиан искренне верила, что противостояние друидам — это проигранная битва.

— Тогда как же чародейки победили? — спросил Эмрис, приближаясь к сосуду и внимательно его разглядывая. — Как они смогли так легко одолеть друидов?

— Точно сказать нельзя, — ответила Олуэн. — Когда дошло до решающей схватки, чародейки подавили численное превосходство врага с поразительной лёгкостью, как будто друиды просто не успели призвать свою магию смерти, чтобы дать отпор. Либо же дело было в ярости этих женщин.

— А это, поверь, немалая сила, — заметил Эмрис. Уловив мой взгляд, добавил: — Что? Я совершенно серьёзен.

— У меня ещё один вопрос, — сказала Нева. — Как вы слышали, Тэмсин и Эмрис считают, что Детьми управляет кто-то живой, кто ещё находится на Авалоне. А возможно ли, что это сам Мерлин создал их?

— Нет, — твёрдо сказала Кайтриона. — Древо-Матерь держит его слишком крепко, чтобы его воля могла проявиться.

— Но мы видели друидский символ… — попыталась возразить я.

— Если ты говоришь о клетках в подземельях, то уверяю, у этого есть объяснение, — сказала Олуэн. — И оно гораздо менее зловещее, чем ты себе представляешь.

— Проверим, — сказала я.

— Первых Детей поймали и спрятали, чтобы избежать ненужной паники, — пояснила Кайтриона. — Верховная Жрица Вивиан пыталась всеми доступными ей знаниями вернуть их к прежнему облику.

Эмрис скрестил руки на груди.

— Зачем же ей было пытаться отделить их души от тел?

— Когда Вивиан поняла, что наша магия не в силах обратить их обратно, — сказала Кайтриона, её осанка напряглась, — она прибегла к тому, что знала о магии смерти друидов, чтобы освободить их души из чудовищных оболочек и вернуть их Великой Матери.

Возможно, она так тебе и сказала, подумала я, *но это ещё не значит, что это правда.*

— И вы уверены, что недостающий фрагмент черепа не был похоронен вместе с её останками? — спросила Нева.

— Нет, — ответила Кайтриона. — Когда она… когда Вивиан… — Она заставила себя глубоко вздохнуть и подняла на нас глаза. — Когда Вивиан погибла, нам пришлось сжечь её тело, чтобы она не стала одной из Детей.

Горе на лице Олуэн было невыносимым; смерть Верховной Жрицы стала для неё рваной раной в самом сердце, а необходимость сжечь тело, а не предать его земле, чтобы та приняла её душу и дала ей новую жизнь, лишь усиливала эту боль. В глазах Девятерых Верховная Жрица Вивиан была уничтожена без следа, и остров больше никогда не увидит её душу.

— Олуэн объяснила, что кровь хранит память, — сказала я Кайтрионе, — и теперь мне понятно, что именно я видела в комнате с костями. Но если никто не умеет создавать сосуды, зачем ты каждую ночь режешь себе руку и проливаешь кровь в этот жуткий котёл?

Она ответила не так уверенно, как обычно.

— Я верю, что придёт новый создатель сосудов, рождённый с этим знанием, нашёптанным ему свыше. Котёл сохранит мою память до того дня, когда появится мой собственный сосуд, чтобы испытания, через которые мы прошли, не были забыты.

— Но вот чего я всё ещё не понимаю, — я провела языком по пересохшим губам, обдумывая слова. — Ты так была уверена, что проклятье — дело рук чародеек. Тебе правда никогда не приходило в голову, что виноваты могут быть друиды, когда ты каждую ночь капаешь кровь в клубящийся металл цвета серебра, точно такого же, как кости Детей?

Кайтриона резко напряглась.

— В котле нет серебра.

— Ты забыла, что Эмрис и я видели его собственными глазами? — спросила я.

Лоб Олуэн нахмурился.

— Нет, Тэмсин, Кайтриона права. Содержимое котла, если оно вообще есть, невидимо для глаз. Даже наша кровь исчезает в его темноте.

Тревога пронзила меня, пробежала ледяной дрожью по позвоночнику. Я сдвинулась на столе, который скрипнул подо мной, и посмотрела на Эмриса.

— Он не был пуст, — подтвердил он, подходя ближе. Его слова, его близость странным образом придали мне уверенности. — Внутри была серебряная жидкость, будто туда расплавили целые слитки.

Кайтриона и Олуэн обменялись взглядами. Между ними пронеслось что-то неуловимое.

— Вы оба были вымотаны, — сказала Нева. — Вы и так были расстроены и сбиты с толку из-за сосудов…

— У нас не было никакой общей галлюцинации, — твёрдо сказала я. — Я знаю, что видела. Более того, у меня есть доказательства.

Я расстегнула застёжки на своей сумке и извлекла Игнатиуса, бережно завернутого в шёлковую ткань. Развернула её, обнажив рукоять, и выставила клинок, чтобы все могли увидеть.

Но железо было таким же чёрным, как и всегда.

— Я не… — слова замерли у меня на губах вместе с уверенностью. — Я не понимаю… Я опустила его в котёл. Он стал серебряным. — Я посмотрела на остальных, отчаянно желая, чтобы мне поверили. — Он был серебряным.

Эмрис сжал моё запястье, заставляя меня посмотреть на него. В его взгляде было столько веры, что я смогла зацепиться за неё, удержаться на плаву.

— Я знаю, что мы видели.

— Вы можете присоединиться ко мне завтра, чтобы я убедила вас в обратном, — сказала Кайтриона.

— Тогда и я пойду, — добавила Нева. — Ни Тэмсин, ни Эмрис не стали бы лгать в таком серьёзном деле.

Кайтриона склонила голову.

— Если хотите.

— Это мы тут делали, — сказала я, поворачиваясь к Неве. — А ты зачем ждала Олуэн?

— У меня был свой вопрос, — ответила она, поднимая оставленную на столе книгу. — Почему вы не попытались провести ритуальное очищение острова?

Губы Кайтрионы приоткрылись, но прежде чем она успела ответить, за дверью лазарета послышалось движение. Олуэн быстро убрала сосуд в корзину, и когда он был надёжно спрятан, Кайтриона отперла дверь.

Неподалёку стоял Бедивер, задумчиво почесывая седую бороду. Впервые с момента нашей встречи он выглядел нерешительным.

— Сэр Бедивер, — сказала Кайтриона. — Что-то случилось?

— Ах, простите, я позволил беспокойству взять верх, — сказал он. — Просто хотел узнать, не требуется ли вам сопровождение обратно в ваши покои, чтобы положить конец ночным странствиям.

Кайтриона слабо улыбнулась.

— Вы слишком добры, но у нас всё под контролем.

— Входите, — пригласила Олуэн. — Этот разговор касается и вас, нам потребуется ваша мудрость.

Я сжала пальцы на краю стола чуть крепче, когда старый рыцарь вошёл. Эмрис незаметно придвинулся ближе, его ладонь лёгким, ободряющим жестом скользнула по моему плечу, потом по позвоночнику.

— Нева только что спросила, почему мы не попытались провести ритуальное очищение острова, — сказала Олуэн.

Рыцарь медленно прошёлся по комнате, но остановился как вкопанный, когда услышал о ритуале. Я не видела его лица, но ощущала прожигающий взгляд у себя за спиной.

— Да, — сказала Кайтриона, глядя на Олуэн. — И как замечательно, что книга с описанием ритуала вдруг оказалась в библиотеке, где кто угодно мог её найти.

— Действительно, — с безмятежным видом согласилась Олуэн. — Поистине загадочны пути Великой Матери.

— И коварство Олуэн, — проворчала Кайтриона.

— Что делает этот ритуал? — спросил Эмрис.

Нева открыла тяжёлый том на странице, помеченной лентой.

— *Когда земля запятнана тёмной силой, а надежда покидает её, укрывшись в тенях…* — начала она. — Звучит знакомо, не так ли?

— Прямо наш портрет, — сказала я.

— *Остров должен быть обновлён через призыв девы, юной и цветущей, дабы пробудить великую силу, что спит в туманах*, — продолжила Нева. — *Лишь Её обновление изгонит всё проклятое и гнилое из почвы и из тех, кто ступает по ней, ибо нет силы большей, чем сила перерождения.*

Моё сердце затрепетало, будто пойманная в силки птица.

— Это значит то, о чём я думаю? — выдохнула я.

— Да, — ответила Нева, встречая мой взгляд с пламенной решимостью. — Этот ритуал не просто очистит землю. Он снимет все проклятия, что на ней лежат.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 34

Каждое проклятие.

Не только то, что сковывало землю и Детей Ночи. Каждое.

Даже проклятие Кабелла.

Нева, должно быть, увидела, как эта мысль отразилась у меня на лице, потому что кивнула, подпитывая мою надежду. Бедивер обошёл стол, вставая напротив нас, его выражение оставалось непроницаемым.

— Похоже, что речь идёт об очищении острова через своего рода перерождение, — сказала Нева. — Этот ритуал призывает Богиню вернуться на остров, чтобы восстановить его и запустить новый цикл жизни.

Она и Эмрис размывались по краям моего зрения, пока я смотрела на Олуэн и Кайтриону. Во мне снова поднялась жгучая отчаянная потребность в ответах, и я не стала с ней бороться. Было уже всё равно.

— Так почему вы его не провели?

Олуэн необычно долго молчала, глядя в окно лазарета.

— Нева ещё не сказала вам, что требуется для ритуала, — ответила Кайтриона.

Все взгляды обратились к чародейке. Нева посмотрела на Кайтриону, затем снова опустила глаза в книгу и зачитала вслух:

— *Возьмите руки своих Сестёр и вновь станьте едины сердцем и силой. Ожидайте полнолуния, чтобы принять Её три дара, вручённые вам, и свяжите себя с Ней заново кровью и туманом.*

Она подняла взгляд, нахмурившись.

— Что у этого человека было против чёткого изложения инструкций? — спросил Эмрис.

— Вивиан записала послания Богини, которые приходили к ней во снах, — объяснила Олуэн.

— Но если разобрать по частям, всё кажется вполне выполнимым, — сказала Нева, поворачиваясь к Кайтрионе. — Заклинание есть в книге, а ты наверняка знаешь, что означают эти *три дара*. В чём же проблема?

— Мы не обладаем полной силой, — ответила Кайтриона. — Нам нужны девять сестёр, чтобы провести церемонию.

Лицо Невы побледнело, когда она осознала то, чего пока не поняла я.

— И хотя Богиня призвала Блоху, её магия ещё не проснулась. Вот почему ваша Верховная Жрица прожила так долго, не так ли? Почему клятва не позволила ей уйти в следующую жизнь?

— Мы не станем едины в силе, пока это не случится, будь то через несколько дней или через несколько лет, — сказала Кайтриона. — Блоха тяжело переживает это, но вины её в этом нет. И, помимо этого, нам недостаёт одного из трёх даров.

Нева склонила голову в немом вопросе.

— Жезл и чаша у нас есть, но атам, наш ритуальный нож, был утерян много лет назад, и никакие поиски не помогли его отыскать.

Бедивер резко вдохнул, но ничего не сказал. Он нервно поигрывал ножницами, висевшими на крючке у стены. Я задержала на нём взгляд. Если бы это был кто-то другой, а не благородный рыцарь, я бы назвала эмоцию, промелькнувшую у него на лице, чувством вины.

— Разве нельзя просто сделать новый атам в кузнице? — спросила Нева.

Кайтриона и Олуэн выглядели так, словно Нева предложила им совершить святотатство.

— Почему бы хотя бы не попробовать? — спросил Эмрис. — Вам теперь уже нечего терять.

— Пожалуйста… — выдохнула я. Острая надежда, укол осознания, что всё может быть иначе, почти лишили меня слов.

— Это не сработает, — сказала Кайтриона. — Нам не удалось провести ни один другой ритуал с тех пор, как наши ряды уменьшились — ни благословение земли, ни очищение неба, ни освобождение душ, запертых в Детях. Нас восемь, а не девять. Пока Блоха не обретёт силу, мы не целостны.

Нева раздражённо покачала головой.

— Ну, вы можете ждать ещё несколько лет, пока это произойдёт, или же, я не знаю, закрыть глаза и попросить о помощи чародейку, которая прямо перед вами, — сказала она.

Я невольно ахнула, но не только я. Кайтриона тяжело опустилась на край стола, её лицо исказилось от безмолвных эмоций.

— Раньше в Авалоне было не девять жриц, а гораздо больше, — продолжила Нева. — И я — их потомок.

Бедивер снова поднял голову, повернувшись к жрицам. Олуэн прикусила губу, словно сдерживая себя, когда взглянула на Кайтриону. Я вспомнила слова, которые она сказала в ночь нашего прибытия: *Если я в чём-то абсолютно уверена, так это в том, что Богиня привела вас к нам. Всех вас.*

Длинная серебряная коса Кайтрионы мерцала в свете пламени, пока она смотрела на свою сестру.

— Вы и остальные боролись со мной на каждом шагу, и это… — Кайтриона судорожно вдохнула, словно что-то давило ей на грудь. — Это… непросто — стоять в одиночестве против всех вас и чувствовать, что я слишком упряма, что меня презирают… ненавидят за это. Я знаю лишь то, чему учила меня Верховная Жрица, и если я не смогу выполнить её просьбу, значит, я подвела её.

— Нет, моя дорогая, — Олуэн опустилась перед Кайтрионой на колени и крепко сжала её руки. — Никогда не думай так. Ты наша сестра. Даже если от этого мира ничего не останется, наша любовь к тебе сохранится, потому что нет силы, способной её разрушить.

— Я разочаровала вас всех, — с горечью произнесла Кайтриона.

— Никогда, — поклялся Бедивер, прижав руку к груди. — Это дальше всего от правды.

— Всё так, как говорила Верховная Жрица, — добавила Олуэн. — Только глубокие корни переживают самые сильные ветра, и все эти годы ты помогала нам держаться. Мы лишь хотели, чтобы ты увидела и нашу сторону — что, возможно, пришло время открыть себя и остров для нового сезона, для новых путей. Богиня встретит нас там.

— Есть только тот путь, что записан, — твёрдо сказала Кайтриона. — А ритуалы требуют, чтобы жрицы были чисты сердцем и помыслами, ведь мы просим Богиню использовать ради нас её величайшую магию. Я не сомневаюсь в силе Невы, но Верховная Жрица говорила, что магия, которой пользуются чародейки, отравляет их души.

— Как ты смеешь— — начала я, но Нева сжала мне плечо, заставив замолчать. Обида исчезла с её лица, оставив лишь непреклонную решимость.

— Судить меня будет Богиня, — сказала она. — Не Верховная Жрица, что никогда не видела меня. И даже не Кайтриона из Девяти.

— Кейт… — Олуэн снова попыталась достучаться до сестры, — я знаю, какая война идёт в твоём сердце, и что ты лишь желаешь почтить наших предков и сохранить верность Богине. Но если мы не сделаем того, что необходимо для выживания, старые пути исчезнут не просто как традиция, а будут утрачены навсегда. Если Нева готова попробовать, то в этом не может быть вреда.

— Вред будет, если мы потерпим неудачу, — хрипло ответила Кайтриона. — Тогда у нас действительно не останется надежды.

— Нет, моя леди Кейт, — тихо сказал Бедивер. — Тогда мы будем знать, что сражались изо всех сил. А в этом есть лишь честь.

Долгое время никто не говорил. В комнате слышалось лишь потрескивание огня в очаге и вой существ в мёртвом лесу.

Эмрис, казалось, ушёл в свои мысли. В конце концов, он сел на стол рядом со мной, уперев руку в поверхность совсем рядом с моим бедром. Вес его плеча, прижимающегося к моему, был словно якорем, удерживающим меня на месте, не позволяющим соскользнуть в бездну слов Кайтрионы. Его мизинец едва ощутимо скользнул по ткани моего одеяния, отчего кожа под ней запылала. Что-то во мне сдвинулось, когда я поняла, что не только я жажду прикосновения. Не только я нуждаюсь в том, чтобы за что-то — за кого-то — удержаться.

— Хорошо, — наконец сказала Кайтриона, склонив голову. — Мы попробуем и посмотрим, признает ли Богиня Неву своей. А если всё окажется напрасно… пусть нас простят.

Олуэн улыбнулась, с облегчением встретившись взглядом с Невой.

Кайтриона попыталась подняться, принимая руку Олуэн, которая тут же пришла ей на помощь.

— Я поговорю с Лоури и остальными, — сказала она. — Мы поищем что-то подходящее для нового атама.

— Сначала тебе нужно объяснить это Блохе, — услышала я собственный голос.

Они все удивлённо повернулись ко мне.

Я сглотнула.

— Ей будет больно, если она почувствует, что не нужна.

Если она почувствует себя бесполезной.

Кайтриона замерла в дверях, долго смотря на меня взглядом, в котором, возможно, было одобрение.

— Да, — наконец сказала она. — Я поговорю с ней.

Олуэн вывела нас остальных в коридор.

— А пока что больше никакого шастанья по ночам. Отдыхайте. Все. К утру путь — новый путь — станет ясным.

***

Я шла позади остальных, пока мы возвращались к башне, пытаясь разобраться во всём, что узнала. Бедивер обнял Кайтриону за плечи, что-то тихо говоря ей о том, что пора отдохнуть. Впереди Дэри всё ещё занимался подрезкой и уходом за Материнским Деревом. Эмрис остановился рядом с ним, указывая на что-то, чего я не могла разглядеть.

— Собрание без меня?

Я вздрогнула, услышав голос Кабелла, прорезающий ночную тишину. Оглянулась, всматриваясь в тени, пока не заметила его, прислонившегося к расшатавшемуся ограждению тренировочного двора.

— Вот ты где, — сказала я. — Я искала тебя раньше. Где ты был?

Он скрестил руки, когда я подошла ближе, и в его взгляде мелькнула жёсткость, которую я надеялась списать на игру теней.

— Ты правда думаешь, что люди хотят видеть, как я разгуливаю по двору после всего, что случилось?

Я знала, что в этом вопросе не было обвинения в мой адрес, но всё равно невольно дёрнулась. Его слова в конюшне всё ещё были свежи в памяти, остры, как лезвие: *Ты обещала.*

— Они понимают, что это не твоя вина, — сказала я. — Это проклятье.

— Конечно, — пробормотал он, глядя в землю. — Конечно.

Я забралась на забор рядом с ним, повернувшись лицом к башне.

— Ты был с Бедивером? Ты спрашивал его, правда ли, что Артур ушёл в Аннун?

— О, так мы всё ещё работаем над этим вместе? — сухо спросил он. — Может, сначала объяснишь, что это было за полуночное собрание?

— Да, — ответила я, вспоминая свой шок от услышанного ранее. — После того, как ты скажешь мне, почему выдал меня Бедиверу за поиски в подземных ходах.

— Мне было не по себе продолжать лгать ему, когда он помогал мне, — резко сказал Кабелл. — И отвечал на те вопросы, которые были важны для тебя. Может, если бы ты хоть раз подумала рассказать мне, что происходит, я бы успел тебя предупредить.

Я выдохнула.

Он имел полное право злиться. Мне следовало сначала найти его, убедиться, что он в курсе всех кусочков этого пазла, которые, наконец, начали складываться. На его месте я бы тоже обиделась.

— Прости, — сказала я. — Всё произошло так быстро, и я не подумала. Твоя сестра тоже бывает идиоткой, знаешь ли.

— Это у нас семейное, конечно, — его поза немного расслабилась. — Но что всё-таки случилось?

Он смотрел себе под ноги, пока я пересказывала ему всё, что узнала, лишь изредка кивая, как будто догадывался о чём-то из этого и сам. Я отметила это про себя, но больше беспокоила его полная отстранённость, когда речь зашла о ритуале.

— Что думаешь? — спросила я. — Если Нева сможет провести ритуал, это может решить всё. Это сможет *исцелить тебя раз и навсегда*, исправить всё.

— *Исправить меня.* — Его губы сжались в тонкую, безжизненную линию. — Да.

Я хотела объяснить, что имела в виду, но передумала, увидев, как он сгорбился. Я и правда была идиоткой — слишком рано после того, как он потерял след кольца и снова пережил превращение, пытаться дать ему надежду. Сколько раз можно надеяться на что-то?

— Ты правда думаешь, что чародейка сможет провести ритуал? — спросил он. — Их магия так же коварна, как и они сами.

Я на мгновение лишилась дара речи.

— Мы говорим про Неву. Неву, которая любит кошачьи рисунки, грибы и учёбу, которая создала заклинание чистого света. Почему ты так говоришь?

Кабелл резко выдохнул носом.

— Ты права. Нева другая. Просто я всё думаю… Всё это случилось из-за чародеек. Ничего бы этого не было, если бы они не убили друидов.

Включая, заполнила пробелы в его словах моя память, *смерть Нэша.*

Я прикусила губу, чувствуя привкус крови.

— Каб… Ты хочешь вернуться домой? Мы можем оставить всё это позади. Ради тебя я сделаю это в одно мгновение.

Он ничего не ответил. Кожа старой куртки Нэша скрипнула, когда он сжал руки в кулаки, сжимая её полы.

— Ты помнишь, — спустя минуту он заговорил снова, — ту ночь в Чёрном Лесу, когда Нэш устроил целый теневой спектакль, пересказывая последнюю битву короля Артура?

Я невольно рассмеялась.

— Боги, у него были просто ужасные звуковые эффекты. А его умирающий Артур… Это было кошмарно.

Кабелл хмыкнул, соглашаясь.

Это был редкий пересказ битвы при Камлане; Нэш никогда не любил финалы, особенно если в них гибли его герои. После того как Артур отправился сражаться на Континенте, его племянник Мордред узурпировал трон, вынуждая его вернуться в Британию. В битве Артур получил смертельное ранение, а почти все оставшиеся рыцари пали. Только Бедивер остался, чтобы сопроводить умирающего короля в Авалон.

Я потерла руки, пытаясь согреться. По крайней мере, сейчас Дети стали тише – день, пусть и короткий, приближался.

— Почему ты об этом вспомнил? — спросила я.

— Наверное, из-за Бедивера, — ответил Кабелл. — Думаю, сколько правды в этой истории и сколько силы потребовалось Бедиверу, чтобы оставаться здесь все эти годы. — Он сглотнул. — Ты думаешь, Нэш жалел, что отправился искать кольцо?

— Нэш никогда в жизни ни о чём не жалел, — напомнила я ему.

— Это не так, — сказал Кабелл. — Он всегда сожалел, что ушёл тем утром. Когда Белая Дама позвала тебя. Я никогда не видел его таким напуганным.

Метка у меня на груди заныла, холодным огнём отзываясь на его слова.

— В последнее время я часто думаю о Нэше, — призналась я. — Не то чтобы я этого хотела, но я чувствую его присутствие.

— Да?

— Чаще всего это истории, которые он рассказывал нам, — сказала я. — Странно, правда? Будто они ожили, как только мы оказались здесь.

Кабелл задумался. Затем, заметив, как я поёжилась, снял куртку Нэша и набросил мне на плечи.

— Спасибо, — сказала я. — Ты уверен, что самому не нужно?

— Я люблю холод, — ответил он. — Он проясняет мысли.

Я плотнее закуталась в куртку, жалея, что не догадалась надеть фланелевую рубашку перед встречей с Эмрисом.

— Как думаешь, возможно, Олуэн права, и мы действительно должны были оказаться здесь? — тихо спросил Кабелл. — Что Нэш рассказывал нам все эти истории не просто так?

— Думаю, частично он рассказывал их, чтобы объяснить, зачем мы ищем реликвии, — сказала я, — но в основном просто ради собственного развлечения.

Кабелл опустил взгляд на серебряные кольца на своих пальцах.

— Ну… может быть? — неуверенно добавила я. — Может, в этом правда есть что-то большее. Как со всеми этими историями, в которых столько разных версий, мы можем выбрать, в какую версию верить.

— И какую версию самих себя, — сказал он.

— Да, наверное, — кивнула я. — А что ты хочешь верить о себе, Каб?

Он не ответил.

— Иногда я завидую твоей памяти, — сказал он спустя мгновение. — В ней ничто не умирает.

— Твоя история ещё не закончилась, Каб, — пообещала я.

— Может быть, — тихо ответил он. — Но что бы ни случилось, ты всегда сможешь найти меня там.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 35

Танец пламени был одновременно завораживающим и пугающим.

В голодные времена, когда не было оплачиваемых заказов, Нэш заставлял нас разбивать лагерь под открытым небом. Долго после того, как мне следовало бы уснуть, я лежала и смотрела, как костёр бушует и трепещет. Пыталась сосчитать искры, поднимающиеся в темноту и угасающие, словно звёзды на рассвете. А когда огонь наконец затухал, оставляя после себя лишь тлеющий пепел, я засыпала.

Сегодня, когда я вернулась в нашу комнату, Нева уже крепко спала, раскинувшись на матрасе. В конце концов, я сдалась, оставила попытки последовать её примеру и выбралась из постели. Ходила из угла в угол, надеясь, что это поможет вытрясти из головы тяжёлые мысли.

Когда и это не помогло, я устроилась в кресле перед очагом и вернулась к своему старому ритуалу, сдвинув саламандровы камни, чтобы развести небольшой огонь. Скрестив ноги, опёрлась локтём на колено, а подбородком — на ладонь. Пламя вспыхнуло, взметнувшись над холодными камнями, ослепительно-золотое.

Я позволила мыслям течь свободно, не пытаясь их поймать. Воспоминания о древних хранилищах и первобытных лесах. Кабелл и я в библиотеке. Лезвие моего ножа, прорезающее плоть Септимуса за мгновение до того, как его разорвало на части. Дети, восстающие из тумана. Поблескивающие бутылочки в лазарете Олуэн. Гончая, несущаяся на Кайтриону. Белая роза. Пожелтевшие кости Нэша…

Именно этот последний образ задержался в сознании дольше остальных. Картина тихой, безвестной смерти после такой громкой и легендарной жизни.

Впервые с его исчезновения мысль о Нэше не вызвала во мне гнева. Только щемящую пустоту. Сожаление.

Дай мёртвым умереть, Тэмси, — сказал он мне когда-то. *Лишь память причиняет боль, а они освобождаются от неё, уходя.*

Воспоминания Нэша приходили в песнях, в историях у костра, в звонких ударах кружек, но теперь они замолкли. Навсегда. В отличие от чародеек и жриц, стремившихся запечатлеть каждую деталь своей жизни, чтобы их не забыли, он бы только обрадовался, если бы его оставили в покое. Он всегда был эгоистичен в этом.

Дай мёртвым умереть.

И вместе с ним — любой памяти о моих родителях.

Глаза налились тяжестью. Я не стала бороться с сном.

Воздух вокруг меня стал похож на тёмную воду, и я погрузилась глубже, всё глубже в забытьё. Потоки пузырьков устремились к свету, мерцающему где-то наверху, а я опустилась на мягкое дно, поросшее раковинами, серебристыми и зловещими.

Нет. Это не раковины. Это кости.

Я попыталась закричать, но вода заполнила мой рот и лёгкие. Я метнулась прочь, но кости были повсюду, звеня и лязгая, пока не начали складываться в уродливые фигуры, ползущие ко мне, протягивающие ко мне руки.

Пальцы нащупали лёд под слоем ила, я схватилась за него и вырвала.

Меч.

В моей руке его клинок вспыхнул синим пламенем — тем самым, что горит в сердцах звёзд. Огонь бурлил, превращая воду в сияющий барьер, отсекающий тьму.

Я вынырнула из сна, судорожно глотая воздух, пламя жгло мои лёгкие.

Сжав голову руками, я зажмурилась, пытаясь остановить головокружение, прежде чем меня вывернет наизнанку.

В дверь раздался тихий стук.

Я подняла голову, затаив дыхание, не уверенная, вырвалась ли я из сна или он всё ещё держит меня в своих тенетах.

Позади меня Нева спокойно вздохнула во сне. Я огляделась, задержав взгляд на знакомых очертаниях комнаты. Реальность. Я была в реальности.

Раздался ещё один такой же осторожный стук.

Я заставила себя подняться на дрожащих ногах и отперла дверь.

В темноте стоял Бедивер, в одной руке сжимая фонарь. Он был в полной броне — куда более тяжёлой, чем та, в которой обычно ходил на дежурство, — а у пояса висел меч.

— Что случилось? — прошептала я, выходя в коридор и плотно закрывая за собой дверь. — Это Кабелл?

Он кивнул в сторону лестницы, и я последовала за ним, удивлённая тем, как бесшумно он двигался, несмотря на металлические доспехи.

— Прости, что разбудил тебя, — тихо сказал он. — Я бы не пришёл, если бы дело не было срочным. Мне нужно попросить тебя кое о чём.

— Мне совсем не нравится, как это звучит, — прошептала я.

Он тихо вздохнул, и в иной ситуации это могло бы сойти за смешок.

— Мне хочется верить, что ритуал спасёт этот остров.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, чувствуя, как у меня подскакивает пульс. — Откуда ты знаешь, что не сможет?

— Верховная жрица Вивиан, — сказал он, — она приходила ко мне, когда я жил вдали от башни, охраняя моего короля. Тогда она сказала мне, что ритуалы должны проводиться в точности так, как записано. Это повеления Богини, и их необходимо соблюдать, иначе они обречены на провал.

Мои руки онемели от холода. От страха.

— Так… что? Ты хочешь сказать, что пытаться бесполезно?

— Нет, — ответил он. — Они должны попытаться, но только с истинным атамом.

— Но он был утерян… — Голос затих, когда я увидела на его лице выражение вины. — Ты знаешь, где он?

Старый рыцарь закрыл глаза.

— К моему великому стыду, это я его забрал. Я не знал о его значимости, лишь то, что Верховная жрица всегда носила его с собой, и я думал, что раз он принадлежал ей и был так ей дорог, то должен быть похоронен вместе с ней.

Осознание вспыхнуло во мне.

— Кайтриона сказала, что её тело сожгли.

— Часть его, да, — лицо Бедивера исказилось от мучений. — Я лгал им и предал свою честь. Я не мог смириться с мыслью, что её светлая душа не сможет возродиться. Я вынул её кости из огня, пока остальные спали, и похоронил их там, где все Верховные жрицы возвращаются к Богине.

Атам не потерян. Эти слова зажгли огонь в моей груди. *Ритуал сработает.*

— Ты собираешься за ним, — сказала я.

Бедивер кивнул.

— Я должен. Если я расскажу жрицам, они сами попытаются его достать, но это моя ошибка, и мне её исправлять. Поэтому я пришёл к тебе с просьбой. Если я не вернусь, скажи остальным, что со мной стало. Напомни Кабеллу, какой он сильный.

Мой разум лихорадочно искал выход. Этого нельзя было допустить. Бедивер был нужен здесь, и в слишком многих смыслах, слишком многим. Его боевые навыки, его

мудрость, его работа с Кабеллом. Мой брат уже балансировал на краю пропасти, и если тот единственный, кто мог удержать его от падения, не вернётся…

Он никогда не оправится.

А я никогда не прощу себе этого.

Во мне зародилась твёрдая уверенность. У каждого здесь была своя роль. Девятерым и Неве предстояло провести ритуал. Эмрис должен был помочь им вырастить хоть что-то съедобное. Бедивер был опытным воином и мог держать всех в живых. Кабеллу нужен был шанс научиться контролировать своё проклятие. Авалонцы должны были защищать башню и себя.

Никто не был настолько незначителен, чтобы пойти на этот риск.

Никто, кроме меня. Одной из немногих, кто имел опыт вскрытия и исследования гробниц.

Богиня привела вас сюда. Всех вас.

Я не верила в судьбу — это всегда казалось мне удобным способом свалить свои беды на что-то большее, чем ты сам. Но я не могла отрицать, что каждый из нас занял здесь своё место, словно ведомый невидимой рукой.

Это… Это предназначалось мне.

— Ты сделаешь это для меня? — спросил Бедивер.

— Нет, — ответила я. — Потому что я пойду вместо тебя.

Его потрясение было почти осязаемым.

— Я не могу позволить тебе. Это должен быть я. Другого выбора нет.

Я не стеснялась воспользоваться его чувством вины.

— А если снова нападут, а тебя здесь не будет, чтобы защитить их? Где в этом честь?

Он продолжал качать головой.

— Ты знаешь, как выбраться из башни, не наткнувшись на Детей, — сказала я. — И ты рассчитываешь добраться до места захоронения до наступления ночи. Значит, и я смогу.

И к тому же быстрее — я ведь не буду тащить на себе полный доспех и такой груз эмоций. Но в этом и была проблема чести — она отравляла разум, мешая принять здравое решение.

Бедивер всё ещё колебался.

— Я не могу…

— Если они проснутся и обнаружат, что тебя нет, они отправят людей искать тебя, — сказала я. — А вот моего исчезновения никто даже не заметит.

Его единственная рука сжалась в кулак, глаза закрылись.

Рыцари Камелота следовали строгому кодексу чести; Бедивер никогда бы не переложил свою ношу на другого без веской причины. Это повторялось снова и снова в историях, которые рассказывал нам Нэш — о жизни при дворе Артура, о принятых вызовах, о квестах, от которых нельзя отказаться.

— Я умоляю тебя, — прошептала я, и голос мой дрожал, как если бы слёзы уже подступили к горлу. — Пожалуйста, позволь мне принять этот вызов вместо тебя. Пожалуйста, не оставляй Кабелла. Я справлюсь. Я могу это сделать.

— Я не сомневаюсь в этом, но…

У меня остался последний козырь.

— Ты должен остаться в живых, чтобы защищать своего короля до того дня, когда смертный мир вновь потребует его возвращения.

Слова ударили по нему, словно ледяной кулак. Он пошатнулся.

— Ты дал ему клятву, — продолжила я. Ещё один удар. — Так же, как дал клятву защищать башню. — И ещё. — Прошу тебя, сэр Бедивер. Позволь мне пойти.

В молчании моё сердце билось с одной-единственной мыслью. *Он не согласится. Он не согласится. Он не согласится.*

Но затем он склонил голову. И внутри меня прорвался поток — облегчения, благодарности, осознания, что у меня есть цель.

— Я не могу этого вынести, но должен, и пусть я буду за это проклят, — произнёс Бедивер, его светлые глаза сверлили меня насквозь. — Если ты действительно намерена это сделать, тогда готовься. Первый свет уже близко, и у нас нет времени на промедление.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 36

Похоже, хитроумный Эмрис всё же упустил один тайный проход.

Пока я бесшумно одевалась и собирала в рабочую сумку оставшиеся припасы, Бедивер отправился в оружейную, чтобы подобрать мне кожаный нагрудник и кинжал, который, по его мнению, я могла бы использовать, не рискуя случайно отрубить себе большой палец.

Избежав Дери, свернувшегося у подножия Материнского древа, и не попавшись на глаза стражникам на стенах, я встретилась с Бедивером на кухне. Небо начинало светлеть, а Дети затихали — факт, который Бедивер тоже не упустил из виду.

— Мы должны поспешить, — сказал он, придерживая для меня дверь. — Дилуин — эльфин, а им по природе свойственно состязаться с рассветом, чтобы первыми приступить к работе.

Я едва переступила порог, как он уже бросил мне добрый ломоть хлеба и бурдюк с водой.

Сбросив тяжёлые доспехи, старый рыцарь двигался с удивительной ловкостью. Он подошёл к шкафу у дальней стены и поднял фонарь к одной из его панелей. В мягком свете пламени проявились невидимые прежде отметки. Бедивер протянул руку в латной перчатке, но, передумав, провёл по ним другой, непокрытой ладонью.

— Ночь грядёт, — произнёс он.

Шкаф сдвинулся с места, с гулким скрежетом открывая проход. Под ним скрывался узкий лаз с крутой лестницей, куда можно было спуститься только по одному.

Я пошла первой, осторожно спускаясь вниз. Бедивер последовал за мной, прежде чем вернуть шкаф на место.

В свете его фонаря подземный ход раскрылся во всей своей древней красоте. В отличие от других туннелей, этот был чудом архитектуры: своды с резными арками опирались на стройные колонны, стены украшали росписи, изображавшие животных и существ — знакомых и неизвестных.

— Что это за место? — спросила я, шагая следом.

На вершинах колонн, в небольших нишах, мирно спали несколько спрайтов, их мерцающий свет то разгорался, то угасал с каждым размеренным вдохом.

— Это был путь фей, — ответил Бедивер. — Его использовали те из Волшебного народа, кто сторонился людей, но хотел торговать с башней. Он ведёт прямо к священной роще.

Я ощутила укол удовлетворения — значит, я была права. Хотя бы один путь, позволяющий незаметно покинуть башню и миновать Детей, что бродили вокруг рва, существовал.

— Почему его не запечатали?

— Он защищён чарами, рождёнными древней магией, и они пока ещё не дали сбой, — Бедивер поднял фонарь выше, освещая путь. — Но, что важнее, это последняя надежда Авалона. Если башня падёт, этот путь приведёт нас к баржам и в смертный мир.

Он разорвал густую паутину, растянувшуюся перед нами, и недовольно цокнул языком, когда липкие нити облепили его, словно кружевная вуаль.

— Ты когда-нибудь скучаешь по нему? — спросила я.

Бедивер снова обернулся.

— По смертному миру, — уточнила я.

Он долго молчал, и лишь шорох его шагов наполнял тишину.

— Я помню его слишком плохо, чтобы желать вернуться, — наконец сказал он.

— А король Артур? — не удержалась я. — Какой он был?

Рыцарь издал низкий, глухой звук, напоминающий хмыканье.

— Человек праведный, но тщеславный, — ответил он. — Всегда жаждал большего, чем было ему предназначено, и нередко платил за это тем, что уже имел.

Я моргнула, не ожидая такого ответа.

Бедивер замедлил шаг.

— Он был королём добродушным и искусным, заслуживающим памяти за гранью смерти.

Это было далеко не то восхищённое признание, которого я ожидала от человека, согласившегося стеречь уснувшего короля тысячу лет. Но, наверное, даже самое сладкое молоко может скиснуть за несколько веков изоляции.

— Ты уже тысячу лет сторожишь его сон, — сказала я. — Ты имеешь полное право пожаловаться.

Заметив возможность, я добавила:

— Не расскажешь, как найти то, что осталось от Камелота?

— Теперь нам нужно молчать, — отрезал он, и в голосе его появилась стальная нотка. — Мы не так глубоко под землёй, чтобы существа не могли нас услышать.

На этот раз я подчинилась без возражений.

Мы шагали, казалось, целую вечность. В конце туннеля нас ждал не свет, а ещё одна лестница. Бедивер первым поднялся по ней, отомкнул тяжёлую железную цепь, преграждавшую путь, и толкнул скрытую дверь.

— Подожди здесь, — сказал он, приподнимая люк и выбираясь наружу.

Сердце бешено стучало в черепной коробке, и наконец страх догнал меня.

Спустя мгновение он наклонился над проёмом и жестом велел мне следовать за ним. Я быстро взобралась вверх, стараясь не шуметь сумкой, и оказалась в узкой расщелине между высокими валунами. Мглистая пелена мрачно повисла над мёртвым лесом, раскинувшимся за входом.

— Спрошу ещё раз — ты уверена? — тихо произнёс Бедивер.

Я сглотнула, кивнув. Туман оставался неподвижным. Путь был свободен. Пока что.

— Куда мне идти? — спросила я.

— Хорошая девочка, — сказал он, коротко сжав моё плечо. — Беги прямо через рощу. Там найдёшь оленью тропу между двумя дубами. Следуй по ней около лиги, пока не достигнешь реки, затем иди на восток, пока не увидишь озеро. Курган посреди него, вход скрыт с северной стороны. Я отметил могилу светлым камнем.

Я кивнула. Лёгкий мороз пробирался в грудь, сжимая её так, что трудно было сделать ровный, спокойный вдох.

— Беги быстро, как стрела, — сказал он. — Ни на что не останавливайся, даже чтобы передохнуть. Я запру этот проход и вернусь через три часа. У тебя будет не больше этого времени, прежде чем наступит тьма.

Следить за временем мне было нечем. Придётся полагаться на небо и собственное чутьё.

Я крепче прижала к себе сумку с инструментами и бурдюк.

— Увидимся тогда.

Я выскочила из-за зазубренных валунов, бросившись вперёд, вдыхая всё глубже и глубже приторную гниль истлевающих яблок, валяющихся на лесной подстилке.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone

Ледяные капли цеплялись за голые ветви, словно забытые ожерелья из потускневших бриллиантов. Серое небо казалось ниже обычного, будто склонялось к призрачному туману. Удушающее ощущение запертого пространства сдавило грудь. В воздухе раздавался низкий гул, напоминающий летний хор цикад.

Между двумя дубами — мало что значило в лесу, где все деревья выглядели одинаково мертвыми и гниющими. Их стволы скручивались в судорожных спиралях, словно пытались вырваться из земли.

В конце концов, отличить дубы помог только их размер. Два исполина склонились друг к другу, их толстые нижние ветви лежали на земле, поддерживая тела, а верхние сплелись над тропой. Они выглядели, как любовники, замершие в смертном объятии, и я задержалась на миг дольше, чем следовало.

Я встряхнулась, пролезла через узкую щель между их переплетёнными стволами и продолжила путь.

До проклятия олени выбили такую глубокую борозду в земле, что тропа до сих пор была различима под слоем разложившихся листьев и чёрной плесени — без неё я бы сбилась с дороги в считаные минуты. Обнажённые деревья, похожие на иссушенные призраки, таяли в тумане, словно растворяясь во времени.

Сердце бешено колотилось, и я вздрогнула, когда под ногой что-то хрустнуло — то ли сухая ветка, то ли ломкие кости. Я резко обернулась, осматриваясь, чтобы понять, не привлекла ли внимания. Но за молочной пеленой тумана невозможно было разглядеть дальше нескольких шагов. Каждая тень в этом мареве превращалась в затаившуюся угрозу, а каждый скрип ветвей казался звуком чьего-то дыхания над головой. По телу разлилось электрическое напряжение, и я поспешила дальше.

Туман клубился вокруг, уводя меня глубже в сердце острова — мимо разлагающихся язв, где некогда переливались водой сверкающие пруды, мимо пустых, словно выдолбленных, домов, через поля, где урожай сгнил прямо на лозе.

Гул становился всё громче.

Река. Я должна была уже дойти до реки.

В одно мгновение я ступала по гнилостной земле, в следующее — почва исчезла из-под ног, и я полетела вперёд.

Тело среагировало быстрее разума: я резко осела назад, падая на копчик и подвернув лодыжку. Острая боль пронзила левую ногу, но я каким-то чудом сдержалась, не выругавшись вслух.

Инстинкты и расчёт времени, по крайней мере, пока меня не подводили. Я действительно добралась до реки.

Берег обрывался вниз, открывая грязное, пересохшее русло. Вместо воды здесь громоздились клочья рыболовных сетей, кости рыб, мокрые листья. Среди сгнившей растительности виднелись другие остатки — щиты, лоскуты ткани, деревянная кукла.

Я отступила от края, пробуя осторожно покрутить лодыжкой. Лицо скривилось от боли — вывих. Я поблагодарила всех богов удачи за то, что не сломала её, но скорость и так оставляла желать лучшего. Теперь будет ещё хуже.

Я сделала всего пару шагов, когда что-то зашевелилось на границе зрения. Скользнуло.

Леденящий страх прошёл по позвоночнику, когда я обернулась к руслу.

Сухие листья пришли в движение, затрепетали, словно вспугнутые тараканы. Под ними что-то извивалось, прокладывая путь наружу. Ещё немного, и из-под слежавшегося мусора показалась серая, лысая голова. Существо сделало судорожный вдох. Рядом шевельнулось ещё одно. И ещё.

Адское пламя, пронеслось у меня в голове.

Два факта прояснились в сознании, пока я медленно пятилась назад. Первое — Жатвенники испускали этот низкий гул во сне, омерзительную пародию на мурлыканье. Второе — они превратили русло реки в гнездо. Зарылись в землю, скрываясь от дневного света.

А его я теряла с каждой секундой, пока оставалась на месте.

Я прижала кулак ко рту, сдерживая дыхание, а другой рукой вцепилась в сумку, прижимая её к себе.

Медленно, так медленно, что от этого хотелось кричать, я двинулась вдоль русла, где оно извивалось среди молодых деревьев — тех, что так и не получили шанса вырасти. В теле не осталось ничего, кроме яростного биения сердца, которое стучало в висках, в ладонях, в ноющей лодыжке. Колени подгибались. Меня мутило, и я не могла понять, что сильнее — желание вырвать или мочевой пузырь, готовый сдаться прямо здесь.

Ты в порядке, твердила я себе. Всё хорошо. Это для Кабелла.

Туман сжалился, растянулся тонким слоем, позволив разглядеть путь. И наконец, я увидела вершину погребального кургана — и смогла снова почувствовать собственное тело.

В отличие от реки, небольшое озеро — не более мили в ширину — всё ещё удерживало воду, которая по краям загустела до состояния топи, покрылась ряской и скользкой тиной.

Курган, или погребальный холм, возвышался посреди воды. После бесконечного серого пейзажа яркая зелень травы на его склонах поразила меня. Здесь была защита. Каким-то образом, вопреки всему, она сработала.

Я шла вдоль озера, пока туман не открыл маленькую лодку, застрявшую на берегу. Вытащив её из цепких объятий грязи, я подвинула к воде почище и надавила на днище, проверяя, нет ли течи.

— Утонуть было бы наименьшей из проблем, — пробормотала я, забираясь внутрь и хватаясь за вёсла. Лезвия и нос лодки были вырезаны в форме драконов.

Оттолкнувшись от берега, я гребла так тихо, как могла, хотя руки дрожали так сильно, что пальцы едва удерживали рукояти. В ушах шумело собственное дыхание. По спине и груди стекал липкий пот.

Но тишина озера была страшнее мурлыканья Жатвенников. Она таила в себе весь ужас неизвестности.

Лодка ударилась о берег, заскрипела, когда я выбралась на сушу.

— Это ты умеешь, — прошептала я себе. — Это — лёгкая часть.

Я опустила руку в сумку, нащупывая на дне кристаллы. В зависимости от защиты, мне могла понадобиться магия, чтобы войти внутрь.

Обходя курган с северной стороны, я заметила, как трава тускнеет, становится жёлтой, а потом и вовсе бурой, мёртвой. И всё же в этом месте было нечто первобытное, природное, не похожее на холод каменных усыпальниц под башней. Я вдруг подумала, предпочла бы Вивиан быть похороненной рядом с Морганой. Тогда хотя бы в смерти они были бы вместе, чего не случилось при жизни.

Цветы, когда-то расцветавшие вокруг каменного входа, увядшими лепестками рассыпались по земле. Я отодвинула сухие листья, открывая грязный отпечаток руки.

Всё тело сжалось, каждая волосинка встала дыбом.

Я присела на корточки, зажмурилась, пробормотала короткую молитву богам удачи.

Щёлкнула фонариком, направив луч внутрь кургана.

Никакого светлого камня не было.

Земля была разорвана и перевёрнута, от входа и до самого центра кургана. Кости и разлагающиеся тела лежали открытыми, пропитываясь влажным воздухом.

Позади меня заурчала вода. На её поверхности пузырились маслянистые пятна, вытягивая наружу длинные, тёмные водоросли.

А потом появились глаза. Белые, без век. Смотрящие прямо из воды.

Лицо.

Тело.

Я отшатнулась, врезавшись спиной в каменный вход, когда она поднялась над озером, грубо слепленная из серебряных костей, грязи и гниющей плоти. Совсем не похожая на Жатвенников.

Ревенант. Должно быть, это он. Беспокойный дух, пытающийся вернуть себе тело любыми возможными способами.

Она подняла руку, жестом так напоминающую Белую Госпожу в снегах много лет назад, что у меня перехватило дыхание. У её ног собирался туман. Сгустки чёрного мха стекали с её руки, но взгляд зацепился за металлический отблеск на конце вытянутого пальца. На её костлявом, полуразложившемся указательном пальце красовался перстень. Камень, некогда, вероятно, сияющий, потемнел, приобретя серовато-бурый оттенок.

Кольцо Рассеивания.

Ледяное, чуждое заклятие сковало моё тело и разум. Всё вокруг потемнело, исчезло. Осталась только она. Моя рука поднялась сама собой, тянулась к её пальцам.

Металл разрезал воздух между нами, вспарывая кожу на моём предплечье. Я вскрикнула, глухо, сдавленно, выронив фонарь и схватившись за рану. Ревенант завопила в ответ, ликуя, воздевая руки к небу, словно в молитве.

В одной руке у неё было кольцо, но в другой не было вовсе никакой руки. Вместо неё, гладко впаянный в сгнившее запястье, сверкал нетронутой сталью ритуальный нож — атам.

Ужас и адреналин захлестнули меня, когда существо поплыло вперёд, паря над землёй. Грязь стекала с её безжизненного лица, обнажая под ней участки серебристых костей. Между моими пальцами горячей рекой хлынула кровь, капая на землю. Внезапно мысль вспыхнула в голове, будто кто-то другой её мне прошептал.

У меня есть клинок. У меня есть оружие.

Я с трудом подняла кинжал обеими руками, края зрения потемнели от напряжения. Но всё же не настолько, чтобы я не заметила того, что скрывалось под изорванной плотью моей руки.

Кость, сияющая серебром в тусклом свете.

Я закричала, и ревенант рванулась вперёд, выбивая кинжал из рук и утаскивая меня в мутную воду.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Часть третья — Кровь и кости

Глава 37

Ледяные глубины пронзили моё тело, словно нож.

Я захлебнулась, вдыхая ледяную воду в лёгкие, пока не начала задыхаться. Существо сжало меня крепче, душа, и мы продолжили погружение. Вокруг взметнулись потоки белых пузырей и тёмной крови. Свет на поверхности тускнел, пока совсем не исчез за спиной существа.

Это уже случалось, — прошептал голос в моей голове. *Проснись, Тэмсин.*

Я ударилась о дно озера, что-то острое вонзилось мне в спину. Я оттолкнула существо и повернула голову. Белые кости в иле. Они образовывали вокруг меня нимб.

Это уже случалось.

Грязь стекала с её лица, открывая череп, серебристый, как кость в моей руке. Её челюсть разошлась, как у змеи. В тусклом мраке сверкнули рваные, обломанные зубы.

Это уже случалось.

Белая роза. Монстры в тумане. Пылающий меч.

Сон.

Собирающаяся во тьме сила прошептала: *Проснись.*

Я нащупывала что-то на дне, пока пальцы не коснулись леденящего стального лезвия. Сквозь облако чёрной крови, сквозь пелену, затмевающую зрение, я сжала рукоять и ударила.

Клинок меча вспыхнул, его синие языки пламени вскипятили воду в бешеном вихре. Существо взвыло, когда я рассекла её грудь. Грязь и гнилая плоть отлетели, но крови не было — в ней не осталось жизни.

Задыхаясь, я оттолкнулась от дна и поплыла изо всех сил к поверхности. Атама вскользнула по моему сапогу и разрезала кожу до самой лодыжки.

Меч — мне нужен был этот меч. Ради Кабелла. Ради всех.

Я прорвалась сквозь боль, сквозь тяжесть собственного тела и снова обрушила меч вниз. В последний момент существо отпрянуло, и горящий клинок прошёл сквозь воду впустую.

Рванулась вперёд, пытаясь в последний раз дотянуться до атамы, но существо уже отступало к самому дну озера, воя от ярости. Её водорослисто-зелёные волосы тянулись за ней, как змеи.

Я поплыла. Серый свет на поверхности появился вновь, маня меня к себе. Сильным толчком я вырвалась наружу, закашлялась, вырывая из себя мутную воду.

Но, оказавшись наверху, поняла: у моего тела больше не осталось сил. Кровь струилась из руки, вытягивая последние искры силы из-под кожи. Вода сомкнулась надо мной, над моими глазами, ртом — и я снова пошла ко дну. Я уже не чувствовала стальной рукояти в онемевших пальцах. Пламя меча гасло.

В холодных объятиях смерти едва слышный голос сознания умолял: *Не отпускай.*

За моей спиной всколыхнулась тёмная жижа, взметнув вверх поток ила. Обжигающе горячая рука обвила мой живот и рванула вверх.

Холодный воздух заставил меня вздохнуть, и я снова закашлялась, не в силах изгнать воду из лёгких. Я откинула голову назад, пытаясь ударить ею того, кто держал меня. Моя рука инстинктивно сжалась на рукояти меча, и синее пламя вернулось, вскипая на поверхности чёрной жижи. Я даже не поняла, что кровь гудела в ушах, пока не услышала глухой голос прямо у самого уха:

— Тэмсин! Тэмсин, хватит!

Я повернула шею, и в животе сжалось, когда тьма отступила от моего взгляда.

Эмрис.

— Не здесь… — прохрипела я, закашлявшись. *Ты не можешь быть здесь.*

Его лицо побелело от страха.

— Только держись!

Он крепче сжал меня и поплыл не к острову, а к далёкому берегу. Его мускулы работали напряжённо, сердце колотилось как безумное. Его тепло почти прогнало лёд, застывший у меня в костях.

Ремень сумки затянулся вокруг шеи, пока он тащил нас обоих на грязный берег. В воздухе, обжигающем рану, моя рука вспыхнула болью. Серебряная кость зловеще поблёскивала в слабом свете — правда, от которой не сбежать.

Он увидит, — с ужасом подумала я, пытаясь прижать её к земле. Уже было поздно. Он выругался яростно, увидев, как кровь хлещет из раны, превращаясь в реки, впадающие в грязь. Судорожно он прижал рану одной рукой, а другой убрал мокрые пряди с моего лица.

— Тэмсин? — прохрипел он. — Ты меня слышишь? Тэмсин!

Он прижал меня к себе, к груди, растирая и колотя по спине, пока я не вырвала остатки воды.

— Что это такое? — выдохнул он, пытаясь разжать мои пальцы, стиснувшие рукоять меча. Его жар потрескивал и гудел, обжигая береговую грязь до твёрдой корки.

Но я видела только то, что вылезало из теней леса за его спиной.

Дети крались по валунам и меж деревьев, держась густой тени под сенью кроны, чуть поодаль от ненавистного им света. Мёртвый мох и лишайник бесшумно сыпались на землю, пока одни взбирались на ветви с ужасающей грацией. Другие цеплялись за узловатые корни, что извивались, словно когти. Они щёлкали зубами от возбуждения, сопели и фыркали.

Нет, — подумала я. *Не может быть…* Олвен говорила…

Олвен говорила лишь, что днём они менее активны. Что они ненавидят свет. Но не то, что все они спят. Не то, что ни один не попытается напасть.

Эмрис повернулся — медленно, медленно — к вонючему зловонию смерти. Дыхание Детей превратилось в туман, а туман — в их дыхание.

Он мягко уложил меня обратно на землю с выражением, будто сердце разрывалось на части, и приподнялся на корточки.

Меч выскользнул из моей руки и перешёл к нему — я застонала, когда пламя погасло, превратившись в чадящий дым. Эмрис с недоумением посмотрел на него, затем встал, лицом к Детям — в одиночку.

Один из них вылез вперёд, издавая рычание, брызгая слюной. Одна из его длинных, костлявых конечностей потянулась сквозь туман — липкая от кислого пота и чешуек.

Он наклонил серую, безволосую голову под неестественным углом. Его глаза были широко раскрыты, без век, а кожа вокруг — тонкая, бледная, сморщенная. Но сквозь эти преувеличенные, запавшие черты проглядывало что-то мучительно знакомое в том, как губы скривились в усмешке.

Я узнала это лицо. Эти глаза с волчьим блеском.

Это был Септимус.

Или то, что от него осталось.

Мои ногти впились в мёртвую траву и осоку. Я попыталась подняться. Встать.

Эмрис размахивал мечом широкими дугами, пытаясь отогнать Детей, но без пламени они не боялись, и только лезли вперёд, перелезая друг через друга, с хрустом костей и злобным рёвом, чтобы добраться до него первыми.

Пронзительный визг разнёсся по озеру. Монстр — реверент — поднялась из воды и поплыла к берегу. Грязь, ветки и мёртвая трава тянулись к её раскинутым рукам и обнажённой части рёбер. Болезненный туман клубился у её ног, пока существо восстанавливалось до своей полной формы.

Давление нарастало в ушах. В груди. Всё больше Детей появлялось в колючих зарослях вокруг неё.

— Что, чёрт возьми, это? — выдохнул Эмрис. — Это что… Верховная Жрица?

Её голова резко повернулась на эти слова, и когда она закричала, воздух разорвался. Я зажала уши. Эмрис пошатнулся и опустился на одно колено.

Реверент закричала вновь, вскарабкалась по склону противоположного берега и исчезла в лесу с такой скоростью, что кора слетала с чёрных, изрезанных деревьев. Дети вокруг нас отступили, скрываясь глубже во мрак леса. Они лаяли и рычали, обходя широкое озеро галопом. Гнались за ней.

Или были призваны к ней.

Призваны ей.

Она управляет ими. Слова, будто пыль, пронеслись по моей голове, пытаясь укорениться. *Верховная Жрица Вивиан управляет ими.*

Эмрис уронил меч и присел на корточки.

— Я не знаю, что сейчас произошло, но свет уходит. Ты можешь…?

Он сжал моё плечо. Его голос затих под глухим стуком моего сердца. Всё моё тело отзывалось на каждый удар.

Он увидит. Я подогнула раненую руку под себя, пряча. *Он поймёт.*

Чёрнота накрыла моё зрение, и бороться с ней было бессмысленно. Пока тело отдавалось онемелой усталости, последняя призрачная мысль последовала за мной во тьму:

Он узнает, что я одна из них.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 38

В этом водянистом свете было что-то такое, что мешало понять — я сплю или уже проснулась. Он переливался, растекался по мшистым каменным стенам. Ловился на миг, будто дым, загнанный в бутылку.

Так легко было снова погрузиться в блаженное небытие. Не чувствовать, как пульсирует боль в руке, как череп вот-вот треснет, будто раковина.

Но я заставила глаза сфокусироваться сквозь мутную пелену вокруг. Провела языком по песку между зубами — он был сухой и тяжёлый. Ветер выл где-то снаружи, будто звал заблудших братьев.

Сознание, как всегда цепкое, начало описывать обстановку: земляной пол, колючее шерстяное одеяло подо мной, грубая арка низкого потолка. Тень в дверном проёме, раздувающая огонь из спутанных веточек.

Запах сладкой, влажной зелени — чуждый этой адской земле.

Память возвращалась медленно, будто знала, что её здесь не ждут. Слёзы жгли уголки глаз, когда я посмотрела на руку.

Густая, мерцающая мазь, усыпанная засохшими лепестками и травами, сочилась вокруг длинных листьев, которыми была перебинтована рана.

Эмрис отвернулся от костра, выпуская дым наружу через открытую дверь. Завидев, что я шевельнулась, он подошёл и сел рядом.

— Как ты себя чувствуешь? — Голос его был хриплым. Он приложил холодное полотенце к моей щеке, нежно вытирая что-то. Желудок сжался от вида тревоги на его лице.

Это не тревога, — прошептал в голове мрачный голос. *Это жалость.*

— Очередной долг… — прохрипела я. — Я снова у тебя в долгу…

— Пташка, разве ты не знаешь, что я давно перестал их считать? — прошептал он. — Всё было совсем не из-за этого.

Он наклонился ко мне, в его прекрасных глазах всё ещё светилась сосредоточенность, когда он приложил полотенце ко лбу.

— Тогда… зачем?

— Я хотел, чтобы ты… я просто хотел, чтобы ты… — Он сглотнул. — Чтобы ты передумала насчёт меня. Не из-за того, что я сделал, а потому что ты, наконец… Потому что ты увидела меня. Узнала меня.

Сердце будто поднялось вместе с дыханием.

Эмрис прижал ладонь ко лбу.

— Прости. Я несу какую-то чепуху.

Я огляделась, жадно ища глазами хоть что-то, кроме его слишком красивого лица.

— Где…?

— Один из сторожевых постов, недалеко от озера, — ответил он. — Над нами всё ещё горит огонь, и я развёл другой у входа. Пришлось использовать и твои руны, и свои, чтобы окружить это место. Надеюсь, ты не против. Но я не уверен, что этого хватит, чтобы остановить Детей, когда совсем стемнеет.

Холод просочился в кровь.

— Что? — прошептала я. — Не хочешь заключить пари?

Его разноглазый взгляд стал мягким. Я подумала, не так ли страшно ему, как стало страшно мне.

— Не в этот раз.

Иди, — хотелось сказать. *Возвращайся в башню.*

Но слабая, худшая часть меня не могла. Я ненавидела это — ненавидела. Он заслуживал безопасности. Он должен был выжить. И всё же это чувство всегда было рядом — толчок и притяжение. Страх приблизиться боролся со страхом остаться одной.

— Тебе не стоило… приходить, — прошептала я, закрывая глаза. — Зачем…?

— Я не мог уснуть, решил сходить к источникам, — сказал Эмрис. — Увидел, как ты и Бедивер вошли на кухню, а вышел только он. Я забеспокоился, что-то случилось, и прижал его. Заставил рассказать, куда ты пошла. Возможно, я его ударил.

Я посмотрела на него с недоверием.

Он поднял руку с ушибленными костяшками.

— Возможно, я ещё и растянул кисть и добил остатки своей гордости. И хоть я бы никогда не стал читать тебе нотации…

— Вот и хорошо.

— …но для такого умного человека уйти одной в такую переделку — было очень глупо, — сказал он. — Серьёзно. Мне обидно, Пташка. Я думал, мы все наши тайные поиски совершаем вместе.

Сказано это было легко, по его привычке, но в уголках глаз виднелось настоящее напряжение. Он злился, возможно, сильнее, чем показывал.

— Не… жалею, — с трудом выдавила я.

— Знаю, ты, нелепое создание, — мягко сказал он. Его очертания начали расплываться, будто он расщеплялся на двоих, как крылья у бабочки. — Хочешь воды?

— Я могу… — *Справлюсь.*

Мне не нужна была помощь. Не нужна была…

Он достал бурдюк с водой из моих вещей и замер на мгновение рядом. Я попыталась поднять руку, но казалось, кровь в венах стала свинцовой. Тогда он медленно подсунул под меня сильную руку, приподнял и поднёс воду к губам.

Первый глоток я тут же выплюнула, пытаясь смыть мерзкий привкус во рту, а потом, слишком уставшая, чтобы стыдиться, жадно пила. Его запах — хвоя и тёплая кожа — окутал меня.

Эмрис снял с нас обоих куртки и повесил их возле огня сушиться. Когда он снова уложил меня на своё одеяло — то самое, что пахло им, — холод тут же пробрался обратно.

Из проёма донёсся странный звук, которого я не слышала уже много недель. Я повернула голову, не до конца веря глазам, — первые капли дождя застучали по земле. Через несколько секунд он усилился, забарабанил по мёртвым листьям и покатился по стенам сторожевой башни.

И впервые за долгое время я почти не слышала Детей.

Огонь, горевший наверху башни, злобно шипел под дождём, но он держался — пока камни-саламандры соприкасались, пламя не угасало. Наши охранные знаки давали ещё один слой защиты от Детей. И на короткий миг я почти поверила, что мы действительно в безопасности.

— Попробуй отдохнуть, — прошептал Эмрис, убирая выбившуюся прядь за мне ухо. Он, кажется, сам только потом понял, что сделал, и смутился.

Но мне понравилось это прикосновение. То, что в нём таилось без слов. То, чем оно могло бы стать.

В тусклом свете его волосы казались ещё более рыжими, а тени придавали лицу зрелость — не семнадцать лет, а сто.

— Ты потеряла много крови, — сказал он. — Пришлось прибегнуть к своим крайне скудным медицинским навыкам и наложить швы на твою руку.

Тишина момента раскололась, как стекло, на тысячи острых осколков.

Он видел.

Голос Олвен пел вместе с дождём: *Три магии, которых следует бояться…*

— Эмрис, — прошептала я с тем напряжением, на какое ещё была способна. Тени уже возвращались за мной. — Когда я умру… сожги моё тело. Я — одна из них.

Он сжал мою руку крепче, снова наклонился ко мне, его лицо — совсем рядом. Я попыталась сосредоточиться. На его глазах — серых, как грозовое небо, зелёных, как земля.

— Нет, — сказал он. — Ты не одна из них.

Три магии, которых следует бояться… проклятия, рождённые из гнева богов, яды, превращающие почву в пепел, и та, что оставляет сердце во тьме, а кость — серебряной.

— Тьма в сердце, — прошептала я, мысли рассыпались, язык наливался тяжестью. — Серебро в кости…

— В тебе нет ничего тёмного, — отрезал он. — Ничего.

— Я убила Септимуса… — Возможно, это оставило след на моей душе. Клеймо на самих костях.

— Его убили Дети, — возразил Эмрис.

Веки снова опустились, и я пыталась уцепиться за его слова, поверить в них.

Но во тьме я видела только кости Нэша, уходящие в землю. Расположенные точно так же, как и я. В такой же башне. Забытые. Безымянные.

Один.

Этот образ растаял, как сумерки, переходящие в ночь.

— Не уходи, — умоляла я. — Пожалуйста, не уходи…

— Это ты — птица, — прошептал Эмрис. — Это ты всегда улетаешь.

Лжец, — подумала я. Эмрис Дай — лжец, его слова гладкие, как брюхо змеи. Он уйдёт, если это будет ему выгодно. Если узнает, что я видела.

Он уйдёт, как все остальные.

Не говори ему, — прошептал внутренний голос. *Он уйдёт, а это слишком опасно. Она убьёт его…*

Но если умный Эмрис захочет — он найдёт путь. Он найдёт её. А я хотела знать.

Мне было *нужно* знать.

Потому что ты увидела меня.

— У неё есть Кольцо Рассеивания, — прошептала я, исчезая во тьме и колеблющемся свете. — Верховная Жрица… она…

Потому что ты увидела м…

Когда я открыла глаза вновь — я действительно увидела его.

Эмрис сидел рядом, обняв колени одной рукой, лицо его было мягким, почти безмятежным, когда он смотрел на меня исподлобья. Его пальцы всё ещё сжимали мою руку — чуть сильнее, как будто говорили: *Отдыхай.* Как будто обещали: *Мы всё ещё здесь. Оба.*

Веки снова сомкнулись.

День ушёл, но он — нет.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 39

Дождь перешёл в снег.

Я проснулась как раз вовремя, чтобы увидеть это беззвучное, сказочное превращение. Завеса дождя замедлилась, и на её место пришли белые хлопья, падавшие сквозь ночной воздух, словно звёздный дождь. Эмрис стоял, прислонившись к дверному косяку, его израненные руки были скрещены на груди.

Шрамы.

Он снял тяжёлый шерстяной свитер и остался в простой футболке. Такой же, как у меня, повидавшей лучшие времена. Мышцы его рук и спины были напряжены под тканью, будто он ждал, что из леса вот-вот выйдет что-то.

У его ног тлел слабый костёр. Куча собранных дров почти истлела, остались последние ветки. Холод просачивался в сторожевую башню, как непрошеный гость, и теперь, как и крики голодных Детей, окружавших нас, он больше не покидал нас.

Я задрожала, зубы застучали от боли. Ловя последние остатки сознания, которое снова стремилось ускользнуть, я попыталась поджать ноги к груди. Что-то тяжёлое, но уютное вдруг накрыло меня. Наши куртки и его свитер были туго подоткнуты вокруг моего тела.

Эмрис протянул руку, чтобы поймать немного снега в ладонь, и его слабая улыбка померкла под тяжестью какой-то неведомой мысли.

Что-то во мне смягчилось, когда я смотрела на него — это не имело названия, но было новым, странным и головокружительным, пока ощущение расползалось по телу. Рука болезненно пульсировала, когда я пошевелила ею, наполнившись сотнями иголок, когда я попыталась сжать пальцы, вспоминая, как моя ладонь лежала в его — большей и крепкой.

Я *должна* была бы ужаснуться при мысли, что он снова вынужден заботиться обо мне, когда я всю жизнь сражалась, чтобы заботиться о себе сама.

Но все эти мысли рассыпались прахом, унесённым ветром, когда Эмрис посмотрел на оставшиеся дрова, затем — в сторону леса. Он взвешивал риск. Цену попытки.

В груди затрепетала паника.

— Не надо, — прохрипела я.

Выражение Эмриса сменилось на ту самую лёгкую, шутливую маску, что, казалось, несло его сквозь жизнь, как позолоченное облако. Он расслабился, опустился рядом и поправил на мне куртки.

— Приятно знать, что ты считаешь меня достаточно храбрым, чтобы полезть туда сейчас, — сказал он хриплым голосом.

— Х-храбрый — это не с-совсем то слово, — пробормотала я, дрожа от холода.

Он схватился за сердце.

— Ах, её стрелы всегда бьют прямо в цель.

В нём было что-то неуловимо светящееся, как у существа, сбежавшего из сна. Растрепанные волосы, эти яркие глаза — всё только усиливало ощущение. Мысли вспыхивали, тёплые, румяные, полные чего-то, что я не хотела рассматривать слишком пристально.

— У меня ч-что, жар? — спросила я. Это было единственным объяснением того, почему я прижалась к его ладони, когда он нежно приложил её ко лбу. Почему так приятно было, когда он убрал с моего лица прилипшие пряди волос.

— Нет, это просто я так действую на людей, — подмигнул он. — Ну, на всех, кроме тебя.

— С-слава Нэшу, у меня и-и-ммунитет к обаянию, — пробормотала я.

Он аккуратно, избегая травмы, растирал мне плечи под слоями одежды, стараясь разогреть. Его улыбка постепенно растаяла, и я — как последняя дура, потерявшая голову, — тут же захотела её вернуть.

— У тебя небольшой жар, — объяснил он. — Но травы работают. Думаешь, сможешь поесть? У меня есть немного хлеба, который не успел искупаться с нами.

Я покачала головой. Желудок был сжат, как барабан.

— К-как ты не мёрзнешь? — выдохнула я.

— Если спросить мою дорогую мать, она скажет, что я родился с тихим огнём в сердце, — сказал он с лёгкой тенью в глазах. — Но я думаю, со мной просто что-то не так.

Тепло от его рук словно пронизывало нас сквозь куртки. Моя челюсть сводила от силы дрожи. Лицо Эмриса помрачнело от беспокойства.

— Всё так плохо? — прошептал он.

Я кивнула. Казалось, мои лёгкие заледенели, а серебро, покрывающее мои кости, не желало отпускать стужу.

Эмрис закрыл глаза и поднял лицо к потолку сторожевой башни, где винтовая лестница вела на плоскую крышу.

— Я сейчас скажу нечто, продиктованное исключительно заботой о твоём благополучии, — начал он, — и с полным осознанием того, что прямо сейчас ты вряд ли сможешь ударить меня за это…

Я уставилась на него, измученная.

— Да, я заслужил этот взгляд, но… я мог бы тебя согреть? — слова вылетели из него быстро, и он снова посмотрел на потолок, тяжело сглотнув. — Я имею в виду — ради твоего самочувствия. Не по какой-то другой причине. Я же это уже говорил, да? Я просто хочу сказать, что это будет неловко только если мы сделаем это неловким. А мы не обязаны делать это неловким. Совсем.

Одна только мысль об этом согрела мне лицо.

Это будет ничем не отличаться от тех времён, когда вы с Кабеллом были детьми, — напомнила я себе. *Когда приходилось спать на улице в холод, мы жались друг к другу под одеялами, чтобы не замёрзнуть.* И между мной и Эмрисом не было ничего такого, что могло бы сделать это чем-то большим.

Не было. А мне так холодно.

Чтобы он не увидел, как румянец разливается от шеи к ушам — и чтобы он, наконец, замолчал, — я повернулась на здоровый бок, отвернувшись от него, оставив место под импровизированным укрытием. Было нечестно держать всё тепло только при себе.

Он замер — и это вызвало предательский толчок в моём глупом сердце. Я уставилась в тёмные камни напротив, тело напряглось в ожидании, затаив дыхание. Пламя костра мерцало, будто солнце, скользящее за горизонт.

Послышался тихий шелест ткани. Я сделала глубокий вдох — как перед нырком — и куртки приподнялись, когда он скользнул под них за моей спиной, его тело устроилось рядом, плотно прижалось ко мне.

Жар окутал меня, как тёплый летний день, медленно проникая в каждое чувство, возвращая телу ощущение кожи вместо камня. Он придвинулся ближе, пока моя голова не оказалась под его подбородком, и я выдохнула дрожащим вздохом, когда одна из его безумно тёплых рук обвила мою талию.

— Так лучше? — спросил он едва слышно.

Я кивнула, закрывая глаза, чувствуя, как его сердце грохочет у меня за спиной. Его дыхание колыхнуло мои волосы, и по позвоночнику пробежала дрожь. Щёки залились жаром, когда тепло снова разлилось низом живота.

— Всё ещё мёрзнешь? — голос Эмриса гулко отозвался в его груди.

Его рука крепче сжала меня, и я положила свою ладонь поверх неё. Все мысли, каждая нервная клетка в теле сузились до точки, где моя обнажённая кожа касалась его. Длинные ноги переплелись с моими, будто им там и место. Когда его ладонь легла на мой живот, я поймала себя на мысли — чувствует ли он тот сладкий жар, что разливался внутри меня?

Я вдохнула глубоко, больше не слыша ничего, кроме грохота наших сердец, мчащихся в неизвестность. Я чувствовала себя почти пьяной от этого, от того, как его дыхание сбилось, когда я провела пальцем по вене на его руке, от запястья вверх. Никогда прежде у меня не было власти — кроме этой.

Это было бы безрассудно — повторить это. Настоящее безумие — позволить пальцу скользнуть дальше, через мягкие волоски, по его телу, как по карте в незнакомую страну. Я остановилась, когда нежная кожа под подушечками пальцев стала грубой. Изрезанной.

Эмрис прижал щеку к моим волосам.

— Я солгал тебе.

Шёпот. Тайна.

Я открыла глаза.

— Эти шрамы я получил не на задании, — прошептал он так тихо, что я едва расслышала сквозь грохот его сердца. Он выдыхал слова, словно сдирал их с самой души. — Их оставил мне мой отец.

Мне понадобился миг, чтобы осознать, что он сказал. Осторожно поджав раненую руку к себе, я перевернулась и отодвинулась от его груди, чтобы увидеть лицо.

— Что? — выдохнула я.

Жилы на его шее натянулись, когда он запрокинул голову и закрыл глаза. Шрам на коже снова перехватил дыхание.

— Во что он верит… Он всегда был одержим странными идеями, но за последний год… стало гораздо хуже. Это… это была его «наказательная мера», когда я отказался сделать то, что он хотел.

Моё воображение было слишком быстрым, чтобы не дорисовать пропущенные детали. Я не осмеливалась задавать те вопросы, что мелькали в голове. Я не знала, что сказать. Что *можно* сказать на такое?

Нэш предупреждал меня об Эндимионе Дае много лет назад, и, как обычно, я считала его рассказы преувеличением. Этот человек всегда казался жёстким и холодным, но даже в самых тёмных мыслях я не могла представить, что он способен причинить такие жестокие, вечные раны своему собственному сыну.

Без слов я снова прижалась к Эмрису. Обняла его за талию, прижала лицо к тёплому участку между его плечом и шеей. Пальцы скользнули вдоль позвоночника, и каждая неровность шрамов под ними вызывала слёзы, готовые пролиться — от того, что я представляла, через что он прошёл.

Эмрис вздрогнул, и его рука обвила меня крепче.

— Вот настоящая причина, почему я взялся за эту работу. У меня нет ничего своего. Он контролирует всё и всех в моей жизни. Мне нужны были деньги, чтобы вытащить себя и маму из-под его влияния. Из его жизни.

Сброшенный глянец обаяния, сияющая оболочка богатства, которую он когда-то носил, как перстень с печатью, — и вот остался лишь этот настоящий мальчик, чья жизнь была не лучше страшной, болезненной тайны. Мальчик, который годами оставался один в позолоченной клетке из боли, крови и безмолвного ужаса.

Я вдыхала его запах, губами и носом скользя по коже, пытаясь передать ту ласку, которую слова казались слишком неловкими, чтобы выразить. Его пальцы рисовали сонные круги у меня на спине, оставляя после себя огненные следы.

— Я хотел, чтобы ты знала, — прошептал он. — Хотел рассказать раньше, чтобы ты поняла, но мне было стыдно…

— Нет, — резко сказала я. — Здесь нечего стыдиться.

— Есть, — проговорил он с хрипотцой. — Потому что я был слишком труслив, чтобы уйти, пока всё не зашло так далеко. Я боялся отпустить всё, с чем вырос, всё, чем *должен* был быть. И были и другие страхи. В том числе… что я больше никогда тебя не увижу. А к этому я был не готов.

Моя рука застыла у него на спине, но сердце сорвалось вверх.

— Я не хочу ставить тебя в неловкое положение. Я знаю, как ты относишься ко всему этому, — он сглотнул. — Тебе не нужно ни отвечать, ни делать что-то. И я рассказываю тебе не для того, чтобы ты жалела меня — боги, это последнее, чего я хочу. Особенно зная, через что *ты* прошла. Но если мы уже оказались в этом ледяном аду, где всё перевернулось с ног на голову, где ничто не понятно… то хотя бы на это я должен быть способен. Я должен быть достаточно смелым, чтобы сказать: ты для меня всегда была как весна. Как возможность. Я восхищаюсь тобой, уважаю тебя… и хочу быть рядом, пока ты позволяешь.

Его слова взорвались в моей коже, как вспышки звёзд — такие же внезапные, как и неизбежные. Мои губы коснулись его ключицы.

Эмрис.

— Так что… — неловко усмехнулся он, дрожащим голосом. — Теперь я это сказал.

И, может быть, ради него я тоже могла быть смелой.

Я сглотнула, стараясь прогнать ком в горле. Когда заговорила, голос был неожиданно хриплым, незнакомым:

— Я тоже тебе солгала.

С чего начать? Где начало, если его у тебя нет вовсе? Его рука скользнула вверх по моей спине — туда, где в шее пряталась вся зажатость, годы сдерживания.

— Или… не совсем ложь, но и не правда, — прошептала я, закрыв глаза. — Ты спрашивал, как я попала к Нэшу… и…

Кабелл был единственным, кто знал эту унизительную историю.

— Это было недоразумение.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросил он.

— Он… он играл в карты и подумал, что Тэмсин, которую ставили на кон, — это лодка, — выдавила я. — Можешь себе представить его ужас и удивление, когда оказалось, что это маленькая девочка, которая ему была ни к чему. Ещё один рот, который нужно кормить.

— Что? — выдохнул Эмрис. — Твои родители просто…

— Просто отдали меня, — закончила я с хрипотцой. Я прижала раненую руку к себе, почти наслаждаясь острой болью. — Им было всё равно, кто это — Нэш, что он со мной сделает. Может, они знали, *кем* я была. Что скрывалось под кожей. Может, Нэш тоже понял это… и поэтому ушёл.

— Нет, — с жаром сказал Эмрис. — Ни за что. С тобой *всё в порядке*. Мы даже не знаем, что это значит.

— Разве не знаем? — прошептала я. — Кабелл был прав насчёт того, почему я искала Нэша. Он всегда был прав. Я просто не хотела в это верить.

— Что ты имеешь в виду?

Та тонкая трещина в моём сердце, которую я так упорно старалась не дать раскрыться, наконец, сломалась. И всё, что оставалось — дать стыду и боли вылиться наружу. Впервые за многие годы я заплакала.

— Я хотела снять его проклятие, — прошептала я. — Если я потеряю Кабелла — я правда останусь одна… но больше всего я хотела доказать, что Нэш *не хотел* нас бросать. Я хотела знать, что он не выкинул и меня. Даже спустя годы, зная, что меня не хотели, я не могла вынести, чтобы это было правдой.

Его рука крепче прижалась к моей спине, пальцы скользнули в волосы и чуть приподняли голову. Когда я открыла глаза, огонь в башне погас окончательно, и остались только мы вдвоём, сплетённые в тёплой темноте.

— Но *ты* нужна, — выдохнул Эмрис. — Боги, я хочу тебя больше всего на свете.

От его слов внизу живота снова разлилось тепло, но я напряглась, ожидая, что он отступит. Что тут же всё сведёт к шутке. Но Эмрис не отступил. Он не отступил от слов, прозвучавших между нами. И теперь они висели в воздухе — как обещание. Как ожидание. Как болезненная уязвимость.

Последние недели он стал мне другом. Партнёром. В длинных, тёмных ночах.

А теперь…

Что *это*?

Я смотрела, как он смотрит на меня. Его вторая рука поднялась, бережно смахнула слёзы с моего лица, коснулась щеки. Его лицо — серьёзное, красивое, в тенях… и на миг — будто только моё.

Когда всё закончится, он исчезнет. И всё, что останется, — это память. Взгляд. Прикосновение. Отпечатанные в сознании на всю жизнь. Я повернула голову, чтобы коснуться губами его шершавой ладони. Чтобы запомнить и это.

Эмрис вдохнул. Его глаза горели — и эта жажда отзывалась эхом во мне.

— Я должна идти за Верховной Жрицей, — прошептала я. — Мне нужно как-то забрать у неё атам и кольцо.

Он наклонился ближе, чтобы наши лица были вровень. Наше дыхание стало одним.

— Но, — сказала я, — мне кажется, ты должен сначала поцеловать меня.

Его губы мягко скользнули по моим.

— Есть идеи, насколько сильно я этого хочу?

Я сократила оставшееся расстояние, сама впившись в его губы.

И на мгновение я снова оказалась в Тинтагеле, на границе между суровой землёй и ледяным морем. Волны били, снова и снова, в древнюю землю, пытаясь заставить её уступить. Эта мощь, это столкновение — две стихии, стремящиеся выдержать друг друга и в то же время поглотить.

Это было как первое прикосновение к Единому Видению. Когда невидимое прячется в видимом. Как лучи света, пробивающиеся сквозь густой лесной полог. Как сон и пробуждение.

Его тело, твёрдое от напряжения, стало мягким, податливым рядом со мной. И больше не было мыслей — только прикосновения. Его кожа. Его губы. Его жёсткие волосы, скользящие под моими пальцами. Я целовала его — и он целовал меня.

Руки искали. Губы утешали и обещали. Отчаянно и нежно.
Вдвоём. Одни. Пока, наконец, не пришёл сон.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 40

На следующее утро первой проснулась я — как раз вовремя, чтобы увидеть, как серый свет медленно заливает пространство у двери. Тело ломило, но в голове стояла редкая ясность. Я чувствовала себя отдохнувшей, словно плыла по тёплой, успокаивающей волне.

Я всё ещё была прижата к Эмрису, к его источнику тепла, наши ноги переплетены. Чтобы отстраниться от медленного подъёма и опускания его груди, от этого тихого, убаюкивающего тепла, мне пришлось напрячь всю свою силу воли.

Холодный воздух резал нос, и без его тепла казался ещё пронзительнее. Сквозь открытую дверь внутрь уже начала пробираться тонкая пелена серого снега, медленно засыпая следы нашего ночного костра.

И тут меня накрыло осознание — куда более леденящее. Снег, вероятно, стёр и следы ревенанта.

Опершись на ладонь, я наклонилась к Эмрису, украдкой бросив на него последний взгляд. Сердце болезненно сжалось от мальчишеской мягкости его спящего лица. Я коснулась губ — вспоминая… — и тут же поморщилась от того, насколько слащавыми стали мои мысли.

Я потянулась за бурдюком с водой, сделала несколько глотков, умыла лицо и руки остатками воды, а потом взяла кусок хлеба, который Эмрис предлагал накануне. Он уже зачерствел, но я была голодна до дрожи.

Набравшись смелости, я провела кончиком пальца по его щеке. Щетина стала ощутимее, грубее, чем ночью.

Щёки вспыхнули. Он застонал, уткнувшись лицом в одеяло и вытянув руку, будто ища меня. Я вложила в его раскрытую ладонь оставшуюся половину хлеба, и он тихо рассмеялся.

— Ладно, ладно, — пробормотал он, потирая лицо второй рукой и приподнимаясь. Щёки у него покраснели, он поправил одеяла у себя на коленях. — Дай мне только… прийти в себя.

Он отвернулся, сделал несколько глотков воды. В этой тишине неловкость начала подтачивать меня изнутри. Я потянулась к своим ботинкам — он, должно быть, снял их ночью, — радуясь, что они почти высохли, и только немного болели, когда я затягивала шнурки на больной ноге.

— Эй, — мягко сказал Эмрис.

— И тебе привет.

Когда я повернулась, он поймал моё лицо ладонью и наклонился, прижимая губы к моим. Я задержалась в этом поцелуе, чуть расслабившись, просто ощущая шершавую щетину на его коже. Когда он отстранился, с дурацкой, слишком красивой улыбкой, я наконец поняла, почему он всё ещё не встал и так вцепился в куртку, прикрывающую его колени, — и расхохоталась.

— А, — простонал он с полусмехом. — Я всего лишь мужчина, и ты на меня влияешь.

— Пошли, — сказала я, качая головой. — Нам нужно выдвигаться.

— Дай сначала посмотреть твою руку, — отозвался он. — А потом взлетаем, Птичка.

Его прикосновения были умелыми, когда он снял подсохшие листья и вновь нанёс мазь, но в них уже была другая близость. Пальцы нежно скользили по коже, пока он

проверял аккуратный шов, который сам же и наложил. Рана выглядела злобно, но почти не пульсировала, пока я её не трогала.

Его пальцы легко скользнули к плечу, затем к ключице и чуть потянули вырез рубашки вниз, открывая край уродливого знака смерти над сердцем. Лоб Эмриса нахмурился. Я заставила себя не дёрнуться, не отстраниться, когда он провёл пальцем по форме, похожей на звезду.

— Что случилось? — прошептал он.

Я не могла. Не это.

Я вложила между нами свою раненую руку. Эмрис тут же переключил внимание на неё.

— Как ты добиваешься, чтобы листья повязки оставались такими зелёными? — спросила я, наблюдая, как изгибаются его тёмные ресницы. — Как ты вообще всё это узнал?

— На твоё уклонение — моё уклонение, — усмехнулся он, чмокнув меня напоследок.

Осторожно, он помог мне подняться с твёрдого пола. Мир на мгновение закружился, но он удержал нас обоих и натянул свой свитер мне через голову.

— Он тебе нужен, — попыталась возразить я.

— Нет, он нужен *тебе*, — отрезал он и помог надеть куртку.

Мы собрали наши скромные вещи, но замерли в дверях, прежде чем снять защитные чары. Ледяной ветер поцеловал мои щеки, когда я посмотрела в пустой, замерший лес.

— Как ты хочешь это сделать? — спросил он.

Жар подступил к горлу, заливая лицо.

— Мы могли бы… пока не говорить другим. Пока не разберёмся, что *это* вообще. Люди всё усложняют, а я…

Я запнулась, увидев, как его улыбка расцвела в наглую, самодовольную ухмылку.

— Я вообще-то спрашивал про Верховную Жрицу, — сказал он, наклоняясь ближе. — Но приятно знать, что я тоже произвожу впечатление.

Теперь уже я застонала. И оттолкнула его, пылая от стыда.

— Нам нужно проверить, остались ли какие-то следы, — сказала я. — Кажется, она двигалась на север, но теперь кто знает, где она. — Я вспомнила странную грацию, с которой существо — ревенант — скользило над водой и по земле, и в голову закралась новая мысль: — Может, нам будет проще выследить Детей. Она ведь их к себе призвала, не так ли?

— Похоже на то, — кивнул Эмрис. — Думаешь, это она их создала? Она же знала кое-что о друидской магии смерти.

Для создания ревенанта достаточно было незавершённого дела и присутствия магии в теле. В отличие от существ, её форма могла изменяться и восстанавливаться. Убить её будет непросто.

Но не невозможно.

— Возможно, — сказала я, хотя в памяти всплыли слова Нив. *Я всё ещё не вижу у неё мотива.* — Разве Мерлин не говорил, что на острове есть ещё двое, подобных ему? Может, она — третья. Та, что… ждёт?

— Он ещё сказал, что одна из них пыталась подчинить себе смерть, но в итоге стала её служанкой, — напомнил Эмрис. — Возможно, она зашла слишком далеко и по ошибке вызвала проклятие.

— Или, — добавила я, — в итоге *захотела* служить Владыке Смерти. И отдать ему остров.

На лице Эмриса отразилась внутренняя боль:

— Мы всерьёз собираемся верить безумному болтливому друиду, запертому в дереве?

— Да. Нет. Я не знаю. — Я сжала ремень своей рабочей сумки и шагнула за порог башни, позволив ботинкам хрустнуть по снегу. Вид покрытого гнилью ландшафта тут же вызвал в памяти образ костей Нэша. — Думаю, главный вопрос — это как Верховная Жрица, этот ревенант, получила Кольцо Рассеивания. Это она убила Нэша?

— Боюсь, мы вряд ли сможем это выяснить, — сказал Эмрис. — Но… может, Нэш сам принёс его ей? Или она нашла его уже после того, как стала ревенантом, притянутая магией кольца. У неё явно были свои тайны. — Он протянул мне меч с озера. — Похоже, все его фокусы работают только на тебя.

Моё дыхание сбилось, когда я уставилась на клинок. Рукоять была инкрустирована слоновой костью, которую не смогла запятнать даже болотная вода. А то, как лезвие вспыхнуло огнём…

— Оставь его у себя, — сказала я, развязывая охранные чары.

Эмрис умел владеть клинком. Ему и носить. И пользоваться. Этот меч пришёл из моего сна, и я не хотела на него смотреть, если в этом не будет необходимости. Не хотела думать, что всё это могло значить.

Мы пошли в разные стороны вокруг башни, собирая глиняные таблички с вырезанными на них сигилами в аккуратные стопки. Встретившись у задней стены, он взял оба венка и убрал их в сумку. Я в который раз пожалела, что они защищают только *места*, а не *людей*.

— Эй, Тэмсин, — сказал он, переплетая пальцы с моими. — Мне тоже нормально, если пока это останется только между нами.

Я кивнула. И вместе мы направились на север.

***

Пушистый снег был одновременно и помощником, и помехой: он глушил наши шаги, но в то же время замедлял их. Остров вряд ли был больше пары миль в длину и ширину, но сейчас он казался бесконечным, пока мы брели вперёд.

Каким-то образом, почти невероятным, лес стал выглядеть ещё зловеще. Полузасыпанные снегом поваленные деревья невозможно было отличить от существ, зарывшихся в землю. Сосульки, почерневшие от копоти и гнили, свисали с переплетения ветвей, будто зубастые клыки.

Время от времени с ветвей срывались комья снега, с глухим стуком оседая на нас, забираясь под воротники курток и в волосы. Пальцы на ногах и руках уже одеревенели от холода, хотя мы шли всего около часа. Я так сосредоточилась на тропе перед собой, что чуть не пропустила следы у края безжизненного русла реки, вдоль которого мы двигались на север.

Следы, будто кто-то пересёк открытое поле по другую сторону воды и исчез не в лесу, а за снежной пеленой живой изгороди, напоминающей лабиринт.

И это были *не* следы Детей, которые передвигались на четырёх конечностях, царапая землю. В снегу пролегала тонкая линия — слишком чистая для любого земного существа. Она напомнила мне, как ревенант словно парила над землёй, и магия или жар, исходящий от неё, оставляли след в том, что она пересекала.

Я вцепилась в руку Эмриса и указала вперёд. Он прищурился, следуя за моим взглядом. Его губы приоткрылись, но сказать он ничего не успел — на щёку ему капнул горячий комок кровавой слюны.

Эмрис резко отпрянул, резко втянув воздух и вытирая лицо. Я подняла взгляд вверх.

На самых верхних ветвях старых деревьев, укрытые толстой коркой инея, цеплялись Дети. Один из них встряхнулся, и снег осыпался занавесом, шурша на ветвях. Он громко фыркнул, снова прижимаясь к стволу. Его лапа соскользнула вниз и пнула другое существо, сидевшее веткой ниже.

Разряд адреналина вспыхнул во мне, когда второе существо зашипело и с раздражённым рёвом ударило первого. Я крепче сжала руку Эмриса. Мы оба застыли, не смея дышать.

Ветер хлестал деревья. Когда он стих, его сменило урчащее, дрожащее гудение. Вокруг нас шевелились снежные насыпи.

Эмрис сделал шаг назад, осторожно повторяя свой путь. Я последовала его примеру, стараясь не издавать ни звука на хрустком снеге. Когда он снова взглянул на меня, вопрос был написан у него на лице: *Бежать?*

Я покачала головой. *Ещё нет.*

Прищурилась в сторону реки, в голове лихорадочно перебирая варианты. Под снегом скрывались листья и мусор, но у меня не было сомнений — под ним спали Дети. Мы осторожно двинулись вдоль берега, выбираясь из-под деревьев, и тогда я заметила шанс. Примерно в полумиле отсюда узкий каменный мост соединял наш лес с полем и странной закруглённой живой изгородью за ним.

Мы обменялись взглядом.

Готов? — беззвучно спросила я.

Он кивнул.

На деревьях Дети начали шипеть и плеваться друг в друга, тормоша соседей, пока вся ветвистая конструкция не превратилась в клокочущий клубок серой кожи и когтей. Те, кто падал вниз, тут же вновь карабкались наверх, визжа от восторга, пока потасовка не перешла в настоящую бойню.

Оторванные конечности и кровь разлетались по белизне снега. Мой пульс бил тревожную дробь в висках. Мы с Эмрисом пригнулись и прижались к берегу, пробираясь мимо безумной свалки Детей. Я не смела ни оглянуться, ни вдохнуть полной грудью, пока шум схватки не начал стихать и моя рука не коснулась инея, покрывающего камни моста.

Тогда мы рванули. Сильнее прежнего, продираясь сквозь сугробы по колено, пока мои ноги и щиколотки не начали гореть от боли от ударов о скрытые под снегом камни. Мы следовали за свежими следами вплоть до того места, где нас уже поджидала живая изгородь. Как только добрались, метнулись за неё, прижавшись спинами к бурым листьям и спутанным ветвям. Я напрягла слух, стараясь уловить хоть какой-то намёк на то, что нас учуяли и преследуют.

Никто не пришёл.

Я с силой выдохнула, чувствуя, как горят лёгкие. Эмрис прижал руку к груди и нервно усмехнулся. Его пальцы сжали рукоять меча до побелевших костяшек.

До белизны… такой же, как и массивная, выбеленная солнцем кость, на которую он опирался.

Увидев выражение моего лица, он обернулся — и тут же отшатнулся.

— Да чтоб его… что это такое?

— Не знаю, — ответила я. — Но, по крайней мере, оно мертво. — А потом, вспомнив, что в этом Иномирье *мертвое* может значить совсем не то, добавила: — Мертво-мертво.

Кости окружали нас, образуя арки, перекидывающиеся через живую изгородь и соединяющиеся в суставы, напоминающие…

Позвонки и рёбра гигантского скелета.

— Нам стоит…? — начал он, указывая мечом на следы.

Живая изгородь вела в лабиринт, но до центра было не так уж далеко, и там, в сердце его, пряталось нечто.

Я оказалась права. Огромное существо свернулось кольцом и умерло здесь, а его тело дало жизнь зелени. Позади нас по-прежнему виднелись тонкие кости сложенных крыльев, поддерживаемые изогнутыми ветвями. Череп, почти такой же крупный, как стоящий рядом каменный коттедж, был утыкан рядами зубцовидных клыков.

Дракон, — пронеслось у меня в голове. *Марис не шутила.*

Мы с Эмрисом пригнулись, обходя последний угол. Перед нами открылся коттедж с засыпанной снегом соломенной крышей — будто сошедший со страниц сказки.

Следы вели к плотно закрытой двери. Единственное окно было занавешено, так что невозможно было сказать, есть ли кто внутри.

Я перехватила взгляд Эмриса и пожала плечами. Он тоже пожал плечами в ответ, но скользнул мечом по снегу ко мне с выразительным взглядом.

Я замялась, жестом предложив обойти дом сбоку, но он только указал на меч и извлёк из своей сумки складной топор.

Пальцы сомкнулись на рукояти — и по клинку вспыхнуло синее пламя. Эмрис уставился на него с изумлением, покачав головой.

Пока мы не успели струсить, мы бросились к двери. Эмрис приготовился выбить её, а я заняла как можно более боевую стойку — но ударить нам не пришлось. Дверь распахнулась сама, и к моему горлу тут же прижался нож.

Нет, *не нож — жезл.*

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 41

Мы с Нив вскрикнули в унисон, выронив оружие. Пламя меча тут же погасло, утонув в снегу, а жезл покатился к ногам Эмриса, в тот самый миг, когда мы кинулись друг другу в объятия.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула я, голос дрожал от потрясения.

Кайтриона стояла в шаге позади неё с мечом наготове, а Олуэн, ещё дальше, закручивала в ладонях клубок туманной магии. Обе расслабились, увидев нас, но совсем чуть-чуть.

Нив отступила на шаг, не выпуская мои плечи из рук, и посмотрела на меня с полным недоумения видом.

— Мы пришли найти вас. Обоих.

— Зачем? — Я почувствовала, как в груди начинает подниматься тревога. — Что-то случилось?

Олуэн приложила ладонь к лицу — то ли в досаде, то ли от смеха.

— Пойду заварю чай, — пробормотала она.

— А случилось вот что: ты покинула охраняемую башню, ты, круглая дура, — хрипло бросила Кайтриона. — Живо внутрь. Оба.

Мне понадобилось мгновение, чтобы осознать:

— Вы пришли за нами.

— Конечно! — воскликнула Нив, раздражённо. — А что ты думала мы сделаем, когда вы не вернулись до наступления темноты?

Ничего. Это слово ударило в голову, как колокол. Я уставилась на неё. Моя жизнь не стоила того, чтобы они рисковали своими. Ни Эмрис, ни тем более остальные не должны были идти за мной. Я хотела им это сказать, но что-то происходило в груди, в горле, и слёзы подступили слишком быстро.

Эмрис наклонился, чтобы поднять меч, потом положил мне руку на плечо и мягко подтолкнул внутрь, чтобы можно было плотно закрыть и запереть дверь.

Внутри коттедж оказался неожиданно уютным: кровать в дальнем углу, обеденный стол перед очагом и пара мягких кресел возле полки, набитой, судя по всему, записями или журналами.

— Что это за место? — спросил Эмрис, почти рухнув в одно из кресел.

— Этот дом принадлежит смотрителю садов, — ответила Кайтриона, убирая меч в ножны. Тихо поправилась: — Принадлежал.

— Вот это подача новостей, — пробормотала я. — То есть… это *дракон*?

— Это была Карон, последняя из своего рода, — пояснила Олуэн. — Она была близким другом одного из смотрителей много лет назад.

Нив усадила меня в другое кресло, прижимая ладонями к плечам, заставляя сесть. Я скорчила ей недовольную гримасу, она ответила мне вдвойне.

Вас не должно быть здесь, пронеслось у меня в голове с отчаянием. *Никого из вас*. Весь смысл моего задания заключался в том, чтобы обезопасить остальных, и теперь они были в куда большей опасности. Это было последнее, чего я хотела.

Лицо Нив стало серьёзным, как будто она видела поток мыслей, пронёсшихся у меня в голове.

— Ты правда думала, что мы бы не пришли?

Я опустила взгляд.

— Вы не должны были рисковать собой.

— Слишком поздно, — твёрдо сказала Нив. — Это не тебе решать. Сожалею, что должна тебе сообщить, но, несмотря на все твои усилия, людям не всё равно. Мне, в том числе.

Повернувшись к Олуэн, которая магией разогревала маленький чайник, Нив сказала:

— Я закончу. Лучше ты взгляни на этих двоих.

— Начни с Тэмсин, — вставил Эмрис. — И не суди меня слишком строго, Олуэн. Я старался.

Я сбросила куртку, подставляя рану для осмотра. Олуэн вымыла руки и подошла ко мне, прищурившись, когда увидела швы и мазь. Она принюхалась.

— Эхинацея и тысячелистник? — одобрительно уточнила она.

— И капелька масла орегано, — подтвердил Эмрис.

— Швы требуют доработки, — сообщила она после осмотра и руки, и лодыжки. Мягко похлопала меня по ладони: — Я всё прочищу и нанесу то, что ускорит заживление. Откуда такая глубокая рана? Один из Дитя?

— Не… совсем, — выдохнула я.

Позади неё Кайтриона остановила шаг, дав Нив пройти с чашкой ароматного отвара. Сушёные яблоки и травы плавали на поверхности.

— Бедивер рассказал нам про атам, но как только мы добрались до озера, налетела буря, и мы потеряли ваши следы, — сказала Кайтриона. — Ты нашла его?

Из-за повязки на лице было трудно уловить её выражение, но надежда в голосе сжала мне грудь. Я не подумала об этом — о том, что придётся рассказать, что стало с их любимой Верховной Жрицей. И о том, как она прокляла их всех.

Когда я сделала первый глоток настоя, то, наконец, поняла, что испытала Нив той самой первой ночью. Тёплое, золотистое сияние разлилось по телу, моментально уняв ломоту в мышцах и боль в животе. Этот восстановительный эффект — не иначе как знаменитые яблоки Авалона, исцеляющие и питающие одновременно. Именно они дали мне ту последнюю каплю решимости, что была нужна.

— Я нашла его, — сказала я. Олуэн подняла глаза от моей лодыжки, которую она аккуратно бинтовала, и резко вдохнула. В её облегчении было столько же боли, сколько в надежде Кейтрионы.

— Но вам совершенно не понравится, *где* он.

Когда я закончила рассказ, Олуэн уже плакала, а Кейтриона опустилась в одно из кресел у стола, сжав голову в руках. Я почти физически ощущала, как её разум перебирает детали истории, которую я поведала, пытаясь решить — можно ли в это поверить.

— Как это вообще может быть правдой? — спросила Олуэн, смахивая слёзы с лица. — Ревенант, из такого малого количества костей… Кто мог наложить на неё такое проклятие?

— Только она сама, — мрачно ответила Кайтриона. Она откинулась на спинку стула, и в её чертах застыла безысходность.

— Нет, — покачала головой Олуэн. — Этого не может быть.

— А кто тогда? — Кайтриона говорила с тоской. — Наша Верховная Жрица была единственной во всём Авалоне, кто точно обращался к магии смерти. Я годами отказывалась верить в такую возможность, но теперь…

— А вдруг это была ошибка? — осторожно предложила Нив. — Она могла неправильно понять одно из заклинаний друидов.

— Или она больше не служила Богине, — тихо произнесла Кайтриона, свернувшись в кресле, — и приняла в себя высшую магию смерти.

— Нет, — упрямо повторила Олуэн. — Нет. Я готова поверить во многое, но не в это.

— Олуэн, — сказала Кайтриона. — Ты ведь знаешь, как она говорила о своём желании вернуть Морган к жизни. Хотела всего лишь один день рядом с ней. Может, она искала магию воскрешения — и именно это погубило нас.

Олуэн покачала головой:

— Нет. Она бы не нарушила баланс таким способом.

— Верховная Жрица когда-нибудь рассказывала вам, как создаются ревенанты? — спросила я.

Олуэн закинула густые тёмные кудри за плечо.

— Совсем немного. Лишь отдельные фрагменты, обрывки воспоминаний.

— Для того чтобы сформировался ревенант, нужно всего лишь сильное магическое присутствие в теле и желание жить дальше, — объяснила я. — Иногда ревенанты не бывают злыми. Они просто слишком упорно хотят закончить начатое и не дают никому себя остановить.

Эмрис кивнул:

— Если это было неосознанно, её стремление продолжить существование могло быть ничем иным, как желанием защитить Авалон.

— Или, — сказала я, — она действительно служила Владыке Смерти и знала, что, став ревенантом, станет почти неуязвимой.

Олуэн прижала ладони к лицу, пытаясь взять себя в руки при одной этой мысли. Позади неё Нив откинула голову назад с явным раздражением.

— У тебя невыносимый ум, — заявила мне Кайтриона.

— Послушайте. — Я попыталась снова. — Мне самой эта идея не нравится, но у озера казалось, что она управляет Детьми. Думаю, мы должны хотя бы допустить возможность, что она позволила себе стать таким существом, чтобы продолжать действовать втайне или стать по-настоящему непобедимой.

— Святая Мать, — прошептала Олуэн, прижимая руку к груди.

— А что, если дело в Кольце Рассеивания? — неожиданно спросил Эмрис. — Я весь день думаю, как оно оказалось у неё. А вдруг Мари была права, и кольцо действительно развращает носителя? Может, *оно* подтолкнуло её ко всему этому?

Олуэн покачала головой:

— Единственное кольцо, что она носила, — это было кольцо с лунным камнем… но… возможно, она прятала другое при себе. Не стану отрицать, у неё были тайны. Ей, безусловно, нравилось собирать чужие.

— Или кольцо вообще ни при чём, — вставила Нив. — Возможно, ревенант просто наткнулась на него где-то в лесу.

Мои собственные догадки были пока слишком зыбкими, чтобы их озвучивать, да и в конечном счёте это не имело значения. Афам и кольцо были где-то рядом. Осталось лишь понять, как найти ревенанта и отобрать их у неё.

Что, как показывали мои раны, было проще сказать, чем сделать.

— Ревенант — это паразит, — сказала я. — Чтобы сохранить физическую форму, он должен питаться магией. Есть ли к северу от нас место, где до сих пор хранится древняя, сильная магия? Высшая магия — такая, что призывается с помощью обряда через Могущественную Богиню, ведь такая существует?

Олуэн и Кайтриона переглянулись.

— Да, — осторожно произнесла Кайтриона. — А что?

— Потому что именно за такой магией она и отправится, — ответила я. — Это то, что ей нужно.

— Значит, чтобы уничтожить ревенанта, его сначала нужно лишить доступа к источнику магии? — переспросила Нив, в голосе которой смешались страх и заинтересованность.

— Верно. Нужно снять старое заклинание. — Я снова обратилась к жрицам: — Это место далеко отсюда?

Кайтриона поднялась со стула:

— Это не твоя забота. Ты возвращаешься в башню вместе с остальными.

— Что? — выдохнула я. — Нет!

Кайтриона начала вновь надевать доспехи из стали и кожи, упрямо избегая смотреть в нашу сторону. Нив села на подлокотник моего кресла, тяжело вздохнув и бросив на меня тревожный взгляд.

— Ты не уйдёшь отсюда без нас, — твёрдо заявила Олуэн.

— Кто меня остановит? — спросила Кайтриона с той горделивостью, которую она по праву заслуживала.

— Никто, ты, великолепная, славная дурочка, — отозвалась Олуэн. — Но я тоже знаю, где находится это место. И если понадобится, приведу их туда сама.

Косы Кайтрионы хлестнули воздух, когда она резко обернулась к Олуэн, глаза вспыхнули. Но Олуэн даже не вздрогнула.

— Я не такая уж хрупкая, Кейт, — сказала она тихо. — И она была моей Верховной Жрицей так же, как и твоей. Ты не должна идти туда одна.

— Это была моя ошибка, — хрипло ответила Кайтриона. — Я должна была…

— …Остановить сэра Бедивера от того, что он скрывал до вчерашнего дня? — предложила Нив. — Как именно? Расскажи нам — и тогда, может, мы позволим тебе пойти одной.

Пальцы Кейтрионы застыли на краге, челюсть сжалась.

— Все здесь понимают, насколько это опасно, — сказала я. — Но если мы объединимся, мы найдём способ остановить ревенанта и вернуть афам с кольцом.

— Ты по-прежнему хочешь завладеть Кольцом Рассеивания? — удивилась Олуэн. — Несмотря на всё, что теперь знаешь о нём?

— Если ритуал обновления не подействует, это может стать последней надеждой для моего брата, — ответила я.

Ноздри Кайтрионы раздулись от тяжёлого выдоха:

— Идём, если уж надо. Но только после того, как Олуэн закончит свою работу и восстановит силы у воды.

— Я в порядке, правда, — сказала Олуэн. — Я не чувствую усталости и точно не собираюсь растапливать целую бадью снега.

— Будешь, — твёрдо сказала Кайтриона. — Я не позволю тебе или кому-либо ещё пострадать.

Она вернулась к доспехам, поморщившись от боли, когда сдвинула плечо. Подняв руку к лицу, она попыталась затянуть ремешки зубами.

— Дай я помогу, — сказала Нив, подойдя ближе. — Я умею.

Кайтриона внезапно замерла, будто лиса, пойманная за хвост.

— Нет, правда, я могу сама…

Но слова её затихли, когда Нив мягко повернула её запястье и начала привычными движениями затягивать кожаные ремешки, будто делала это сотни раз.

Склонив голову над делом, Нив была так сосредоточена, что не заметила, как застыла другая девушка, как её жёсткое выражение лица смягчилось. Казалось, она даже не дышит — боясь, что Нив растворится, стоит ей пошевелиться.

Палец Олуэн ткнул мне в швы на руке, резким уколом вернув меня к реальности.

— Ай! — ойкнула я.

— Батюшки, — сказала Олуэн с выразительным взглядом. — Прими мои глубочайшие извинения за грубость.

Я подняла брови. Она подняла свои в ответ.

Эмрис наклонился ко мне через плечо, наблюдая, как она прикладывает к ране масло — по резкому запаху это было орегано — а затем втирает в кожу мягкую восковую мазь, разогретую между пальцами.

— Рана глубокая, — начала Олуэн, в голосе её прозвучала лёгкая дрожь. — Должно быть, тебе было ужасно больно, когда она… когда ревенант тебя порезала. — Она глубоко вздохнула и посмотрела на меня. — Вивиан никогда бы так не поступила, если бы оставалась собой. Мне очень жаль.

— Я знаю. Но тебе не за что извиняться, — ответила я, поймав взгляд Эмриса. Он подарил мне тёплую, ободряющую улыбку — и я поняла, что больше не могу молчать об ещё одной важной вещи, узнанной в кургане. — Есть кое-что, что вы должны знать. Обо мне.

Все слушали с разной степенью ужаса. Олуэн пару раз казалась вот-вот прервёт меня вопросом, но сдержалась — до поры.

— У тебя действительно была серебряная кость? Это была не просто видимость? — спросила она, пристально глядя на швы.

Я напряглась:

— Блестела как начищенная монета. Видимо, я прогнила до самого основания.

Эмрис сжал мне плечо, но первой заговорила Нив:

— Это совсем не то, что ты себе надумала, — сказала она строго, подходя ближе. — Так что перестань себя жалеть.

Я раскрыла рот от возмущения.

— Да, ты жалеешь себя, и это понятно. Но это не делает твои худшие мысли правдой, — продолжила она. — А я-то думала, что волшебный огненный меч хоть немного поднимет тебе настроение.

— Ну… — вздохнула я. — Тут есть ещё кое-что, что я должна сказать.

Олуэн кивнула, когда я рассказала о снах, впитывая информацию с той же невозмутимостью, к которой я уже привыкла. Кайтриона отступила в тень, с выражением лица, которое я не смогла прочесть.

— Почему ты раньше ничего не сказала? — спросил Эмрис, обеспокоенный.

— Не знаю. Просто… не была уверена, что это вообще что-то значит. — Я повернулась к Олуэн. — Ты думаешь, это как-то связано с серебром?

— Думаю, объяснение куда проще, — сказала она, обменявшись ещё одним многозначительным взглядом с Кайтрионой. — Богиня говорит с нами через туман — песней, сном, видениями. Возможно, Её воля — чтобы ты услышала. И Она обращается к тебе так, как ты способна услышать.

— Посылая мне видения единорогов? — простонала я. — Ей стоило бы поработать над навыками общения.

— Возможно, это просто образ, в котором Она пожелала предстать перед тобой, — мягко сказала Олуэн.

— Признаюсь, часть меня боялась, что я сама всё это нафантазировала, — прошептала я.

Олуэн скользнула взглядом к мечу у двери — тому самому, что я достала из озера:

— Интересная мысль. Иногда туман и правда порождает предметы, но я почти уверена, что этот меч появился задолго до твоего прибытия на Авалон.— Ты его узнала? — спросила Нив.

— Он напоминает мне историю, которую Мари как-то рассказывала, — задумчиво ответила Олуэн. — Но я не могу сейчас вспомнить её полностью.

— Тогда обязательно спроси у неё, когда вернёшься в башню, — сказала Кайтриона. — Её обрадует такое сокровище.

— У меня есть одна догадка насчёт серебра, если хочешь послушать, — предложила Олуэн, доставая из сумки рулон бинта.

Рука Эмриса всё ещё лежала у меня на плече — тёплая, ободряющая. Мне пришлось спрятать свою под бедро, чтобы не коснуться его в ответ.

— Весь во внимании.

— Я думаю, — глаза Олуэн загорелись энтузиазмом, который, пожалуй, я оценила бы в других обстоятельствах, — кость становится серебряной при контакте с огромным количеством магии смерти. Ты уверена, что никогда не сталкивалась с проклятием или заклинанием? Может быть, через предмет, к которому прикасалась?

Перед глазами вспыхнул призрак той женщины в заснеженном поле. Холодное пламя её прикосновения, когда она пыталась утащить меня с собой в смерть. Метка над сердцем зажглась воспоминанием.

Нив коснулась моего плеча — она угадала. По выражению лица Эмриса я поняла, что и он всё понял.

Я глубоко вдохнула и кивнула:

— Наверное, в этом всё дело.

Олуэн завязала бинт:

— Не давит?

— Всё нормально, спасибо. Но теперь сложнее всего — вы правда готовы сделать всё необходимое, чтобы уничтожить ревенанта, зная, что в ней есть частичка вашей Верховной Жрицы?

— У нас нет другого выбора, кроме как вырвать её тёмную магию с корнем, — спокойно ответила Кайтриона. — Нам нужно получить афам, чтобы провести ритуал очищения.

Олуэн кивнула:

— Если ритуал восстановит землю и вернёт Детей к их прежнему облику, хоть что-то хорошее ещё может выйти из этой боли.

— Ну, уничтожить магию, которой питается ревенант, должно быть несложно, верно? — сказала я.

Кайтриона и Олуэн переглянулись. Долго. И ужаснулись.

— Верно? — повторила я.

— Может, мы просто… захватим её и перенесём куда-нибудь, прежде чем убьём? — спросила Кайтриона, в голосе которой зазвучала мольба.

— Это ты сейчас мягко намекаешь, что не можешь уничтожить магию, к которой она теперь привязана? — уточнила я.

— И Кайтриона, и я способны это сделать, — сказала Олуэн. — Только жрица Авалона может пересечь охраняющие её чары.

— Тогда в чём проблема? — спросил Эмрис.

— Дело в самом месте, — слабо ответила Олуэн. — Это живая гробница короля Артура.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 42

Слова Олуэн будто вытянули весь воздух из хижины.

Кайтриона вновь начала расхаживать по комнате, прижимая травмированную правую руку к груди, чтобы зафиксировать плечо. Лицо её было напряжено — она изо всех сил пыталась распутать узел, который только что перед ней завязала Олуэн.

— Одна из обязанностей Девяти — охранять спящего короля, — проговорила Кайтриона скорее себе, чем нам. — Мы унаследовали её от сестёр древности. Если мы снимем защитную магию с гробницы, Артур умрёт окончательно.

Эмрис тихо выругался себе под нос.

Я оказалась единственной, кто решился задать очевидный вопрос:

— А это имеет значение?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Олуэн.

— Имеет ли значение, если он наконец умрёт? — повторила я. — Его хранили живым, чтобы он пришёл на помощь смертному миру в момент наивысшей нужды. А он даже не удосужился проснуться, чтобы помочь самому Авалону. Может, нам и не нужна его помощь.

Кайтриона стояла к нам спиной, её тело застыло в жёсткой позе, отражающей внутреннюю бурю.

— Ты не понимаешь. Не можешь понять.

Олуэн взглянула на нас, её глаза умоляли о сочувствии:

— Это одна из немногих клятв, которые мы смогли сдержать с тех пор, как остров погрузился во тьму. Мы дали обет.

Кайтриона была лишь отчасти права. Я могла не понимать, зачем держать Артура при жизни, пока мир вокруг рушится, но я видела, что он что-то значил для них — так же, как значил что-то для Нэша, и для всех, кто хотел верить, что легенды — правда. Роль Девяти в его защите была одним из последних чистых обетов, которые ещё не успела растлить гниль этого мира.

— Хорошо, — сказала я, бросив взгляд на Эмриса и Нив, чтобы убедиться, что мы трое едины. — Тогда попробуем увести ревенанта от гробницы. Если не выйдет — придётся разрушить магию, от которой она питается. Даже если для этого придётся отпустить Артура. С этим вы хотя бы можете согласиться?

— Кейт? — Олуэн посмотрела на неё в ожидании.

Когда Кайтриона повернулась к нам, лицо её было бледным, как снег за окнами.

— Мы теряем свет, — напомнила я ей.

— Тогда… — проговорила Кайтриона. — Нам лучше поспешить на север и довести план до конца.

— Ты уверена? — спросила Олуэн.

— Прошлое не может стоить больше, чем будущее, — ответила Кайтриона, голос её дрожал. — Один человек не может быть важнее целого острова.

Олуэн с облегчением расправила плечи и поднялась с пола:

— Я соберу наши вещи.

Кайтриона кивнула, поднимая меч с того места, где он лежал на столе. Больше она не сказала ни слова, но я знала, какой ценой ей даётся это решение — разрушить то, чему она поклялась служить и что оберегала всю жизнь.

И если она смогла вырваться из хватки своих прежних убеждений… возможно, и у меня ещё был шанс.

***

Путь на север оказался настоящим испытанием — почти час мы пробирались вперёд, по снегу, пронизывающему до костей, сквозь ледяную стужу. Чем выше мы поднимались, тем реже становились мёртвые деревья, среди которых мы скрывались: в конце концов, укрытием нам служили лишь обветренные каменные валуны.

К тому моменту, как мы добрались до гребня подъёма, мои ботинки промокли насквозь, пальцы на ногах и руках онемели, лицо застыло от холода. Кайтриона замедлилась, опустилась на живот и поползла вперёд. Мы последовали её примеру, выстроившись в линию вдоль скального выступа.

По ту сторону холма земля сначала уходила вниз на несколько футов, а затем выравнивалась в плоскую равнину. И тут меня осенило: мы достигли северной оконечности острова. Дальше — просто пустота. Мир этой Иной земли обрывался резким обрывом, уходящим в чёрную, туманную бездну.

Между этой бездной и нами высилось здание из серого камня — прекрасное и строгой формы, напоминавшее открытый храм.

— Да вы издеваетесь, — прошептала я. — Все Верховные Жрицы гниют в одной и той же яме, а ему отгрохали целый храм?

Нив одёрнула меня резким тычком в бок.

— Видите что-нибудь? — прошептала Олуэн.

Как по команде, Эмрис достал из сумки бинокль.

— Камни, — выдохнула Кайтриона.

Я перевела взгляд к западу от гробницы, где острые скальные выступы торчали из земли, образуя естественный барьер у самого края обрыва. Среди них стояла небольшая хижина с покосившейся крышей — судя по всему, раньше там жил Бедивер, до того как перебрался в башню.

Но вовсе не хижина привлекла внимание Кайтрионы.

Они раскинулись на земле, затаившись в тени камней и деревьев. Окрас Дитей был таким же блекло-серым, как мёртвая трава и грязь, и потому я сразу не заметила их — пока не раздался резкий, пронзительный крик. Без единого слова, но до боли знакомый.

Ревенант.

Дети повернули морды к гробнице в ожидании, залаяв и завыв, с капающей из пастей слюной. Они дрожали, шипели и выскальзывали из тени в оставшийся дневной свет.

Это было доказательством того, что ревенант ими управляет — по инстинкту они бы никогда не вышли на открытое. Только их хозяйка могла заставить их пойти против своей природы.

— И план А, и план Б только что стали куда сложнее, — прошептал Эмрис.

Он передал мне бинокль. Я насчитала около дюжины Детей — покрытых грязью, усыпанных сухими листьями. Я проследила за направлением их взгляда: по неровной земле, вдоль кольца из живой травы, которое очерчивало гробницу — граница защитной магии. Один за другим, они подходили к этой черте и начинали ходить вдоль неё, выжидая.

И вот, наконец, она появилась.

Ревенант вышла не из камней, а прямо из гробницы. Её тело, словно сложенное из земли и мёртвой листвы, двигалось по воле той самой магии. Рядом со мной Олуэн шумно вдохнула, но её испуг затерялся под восторженным воем Детей.

Она тащила кого-то за лодыжку.

— Это…? — прошептал Эмрис.

Нив прижала руки к губам, чтобы не вскрикнуть.

А мы могли только смотреть, как ревенант с безразличием бросила спящее тело Артура Пендрагона Детям — словно он был просто куском наполовину протухшего мяса.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 43

Прежде чем кто-либо из нас успел пошевелиться или вымолвить хоть слово сквозь удушающий ужас, Дети набросились на тело, оставив от Артура Пендрагона лишь кости, разбросав по снегу кровавые лоскуты плоти.

Эмрис вцепился мне в запястье, пытаясь обратить внимание на что-то, но я так и не узнала, на что именно. Время словно наматывалось на шпиндель — туго, всё туже, пока наконец не оборвалось и не понеслось в безумном вихре.

— Похоже, переходим к плану Б, — выдавила я. Удерживать ревенанта вдали уже не имело смысла. Нужно было снимать защитную магию.

Кайтриона вскочила с криком ярости, пытаясь вытащить меч, несмотря на боль в раненом плече. Её голос, больше похожий на песню гнева, превратил клубящийся у подножия холма туман в языки пламени. Она бросилась вниз, с мечом наготове, оставив нас — и остатки нашего плана — позади.

У нас остался один удар сердца, чтобы решить, что делать.

— Святая Мать… — простонала Олуэн, поднимаясь со снега и уносясь вправо, описывая широкий круг вокруг гробницы.

Нив повернулась к нам с Эмрисом, голос её дрожал, но был твёрд:

— Пожалуйста, будьте осторожны. Я не уверена, что смогу ещё раз призвать Свет…

— Обязательно, — поклялся Эмрис. — Удачи.

Я кивнула, чувствуя, как в горле сжимается невидимый кулак. Нив выпрямилась, полная грации и решимости, и последовала за Олуэн, сжимающей в кулаке длинную волшебную палочку. Она защищала жрицу всеми доступными способами. Но они не пройдут, если мы с Эмрисом не отвлечём на себя внимание ревенанта и её Детей.

Эмрис сжал моё запястье в последний раз, затем поднял меч и ринулся за Кайтрионой. Я схватила его маленький топорик — холодный, как сама сталь.

— Вперёд, — сказала я себе. — Вперёд!

Страх придал телу странную лёгкость, когда я побежала, почти скользя по ледяной поверхности склона. Передо мной раскинулась сцена, как из кошмара, написанная рукой старого мастера: ослепительный огонь, кровь, серебристые волосы Кайтрионы, куртка Эмриса, вздымающего меч — всё это пылало цветом на белоснежном холсте снега.

Ревенант стояла у границы защитной магии, её лицо из земли и кожи было лишено эмоций, но глаза горели, впитывая происходящее. Дети выстроились перед ней — живая преграда, водимая единственным инстинктом: защищать свою мать.

Передние из них бросились в магическое пламя Кайтрионы, с визгом сгорая до обугленных тел.

Верховная Жрица зарычала, словно грозовая туча, и остальные Дети ринулись в бой, перепрыгивая через тела сородичей. Они неслись к Кайтрионе, стоящей в одиночестве. Та едва удерживалась на ногах, задыхаясь от боли, когда поднимала меч. Её броня светилась в бушующем вихре огня.

Эмрис занял позицию справа от неё, я — слева. Адреналин и страх гремели в крови. Существа двигались на четырёх конечностях, их паучьи лапы переплетались, а клыки стучали от нетерпения.

— Держись рядом! — крикнул Эмрис, повернувшись ко мне спиной. Что бы он ни хотел добавить, всё утонуло в хоре рычания и визга — Дети прыгнули.

Я закашлялась от их гнилого дыхания, но не отступила. Замахнулась топором, рубя всё, что пыталось схватить меня или ударить. Грудь сжимала боль, и только спустя несколько мгновений я поняла, что кричу — громко, дико, из самой глубины.

Кайтриона прокладывала путь сквозь врагов, её клинок рассекая черепа, лапы и когти. Она обернулась:

— За мной!

Мы попытались последовать за ней, но Дети хлынули между нами, окружив её со спины. Когти вонзились в её спину, прямо в броню.

— Кейт! — закричала я.

Девушка сделала два шатких шага вперёд — и прыгнула. С рыком боли она перекатилась через магическую границу, и те, кто цеплялся за неё, отлетели в стороны, сражённые яркой вспышкой света. Их тела обмякли, и они рухнули.

— Тамсин — меняемся! — крикнул Эмрис, и я повернулась. В тот миг он уже метнул в меня меч, и у меня не было выбора — я поймала его и бросила в ответ топор. Он перехватил его за рукоять и взмахнул, но тяжёлый меч выскользнул у меня из рук и упал. Мне пришлось вырвать его обратно из когтей одного из Детей — голыми руками.

Оно вцепилось в меня, раздирая рану на уже израненной руке. Я закричала, когда острые зубы впились в шею. Боль и страх сковали всё тело, я рухнула на колени.

— Тамсин! — закричал Эмрис.

Я вцепилась в рукоять меча. Пламя взметнулось по клинку с яростным всплеском. Развернувшись с криком, я вонзила его прямо в голову твари — только тогда она отпустила меня.

Горячая кровь залила грудь, пока Эмрис пробивался ко мне сквозь круг Дитей, но я уже смотрела вперёд — туда, где Кайтриона стояла лицом к Верховной Жрице.

Ревенант метнулась вперёд, направив атам на обнажённое горло Кайтрионы. Та отбила удар мечом и развернулась, рассёкши грудь твари. В том движении снова разошлась её не до конца зажившая рана — броня тут же окрасилась в алый. Трава, куски дерева и грязи осыпались с ревенанта… и вновь поднялись, восстанавливая её тело.

— Кейт! — выдохнула я, добравшись до самого края защитной магии. Она должна была заманить ревенанта внутрь круга — иначе мы не сможем ей помочь.

Глаза Кайтрионы расширились, по лицу струился пот. Она обернулась, посмотрела поверх нас, но её крик затерялся в грохоте монструозных воплей. Я проследила за её взглядом — на вершине холма показались ещё Дети.

Она метнула левую руку вперёд, правая бессильно повисла, меч в ней едва держался. Губы задвигались — песня, которую я не могла услышать. Над холмом поднялся туман — густой, клубящийся, — но прежде чем он успел вспыхнуть, ревенант снова ударила. Схватила Кайтриону за шею и с силой швырнула оземь.

Кайтриона обвила ноги вокруг ревенанта и провернулась, отбросив её к границе магического барьера — голова и руки твари оказались за пределами. Я рванулась вперёд с мечом, взмахнула, но она была слишком быстрой — огненное лезвие отсекло только одну руку.

Я вдавила сапог в извивающееся запястье, прижимая его к земле. Сердце сжалось от злости, когда я поняла: это была рука с кольцом, а не с атамом.

Вопль ревенанта резанул по мозгу, как нож. Я заорала вместе с ней — мы все закричали, даже Дети отпрянули. Тварь выпрямилась в полной своей ужасающей высоте и уставилась на меня горящими глазами.

Голос, тёмный как полночь, прорезал мой разум, заглушив даже этот нечеловеческий визг.

Я знаю тебя.

Я вздрогнула, опустившись на колени. Меч выскользнул из руки.

Я видела твоё рождение во сне.

— Пре-прекрати… — с трудом выдохнула я. Руки вжались в виски, будто могли выдавить из головы её голос. — Перестань!

Он не знает, кто ты на самом деле…

Воздух между нами вспыхнул, заиграл и тут же померк.

Голос Олуэн, будто донёсшийся сквозь миры, прорезал тишину:

— Сейчас, Нив!

— Подожди… — попыталась остановить их я. — Что это значит?

Но волна ослепительного света уже была выпущена.

Почувствовав, что магия исчезла, Дети рванулись к Кайтрионе, которая пыталась подняться с земли. Но заклинание Нив отбросило их прочь — их тела вспыхнули и сгорели дотла.

Ревенант стояла перед нами, спиной к пульсирующей энергии света, позволяя ей сжигать собственные очертания. На её лице на миг промелькнула искра человечности.

— Кайтриона.

Голос, что вырвался из этой плоти и земли, был сладким, как первый день весны, и невыносимо нежным.

— Моя Кейт…

Она протянула к ней руку с атамом, и её тело начало трескаться, разламываться, когда свет пробивался сквозь него. Молодая жрица пошатнулась вперёд, слёзы струились по её лицу, когда она потянулась в ответ.

— Почему? — прошептала она. — Почему ты это сделала?

В свои последние мгновения ревенант выдохнула:

— Сила… Я не могла остановить… то, что уже началось…

Её тело рассыпалось, снова превратившись в кость и землю. Когда заклинание Нив угасло, а воздух стал прохладнее, атам упал на землю, всё ещё светящийся от жара и силы.

Кайтриона вскрикнула в наступившей тишине, рыдая так, будто что-то внутри неё разрывалось. Она рухнула на землю.

Я ощущала, как опустела внутри, когда опустилась рядом на колени. Нерешительно, я обняла её за плечи.

Но она не отстранилась. Вместо этого Кейт прижалась ко мне, зарывшись лицом в плечо, и её рыдания сотрясали меня до глубины души. Горло саднило от сдерживаемых слёз, но даже если бы я могла говорить, я не знала, что сказать.

Нив и Олуэн подбежали и обняли нас обеих, живых, целых, дрожащих. Я вцепилась в них, позволяя ветру охладить разгорячённую кожу и остывшую кровь. Но где-то внутри разгоралось тепло — как солнце, поднимающееся всё выше и выше… пока мне не показалось, что я вот-вот лопну от него.

Я отстранилась, оглянулась через плечо — ища взгляд Эмриса.

Но в воздухе клубились только пепел и туман.

Я разжала объятия, и в грудь ударил страх — тяжёлый, холодный, как железный шип.

— Эмрис? Эмрис! — закричала я.

Никакого ответа.

Я бросилась к холму, обыскивая останки Детей, тех, что не обратились в пепел.

— Эмрис! — Если с ним что-то случилось, пока я смотрела в другую сторону…

Позади раздались крики других — они звали его, всё громче, всё тревожнее.

Нив оказалась рядом, качая головой:

— Я не понимаю… Заклинание не могло ему навредить. Может, один из Детей унёс его?

Эта мысль ударила в живот, как кулак. Я согнулась пополам, борясь с тошнотой.

— Подожди, — сказала Нив, хватая меня за руку и заставляя подняться. — Смотри.

Позади неё лицо Олуэн стало белее снега. Сердце подскочило к горлу, когда она с Кайтрионой подошли ближе.

На снегу тянулся след — шаги, ведущие вверх по холму, прочь от гробницы и прочь от нас. В сторону портала, ведущего назад, в наш мир.

Я знала.

Кольцо Рассеяния исчезло. И Эмрис Дай — тоже.

И то солнце, что только что разгоралось внутри меня, обжигая теплом и жизнью, медленно опустилось за тёмный горизонт.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 44

Свет почти угас, когда мы начали обратный путь к башне. Сначала Кайтриона предложила переждать темноту в одной из сторожевых башен — но это было до того, как мы наткнулись на первых Детей среди деревьев.

Они лежали там, где упали с ветвей. Их тела были целыми, но безжизненными, словно кто-то просто выдернул из них искру жизни.

Может, так и было.

Мои спутники остановились, прячась за сломанным, пустотелым стволом, но я пошла дальше.

— Тэмсин, подожди… — Нив попыталась схватить меня за руку, но я вырвалась.

Я не боялась. Не испытывала любопытства.

Я вообще ничего не чувствовала.

Двигалась, будто под водой, на дне озера — каждый шаг требовал усилия, каждый клочок земли под ногами приходилось отвоёвывать.

Кайтриона сделала для меча ножны, и теперь я несла его за спиной, а не как факел перед собой. Благодаря Нив и жрицам, владеющим туманами, у нас было достаточно света, чтобы не сбиться с пути.

Я подошла к ближайшему чудовищу и посмотрела на него сверху вниз. Лишённое жизни и той ужасающей одержимости, что вела его прежде, оно казалось почти жалким. Его язык вывалился изо рта, а конечности обмякли, когда я подтолкнула его ногой и перевернула на спину.

Пустые глазницы уставились в небо. Падальщики-насекомые уже сделали своё дело.

Олуэн присела рядом, её лоб нахмурился, когда она коснулась сморщенной серой кожи на груди существа.

Она взглянула на Кайтриону и покачала головой.

— Значит, Высшая Жрица… ревенант — дала им жизнь, — сказала Кайтриона усталым голосом. Повязки на её лице промокли от пота и грязи. — А проклятие или сила, что их поддерживала, исчезла вместе с ней.

Нив резко втянула воздух, коснувшись одного из существ кончиком пальца.

— Что тебя тревожит? — спросила Олуэн.

— Проклятия могут пережить того, кто их наложил, — объяснила Нив. — Но, думаю, не в этом случае. Мы отрубили голову, отделили её от тела.

— Есть ли ещё шанс, что ритуал вернёт им души? — прохрипела Кайтриона.

— Лучшее, на что мы можем надеяться… — Олуэн сглотнула. — Это то, что ритуал освободит хотя бы осколки душ, если они всё ещё заперты в этих телах.

У меня скривились губы при виде их лиц, искажённых болью. Если они были настолько наивны, чтобы верить, что ритуал всё исправит, — они заслужили то, что получили.

— Для них никогда не было надежды, — сказала я ядовито, продолжая идти сквозь мёртвый лес, перешагивая через тела, вдавленные в снег. Воздух обжигал грудь — холодный, острый. — Просто вы не могли это принять.

Я смотрела на трупы, и потому почти врезалась в Нив, когда она встала у меня на пути. Её лицо было тревожным, застывшим. Когда я попыталась обойти её, она шагнула вместе со мной, повторяя каждое движение.

— Уйди, — холодно сказала я.

Она не сдвинулась с места.

— Уйди, — повторила я, и в ушах зазвенело от нарастающего давления.

Нив шагнула вперёд и, прежде чем я успела вырваться, схватила меня за плечи. Я попыталась отстраниться, но она была неожиданно сильной — удержала, заставила остановиться. Заставила *почувствовать* всё.

Никогда прежде я не ощущала себя настолько обнажённой. Словно с меня содрали всю шелуху лжи и тщательно выстроенных масок. Правда оказалась мучительной: подо всей этой холодной бронёй не скрывалось силы. Только страх. Та девочка, которую даже я сама пыталась забыть.

Я обмякла, прижавшись к плечу Нив.

— Прости, — прошептала она, обнимая меня. — Пожалуйста, не отталкивай нас.

Казалось, я трескаюсь изнутри, будто под напряжением. В какой-то момент я уловила запах хвои — и поняла, что всё ещё ношу его свитер. Я отстранилась, стянула его через голову и уронила на тело существа. Лучше мёрзнуть, чем чувствовать его прикосновение.

— Я такая дура, — выдохнула я. — Я снова позволила этому случиться.

Осталась одна.

Брошена ради чего-то более важного. А ведь это и правда было важнее — спасти свою мать, сбежать от отца, всё это перевесило то хрупкое доверие, которое успело возникнуть между нами.

Если он вообще говорил правду, — прошептал в сознании знакомый голос. Хитрый Эмрис Дай, всегда готовый спрятаться и солгать.

От этой мысли будто кожу содрали. Я ведь открылась ему. Рассказала то, чего даже Кабелл не знал.

— Стыдиться должен только он, — сказала Кайтриона, в голосе закипала злость. — Он обманул нас всех.

Олуэн провела пальцами по моей руке, легко коснувшись пореза, который она торопливо перебинтовала.

— Ты не обязана вырывать мысли о нём из сердца. Но не позволяй любви в себе ожесточиться из-за него. Он не был достоин.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Я должна была рассказать об этом раньше, но не хотела его ранить. — Улыбка Олуэн была грустной. — Я узнала меч, что ты носишь. И знаю его историю. Мари рассказывала её мне много лет назад.

— Тогда… — выдохнула я. — Что это за меч?

— Я верю, что это клинок по имени Дирнвин, или Белая Рукоять. Его выковали в Авалоне, и когда-то он принадлежал королю — Риддерху Хайэлу, — объяснила Олуэн. — Говорили, что меч загорается пламенем в руках того, кто благороден и достоин.

Я уставилась на неё.

— Ты уверена? — спросила Кайтриона.

— Спасибо за доверие, — сухо сказала я, но при этом неожиданно рассмеялась, увидев, как она осознала смысл своих слов.

— Нет, я не это имела в виду, — поспешила оправдаться Кайтриона. — Конечно, ты достойна.

— На самом деле — нет, — вздохнула я. — Но я и не обиделась. Хотите проверить теорию?

Я протянула меч, держа его за рукоять, лезвием к себе. Все трое отступили.

— Серьёзно? — переспросила я.

— Я не хочу, чтобы кусок металла судил меня, — заявила Нив, подняв руки.

— Я довольна собственной оценкой своей ценности, — просто сказала Олуэн.

Кайтриона смотрела на меч дольше других, но в итоге тоже отвернулась.

— Тэмсин, ты уверена, что не хочешь, чтобы мы пошли за ним? По снегу его следы легко отыскать.

Нив сжала мою руку. Смотрела на меня. Ждала, какое решение я приму.

Я могла пойти за Эмрисом. Наверняка даже вернуть Кольцо Рассеивания до того, как он передаст его Мадригале. Портал, возможно, всё ещё был открыт.

Но был и ритуал. Был Кабелл, Нив, Бедивер. Жрицы, что стали мне подругами, несмотря на все мои попытки оттолкнуть их. Были выжившие в башне, продолжающие бороться. Был Авалон — тот, каким он ещё мог стать: живым, прекрасным.

— Нет, — сказала я. — Он уже ушёл.

— Но как он собирается вернуться в ваш мир, — спросила Олуэн, — если никого из нас не будет рядом, чтобы открыть путь?

Мы с Нив переглянулись.

— А вот об этом… — начала я.

Глаза Олуэн расширились от изумления, когда я рассказала ей про Ведьму Тумана, жертву и её предостережение: портал можно использовать лишь однажды, чтобы попасть в Авалон, и лишь однажды — чтобы вернуться в мир смертных.

— Думаю, мы сможем открыть изначальный путь обратно в мир смертных для тебя, даже если ритуал не сработает, — сказала Олуэн.

— Он не может не сработать, — ответила я. — Не должен.

— Ты злишься, что мы скрыли это от тебя? — спросила Нив, бросив взгляд на Кайтриону.

Её серебристые волосы мерцали под снежинками, падавшими с деревьев.

— Нет, — ответила я. — Потому что даже сейчас, когда путь домой открыт, вы выбрали остаться. С нами.

Нив улыбнулась.

Кайтриона откашлялась и отвернулась, чтобы скрыть дрожь в голосе:

— Нам следует идти. Я не хочу, чтобы остальные волновались ещё больше.

Я выпрямилась и зашагала вперёд, позволяя хаосу в груди утихнуть, уступив место новой, чистой тишине. Нив взглянула на меня и улыбнулась. В её взгляде не было ни жалости, ни опаски — только тепло. Безмолвие острова даровало мне внезапную ясность. Осознание того, что боль, которой я так боялась, на самом деле была доказательством: я пережила утрату.

Мы шли рядом, пока сгущающиеся сумерки не превратились в долгую ночь.

Один раз мы остановились — ненадолго, чтобы Олуэн могла проверить повязки и убедиться, что не началось заражение. Но никто не хотел терять времени.

Теперь, когда атам был у нас, все стремились как можно скорее провести ритуал очищения. А я — всё сильнее хотела вернуться к Кабеллу. После случившегося с Бедивером… я даже не могла представить, что он чувствовал.

Наконец, на горизонте показалась башня. Её самые высокие камни были подсвечены огнями, всё ещё пылавшими вокруг рва. Лицо Кайтрионы смягчилось при виде её — она ускорила шаг.

Но я, наоборот, замедлилась.

— Что случилось? — спросила Нив.

— Где они? — Я озиралась. Перед отъездом Дети образовали кольцо по периметру башни, и мы уже должны были его пересечь.

— Наверное, мёртвая жрица позвала их к себе, — сказала Нив, когда мы догнали Кайтриону на тропе. Она стояла у края леса, глядя на башню в отдалении. Её древние камни светились в пламени. По ближайшей стене текли длинные красные струи, отражая свет, как шёлк. Туман клубился над милей пути, ведущей к рву. К моему удивлению, подъёмный мост уже был опущен.

Древо Матери казалось более тёмным, чем прежде. Его верхние ветви были покрыты снегом, скрывая остатки зелени.

Шаги Олуэн заскрипели в снегу. Она поравнялась со мной — и замерла. Её дыхание стало прерывистым, белые клубы пара смешивались с туманом. И тогда я поняла, что запах дыма — это не просто горящие костры. Под ним было что-то другое, горькое. Жжёная ткань, может быть.

И ещё что-то. Гораздо хуже.

— Похоже, они начали празднование без нас, — сказала Нив, прищурившись. — Только вот зачем такие красные знамена?..

И тут я поняла.

Кайтриона издала хриплый крик и бросилась вниз по склону к опущенному мосту. Олуэн кинулась следом, спотыкаясь о снег и камни.

Я не могла пошевелиться. Темнота оплела меня, придавив к земле своими ледяными руками, не давая сделать ни шага.

— Это не знамёна, Нив, — прохрипела я. — Это кровь.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 45

Безмолвие мёртвых обладало своей собственной силой — великой и ужасной. Как тёмное стекло, оно поглощало всё, и ничто, даже свет, не возвращалось обратно.

Внутренний двор превратился в поле битвы, арену последнего отчаянного сражения. Теперь туда осмеливались заходить лишь стаи мух да зловонный ветер.

Нижняя часть Древа Матери обуглилась, оставшиеся листья были втоптаны в окровавленный снег. Дери лежал рядом, как куча хвороста, всё ещё вцепившись в массивный ствол. Вокруг, словно смертельный нимб, были раскиданы тела спрайтов.

Всё внутри меня вопило — беги. Но я заставила себя стоять на краю этой бойни. Я заставила себя смотреть.

Видеть всё.

Бетрис — у самых ворот, пала первой, став преградой между монстрами и невинными внутри. Даже в смерти её рука сжимала меч. Рядом Арианвен, её тело прикрывает Лоури. Серен и Рона раскинулись на белых ступенях башни, их руки тянутся друг к другу сквозь хаос. По камням текли реки крови, высохшие и ставшие ржавыми следами.

Этот запах — смерть, разложение — был единственным, что ощущалось по-настоящему. Олуэн бродила среди тел, падая, плача и крича, судорожно проверяя их — жива ли хоть одна душа.

Кайтриона бросилась к башне, карабкаясь через останки всего, что знала и любила. Когда её отчаянные крики эхом разнеслись по двору, я поняла: внутри никто не выжил.

Нив что-то сказала за моей спиной, голос её был срывающимся, но я была эгоисткой. Я думала только об одном. Только об одном имени.

Кабелл.

Мой брат… Он… Это было невозможно.

Всё это. Это не могло быть правдой. Это не было реальным.

Я сорвалась с места и бросилась искать его. Переворачивала тела, раскрывая муки их смертей, изуродованные лица, разорванные и объеденные. Я звала его, кричала, пока не стало невозможно вдохнуть, моля любых богов, если они вообще существуют.

Мёртвые были повсюду. Их ужас, их последние мгновения висели в тумане. Животные были растерзаны в конюшне. Мужчины и женщины — брошены на стены, с переломанными телами и рассечённой кожей. Алед и Дилуин — в саду Олуэн. Ангарад и ещё десятки — на поле во дворе, где пробивались ростки, омытые кровью.

Где Кабелл? Где?

Я рванула в подземелья, к источникам, на тропу под оружейной, пока, наконец, не увидела: дверь на кухню была выломана. И тут в голове всплыл голос Бедивера. Последняя надежда Авалона.

Я перелезла через тела Детей и авалонцев, чтобы попасть внутрь. Шкаф оторвался от стены, его заслоняло тело мужчины. Я выдрала его остатки и спустилась по скользкой от крови лестнице.

Но даже после всего, что я видела… то, что ждало внизу, в фейской тропе, вызвало рвотный спазм.

Грязь поднялась выше моих ботинок — чёрная и вязкая. Руки дрожали так сильно, что я едва не выронила фонарик. Я осветила тела вокруг… или то, что от них осталось.

Кто бы ни оказался здесь, оказался в ловушке. Дверь наверх была заперта. Им некуда было бежать. Их разорвали.

Луч фонаря скользил по бойне, я задерживала дыхание, чтобы не вдыхать густой смрад. Куски знакомой брони Бедивера были разбросаны среди останков. В ледяном воздухе свет упал на кусок изношенной коричневой кожи.

Я увидела, как моя рука тянется вниз, в кровавую жижу, поднимает его. Кусок кожи был размером с ладонь — воротник от куртки. Я перевернула его, и там — детская вышивка, некогда жёлтая, теперь багровая: LAR. Под ней, словно проклятие, — лоскут бледной кожи с татуировкой.

Меня вырвало.

Я задыхалась, выворачивалась, пока не онемели руки, и я не уронила ткань и фонарь.

Тьма поглотила меня. Я не знала, куда идти. Не знала, где выход. Боль раздирала меня пополам, и всё, что я могла — держаться за стену, чтобы не утонуть в том, что осталось от мёртвых.

От Кабелла.

Я плакала. Звук моих рыданий разносился по каменным стенам, всё тело сотрясалось. Всё… всё ради этого. Ради того, кого я любила больше всех в этом мире — чтобы он умер в таком страхе, в такой тьме. Чтобы от него осталась только память. И вот это…

Я не могла найти выход. У меня не было куда идти.

Я осталась. И плакала, пока боль не убила меня.

Пока Нив, наконец, не пришла и не вывела меня наружу.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 46

Я стояла одна на крепостной стене, вглядываясь в тёмный лес. Время словно играло с моим разумом, и здесь, в этом месте почти бесконечной ночи, оно, казалось, переставало иметь значение. Какая-то часть меня надеялась, что если я просто останусь здесь, позволю ледяному ветру делать со мной что угодно, я тоже стану камнем. Тогда не придётся распутывать костёр мыслей в голове или унимать пульсирующую боль в груди.

Глаза слезились от холода, но слёзы не шли. Колодец внутри меня опустел — и до пугающей степени. Когда он наполнился снова, в нём плескался знакомый яд. Капля за каплей, обжигающий — и по праву мой.

Ты сделала это.

Ты привела его сюда, потому что решила, что знаешь лучше.

И всё оказалось напрасным.

Ты получила, что заслужила.

И он умер, ненавидя тебя.

Мой брат — чувствительный, талантливый, блестящий, обаятельный. Лучший не только среди Ларков, но во всех мирах. Авалон принёс ему лишь боль и смерть. Мне никогда не стоило просить его пойти со мной. Мне не стоило искать Нэша.

Горе вновь ударило по мне, лишив дыхания. Кабелл был так близко к завершению своего кошмара. Так близко к тому, чтобы вырваться из тьмы, которая пыталась задушить последние крохи его надежды. Поглотить его.

Я не могла сомкнуть глаз, не представляя этого — как быстро и жестоко смерть пришла за ними всеми, всего через несколько часов после спасения острова.

Отвращение и ярость ползли по венам, снова принося вкус горечи во рту. Ни Богини, ни какого-либо бога не было. Не было судьбы. Была только жестокая непредсказуемость жизни.

Туман Авалона полз среди деревьев, вытягивая длинные щупальца к башне. Последняя магия Девяти угасала, и огни в рву уже не горели. Я смотрела вниз, на кости, обугленные брёвна, мечи и щиты, упавшие в огонь и искривлённые жаром.

Что мне было делать? От моего брата почти ничего не осталось, чтобы похоронить. Дорога к барже, в человеческий мир, была теперь открыта, и ничто не мешало ни мне, ни другим покинуть Авалон. Но что ждало меня там? Маленькая жизнь, полная болезненных воспоминаний о том, как меня оставляли, как я чувствовала себя ненужной. Работа, в которой я оказалась случайно, гильдия, которая никогда меня не принимала, отсутствие друзей, отсутствие дома — того, что должен был быть общим. Полного вещей, которые Кабеллу уже никогда не понадобятся.

Что остаётся в конце всего?

В сгущающихся сумерках послышался тихий плач, и где-то внизу замерцал свет. С окаменевшими мышцами я оторвалась от стены и посмотрела во двор.

Олуэн укладывала тела рядом друг с другом, осторожно расправляя даже самые изуродованные. Она пыталась очистить их лица, руки, ноги, но когда дошла до Бетрис, её начало трясти. Она прижала лицо к окровавленному переднику, чтобы заглушить рыдания.

Вот это.

Это слово прозвучало внутри меня, как будто кто-то прошептал его прямо в ухо.

Вот это. Это — то, что осталось.

Они.

Я пошла вдоль стены, остановившись у тела мужчины, обвисшего над сломанным луком. Обняв его за плечи, я с трудом понесла его вниз по лестнице и уложила рядом с остальными. Олуэн подняла на меня взгляд, но я уже снова поднималась — ещё так много мёртвых ждали.

Мы работали в молчании. Движение, сосредоточенность — всё это успокаивало мысли. В какой-то момент к нам присоединилась Нив. Она омывала тела и готовила их, пока мы с Олуэн приносили новых. Нив, когда-то очарованная смертью, теперь не хранила и следа света в глазах — лишь тихую скорбь и тишину.

Затем пришла Кайтриона, вынеся из башни хрупкое тело Мари. Она уложила её рядом с сёстрами, лицо её было застывшим, как маска, сдерживая боль.

Последней она вынесла Блошку. Но, дойдя до нас, застыла. Её руки сжались вокруг девочки, лицо напряглось под бинтами.

— Кейт… — мягко сказала Олуэн, протягивая руки.

— Нет, — грубо ответила та, прижимая Блошку к груди.

— Её уже нет, сердце моё, — прошептала Олуэн. — Уже ничего не изменить.

— Нет… — закрыв глаза, прошептала Кайтриона, умоляя.

Нив поднялась и подошла к Кайтрионе, мягко положив ладонь ей на спину и осторожно направив вперёд. Я вытерла грязь и пот с лица рукавом куртки, едва в силах смотреть, как тело маленькой девочки укладывают рядом с остальными.

Блошка выглядела почти спокойно — и от этого становилось только хуже. Потому что я знала: её последние минуты были всем, только не покоем.

Я присела рядом, коснулась её руки, внимательно изучая, как делала со всеми остальными. Я не хотела забыть ни одной её детали. Её тонкие кости. Голубые прожилки на веках. Белые, почти прозрачные пряди волос, заправленные под вязаную шапочку.

Я взяла её левую руку и аккуратно вытерла свежей тряпкой. Олуэн взяла правую, вложив в неё пучок сухих трав и цветов — как и всем другим. Кайтриона осталась чуть в стороне, по её щекам струились слёзы. Нив не отходила от неё, ободряюще обвив руку вокруг её локтя и бросив мне беспомощный взгляд.

Осторожно, очень осторожно, я положила руку Блошки на живот. Но, когда отдёрнула пальцы, мои ногти задели что-то, спрятанное в поясе её брюк. Нахмурившись, я приподняла запёкшуюся от крови ткань.

— Что это? — прошептала Нив, склоняясь через моё плечо.

Остальные приблизились, и я подняла плоский, размером с ладонь, камень к ближайшему сгустку туманного света.

Нет. Это был не камень, а кость. А узоры на ней…

Олуэн вскочила и исчезла в своей мастерской. Через пару минут она вернулась с корзиной, в которой хранился сосуд Верховной Жрицы Вивиан. Перевернув скульптуру, я приложила осколок к отверстию, подбирая угол, пока он не встал точно на место.

— Где она это нашла? — с трудом выдохнула Кайтриона.

— Или у кого украла, — сказала я хрипло.

— Мы каждую ночь проверяли, не стащила ли она чего, — добавила Олуэн, опуская руки на маленькие ладони Блошки. — Должно быть, она нашла его, пока нас не было.

— Его можно восстановить? — спросила я. — Если кто-то намеренно разбил сосуд, я хочу знать, какие воспоминания он хотел скрыть.

Олуэн покачала головой:

— Не осталось никого в живых, кто смог бы починить его и соединить магически.

Мысль скользнула в моей голове, тихая, змеящаяся, с предвкушением:

— Не в этом мире. Но что, если кто-то есть в мире смертных?

Косторез веками изготавливал ключи к скелетным замкам и мог достать что угодно — даже яд василиска. Если он не сможет восстановить сосуд сам, возможно, он знает, кто сможет.

Я аккуратно положила костяной осколок в корзину и накрыла его тканью. Он отправится с нами в путь.

Кайтриона провела пальцами по холодной щеке Блошки.

— Что нам делать? — спустя некоторое время спросила Нив. — Похоронить их?

Кайтриона покачала головой:

— Мы не можем. Мы должны сжечь их, как и других.

— Но проклятие… — начала Олуэн.

— Мы не знаем, осталось ли оно, — перебила Кайтриона. — Лучше пусть их души отправятся в смерть навсегда, чем есть риск, что они станут теми, кто их убил.

— Мы с Тэмсин можем это сделать, — сказала Нив.

— Нет, — возразила Кайтриона. — Почитание мёртвых — одна из самых священных обязанностей жрицы Авалона. Это должно стать нашим последним деянием.

— Ты всё ещё жрица Авалона, — сказала я ей.

— Я жрица ничего, — ответила Кайтриона, поднимаясь. — И ничем иным я уже не стану.

***

Мы уложили тела на поле во дворе — там, где могли бы вырасти посевы, если бы у нас было на это время. Кайтриона запела, вызывая огонь, её голос был хриплым, словно пропитан пеплом. Но когда Олуэн взяла её за руку и начала напевать низкий, протяжный мотив, Кайтриона резко отдёрнулась.

Искры закружились над телами, вырастая в маленькие языки пламени, подпитанные соломой и обломками мебели, сложенными нами как растопку.

— Я не стану молиться богине, которая допустила такое, — сказала Кайтриона.

Олуэн словно хотела к ней прикоснуться, но, в конце концов, лишь склонила голову и запела молитву одна.

— К тебе, Мать, мы отправляем тех, кто был любим сердцем…

Её песня растворилась в шипении огня, который вспыхнул и разросся, поднимаясь всё выше, обволакивая обломки, сено, тела — окутывая их, пусть на краткое мгновение, чистым светом.

Четверо из нас стояли плечом к плечу, глядя, как дым становится серебристым на фоне тьмы и исчезает в нависающем тумане. Краем глаза я увидела, как Кайтриона сделала шаг вперёд — словно собиралась взойти на погребальный костёр.

— Если бы мы должны были умереть… — выдохнула она. — Если бы нам было суждено умереть, мы должны были умереть вместе. Эта боль… Я не вынесу мысли, что никогда больше не встречу их.

Воздух дрожал от жара. Сквозь пламя и дым, на другой стороне, стояло бледное существо, смотревшее на нас. Его рог поблёскивал, когда оно склонило голову. Я вытерла пепел с лица, моргнула, не веря глазам — и увидела только огонь.

Олуэн обвила руку вокруг локтя Кайтрионы — то ли чтобы утешить, то ли чтобы не дать ей шагнуть вперёд, я не знала. Нив посмотрела на меня, и в её взгляде открыто читалось разбитое сердце.

Они.

Я не смогла спасти Кабелла. Ни одного из них. Но я могла помочь тем, кто остался. Могла заботиться.

— Выберите меня.

Слова вышли хриплыми, рождёнными из самой глубины той части, которую я годами пыталась заглушить. Изнутри той, что была отдана. Брошена снова и снова.

— Выберите меня, — повторила я, голос дрожал. Остальные обернулись ко мне. — Выберите меня, потому что я выбираю вас.

— Тэмсин… — прошептала Нив.

— Я не смогу быть для вас тем, кем были они, я знаю. И я никогда не была хорошим человеком, — сказала я, чувствуя, как пламя раздувается позади. — Но я стараюсь. И знаю, что бы ни случилось — я выдержу. Я выживу. Если мы будем вместе. Так что, пожалуйста, выберите меня… просто…

Я шагнула назад и прижала ладони к лицу, но кто-то мягко отнял их — Кайтриона. Её ладони были шершавыми и мозолистыми, когда она сжала мои.

— Я выбрала тебя в тот момент, когда узнала, что ты отправилась за афамом, — сказала она. — То, что ты рискнула собой ради нас всех, было проявлением мужества и надежды. Пока я жива, я буду твоей подругой. И пусть ничто не разорвёт эту клятву, что мы даём здесь.

Олуэн и Нив встали с двух сторон. Руки Олуэн обвили нас мягко, тепло, и Нив сомкнула свои ладони на наших. Что-то во мне оттаяло, ослабив хватку на сердце. Будто лёгкие, сердце, всё тело наполнились чем-то большим — как будто это обещание действительно было запечатано магией.

— Если мы будем вместе, мы выживем, — сказала Олуэн сквозь слёзы. — Но нам нужно решить, что делать дальше.

— Вы пойдёте с нами в мир смертных? — спросила Нив, глядя на них. — Вы сможете открыть путь. Мы пересечём его вместе.

Я удивилась, когда Кайтриона просто сказала:

— Да. Думаю… думаю, теперь у нас нет иного выбора.

— А как же ритуал? — спросила я.

— А что с ним? — откликнулась Олуэн.

По их лицам я поняла, что шок явно отразился на моём лице.

— После всего… разве не стоит хотя бы попытаться?

— Девятка не полна. И уже никогда не будет, — сказала Кайтриона.

Я крепче сжала её руки, не позволяя ей отстраниться:

— Всё просто. Мне кажется, вы не совсем верно истолковали текст. Нигде не сказано, что обряд могут совершить только девять жриц.

— «Сомкните руки с Сёстрами и вновь станьте едины в сердце и силе», — процитировал Нив. Её взгляд стал задумчивым. — Вы лучше нас знаете, но я понимаю, к чему ведёт Тэмсин. Возможно, требуется лишь единство намерений.

— «Вновь станьте едины в сердце и силе», — повторила я. — Это звучит как поэтический оборот, не более.

Кайтриона по-прежнему качала головой, в её чертах читалась внутренняя борьба.

— Это хотя бы восстановит землю, — сказала Олуэн. — И очистит туманы.

— Богиня уже покинула нас, — прошептала Кайтриона. — Она покинула Авалон.

— Я в это не верю, — сказала Олуэн. — Иначе как бы здесь оказалась Нив? Как бы Тэмсин? Их привели к нам не случайно. Я должна верить, что именно ради этого.

Борьба всё ещё отражалась на лице Кайтрионы, но я чувствовала: она готова изменить мнение.

— Пожалуйста… — умоляла Олуэн. — Они не могли умереть напрасно.

И, наконец, в свете погребального костра Кайтриона развернулась к башне и повела нас в Большой зал в молчаливом шествии.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 47

Пока Олуэн и Кайтриона готовили алтарь в Большом зале, очищая его благовониями и маслами, мы с Нив поднялись наверх, чтобы переодеться в чистую одежду и собрать свои вещи. Небо на востоке начинало светлеть, и всё, о чём я могла думать, — это то, что оно точно такого же цвета, как дым, всё ещё поднимающийся от погребального костра. Запах горящих тел выворачивал желудок, но в нём уже ничего не осталось.

Нив в последний раз закрыла за нами дверь и наблюдала, как я направляюсь к комнате, которую делили Кабелл и Эмрис.

Я остановилась, чувствуя, как внутри поднимаются слова. История, которая, наконец, хотела быть рассказанной.

— Ты была права, — сказала я. — У меня действительно есть отметина смерти.

— Тэмсин… — тихо прошептала она.

— Кабелл и Нэш оставили меня одну в лагере. Они отправились на поиски кинжала Артура в хранилище другой волшебницы, а я им была не нужна. — Я с трудом сглотнула комок в горле. — А потом я услышала её… Услышала голос на ветру. Мне показалось, что она зовёт меня. Это была Белая Дама.

Женщина, убитая своим любовником и оставленная сторожить его сокровище, пока не убьёт кого-то ещё, чтобы занять её место.

— Я была просто глупым ребёнком, — прошептала я. — Злой и обиженной, что меня бросили. Хотя я знала, что так нельзя, хотя Нэш рассказывал нам кучу историй о призраках, всё, о чём я могла думать, — *Она зовёт меня. Меня.* Я знаю, это прозвучит абсурдно, но… часть меня даже надеялась, что это моя мать. Что она, наконец, пришла за мной.

Мы стояли тогда одни, на открытом, припорошённом снегом поле, и когда она протянула руку, чтобы коснуться кожи у меня на груди, чтобы заморозить моё сердце, я всё ещё гадала — а вдруг то выражение на её лице было любовью?

Нив обняла меня сзади, прижалась щекой к моему плечу. Вместо того чтобы оттолкнуть, я обмякла, уткнулась в неё.

Когда она отпустила меня, то подождала, пока я обернусь, и тихо сказала:

— Я поднимусь в библиотеку. Хочу напоследок всё осмотреть.

Я кивнула:

— Я подойду через минуту.

Я дождалась, пока её шаги затихли на лестнице, прежде чем снова повернуться к двери и толкнуть её.

Соседняя комната была точной копией нашей. Холод пробирался куда глубже теперь, когда здесь больше никто не жил. Кроме сумки Кабелла, оставленной на краю кровати, ничего не говорило о том, что кто-то спал здесь.

Во мне поднялась свежая горечь. Эмрис не мог знать, что мы найдём кольцо, но сам факт того, что он не оставил здесь ни следа… заставлял меня задуматься.

Мне всё равно, подумала я, прижимая сумку Кабелла к груди. *Мне всё равно.*

Я сунула руку в карман куртки, сжала в кулаке гладкий деревянный обломок. Я сжимала его до тех пор, пока края не начали впиваться в кожу, пока острая боль не заглушила накатывающее чувство.

А потом, глубоко вздохнув, я подошла к кровати, положила вырезанную из дерева птичку на подушку — и ушла.

***

Я нашла Нив не среди дубовых полок библиотеки, как ожидала, а в самом её конце — она задумчиво рассматривала гобелены, закрывавшие окна. На одном из них был изображён человек, увитый ветвями, с поднятым мечом, противостоящий рыцарю в остролисте на другом.

Нив обернулась, когда я подошла.

Я коснулась вышитой фигуры, покрытой дубовыми листьями:

— Ты знаешь эту легенду? Король Остролиста и Король Дуба?

— Нет, — покачала головой она. — Но могу предположить — это что-то о смене времён года?

— В целом, да, — кивнула я. — Это персонификации зимы и лета, тёмной и светлой половины Колеса Года. Они сражаются друг с другом вновь и вновь, их сила то возрастает, то угасает, когда приходит их время. В некоторых версиях говорится, что Король Остролиста — это Владыка Смерти, и что они сражаются из-за женщины, которую оба любят… или даже из-за самой Богини.

Это было неожиданно — увидеть их здесь, но, учитывая размеры библиотеки и разнообразие хранящихся в ней манускриптов, неудивительно, что авалонцы собирали легенды со всего света.

— Нам пора спускаться? — спросила Нив, с трудом поднимая свою набитую сумку. Заклинание увеличивало её вместимость, но никак не облегчало вес.

— Да, — сказала я и, поддавшись внезапному порыву, коснулась её руки. — Спасибо, что была моей подругой… даже когда я этого не заслуживала.

— Ты, правда, не облегчала задачу, — усмехнулась она. — Но всё хорошее в жизни даётся нелегко.

Из лестничного пролёта донеслись шаги. Я повернулась, ожидая увидеть Олуэн или Кайтриону — но никого не было.

Я нахмурилась и подошла ближе, заглянув вниз. Пусто. Мы с Нив переглянулись, спустились на этаж ниже и принялись изучать тёмный коридор.

Там что-то двигалось.

— О, — прошептала я, приседая. — Иди сюда, шалун.

Из теней выскочил дрожащий серый котёнок, его шерсть была в пятнах крови. Он буквально прыгнул мне в руки, вцепившись когтями в куртку и пытаясь обвиться вокруг шеи.

— Это кот Мари, — объяснила я Нив. Его хвост щекотал мне лицо и неожиданно напомнил о доме.

Нив протянула руку, провела по мягкой головке:

— Где же ты прятался, маленький Грифлет?

И что ты видел? — подумала я.

— Хочешь жить в библиотеке? — спросила я котёнка, когда мы с Нив направились в Большой зал. — В окружении таких же милых и коварных друзей?

Олуэн вышла нам навстречу на лестнице.

— Я как раз шла вас искать.

Я откинула волосы с лица, чтобы она могла увидеть котёнка. Её лицо стало акварелью эмоций — ни одна не задержалась надолго.

— О, Благословенная Мать…

Осторожно она освободила коготки Грифлета от моей куртки и прижала его к себе. Он довольно замурлыкал.

— Вы готовы? — спросила Нив.

— Да, — ответила Олуэн, почесав Грифлета за ухом. — Ритуал нужно провести на рассвете, у нас нет ни минуты лишней.

В Большом зале всё ещё ощущался запах крови, и тёмные пятна на полу были видны, несмотря на наши попытки их отмыть. Над алтарём возвышалась статуя Богини, её белоснежное каменное тело было в кровавых брызгах. В центре груди всё ещё горела свеча.

Кайтриона стояла к нам спиной, глядя на предметы, разложенные перед ней: атам, жезл, чаша, миска с землёй и кувшин, наполненный светящейся родниковой водой. Когда Грифлет жалобно мяукнул, она обернулась, глаза её расширились.

— Как? — прошептала она.

— Тэмсин и Нив нашли его наверху, — объяснила Олуэн. Она прижала мягкую мордочку котёнка к щеке, а затем уложила его в корзину с сосудом Вивиан. Грифлет уютно свернулся на пледе, укрывающем его.

Мы с Нив поставили свои сумки рядом и приняли из рук Олуэн тонкие венки, сплетённые из зелени и лозы.

— У меня нет магии, — сказала я, вдруг осознав это.

— Поверь мне, — только и ответила Олуэн.

Кайтриона жестом пригласила нас подойти ближе к алтарю. Когда я замешкалась, Олуэн мягко подтолкнула меня вперёд, поставив между собой и Кайтрионой. Я застыла на месте, пульс с гулом отдавался в висках, пока я смотрела вниз, на глянцево-чёрную поверхность алтаря. Вкрапления золота и серебра в полированном камне напоминали звёзды в ночном небе.

Клинок атама поблёскивал. Чаша была серебряной, простой по форме, но украшенной сверкающими сапфирами и изумрудами по краю. Но именно жезл привлёк моё внимание. Он был длиннее моей руки, длиннее даже, чем у Нив, и походил на прямую ветвь, завершённую серебряным наконечником.

Пока Олуэн облачалась в церемониальные одежды, Кайтриона этого не сделала. Она наклонилась и подняла массивный том, лежавший у её ног.

Я с трудом втянула воздух, когда она пролистала страницы, мельком открывая залитые красками иллюстрации. Нив переступила с ноги на ногу, прочистила горло. Я краем глаза увидела, как она принимает решение — она отложила жезл к нашим сумкам, освобождая руки, чтобы позволить магии течь естественно.

— Да будет хвала Тебе, Мать всего сущего, сердце мира... — голос Кайтрионы дрогнул, но вновь окреп, переходя в пение. Слова были торжественными и пронизанными яростью. — Земля Твоего тела.

— Земля Твоего тела, — повторила Олуэн, облизывая пересохшие губы, пока Кайтриона добавляла горсть земли в чашу.

— Вода Твоей крови.

Олуэн вновь отозвалась, вливая родниковую воду в чашу.

— Дыхание Твоей дочери.

Олуэн наклонилась и вдохнула в чашу.

Жёлтый туман подкатил к ступеням, будто вызванный их пением. Он начал растекаться по Большому залу, как корни по тёмной почве, ощупывая пространство, стремясь к нам.

Кайтриона зажгла другую свечу от пламени у статуи.

— Огонь Твоей души.

— Огонь Твоей души, — откликнулась Олуэн. А затем, вместе они сказали:

— Мы призываем Твою силу.

Кайтриона закрыла книгу и взяла атам, продолжая петь, пока надрезала ладонь и сжимала кулак над чашей, позволяя крови стекать в её пасть.

— Да познает умершее Твой свет и возродится вновь.

Олуэн взяла ритуальный кинжал, порезала ладонь быстро и аккуратно, добавила свою кровь. У наших ног сгущался туман.

— Да познает умершее Твой свет и возродится вновь.

Следующей была Нив. Она повторила слова:

— Да познает умершее Твой свет и возродится вновь.

И вот настала моя очередь. Я почувствовала их взгляды, когда подвела острый кончик клинка к ладони. Рука заныла в предвкушении боли, и перед глазами вспыхнул образ Верховной Жрицы. Я заставила себя открыть глаза. Сделала глубокий вдох и провела лезвием. Оно было настолько острым, что кожа только слегка жгла.

— Да познает умершее Твой свет и возродится вновь. Я добавила свою кровь в чашу. Влажный туман уже касался моих ног, поднимался к бёдрам. В центре груди защекотало, и искры побежали по телу, как фейерверки, которые Нэш покупал Кабеллу и мне на Новый год.

— Избавь Своё сердце от тьмы, как избавила нас. Мы призываем Тебя, Мать, быть возрождённой, — закончила Кайтриона и подняла жезл, закрыв глаза.

Туман последовал за ним, словно паутина, зацепившаяся за серебряный наконечник, поблёскивая в свете свечи у статуи. Она удерживала его на весу, молча, неподвижно.

Пока её рука не начала дрожать.

Пока Олуэн не закрыла глаза, сломленная.

Я не знала, что именно должно было произойти, но было до боли ясно: ничего не случилось. Ритуал не сработал.

Кайтриона опустила жезл на алтарь, выглядя так, будто ей больше всего на свете хотелось бы разбить его в щепки об камень.

— Я же говорила, — сказала она с презрением. — Богиня не даст нам своей силы. Её сердце отвернулось от Авалона — если оно вообще у неё когда-то было.

Она отвернулась и направилась к собранным нами вещам, остановившись рядом с сумками. На лице её застыло выражение ожидания, но оно едва скрывало то, как близко она была к слезам. Я шагнула к ней, кровь капала с моей ладони на алтарь и пол.

— Подожди.

Голос Нив пронзил меня, остановив на месте. Она смотрела на чашу, заворожённая тем, что увидела внутри.

В её чреве закружилась тёмная жидкость. Из центра поднимались нити тумана, всё гуще, всё выше, сплетаясь в воздухе и вьясь между нами. Кайтриона медленно вернулась к алтарю, растерянная, не веря своим глазам, даже когда жидкость из чаши вырвалась наружу, расползаясь с яростью, окрашивая туман.

— Что происходит?! — закричала я.

Туман стал ураганом, давлением и ветром, всё нарастая, пока не потянул за волосы и одежду. Инстинктивно я схватила Нив за руку. Она — за руку Олуэн, та — Кайтриону, и, наконец, Кайтриона сомкнула пальцы с моей свободной рукой. Мы образовали замкнутый круг вокруг алтаря.

Земля задрожала, заколыхались люстры и сдвинулись столы. Я изо всех сил держалась за остальных, сопротивляясь вихрю. Столб тьмы и тумана поднялся, нависая над нами, распространился по залу, срывая знамёна, опрокидывая скамьи.

Ветер за пределами башни нёс голос, отчаянно стремящийся пробиться внутрь. Я закрыла глаза, пытаясь расслышать слова.

Это была песня. Голос — мягкий, чистый, нежный, как материнская колыбельная. Он становился всё сильнее, всё прекраснее, резко контрастируя со штормом. Это был голос тёплого солнечного света, прохладной воды из родника, росы на лепестках и дыхания леса. Он был снаружи — и внутри меня. Он звал.

Пой.

Остальные подхватили призрачную мелодию, сперва запинаясь на незнакомых словах, пытаясь уловить пульсирующую в крови красоту мелодии. Это было опьяняюще, неотразимо — даже если бы у меня была воля сопротивляться. Чужие слова, не переводимые, но полные чувства, как вкус мёда на языке.

Туман и ветер вспухали с нашей песней, и мир вибрировал вместе с ней. За всю свою жизнь я никогда не ощущала подобной силы — магии, настоящей и чистой. Она пронизывала меня молнией, зажигая каждое чувство, пока я не стала ею.

Вот каково это — быть в ладони божества. Призвать его силу и впустить её в мир. Переродиться вместе с ней.

Ритуал работал. Я уже кричала песню, стремясь перекричать ветер и давление, скапливавшиеся вокруг. Слёзы катились по щекам, и я была переполнена всем, что чувствовала. Радостью, болью, освобождением.

Я заставила себя открыть глаза, пытаясь впитать всё, чтобы сохранить в памяти до последнего дыхания. Сквозь дикий, расширяющийся мрак вспыхивали белые ленты света. Сила поднимала нас с земли, и я вдруг оказалась на носочках — потом полностью в воздухе.

Сквозь бушующий ветер проявлялись лица — светящиеся, переливчатые. Их черты становились всё яснее, чем дольше я смотрела, не в силах отвести взгляд, даже когда туман хлестал по глазам. Лоури. Арианвен. Рона. Серен. Мари. Бетрис.

Фли.

Сердце моё вот-вот должно было разорваться при виде этих призраков. Я сжала руки Нив и Кейтрионы, пытаясь заставить их посмотреть, горло разрывало от усилий. Но призрачные глаза были прикованы ко мне; их губы шевелились, но голос не мог пробиться сквозь песню и грохот ветра. Они пели с нами. Соединяли свою силу с нашей.

Нет. Радость испарилась так же внезапно, как появилась. На их лицах не было любви — только ужас. Все они кричали. Выкрикивали одно и то же слово.

Я заставила себя замолчать, резко дёрнула Кайтриону и Нив, но было слишком поздно.

С раскатом пронзительного грома остров взорвался под нашими ногами.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 48

Воздух наполнился странным светом.

Серебристый и неуловимый, он проник сквозь завесу пыли и тумана, ложась на меня прохладными пальцами. Я уставилась на землю, на кровь и грязь, засохшие на рукаве моего пиджака, не понимая, что происходит. Звон в ушах был резким, пронзительным. Я попыталась приподняться — и не смогла.

Моя рука оказалась зажата под грудой обломков. Застонав от боли, я вывернулась, вытянула её, сдвинув с места крупный кусок. Белая мраморная плита покатилась вниз и замерла рядом со мной.

Я повернула голову — и обнаружила напротив бледное, белое лицо. Его спокойное выражение не сочеталось с брызгами крови, стекшими по щеке. Неподалёку на земле догорала маленькая свеча, пламя её дрожало, пока, наконец, лёгкий ветерок не задул его.

Когда туман и пыль поднялись и унеслись прочь с ветром, я поняла, откуда лился свет.

Луна.

Полная, прекрасная, венчанная звёздами, она сияла над головой, как россыпь драгоценных камней на бархате ночного неба. Я смотрела на неё, ошеломлённая, с такой же разбитой душой, как и телом, пока не вспомнила.

Ритуал.

Я была в большом зале, но над головой не было ни потолка, ни ветвей Матери-древа. Только небо. Материнское дерево и верхние уровни башни исчезли — будто неведомая великая сила просто вырвала их прочь.

Ужас накрыл меня с головой, в горле встал вкус желчи и крови. Я проигнорировала вспышки боли в спине и шее, изо всех сил поворачиваясь, чтобы отыскать взглядом Нив, Олуэн и Кайтриону.

— Эй?.. — выдавила я хрипло. Меловая пыль покрывала язык и горло, заглушая голос. — Здесь кто-нибудь есть?

Мир закружился, когда я встала на четвереньки рядом с разбитой статуей Богини.

Стены большого зала напоминали челюсть со сломанными зубами, грохот их обломков эхом отдавался в грудной клетке. Один из длинных столов ещё стоял, но его вторая половина была смята под тяжёлой аркой, обрушившейся с потолка. Я карабкалась по щебню и камням, хватая ртом воздух, стараясь звать остальных.

Они падали, словно лепестки, там, где стояли. Одна из плит потолка рухнула прямо на алтарь, но камень — возможно, сам алтарь — удержал удар и не дал обломкам раздавить моих друзей.

Пошатываясь, я добралась до первой — Олуэн. Перевернула её на спину, прижала ухо к груди, чтобы услышать сердцебиение. Она застонала, медленно шевельнувшись. Кожа и тёмно-синие волосы были покрыты толстым слоем сажи и пыли.

— Там... син? — прошептала она.

— Всё в порядке, — выдохнула я сквозь комок в горле. — Не двигайся. Я проверю Нив и Кейт, ладно?

Нив была без сознания, но Кайтриона уже начинала приходить в себя. Клуб пыли взметнулся из её волос, когда она встряхнула головой. Её глаза бешено моргали, пытаясь сфокусироваться на мне. Она приложила дрожащую руку к разбитой губе и открыла рот, собираясь что-то сказать, но опередил её чужой голос.

— ...сказал, что с ней ничего не случится!

Я резко обернулась на источник звука, со стороны разрушенного входа в зал. Сердце с грохотом ударилось о рёбра.

Не может быть.

Ответил другой, более низкий голос:

— Я сказал, что она не умрёт. И она жива.

Сквозь завесу тумана проступили силуэты. Лица были в тени. Я вновь поднялась на дрожащие ноги и двинулась вперёд, пробираясь сквозь завалы. Перед глазами плыли тёмные пятна, но я не остановилась. Нужно было убедиться, что это не сон. Что я не умерла.

Мгла расступилась — и я вскрикнула. Радость боролась с растерянностью в груди, сжигая её изнутри: Кабелл стоял передо мной.

Живой.

Он был в незнакомой одежде. На предплечье — повязка, но в остальном он выглядел целым и чистым. Волосы были аккуратно убраны назад. Его глаза чуть расширились, когда он увидел меня.

— Как… как это возможно?.. — прохрипела я, шатаясь к нему.

Но Кабелл отступил, и выражение его лица стало жёстким. Я застыла напротив него, и эйфория, только что захлестнувшая меня, превратилась в тревогу.

Второй силуэт подошёл ближе, оглядывая меня с равнодушием. Он сбрил бороду и — у меня перехватило дыхание — на обеих его руках была кожа. Две живые, плотные руки, не скрытые железом. Он скрестил их на груди.

Но каким-то образом… это был Бедивер.

Они оба были живы.

Я обернулась к брату, чувствуя, как подступает тошнота.

— Что происходит?

Он даже не взглянул на меня — только посмотрел на Бедивера. Ждал.

— Ты… — мой разум отказывался понимать происходящее. — Ты умер. Это ритуал?.. Он вернул тебя?

Уголок челюсти Кабелла дёрнулся, но он продолжал смотреть в сторону.

— Посмотри на меня! — выкрикнула я хрипло. — Я думала, ты мёртв! Почему ты притворился? Зачем?.. Разве только…

Меня вывернуло изнутри. Я почти согнулась пополам.

— Ты имел отношение к нападению? — прошептала я. Почти умоляюще. По тому, как он дёрнулся, я поняла — он услышал. — Как ты остался жив? Как?..

Бедивер выглядел до отвращения скучающим. Ветер рвал полы его плаща, шипя и завывая между нами.

— Сэр Бедивер… — начала я.

— Я не Бедивер, — перебил он. Голос его был, как мороз — жестокий, неумолимый. — Ему досталась честь умереть первым от моей руки. Я забрал тело короля. Как и положено.

— Ты… — у меня перехватило горло, — ты… Артур?

Он улыбнулся, оскалив зубы.

— Почти. Мне был нужен облик, и его плоть подошла как нельзя лучше.

Ответ пронзил меня, осел гарью на языке.

Я отступила на шаг.

Он сделал шаг вперёд. Я снова отпрянула, и ненавидела себя за это. Ледяной холод струился от него, будто сам воздух вокруг превращался в иглы. Из тумана и

теней на его голову возник рогатый венец — тот самый, что я видела на статуе под башней. Он просто появился, будто всегда был там, незримый, но неизбежный.

— Назови моё имя, — сказал он, и голос его был холоден, как лезвие ножа.

Во мне отозвались слова Мерлина: *Я один из трёх… Тот, кто умер, но может жить… Тот, кто жив, но жаждет смерти… И тот, кто остался, ожидая…*

Король Артур. Мерлин. И…

Тот, кто остался.

Ответ дал Кабелл:

— Владыка Смерти.

Он оскалился шире:

— И как же я оказался здесь, если пути между мирами были запечатаны?

Ответ сплетался у меня в голове, медленно, как нить:

— Друиды…

— Нет, — отрезал он. — Сыграем в игру, дитя? За каждый правильный ответ ты получишь ещё одну часть истории. Ошибёшься — я заберу остальные. Хочешь попробовать снова?

Сердце с грохотом колотилось о рёбра.

— Жрицы, — услышала я свой голос. — Моргана и остальные привели тебя в Авалон.

— Верно, — сказал он, и в его словах слышалась язвительная снисходительность. — В мире смертных я дал друидам знание, как обращаться к магии Аннуина — великой силе смерти. Я подумал, что женщины, наконец, готовы отказаться от своей жалкой Богини ради той же силы. Что они хотят служить мне.

— Никогда, — сказала я с яростью.

Владыка Смерти склонил голову с тёмным весельем:

— Увы, да. Они предложили сделку: если я лишу друидов доступа к магии Аннуина, то они отдадут мне нечто, чего не смог бы дать никто другой.

Вот как Моргана и остальные смогли убить друидов — не используя магию смерти сами, а позволив Владыке Смерти отрезать их от неё.

— Ты предал своих же преданных последователей? — Это выходило за пределы капризов даже самых жестоких богов. — Что тебе могло понадобиться настолько?

— Я задаю вопросы, не ты, — произнёс Владыка Смерти, и его глаза впились в меня. В них не было ни искры жизни. — Когда настало время получить обещанное, эти предательские змеи попытались уничтожить меня. Скажи мне, дитя, что происходит, когда сжигают плоть, в которую воплотился бог, и разбивают его суть на осколки? Умирает ли он?

— Нет, — прошептала я, чувствуя, как поднимается волна ужаса. — Ты был здесь всё это время. Ты никогда не покидал остров.

Смертельное семя, дожидавшееся, когда прорастёт.

— Понадобились столетия, чтобы собрать по кусочкам мою растерзанную душу. Столетия ужасной слабости, когда я мог существовать только как тень, наблюдающая из лесной тьмы, — голос Владыки был натянут, как лезвие. Он коснулся своего венца. — Со временем я вновь обрёл силу, и магия вернулась ко мне. Я перестроил остров по своему образу и создал Детей, чтобы они охотились на тех, кто предал меня. Представь моё разочарование, когда выяснилось, что предатели либо мертвы, либо скрылись в ином мире.

Моё сердце яростно колотилось. Я посмотрела на Кабелла, пытаясь вдохнуть, но не смогла. Его взгляд был полон страсти — невыносимо.

— Нас привели сюда не просто так, Тэмсин, — сказал он с жаром, будто умоляя меня поверить. — Ритуал сработал бы только при участии волшебницы. Сестёр, соединённых общей целью. Верховная Жрица Вивиан знала это, но не верила, что ритуал когда-либо будет проведён.

Что-то во мне дрогнуло.

— Почему?

— Девятка ошибалась, — сказал Кабелл. — Все они ошибались. Не было никакого защитного заклинания, не пускавшего волшебниц в Авалон.

— О чём ты говоришь? — спросила я, снова пытаясь дотянуться до него. — Ты несёшь чепуху…

— Это волшебницы закрыли вход в Авалон из нашего мира, не наоборот, — сказал Кабелл. — Они не хотели, чтобы Владыка Смерти пришёл за ними. Он должен был изменить сам остров. Он не мог призвать Дикий Охот сюда — этому препятствовали древние защиты. Но он знал, что однажды придёт волшебница, и понял, что ритуал — его единственный путь обойти их заклинания. И теперь он может по-настоящему наказать их.

— Бедное дитя, — сказал мне Владыка Смерти, щёлкнув языком с притворным сочувствием. — При всей своей сообразительности ты всё ещё не понимаешь. Не видишь, как ты помогла мне.

— Я не… — хрипло прошептала я. — Я…

Но я знала. Знала.

— Да, — сказал Владыка Смерти, словно живое воплощение презрительного торжества. — Афамэ. Верховная Жрица подозревала меня и мои намерения. Она спрятала афамэ там, куда я не мог войти, чтобы ритуал никогда не был проведён.

То, как клинок стал частью её самой — даже после смерти. Как будто сама Вивиан удерживала его при себе, чтобы защитить. Воля, превратившаяся в призрачную охрану.

— Я не мог пересечь защитное заклятие кургана, и не мог отправить кого-то из Девяти, не вызвав подозрений. Я оказался в тупике, пока юный Кабелл не предложил блестящую мысль — отправить тебя, — продолжил Владыка. — Я был рад отплатить ему за услугу своей: я обеспечил, чтобы ты выжила и дожила до ритуала… и получила тот же шанс, что и он — занять место рядом со мной.

Я вновь повернулась к брату, и чувство было такое, словно я снова оказалась в озере. Будто тону в ледяной воде. Тьма сомкнулась надо мной, поглотила последний проблеск света.

— Кабелл… Посмотри на меня. Посмотри, — прошептала я.

Но он не смотрел.

— Все эти люди погибли… Ты просто стоял и смотрел? — голос у меня дрожал, срывался. — Пожалуйста… Я не знаю, что он тебе сказал, но…

— Он показал мне, кто я, — произнёс Кабелл. — После всех этих лет я, наконец, понял, кто я есть. Он может помочь и тебе найти свой путь, Тэмсин. Всё, что тебе нужно сделать теперь, — пойти с нами.

Я смотрела на его протянутую руку, и внутри всё переворачивалось. От ужаса, от боли за всех погибших. За ту роль, которую он заставил меня сыграть.

— Нет.

Его лицо исказилось от боли. Он отдёрнул руку, а глаза — эти чёрные, непроницаемые глаза — пронзили меня до самого сердца.

— Годами я внушал себе, что со мной что-то не так. Что я — проблема, которую надо исправить. Ты знаешь, каково это — чувствовать себя чудовищем рядом с тобой и Нэшем? — Его голос надломился. — Вы всегда держали меня на поводке, боялись дать мне по-настоящему контролировать свою силу. Из-за вас я сам начал бояться себя.

— Это неправда, — прошептала я, умоляя.

— Это никогда не было проклятием, — выдохнул он. — Это был дар. И я должен его использовать. Мой господин помог мне это осознать. Он поможет и тебе. Пожалуйста. Пойди с нами.

Я вгляделась в лицо древнего короля, в его глаза — но в них не осталось ничего человеческого. Владыка Смерти забрал это у Артура.

— Что ты с ним сделал? — потребовала я.

Лицо Кабелла дёрнулось, его губы скривились в боли и ярости от моего отказа.

— Я ничего не делал с твоим братом, — вмешался Владыка Смерти, — я лишь открыл ему глаза.

И тут кинжал, свистя, пролетел мимо моей головы — не в Кабелла, а в того, кто назвался Бедивером.

Владыка Смерти лениво отклонился в сторону, и лезвие вонзилось в изуродованную стену. Он цокнул языком с притворным сожалением, глядя на Кайтриону, которую едва сдерживали Нив и Олвен.

— Как ты мог?! — закричала она. — Зачем ты позволил им умереть? Мы же должны были провести ритуал — зачем?! ЗАЧЕМ?!

— Когда юная Фейн… Блоха, как вы её называли… — произнёс он это имя с таким презрением, что во мне всё вспыхнуло от ярости, — когда она нашла осколок сосуда, который я забрал, появилась угроза, что кто-то ещё узнает о моих планах раньше времени.

— Они не должны были умирать! — всхлипывала Кайтриона, её лицо искажалось от боли и ярости. — Ты не должен был забирать их!

— Дитя, в моих действиях не было ничего личного, — сказал он мягким, почти отеческим тоном, от которого у меня по спине побежали мурашки. — Этот остров всегда был лишь вратами, чтобы получить то, что Леди Моргана и её сёстры мне пообещали. Не все могут пойти за мной в мир смертных — не тогда, когда они так ценны мёртвыми. Но я выбрал тебя, чтобы ты была со мной. Ты — моя любимица, мой идеальный, верный рыцарь с пылающим, преданным сердцем.

Кабелл вздрогнул от этих слов, не отрывая взгляда от Владыки. В его глазах было невыносимое стремление.

— Скажи мне, Кайтриона, — продолжил он мягко, — способно ли твоё сердце биться ради меня? Или мне стоит забрать и твою душу?

Он провёл рукой по карману своего пальто — в том, где прятался небольшой бугорок. От него исходило серебристое свечение. Олвен всхлипнула, осознав: Владыка Смерти носил с собой души всех их любимых.

Кайтриона снова метнулась вперёд с криком, который оборвался, когда он поднял ладонь. Нив бросила на меня испуганный взгляд, не зная, что делать. Я резко покачала головой. Мы не знали, на что он способен.

— Жаль, — сказал Владыка. — Я готовил для тебя место управляющей. Обидно, что всё моё искусство оказалось напрасным.

— Я убью тебя, — прошипела Кайтриона.

— В этом я не сомневаюсь, — кивнул он с притворным уважением.

Знакомый звук — будто по стенам пробежали крысы — раздался над головой. Дети, вновь живые, взбирались по стене за его спиной. Они устроились там, наблюдая. Ждали.

— Прощайте, девы Авалона, — усмехнулся Владыка Смерти. Его длинное пальто развевалось позади. — Вы сделали свой выбор. А я ждал целую вечность, чтобы отомстить тем, кто заточил меня.

Когда он повернулся, мой брат пошёл за ним — покорно, как преданный пёс. Моё сердце разрывалось о рёбра. Это должно быть заклинание. Я могла спасти и его, могла.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Не делай этого. Не позволяй ему оттолкнуть тебя от нас. От меня.

Много лет назад наш опекун, сказочник, ушёл в бурю и исчез — став самой сказкой. А мы остались. Только мы двое. Одни в этом мире, кроме друг друга.

Нить общего прошлого натянулась, когда Кабелл обернулся через плечо. С каждым ударом сердца она стягивалась всё сильнее. Всё, что мы пережили, увидели, чем дышали, всё, кем были, соединяло нас — и ему нужно было всего лишь удержаться за эту нить. Сделать шаг ко мне — и тогда я бы боролась изо всех сил, чтобы вырвать его из лап чудовища, стоящего рядом.

Не надо.

Пожалуйста, не надо.

Прошу, не делай этого.

— Кабелл, — прошептала я. — Я люблю тебя. Пожалуйста.

На этот раз он не оглянулся.

Ветер донёс до меня его слова:

— Не умирай.

И нить оборвалась.

Я не увидела, как он уходит. Ноги словно исчезли, и я рухнула в колени, дрожа. Руки Нив легли мне на плечи, в то время как Кайтриона с криком кинулась вперёд, пытаясь догнать их, прежде чем они растворятся в извечной тьме ночи.

Дети перегородили путь, спрыгнув вниз — с клацающими челюстями и гниющими лицами. С трудом удерживая равновесие с перебитым плечом, Кайтриона выхватила искривлённый меч и с яростным воплем раскололa череп одному из них. Остальные последовали за своим господином, карабкаясь вверх по разрушенным стенам башни.

Прошла ещё секунда, прежде чем я поняла: их визг сменился совсем другим звуком. Тем, которому не место в Авалоне.

Сирены скорой помощи.

Я сорвалась с места, взобравшись на обломки стены внутреннего двора. Ногти сорваны, кожа на руках и коленях содрана до крови — я не чувствовала боли. Где-то за спиной поднимались и остальные.

Мы вместе смотрели на изгиб крутого холма, покрытого мёртвыми деревьями и туманом. Дети поднимались из-под лесной подстилки и собирались в стаю позади Артура — Владыки Смерти — и Кабелла, пока те направлялись к далёкому городу, тонущему в чёрной жиже. Вода хлынула из-под земли под нашими ногами, становясь алой, смешиваясь с кровью и грязью.

— Святая Мать… — прошептала Олвен.

Будто в ответ, облака расступились, и лунный свет пролился на мир. Разрушенные рощи, сторожевые башни, дома, где когда-то жили люди Авалона, торчали из земли, как ржавые гвозди. Строения Авалона раздавили или частично поглотили современные улицы и здания, что стояли на их пути.

Среди обломков потребовалось больше секунды, чтобы понять, где мы. Но я была здесь бесчисленное количество раз — с Нэшем и… с Кабеллом.

Мы стояли на холме Гластонбери-Тор — месте, которое издавна считалось порталом в Авалон до того, как тот откололся от мира. Холм и его одинокая башня веками стояли над землёй как добрый страж, наблюдая за окрестными лугами и городком Гластонбери.

Теперь же он стал идеальной смотровой точкой, чтобы узреть полное и абсолютное разрушение внизу.

Свет огня вспыхивал там, где раньше был город, дым поднимался вверх, скрывая звёзды. Машины скорой помощи и полиции с мерцающими синими огнями собрались на севере, у дороги. Из-за наводнения это было максимально близко, куда они могли добраться. Жужжание лопастей вертолётов приближалось с разных сторон одновременно.

— Нам надо уходить, — сказала я. — Нив, ты можешь открыть Жилу? Всё равно куда. Нам нужно забрать вещи и уйти — прямо сейчас.

— Что произошло? — спросила Кайтриона. — Что это за место?

Нив выглядела так, будто сейчас потеряет сознание. Она прижимала жезл к груди, царапина на скуле кровоточила, смешиваясь со слезами.

— Ритуал не очистил остров и не вернул ему силу, — проговорила я, и каждое слово отзывалось болью в груди. — Он вернул Авалон в мир людей.

Александра Бракен - Серебро в костях
Alexandra Bracken - Silver in the Bone
Глава 49

Я привела их туда, куда только могла — домой.

Я даже не задумывалась, что почувствую, вернувшись в квартиру. И не думала о том, сколько времени прошло с тех пор, как я была здесь в последний раз… пока не увидела рождественские украшения, весело сияющие на нашей тихой улочке, и не почувствовала в воздухе холодное обещание скорого снега.

У нас было всего мгновение, чтобы забрать свои вещи — включая Грифтлета, который, похоже, проспал столкновение миров, — прежде чем прожекторы осветили дымящийся двор башни. Времени думать не было совсем.

А теперь его было слишком много.

Олвен и Кайтриона с явным ужасом восприняли первый взгляд на наш мир. Машины, архитектура, прохожие, глазевшие на нас в нашем плачевном виде — всё было слишком ярким, слишком шумным, слишком чужим после сурового серого Авалона. Даже для меня.

— Ты уверена? — прошептала Нив, пока я ковырялась в замке нашего маленького кухонного окна. Травы в горшке встретили меня поникшим, но тёплым «привет» — куда теплее, чем ошеломлённый взгляд нашей соседки, следившей за нами с тротуара. Вся в пятнах крови и грязи, я махнула ей рукой и попыталась выдавить смущённую улыбку.

— Ключ потеряла! — крикнула я ей, и замок, наконец, поддался.

Я подтянулась, протиснулась в узкий проём, перекатившись через раковину и столешницу. Как только оказалась внутри, замерла. Знакомый запах лимона и сушёных трав защипал глаза. Кухонная мебель и техника показались чужими — слишком правильными, слишком новыми. На обеденном столе и рабочих поверхностях лежал лёгкий слой пыли, но в остальном здесь было чисто и аккуратно. Никакой грязи, которую нужно отскребать от камня. Никаких простыней, нуждающихся в стирке. Ни шёпота сказаний, ни спрятанных в тенях тайн. И никаких чудовищ.

Я смотрела, не отрывая взгляда, пытаясь привыкнуть к неестественно ярким цветам книжных корешков, к зигзагообразному ковру. Хотя здесь были только те вещи, которые я сама выбирала, пространство казалось… невыносимо пустым.

Это никогда не было домом. Лишь мечтой о нём.

Спрыгнув с кухонной стойки, я уронила пару писем и горшок с цветком на линолеум, но даже не подумала их поднимать. Вместо этого я оглядела всю нашу квартиру — место, которое мы выстроили себе в мире, который всё делал, чтобы избавиться от нас.

Острая боль пронзила грудь. Всё было не так. На самом деле — совсем не так. Это место я хотела для нас, в этом городе я нас оставила… ради себя. Я убедила Кабелла, что нам нужно остаться в Бостоне, как убедила, что мы обязаны найти способ снять его «проклятие», а не научиться жить с ним.

Это заставило меня бояться самой себя.

Я отперла входную дверь, и едва заметила, как остальные вошли, оглядываясь с осторожной неуверенностью. Кайтриона и Олвен сели на два единственных стула у кухонного столика — два, потому что нам никогда не нужно было больше. Они смотрели в пустоту, будто ждали приказа. Я налила всем воды, но никто не притронулся.

Нив устроилась на диване, освободив мне место рядом. Мы склонились друг к другу, головами касаясь, и молча наблюдали, как Грифтлет исследует квартиру.

Из-за стены, что соединяла нас с соседями, донёсся голос телевизора:

— …сообщения из Гластонбери только начинают поступать. Минувшей ночью официальные лица заявили, что массивный сейсмический толчок обнажил руины древнего поселения и леса. Сейчас у нас прямая трансляция с места событий…

— Святые мощи, — прохрипела я. — Они что, увидят всё в башне? Книги? Источники?

— Всё, что по-прежнему обладает магией, останется скрытым от тех, кто не наделён Истинным Зрением, — сказала Олвен. — Всё, что было сделано руками, — нет.

Она крепко сжимала на коленях корзину с сосудом Вивиан, её ноги подрагивали от нерастраченного адреналина. Сосуд разбился от взрыва магии во время ритуала… но она всё равно взяла его с собой.

— Мне так жаль, — выдохнула Нив. Внутри неё что-то надломилось, и слова вместе со слезами хлынули наружу. — Если бы я не настаивала на ритуале… всего этого не случилось бы. Прости. Прости меня…

— Нет, — сказала я. — Это не твоя вина. Это я пошла за атамом.

— А я — та, кто боролся за ритуал, — сказала Олвен, её лицо исказилось от боли. — Я не усомнилась в том, кто он такой. Даже не заметила, что у него была рука, которую он якобы потерял… Что я за лекарь такая?

— Почему бы нам было сомневаться? — бросила Кайтриона. — Только Верховная Жрица видела живого Артура и настоящего Бедивера. А Лорд Смерти позаботился о том, чтобы она умерла до того, как он пришёл в башню.

Она поднялась со стула и зашагала по комнате, глядя на каждую из нас по очереди.

— Послушайте меня. Мы не будем играть по его правилам. Мы не станем тащить на себе вину за то, что сделал этот монстр. Мы можем лишь исправить то, что он исказил.

Я нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы выпустили Лорда Смерти в этот мир. Вместе с Детьми. Что бы он ни задумал для колдуний, для всего этого мира — мы его остановим. И мы вернём Кабелла.

Я закрыла глаза и выдохнула, дыхание сбилось.

— Я не уверена, что мы можем.

Тот брат, которого я знала… он бы не позволил последним выжившим из Авалона погибнуть.

— Он может быть под властью Лорда Смерти, — сказала Нив, вытирая глаза о разорванный рукав. — Как и Дети.

Мне хотелось в это верить… но этот взгляд в его глазах… *Вы заставили меня чувствовать себя чудовищем.*

— Тело в гробнице короля Артура, — тихо произнесла Нив. — Наверное, это и был настоящий Бедивер.

— Думаю, ты права, — кивнула я. — И полная история, скорее всего, выгравирована на недостающем фрагменте сосуда. Тот, что нашла Фли.

Кайтриона провела рукой по спутанным волосам.

— Но у нас нет способа вызвать отголоски. Сосуд разбит.

Косторез обожал сложные задачи… хотя я не знала, справится ли он с этой.

— Начнём с того, что найдём того, кто, как я думаю, сможет его починить. А потом предупредим Совет Сестер.

— Уверена, они уже знают, — отозвалась Нив. — Взрыв магии был достаточно громким сигналом. Да и у колдуний тоже кабельное телевидение.

— Мы все согласны? — спросила я.

Странное, дрожащее чувство разлилось в груди от одного этого слова. *Мы.* От мысли, что мы вместе это переживём.

— А до тех пор? — спросила Кайтриона, возвращаясь к столу. Олвен склонилась, положив голову на скрещённые руки.

— Мы отдохнём, — ответила я.

В изнеможённой тишине, что повисла над нами, голос диктора снова просочился сквозь стену:

— А сейчас мы перенесёмся на Даунинг-стрит, где в прямом эфире прозвучит заявление по поводу событий в Гластонбери этим утром…

Нив потянулась к своей поясной сумке и вытащила из неё старенький, поцарапанный CD-плеер. Она протянула мне один наушник, второй приложила к уху и включила музыку — нежную, снывную, растущую, как дыхание космоса. Громкость всё росла, и голос диктора наконец исчез, уступив место голосу певицы, напевавшей о жемчужных каплях росы.

И на один короткий, хрупкий миг даже память отпустила меня — и растворилась.

***

После того как я поставила телефон на зарядку, пошарила в своей комнате в поисках налички и направилась к нашему углу с письменными столами.

Я замедлила шаг, подходя ближе, и невольно расширила глаза, заметив акриловые ящики, в которых Кабелл хранил свои кристаллы. Благодаря Видению я увидела то, чего раньше не замечала — некоторые из них пульсировали, словно пламя было заключено в камень.

Больше я не захотела на это смотреть. Ни на кристаллы, ни на засохшее пятно от пятновыводителя на ковре — след от моей крови, оставшейся после той драки с братом, которую я едва пережила.

Порылась в хаосе собственного ящика и наскребла достаточно однодолларовых купюр, чтобы заказать пиццу. Пока ждала, когда включится телефон, слушала, как Кайтриона ругается на душевая кран на другой стороне стены.

Нив и Олвен уже отмылись и переоделись в наши с Кабеллом вещи. Пока они тихо болтали на диване, я вернулась на кухню убирать оставленный мной бардак.

Я достала веник и совок, смела осколки цветочного горшка, землю, сморщенные останки Флоренс и, кажется, след мёртвых муравьёв. У двери скопилась стопка писем за почти три месяца, но на полу также валялись конверты, упавшие в ту самую последнюю ночь перед отъездом, вместе с моей сумкой и колодой Таро.

Грифлет игрался с шнурками моих ботинок, пока я собирала всё это в охапку. Я уже собиралась подняться, как вдруг заметила карту, наполовину спрятанную под холодильником. Дыхание застряло в горле, когда я перевернула её.

Луна.

Старое чувство снова всплыло — оно ворочалось в животе, как водоворот, кружило голову. Я провела пальцем по изображению — луна, башни, синие холмы. Волк и пёс.

Как только я прикоснулась к карте, в сознание ворвался другой образ, наполненный тьмой. Другая луна — узкий серп, поглощаемый растущей тьмой звёздной ночи. Под ней по полю тумана неслись чёрные псы, воя на тень впереди.

Назови моё имя.

Ответом стал шёпот незнакомого женского голоса, песня, угасающая в тишину.

Лорд Смерти.

— Тэмсин?

Я вздрогнула, вырвавшись из оцепенения.

— Тэмсин? — снова позвала Нив, выглядывая из-за дверного проёма. — Кажется, кто-то у двери?..

Раздался ещё один стук.

— А, это, наверное, еда, — пробормотала я, стряхивая оцепенение. — Быстро они.

Я встала, смахнула пыль с грязных джинсов и прошла мимо Нив, ощущая, как сердце всё ещё колотится в груди.

Вытащив деньги из кармана, я отперла дверь.

— Извините за… — начала я.

Купюры выскользнули из пальцев и рассыпались по полу.

На пороге стоял мужчина в мятом костюме, нервно вертевший в руках шляпу. Но я не могла оторвать взгляда от его лица.

— Что… — прошептала я, не в силах вдохнуть. — Что ты…

Он выглядел моложе, чем я его помнила. Линии на лбу разгладились, исчезли многочисленные шрамы. Кожа была свежей, живой — ни следа ни от загара, ни от мертвенной бледности человека, запершегося в комнате с бутылкой рома. И его глаза… серебристо-голубые, сверкающие эмоцией и узнаваемым юмором.

Нив и Олвен настороженно замерли за моей спиной, изучая незнакомца.

Не незнакомца.

Нэш. Живой. Нэш.

— Тэмси, — сказал он хрипло. — Боги… ты так выросла.

Если бы я была хоть немного менее потрясена, если бы могла хоть на шаг отойти, я бы захлопнула дверь прямо перед его носом.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула я. — Ты умер.

— Да, насчёт этого… можно я войду? — спросил он, бросив тревожный взгляд на улицу. — Нам нужно поговорить. Это важно.

— Время для разговоров было семь лет назад, — процедила я. — До того как ты нас бросил.

Он закрыл глаза и медленно вдохнул.

— Я искал Кольцо Рассеяния.

— Знаю, — перебила я, сжимая ладонь на ручке двери. — Чтобы снять проклятие с Кабелла.

Когда он снова открыл глаза, в их серебристой глубине уже не было ни капли лёгкости. Только невыносимая серьёзность.

— Нет, Тэмсин, — сказал он. — Чтобы снять твоё.